КОСЫГИН

Виктор Андрианов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Алексея Николаевича Косыгина по праву называют лучшим главой правительства в России XX века. О его жизни и деятельности, о загадках политического долгожительства на советском Олимпе писатель Виктор Андриянов рассказывает, основываясь на неизвестных архивных документах, воспоминаниях родных и близких, соратников и товарищей А. Н. Косыгина.

В книге использованы фотографии из личных архивов Т. Д. Гвишиани-Косыгиной, а также И. П. Казанца, Е. А. Козловского и автора.

-
- ПРЕДИСЛОВИЕ
- РОДОСЛОВНАЯ
- «НАПРАВИТЬ В РАСПОРЯЖЕНИЕ СИБКРАЙСОЮЗА»
- ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ИНЖЕНЕРА-ТЕХНОЛОГА
- КОВЫЛЬ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА
- РАБОТАЛИ, КАК СРАЖАЛИСЬ
- «КОМИССАРОВ — ЧЕРТОВА ГИБЕЛЬ»
- «НЕ ВАМ СУДИТЬ О СТАЛИНЕ…»
- ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР СТРАНЫ
- ТРИУМВИРАТ
- «БЛАГОСЛОВЕННЫ ТЕ, КТО ТРУДИТСЯ РАДИ МИРА»
- КЛАВОЧКА
- ХРУСТЯЩИЕ СИМВОЛЫ
- ПРАЖСКАЯ ВЕСНА
- ТОЛЬКО ОДИН ГОД
- ПОДПИСЬ ПРЕМЬЕРА
- ЛЮСЯ
- «СПОРЬ СО МНОЙ, ВОЗРАЖАЙ!»
- «НАРОД ТАКИХ ВЕЩЕЙ НЕ ПРОЩАЕТ»
- ПО КАРТЕ КОМАНДИРОВОК
- ПОСЛЕДНИЙ ГОД
- ТАТЬЯНА
- ЭПИЛОГ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. КОСЫГИНА
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

Посвящается 100-летию со дня рождения Алексея Николаевича Косыгина

Книга издана по инициативе президента Российского союза товаропроизводителей, депутата Государственной Думы, Председателя Совета Министров СССР (1985–1990) Н. И. Рыжкова

ПРЕДИСЛОВИЕ

16 марта 1943 года господин Николс, редактор «Биографической энциклопедии мира», город Нью-Йорк, США, отправил письмо в Москву Алексею Николаевичу Косыгину.

«Его Превосходительству А. Н. Косыгину.
Наркомат текстильной промышленности
Союза Советских Социалистических Республик.

Ваше Превосходительство,

Имею честь информировать Вас о том, что Ваше имя предложено включить в 3-е издание энциклопедического словаря мира, посвященного лицам каждой страны, чьи достижения в соответствующей отрасли заслуживают признания.

Пожалуйста, заполните и возвратите приложенную карточку-анкету.

Если позволит время, я буду рад послать Вам корректуру Вашей отредактированной биографии перед публикацией.

Это Вас ни в коей степени не обязывает.

Уважающий Вас

Николс, редактор.

P.S. Вы можете послать также одну из Ваших фотографий».

К письму прилагалась анкета с дюжиной вопросов:

«Имя (полностью)_____
Звание (или профессия)_____
Адрес (служебный)_____
Место жительства _____
Год рождения_____
Родители — отец_____ мать (девичья фамилия)_____
Происхождение (пожалуйста, упомяните заслуживающие внимания факты о Ваших предках)
Образование_____
Семейное положение_____ девичья фамилия жены _____ дата женитьбы_____
Дети_____
Начало профессиональной деятельности (карьера;

перечислить все занимаемые должности с указанием дат).

Судя по тому, что английский оригинал анкеты и русский перевод так и остались в делах секретариата Косыгина, ответа г-н Николс не дождался. Можно лишь представить, как улыбнулся Алексей Николаевич, когда в двенадцатом часу ночи зав. секретариатом докладывал ему, заместителю Председателя Совнаркома, почту. Улыбнулся и опять — к текущим делам: отчеты, телеграммы уполномоченных СНК о ходе отгрузки дров для Москвы; Тамбовский обком партии просит для детдомов 1300 пар кожаных ботинок, 1000 пар валенок, материала для простыней 3600 метров; остановился Барнаульский меланжевый комбинат — нет электроэнергии — «Выполнение планов спецзаказа под угрозой полного срыва»…

Впрочем, десяток-другой минут для того, чтобы заполнить анкету, он мог бы и найти. Но адресована она, во-первых, была наркому, а он уже три года как не нарком. Во-вторых, Алексей Николаевич за эти же три кремлевских года немножко присмотрелся к нравам здешних обитателей. И в-третьих, он не торопился на страницы «Биографической энциклопедии мира», в компанию «выдающихся мужчин и женщин каждой страны», потому что был скромным человеком не для виду, а по своей натуре. «Гроша не стоит, а глядит рублем», — говаривал отец о спесивых.

«Фотограф печатает снимки» — так называется одно из стихотворений почти забытого сейчас советского поэта Владимира Луговского, автора знаменитой «Курсантской венгерки», «Синей весны», «Костров» и многих-многих других славных стихов. Они, уверен, еще вернутся к нам, как и эти бесхитростные строки о фотографе, который в ночной редакции печатает снимки.

Владельцам цифровых камер этот увлекательный процесс совершенно незнаком. А я до сих пор помню, как, получив в подарок свой первый фотоаппарат, популярный в то время «ФЭД» (их выпускал завод имени Феликса Эдмундовича Дзержинского), обзавелся бачком для проявления пленок, реактивами, фотоувеличителем и устроился в крохотной ванной печатать снимки. Перекладываешь в ванночку с проявителем листок белой бумаги, на котором поначалу ничего не видно, и вдруг, как бы ниоткуда, в багровом свете начинают проступать лица людей.

Они выплывают нежданно,
Как луны из пустоты…

Как будто со дна океана,
Средь них появляешься ты.

Из ванночки, мокрой и черной,
Глядит молодое лицо.

Порывистый ветер нагорный
Листвой засыпает крыльцо…

И люди, еще невидимки,
Торопят — фотограф, спеши!
Фотограф печатает снимки,
В редакции нет ни души.

Сейчас я сам себе напоминаю того фотографа. Только вместо фотопленок на моем рабочем столе блокноты Косыгина, письма, тома мемуаров, старые газеты и журналы, кассеты, на которых записаны десятки встреч с людьми, теми, кто знал Алексея Николаевича, работал вместе с ним. И мне предстоит теперь «проявить» все это, выбрать главное, чтобы рассказать о человеке, действительно достойном «Биографической энциклопедии мира». Один из моих собеседников, в прошлом министр черной металлургии Советского Союза Иван Павлович Казанец, как-то обронил: «Я знал двух Косыгиных. Один — внешне всегда суровый, даже угрюмый государственный деятель. И второй — очень мягкий, казалось, ничем не защищенный человек — муж, отец, дед».

Это не тот случай, когда одно лицо, словно маска, прикрывает другое. Косыгин был естественен всегда. Но одни его знали только как мастера, директора, наркома или министра, зампреда Совнаркома, Председателя Совета Министров СССР, а для других, очень немногих, он был просто Лешей, как называла его жена, как подписывал он письма отцу, брату, сестре…

«За много лет ни я, ни другие его заместители, которые жили в одном доме по Воробьевскому шоссе (ныне улица Косыгина. — *В. А.),* ни разу не бывали в его квартире, — признался Николай Константинович Байбаков, председатель Госплана СССР. — И только дважды, в его два последних юбилея, я побывал у него на даче. За праздничным столом, после одной-двух рюмочек коньяка он несколько «раскрывался». От внешней суровости не оставалось и следа, он искренне улыбался, лицо светлело от душевной теплоты, и он становился в чем-то похожим на человека, пришедшего с приятного свидания».

Может показаться, что дом Косыгиных был закрыт для всех. Но это совсем не так. Просто Алексей Николаевич почти никогда не приглашал к себе людей, с которыми работал. «Он, видимо, считал, что эта близость домами будет связывать его в работе, — замечала его дочь Людмила Алексеевна Гвишиани-Косыгина, — а этого он никак не мог себе позволить». Дом Косыгиных был открыт для друзей — сибирских, питерских, московских… Алексей Николаевич и Клавдия Андреевна любили принимать гостей и принимали их по-русски хлебосольно. А когда гости расходились-разъезжались, он еще на час-другой садился за бумаги.

Всю жизнь для Косыгина главным было Дело: кооперация, текстильная и другие отрасли, которые непонятно почему обозвали легкой промышленностью, наконец, все народное хозяйство страны, в котором он по праву был главным инженером. Даже в свои последние дни он говорил с родными и редкими гостями о новой пятилетке: какой она будет?

Свой первый жизненный выбор Алексей Косыгин сделал в пятнадцать лет: как и его одногодок Аркадий Гайдар, как тысячи и тысячи безвестных ребят из рабочих семей, записался в Красную Армию, защищал Петроград, Октябрьскую революцию. А когда догорела Гражданская война, снова пришло время выбирать. Надо учиться, но чему? Военному делу? Но армия с ним рассталась. «В 1921 году был демобилизован из 61 военно-полевого строительства из г. Мурманска, как не достигший призывного возраста», — писал Алексей Косыгин в автобиографии в пору своей недолгой партийной работы в 1938 году. Учиться рабочей профессии? Или кооперации? Это, говорит Владимир Ильич Ленин, путь к социализму. В двадцать первом Косыгин поступил в кооперативный техникум. А до этого, вспоминал Председатель Совета Министров СССР, «торговля, потребительская кооперация были мне совершенно чужды». С дипломом техникума Косыгин уезжает в Сибирь: Новосибирск, Киренск — старинный русский город на реке Лене, — снова Новосибирск. В Сибири он встречает свою судьбу — Клавочку, Клавдию Андреевну. 4 ноября 1928 года у них родилась дочь Людмила. В тридцатом Косыгину пришлось, как он сам однажды заметил, «покинуть ряды кооператоров», и втроем они вернулись в Ленинград. «Советской стране нужны свои инженеры», — писали тогда газеты. Алексей поступает в Ленинградский текстильный институт. Никакая цыганка не смогла бы ему нагадать то, что случилось к концу этого десятилетия…

1931-й Косыгин встречает студентом, правда, за его спиной — в отличие от многих сокурсников — армия, техникум и шесть

лет самостоятельной работы; в 1939-м он уже нарком Союза.

Косыгину, наверное, повезло в 30-е годы и после Великой Отечественной войны, когда его миновало страшное «Ленинградское дело». Алексей Николаевич был готов ко всему, и могло случиться так, что он разделил бы судьбу Кузнецова, Вознесенского и других близких товарищей, казненных по этому неправому делу. К счастью, судьба отвела черную метку.

Переберите, сколько известных вам очень больших начальников работали со Сталиным, Хрущевым, Брежневым. О многих ли сохранилась в народе добрая память? О Косыгине, Завенягине, Засядько, Малышеве, Рыжкове, да и многих, многих других сохранилась. Не соглашусь с Серго Берией, который в мемуарах о своем отце написал так: «…находясь в числе руководителей СССР, невозможно было не испачкать себе рук».

На долю Косыгина выпали, как сказали бы раньше, три царствования: Сталин — Хрущев — Брежнев.

Сталин мог не знать о назначении нового заведующего промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б) — не его уровень, да и в те годы, 37—38-й, пачками менялись не только завы, но и секретари, наркомы, вчерашние герои в одночасье становились «врагами народа». Однако о кандидатуре председателя Ленинградского горисполкома, второго города страны, конечно, знал — со слов Микояна. Как и обо всех последующих перемещениях Косыгина. Точнее, не просто знал, теперь он вел его: нарком текстильной промышленности, член ЦК партии (избран на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г.), заместитель председателя Совнаркома СССР (И. В. Сталина), председатель Совета по товарам широкого потребления при СНК СССР (апрель 1940 г.)… После Великой Отечественной войны кандидат в члены Политбюро (март 1946 г.), заместитель Председателя Совета Министров СССР (председатель по-прежнему Сталин), член Политбюро (февраль 1948 г.)… На последнем при жизни Сталина пленуме ЦК КПСС избран кандидатом в члены Президиума ЦК.

В марте 1953-го, после смерти Сталина, Косыгин «всего лишь» — министр легкой и пищевой промышленности СССР. «А я-то помню, как Сталин говорил о вас: вот наш будущий премьер», — бросил ему однажды с неприкрытой ехидцей Хрущев. Но и он вскоре оценил опыт и знания Алексея Николаевича. К концу того же года — вновь заместитель Председателя Совета Министров СССР (Н. С. Хрущева), с мая 1960-го — первый зам. председателя Совмина, член Президиума ЦК. Он «никогда ни к кому не приспосабливался, — замечал Джермен Гвишиани, человек, который знал Косыгина три десятка

лет. — Он оставался прежде всего честным и добросовестным специалистом, ответственным за порученное дело».

Очень точно это слово — честность — в характеристике Косыгина. Она не декларировалась, не выставлялась напоказ, а была сутью этого человека во все годы его жизни. Вслед за Тургеневым (из переписки с Герценом) он мог бы повторить: «… без честности нельзя, как без хлеба». Бесспорно, Алексей Николаевич разделял такое отношение к жизни.

Октябрь 1964-го… Косыгин — Председатель Совета Министров, член Политбюро… В эти годы всходили и закатывались звезды Козлова (кто помнит сегодня некогда всесильного Фрола Романовича?), Семичастного и Шелепина (комсомольские лидеры, потом шефы КГБ)… Ушел на пенсию Микоян, ушли Подгорного, Председателя Президиума Верховного Совета Союза… Все так же шаркал от Александровского сада до Старой площади в своем длинном пальто серый кардинал Суслов…

А Косыгину предстояло вести экономику, защищая хозяйство страны от дилетантов. И делал он это мудро и мужественно, не теряя достоинства. Конечно, эпоха оставила на его характере свой след. «Алексей Николаевич был невероятно осторожен, никогда не допускал каких-то двусмысленных выражений, говорил сугубо о деле. Эта осторожность, как мы считали, дала ему возможность сохранить равновесие в разные эпохи», — так считает Юрий Петрович Баталин, в косыгинское время первый заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Союза, затем — председатель Госстроя, зам. председателя Совмина СССР.

Так думают и многие другие мои собеседники, те, кто знал Косыгина в основном по службе. Он и в домашнем кругу никогда не перебирал косточки «олимпийцам» — и не потому, что боялся, знал о «прослушках», нет. Это было чуждо его натуре.

Председателю правительства по должности положено быть дипломатом. Но много ли мы видели в нашей давней и недавней истории лиц, которым по плечу оказалась эта ноша — представлять Россию?! По пальцам одной руки пересчитаешь. Косыгин-дипломат среди них. И об этом тоже надо рассказать, и о том, как партвожди мешали ему, а в конце концов — всей стране.

Алеша Косыгин родился 21 февраля тысяча девятьсот четвертого года. Был третьим ребенком в рабочей семье Николая Косыгина, выходца из крестьян Московской губернии. О своих предках господину Николсу он мог бы рассказать немного: пахали чужую землю, работали на чужих заводах.

Сколько было, интересно, у него ровесников? Поискал ответ в справочниках: оказалось два миллиона. Среди них, например, Татьяна Пельтцер, знаменитая актриса, Николай Островский и Аркадий Гайдар, поэты Микола Бажан и Александр Жаров, нобелевский лауреат, физик Павел Черенков, наркомы и министры Союза Петр Ломако, Ефим Смирнов, Михаил Первухин, маршал Пересыпкин, математик Людмила Келдыш… Конечно же, это далеко не полная выборка, лишь часть имен, которая бросилась в глаза, когда листал энциклопедии.

Ровесники нового века, такого непохожего, как писал Александр Блок, на лицо предыдущего века, девятнадцатого. Что ждало детей переломного времени? Их отцы уходили на Японскую и на Первую мировую войну. Подростками эти ребята встретили Февральскую и Октябрьскую революции, успели повоевать в Гражданскую, во весь рост встретили Великую Отечественную. Через их жизнь прошли пятилетки и чистки, их выбивал большой террор и вдохновляла большая работа. Нет, не только работа. Работа и любовь, как писал Ярослав Смеляков.

Не знаю, читал ли Алексей своей Клавочке Смелякова или Пушкина, Блока или Тютчева, выдумывать не буду. Но то, что через всю свою жизнь они пронесли настоящую любовь, — это правда. Каждый день, точнее, каждый вечер, когда Алексей Николаевич возвращался с работы, она принаряжалась, чтобы встретить его, и внучке своей, Танечке, наказывала: «Выйдешь замуж, вот так мужа встречай». Этот был тот, увы, нечастый случай, когда две половинки счастливо нашли друг друга.

Алеша очень рано потерял маму. Отец, Николай Ильич, всего себя посвятил детям, но даже большое отцовское сердце не заменит материнское. Мне кажется, Клавдия Андреевна и ее мама Евдокия Прохоровна сумели вернуть Алеше, Алексею Николаевичу утраченное материнское тепло. Простые сережки Алешиной мамы долго хранились в их семье, теперь они — в доме внучки Косыгина, Татьяны Джерменовны.

Косыгин много раз, выполняя поручения Сталина, Государственного Комитета Обороны (ГКО), летал в блокадный Ленинград. Позже я расскажу об этом подробнее, а сейчас только одна деталь из январских дней 1942 года, подмеченная спутником Косыгина — Анатолием Сергеевичем Болдыревым. По стылой улице двое парнишек тянули санки, на которых лежал их братишка или сосед. Типичная для тех дней картина. Так свозили покойников по всему городу. Что-то заставило Косыгина остановиться у этой горестной процессии и спросить, кого везут хоронить. Ребята еще не успели ответить, как Алексей Николаевич заметил, что у мальчика, лежащего на санках,

дрогнуло веко. Может быть, в эти последние мгновения уходящей из него жизни, сквозь забытье, он услышал голос, похожий на отцовский? Алексей Николаевич взял ребенка на руки, тот стал приходить в себя. Косыгин распорядился, чтобы мальчика отогрели, покормили, а затем эвакуировали из Ленинграда.

Есть такое классическое выражение: мертвые открывают глаза живым. Да, эта истина не раз находила свое подтверждение, но, право, дороже, когда живые открывают глаза мертвым, возвращая их к жизни, как это произошло на скованной морозом улице блокадного Ленинграда. И в других обстоятельствах, пусть не столь трагичных, Косыгин всегда приходил на помощь людям, трудовым коллективам, отраслям. Образно говоря, он старался открыть глаза и советской экономике, и делал для этого все, что мог.

…Первая книга о Косыгине, небольшой сборник воспоминаний, вышла только в 1997 году, через семнадцать лет после его смерти, когда уже не было страны, ради которой он жил. Очень добрая, цельная, емкая книга, ее задумал и составил Тимофей Иванович Фетисов, но выхода из печати не дождался… Не допишут уже свои воспоминания Людмила Алексеевна Косыгина и Джермен Михайлович Гвишиани, но спасибо им огромное и за то, что они успели написать и рассказать.

«Сухие биографические данные, которые бесспорно нужны, чтобы составить изначальное представление о человеке, все-таки не дают многого для понимания личности, — замечала Людмила Алексеевна. — Важно представить особенности того времени, в которое пришлось ему работать, воссоздать весь его облик, который складывается из многих черт — и манеры поведения, и конкретных поступков, как в период успеха, так и в экстремальных ситуациях. И приоритетов личных ценностей и целей жизни».

«Фотограф печатает снимки…». Вглядимся в лица, вернувшиеся к нам из небытия, из ушедшего навсегда времени. В этих ребятишек с Петроградской стороны, в красноармейцев и кооператоров, в студентов и инженеров… Сфокусируем объектив на одном из них — Алеше, Алексее Николаевиче Косыгине…

РОДОСЛОВНАЯ

Тихий переулок в самом центре Москвы, за старыми корпусами Московского университета. Из конца в конец, от Воздвиженки до Большой Никитской, по Романову пройдешь за пять-шесть минут. Но здесь лучше не спешить…

Вот ротонда наугольного дома, характерного для восемнадцатого века. Отсюда могли любоваться Кремлем, московскими далями граф Шереметев и его венчанная супруга, вчера еще крепостная актриса Жемчугова (Ковалева). О них напоминает мемориальная табличка. Другая, чисто служебная, извещает, что здесь располагается Департамент инвестиционных программ строительства города Москвы. Московские строители по старым чертежам любовно восстановили архитектурный шедевр, разваленный временем, коммуналками, беспамятными конторами.

А дальше, к Большой Никитской, — череда мемориальных досок. Дом увешан ими, как боевой маршал орденами. «Здесь жил маршал Советского Союза Тимошенко». Маршал Буденный. Маршал Ворошилов. Председатель Совета Министров СССР Косыгин. Заместитель Председателя Совета Министров СССР Малышев. Секретарь ЦК ВКП(б) Кузнецов. Председатель Госплана Вознесенский…

Да, они жили здесь, но вовсе не в Романовом переулке, а на улице Грановского. И соединяла она не Воздвиженку с Большой Никитской, а улицу Калинина и улицу Герцена.

На новой карте Москвы этих названий нет. В 1920 году Моссовет переименовал Большую Никитскую, разделявшую корпуса Московского университета, в улицу Герцена, а соседний Романов переулок — в улицу Грановского; в 1994-м московская мэрия вернула им старые названия. Тогда же улица Калинина снова стала Воздвиженкой.

На смотрины наркомовского жилья Косыгиных привел то ли комендант, то ли домоуправ, одетый по служивой моде в «сталинку», чиновный мундир эпохи. Держался он подобострастно, но и с некоторым — странным в этом сочетании — чувством превосходства.

— Что это он ломается? — спросил Косыгин Клаву, когда сопровождающий, показав их пятикомнатную роскошь, растворился. Прощаясь, комендант таинственно прошептал, что в этом доме, раньше он назывался доходным, есть квартиры по десять — и даже пятнадцать комнат! Клавдия Андреевна хорошо

понимала людей. Наверное, товарищ многих приводил в этом дом, сказала она, но кое-кому и помогал уходить. И показала на дверь, которая вела из кухни на черную лестницу. Ее было велено ни в коем случае не забивать. Потом говорили, что по таким лестницам уводили председателя Госплана Вознесенского, секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова… Увели. Поставили где-то к стенке. А потом — спасибо! — приставили к стене… Черный ход в своей квартире Косыгин забил лишь после марта пятьдесят третьего года. Сам взялся за молоток.

Спустя несколько месяцев в доме на Грановского стали выковыривать «прослушки». Сначала из квартир маршалов Буденного, Жукова и Тимошенко.

«Совершенно секретно экз. № 2

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.

По вопросу об установлении аппаратуры подслушивания в доме № 3 по улице Грановского докладываем.

В архивных материалах 2 Спецотдела МВД СССР обнаружены документы, утвержденные Кобуловым и Абакумовым по установке оперативной техники (подслушивания) на квартирах тт. Буденного, Жукова и Тимошенко, проживающих в этом доме.

28 сентября и 2 октября 1942 года Кобуловым утвержден план организации установки аппаратуры подслушивания на квартире т. Буденного. Этим планом было предусмотрено устройство техники подслушивания в квартире т. Буденного через квартиру № 93. Причем работы по установке аппаратуры подслушивания проводились под видом ремонта отопительной системы.

5 июня 1943 года Абакумовым утвержден план дополнительных мероприятий по установке техники подслушивания в квартире т. Буденного с использованием квартиры № 89.

Для организации подслушивания в доме № 3 по улице Грановского была занята отдельная комната, в которой было смонтировано оборудование специальной техники.

Во 2 Спецотделе МВД СССР обнаружены также документы об установке аппаратуры подслушивания на квартирах у т.т. Жукова и Тимошенко.

После ареста Берия, как только нам стало известно о наличии аппаратуры подслушивания у т.т. Буденного, Жукова и Тимошенко, сразу же были приняты следующие меры: обрублены провода, ведущие к аппаратуре,

специальное оборудование в отдельной комнате демонтировано и вывезено, а комната сдана коменданту дома.

Прилагаем: дело № К-960 об установке аппаратуры подслушивания на квартире т. Буденного в двух томах — на 13 листах и на 11 листах, дело Гордец № 584 (кв) об установке аппаратуры подслушивания на квартире т. Жукова на 14 листах и рапорта начальника 9 Управления МВД СССР т. ЛУНЕВА и начальника 2 Спецотдела МВД СССР т. ЗАБОЛОТНОГО об обнаружении и снятии техники подслушивания в доме № 3 по улице Грановского.

С. КРУГЛОВ
Н. СЕРОВ
23 июля 1953 года
№ 283/к»
(РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 27. Л. 1–2).

Конечно, в «отдельной комнате», где слухачи днем и ночью несли свою службу, прослушивали не трех маршалов, не три квартиры, а весь огромный дом. Секретом это могло быть только для очень наивных. Но такие здесь не селились.

И все же Клавдии Андреевне полюбился этот уголок в двух шагах от Кремля, Манежной площади, консерватории, понравилась квартира с окнами во двор, больше похожий на уютный сквер. С годами на Малой Бронной, Алексея Толстого и других заповедных улочках стали прорастать, выделяясь, как красавицы среди дурнушек, элитные высотки. Соседи чередой начали перебираться туда, где жить было престижней. Клавдия Андреевна не поддалась общему настроению. Тем более — Алексей Николаевич. В домашних делах он полагался на жену: «Как Клавочка скажет, так и будет».

Собираясь с работы, Косыгин всегда звонил домой: «Я выезжаю, Клавочка» и она выходила во двор, если в эти дни они были в городской квартире, или к воротам дачи, если жили в Архангельском. И сейчас, после звонка Клавдия Андреевна, накинув платок, вышла во двор, присела на лавочку. Няни уводили заигравшихся детей. Пожелтевший кленовый лист неслышно покружился и упал у ее ног.

Алексей Николаевич обычно выходил из машины, не заезжая во двор. Хлопнула дверца и снова за каким-то окном заголосила радиола: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?» Клавдия Андреевна шагнула навстречу другой улыбке — не придуманной, не сочиненной для модной песенки, а такой искренней и открытой, какой в мире больше нет ни у кого. Алексей Николаевич успел

оценить ее новую прическу (спасибо, отозвалась в душе Клава).

— Ты у меня все молодеешь! — похвалил жену Алексей Николаевич, и она зарделась от нежности, так что даже мочки ушей, никогда не знавшие сережек, покраснели.

Пока они шли к подъезду в глубине двора, Клавдия успела пересказать семейные новости: была у Люси и Джерри, повидала Танечку и Алешку — парня в школе хвалят, а Таня все допытывается, когда опять пойдет с дедой «лыбку ловить».

В кухне уже пыхтел самовар — это расстаралась Евдокия Прохоровна, такая же любительница почаевничать, как и зять. Самовар у Косыгиных был медный пузатик, не электрическая подделка, а настоящий самограй, с трубой и жаровней, их первая семейная покупка. Сработанный где-то «во глубине сибирских руд» самоварец согревал молодую семью в Киренске, потом в Ленинграде и вот теперь в Москве. Самоварничала баба Дуся, дю-баба, так ее звали внуки. Разливала кипяток, предлагала заварку, сахар… Алексей Николаевич попросил еще стакан. Кто не знал его секрета, удивлялся, как он пьет такой обжигающий чай. Но всем ведь объяснять не станешь: еще в юности цинга, свирепствовавшая в Петрограде, забрала чуть ли не все зубы.

— Спасибо, — сказал Алексей Николаевич. — Я пойду еще позанимаюсь…

Евдокия Прохоровна сложила посуду в раковину. Помолчав, поделилась с дочерью своей тревогой.

— Я не стала говорить при Алеше (так она называла зятя только за глаза, а к нему с первых дней знакомства обращалась только по имени-отчеству) — сон мне сегодня приснился нехороший, будто Николая Ильича постригли наголо…

Она еще вспоминала какие-то подробности своего сновидения, когда прерывистым, как автоматная очередь, звонком взорвался телефон:

— Москва? Вас вызывает Ленинград…

Косыгин взял трубку.

— Алеша? Это я, Маруся. Папа умер!

Николай Ильич давно болел, но, несмотря на хвори, наотрез отказывался переезжать в Москву. Старик был упрям и горд: не хочу никому быть обузой.

Дом на Малой Вульфовой

— В Питере родился, в Питере меня и похороните.

Для Николая Ильича это был его город привычных лиц (выражение Генриха Бёлля). Только почти все они остались в

прошлом. В довоенных годах. Вернувшись в сорок пятом из эвакуации (старик с больной дочерью был в Новосибирске, у Евдокии Прохоровны), он почти не нашел старых приятелей. Одни не пережили блокаду, другие погибли на фронтах или в эвакуации…

Чьи лица виделись Николаю Ильичу, когда, просыпаясь до рассвета, он слушал, как оживает трамвайное депо? Оно тянулось вдоль Малой Вульфовой, которая начиналась их домом, похожим на утюжок. (Сюда, на Петроградскую сторону, Косыгины перебрались в 1910 году.) Выезжает, бывало, на линию 6-й маршрут, вожатый мигнет дворнику синим огоньком: доброе утро, мы с вами раньше всех заступаем. Выглянет в окошко хозяйка оранжево-белых огней, это 21-й маршрут: «Что пишет Алеша, Николай Ильич?» — «Собирается скоро приехать!» В том круге привычных лиц был и весельчак-сапожник, над будкой которого в одно прекрасное утро появилась самодельная вывеска: «Сапожная мастерская имени Освобожденного Труда», и банщик с Большой Пушкарской — он гордился тем, что поддавал парку самому Шаляпину, были друзья-рыбаки, вместе с которыми промышляли корюшку…

В прежние годы Николай Ильич отправлялся со своей Вульфовой за Большую Невку, на завод «Новый Лесснер». После Гражданской войны, когда заводы стояли, он, квалифицированный токарь, не постеснялся взять метлу. Хоть и холодно, говорил, да не голодно.

Из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга мне прислали такую справку:

«В документах архивного фонда Ленинградского губернского финансового отдела, в списках совершеннолетних жильцов дома 1/20 ул. Малая Вульфова на 1 октября 1923, 1924, 1926 и 1928 гг. значатся: Косыгин Николай Ильич, 1869 г. рождения, дворник дома 1/20 по ул. М. Вульфова, № квартиры (помещения) 93; Косыгина Мария Николаевна, 1902 г. рождения, инвалид, находится на иждивении отца; Косыгин Павел Николаевич, 1898 г. рождения, в 1923 г. слушатель Петроградского сельскохозяйственного техникума, в 1924/25 г. слушатель электротехнических курсов, в 1926/27 г. монтер завода «Русский дизель», № квартиры (помещения) 93, с 1924/25 г. исправлено на № 78. В списках на 1 октября 1926 и 1928 г. значится Косыгина Антонина Васильевна, 1904 г. рождения (жена брата. — *В. А.),* находится на иждивении мужа».

Всех Косыгиных перечислила архивная справка, кроме одного — Алексея. Ему кооперативный техникум дал общежитие. А потом младший сын Николая Ильича получил направление в

Сибкрайсоюз и уехал в Новосибирск. Оттуда уполномоченный Обьсоюза Алеша Косыгин писал на Малую Вульфову отцу, сестре, семье брата. В этот дом он вернулся из Сибири. Сюда заезжал проведать родных директор фабрики, председатель Ленинградского горисполкома Алексей Николаевич Косыгин. По этому адресу он писал, став наркомом, заместителем председателя Совнаркома, Совета Министров СССР. Отсюда провожал в последний путь отца.

Улицу Котовского — так теперь называется прежняя Малая Вульфова, — и сейчас открывает тот самый дом-утюжок. С другой стороны улицы вековой кирпич огородил трамвайное депо. Продолжают свою гонку трамы — № 2, № 17, № 30… Типичная петербургская картинка: разбитые мостовые, нараспашку дверь в подъезд, раскуроченные почтовые ящики… Признаюсь, расхотелось заходить в этот дом, кого- то расспрашивать. Может быть, после центра, отмытого к 300-летнему юбилею, доберутся и до этих мест. И на доме, с которого начинается улица Котовского, появится табличка, напоминающая о том, что здесь жила семья Николая Ильича Косыгина, что в этих стенах провел детские и юношеские годы Алексей Николаевич Косыгин.

…С мужем на похороны полетела Клавдия Андреевна.

Свежий холмик в дальнем уголке Смоленского православного кладбища закрыли венки. С увеличенного портрета в простенькой рамке строго смотрел много поживший человек.

КОСЫГИН
НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ
9 МАРТА 1869 — 18 СЕНТЯБРЯ 1956

Это место рядом со своей Матроной он выбрал еще полвека назад. В девятьсот десятом похоронил здесь отца, Илью Терентьевича. И когда со Смоленского в тридцатые-сороковые годы ретивые власти «переселяли» покойников, когда хотели на могилах строить цехи, попросил сына — единственный раз — вмешаться. Смоленское сохранилось.

Вот и все, подумал Алексей Николаевич, теперь отец и мама рядом. Однолюбы.

…Вечером, провожая брата на поезд, Маруся передала Алексею Николаевичу пакет с фотографиями: «Леша, это из отцовского альбома».

Десятка два снимков за разные годы — питерских, сибирских, московских. Вот март двадцать пятого года, двое парней в тулупах и валенках, у одного, Феди Новикова, под мышкой — портфель, набитый бумагами. Это молоденькие инструкторы Обьсоюза, приехали в Барнаул поднимать потребительскую

кооперацию. Снялись на память. «Привет из Алтая. Дорогому отцу, — так написал Косыгин на обороте. — Леша. 10.III.25 г.».

Да, только отцу. Маму он помнил лишь по отцовским рассказам. Она даже не успела сфотографироваться со своими ребятишками и мужем. Все отговаривалась: «Вот привыкну к Коленькиным часикам, так и пойдем в фотографию все вместе». И теребила свои девичьи сережки — капельки бирюзы, в тон голубым глазам.

Коля подарил своей краснулюшке дивные часики — золотые, с крышечкой, и на золотой же цепочке. Матрона (на Матрёну она не отзывалась) все стеснялась выходить с ними на люди. К хозяевам, где она стряпничала, с таким украшением не заявишься, в соседский круг — тем более. Так и остался подарок в коробочке: сначала у детей, а теперь у внучки, Татьяны Джерменовны.

Вместе с ней мы осторожно открыли крышечку, к которой никто не притрагивался добрую сотню лет, завели часы и стрелки пошли по кругу, словно догоняя время. А со старой-старой фотографической карточки на нас смотрела молодая красивая девушка. Ей еще предстояло встретить своего Колю, родить Павлушу, Машу и Алешу, будущего Председателя Совета Министров будущей страны.

Это единственный снимок мамы Косыгина. Можно представить, как тщательно она зачесывала волосы, собирая их в тяжелый узел. Юбка — по последней моде — длинная, до полу, вся в оборках. Руки спокойно лежат на спинке стула. Сколько ей здесь? По-моему, лет семнадцать-восемнадцать. Трое сорванцов, мал мала меньше, после ее такой ранней смерти остались на отца.

Он сам поднимал их, Павлушку, Марусю и Алешу. Уходя на смену, Николай Ильич наказывал своим, заметно акая, как все коломенские:

— Не балуйтесь, ребята. — Сам он, правда, любил побаловать детей, оставшихся без матери. Соседи даже называли его баловливым отцом.

У многих здесь, на Саратовской улице — позади нынешней гостиницы «Санкт-Петербург», были коломенские корни. Там, по деревням оставалась родня. У Ильи Косыгина — в деревне Амеревой Парфентьевской волости Коломенского уезда Московской губернии. Там в 1898 году родился Павел, первенец в семье Николая Ильича.

Ходила молва, что амеревские любят позубоскалить, подурачить честной народ, подымать на зубки. Так это или нет, но Николай Ильич за словом в карман никогда не лез. Скажет как

припечатает. Старший сын подражал отцу. Уходя в гимназию, приказывал не шалить, по улице не слоняться, а то — пугал — сбалуют вас цыгане со двора, уведут, как щенят.

Угроза действовала недолго. Разве усидишь в четырех стенах, когда за окном так весело! Вышли во двор двое, девочка в длинном платье и мальчонка с льняными кудрями. Их окружили, завертели незнакомые, веселые люди, а через десяток минут девочка осталась одна. Ее братик доверчиво ушел с тетей в пестрой юбке, подавшей ему теплую, как мамина, руку.

Зареванная Маруся побежала к соседям. Пока спохватились, за развеселой компанией уже оседала пыль. Цыгане торопились к Большому Сампсониевскому проспекту. В урочный час его заполняют рабочие смены с заводов и фабрик, прильнувших к Большой Невке. Здесь они сливаются в один поток, как все Невки, Большая, Средняя, Малая, в Неву. Соседи едва успели отбить Алешу. Тот день Николай Ильич считал вторым днем рождения младшего сына.

Пожелтевшие с годами фотографии петербургских мастеров («На Невскомъ пр. 9 № 90, близъ Надеждинской… Летом въ Старомъ Петергофе по Знаменской ул. противъ дачи Принца Ольденбургского»; Р. Шарль, на Невскомъ пр., № 78) — спасибо им за то, что и сегодня можно вглядеться в эти лица, представить окружение, в котором рос Алеша Косыгин, его родных, тетушек — Прасковью Ильиничну и Марию Ильиничну.

А на этом снимке Николай Ильич со всей троицей. Старший, Павел, стоит чуть отстраненно, сжав руки. На нем гимназическая форма, ремень с большой пряжкой, такой удобной в драках. Младшая, Марусенька, на коленях у отца, серьезная девочка, в кружевной накидке. С другой стороны Алеша, он тоже вроде бы держится самостоятельно, но чуть прижался к отцу. А отец придерживает дочку правой рукой, левая свободно лежит на колене, сыновья предоставлены сами себе.

Первый снимок с отцом… И последний — это Джермен Михайлович, Джерри, как любила называть зятя Клавдия Андреевна, «остановил мгновенье». Действительно памятный кадр. Отец и сын полулежат в траве, опираясь на плечи друг друга. Вокруг еще зелено, но видно по одежде, что лето на исходе, или день выдался прохладный, как это случается даже в летней Москве. Николай Ильич совсем седой.

В тот день ему исполнилось 85. Шутил: после девяноста, может, к вам перееду. Он гордился сыном, но никогда не козырял его именем.

Дом на Грановского всегда был полон гостей — но чаще не Косыгиных, а Кривошеиных, родственников Клавдии Андреевны,

опекавшей близкую и дальнюю родню. Они обрушивались без звонков, раскладывали простенькие гостинцы, о чем-то хлопотали, но со временем поняли, что за протекцией сюда стучаться бесполезно — не в характере Косыгина такие дела. Помочь — да, достанет из своего кармана, сам, выбираясь в гости к родне, обязательно для каждого подарок припасет. И с любимой внучкой посоветуется:

— Ну, Татьяна, что кому подарим?

О чем напомнила расчетная книжка Николая Косыгина

Еще с конца 1965 года Председатель Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС Алексей Николаевич стал готовиться к докладу на XXIII съезде КПСС. Текст, как всегда, писал сам, а помощников просил подобрать статистику по различным отраслям, сравнительные данные за разные годы. Привычное для довоенных и первых послевоенных лет сравнение с 1913 годом постепенно уходило в прошлое. Теперь за точку отсчета бралось начало первой пятилетки. Но для раздела «Подъем материального и культурного уровня жизни народа в новой пятилетке» из ЦСУ прислали справку, в которой сравнивали нынешние реальные доходы рабочих и крестьян с 1913 годом. По расчетам статистиков выходило, что доходы рабочих (с учетом ликвидации безработицы и сокращения рабочего дня) выросли с 1913 по 1970 год в среднем в 8 раз, а доходы крестьян — в 12 раз.

Субботним утром на даче Косыгин правил доклад. Штатных консультантов и летописцев у него не было, в этот раз помогали Джермен Михайлович, Людмила Алексеевна и старый друг дома Теодор Ильич Ойзерман, известный философ. Он вспоминает, как возмутила статсправка Людмилу Алексеевну: «Она даже покраснела от возмущения, говорила, что эту явную дезинформацию кто-то нарочно подсовывает Алексею Николаевичу, чтобы дискредитировать его». Алексей Николаевич сказал, что он и сам заметил несуразицу и «специально разговаривал с руководителем ЦСУ СССР, пытаясь выяснить, какого рода методика подсчета привела к таким сногсшибательным выводам. К сожалению, подчеркнул Алексей Николаевич, это вполне официальные, одобренные на самом высоком уровне «сведения».

За столом посмеялись, вспомнили известную поговорку про то, что есть просто ложь, а есть статистика. И Алексей Николаевич, отложив листки будущего доклада, вспомнил отчий дом, родителей. Отец работал токарем, мама подрабатывала.

Конечно, не шиковали, но и не бедствовали. Обстановка в квартире была простая. На питание, обувь, хорошую одежду всегда хватало.

— Папа, а ты помнишь, рассказывал о расчетной книжке дедушки, ты ведь привез ее из Ленинграда, мы все рассматривали…

— Спросим у Клавочки, она у нас домашний архивариус… Клавдия Андреевна долго не искала — в ее хозяйстве всегда был полный порядок. Через несколько минут на столе появилась расчетная книжка Николая Ильича Косыгина…

— Да, удивительный документ! — изрек, наконец, философ Ойзерман.

Вот этот исторический документ:

Сначала общие сведения:

Разсчетная книжка
утвержденная Петроградскимъ столичным
по фабричнымъ деламъ присутствиемъ и выданная
из конторы завода № 1
Акціонернаго общества
механическихъ заводовь
«Г. А. ЛЕССНЕРЪ»
Находящегося въ Петроградъ, Выборгской Части, 2 участка, по Самсоніевской набережной, № 3
№ рабочаго 390
(Фамилія) Косыгин
Имя и отчество Николай Ильич
Званіе кр. Моск. губ.
Должность токарь
Мастерской № *9»*

На следующей странице — условия найма. Рабочий указывал, на какой срок и по какое число или бессрочно он нанимался. Николай Ильич Косыгин нанимался на неопределенный срок. Заработная плата ему устанавливалась почасно — 14 1/2 коп.

Время выдачи заработной платы: 1 и 15 числа каждого месяца, «а если эти числа приходятся в праздник, то днем раньше».

Подробно излагаются общие для всех фабрик и заводов условия сдельной работы, расчета, оплата сверхурочных, ночных смен и т. п. Приводятся далее подробные извлечения из Устава о промышленном труде (т. XI, ч. 2, свод законов, изд. 1913 г.) — общий порядок найма в фабрично-заводских предприятиях; о надзоре за промышленными предприятиями, о взаимных отношениях владельцев фабричнозаводских предприятий и

рабочих; о продолжительности и распределении рабочего времени в фабрично-заводских, горных и горно-заводских предприятиях; извлечения из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Затем на 13 страницах подробнейшие «Правила внутреннего распорядка на заводе № 1 Акционерного общества Механических заводов «Г.А. Лесснер», включая «Табель взысканий».

Ну а теперь странички, которые озаглавлены «Расчет заработка» с января 1917-го по март 1918-го, когда Николай Косыгин получил расчет.

Итак, с 16 по 31 января он заработал 146 рублей; февраль (1—15) — 97 и за вторую половину месяца еще 93, итого — 190 рублей; март — 171, апрель — 185, май — 254, июнь — 303, июль — 262, август — 260, сентябрь — 359, октябрь — 417, ноябрь, революция — 372, декабрь, новая власть, — 320 рублей.

Но что означают эти деньги? Что можно на них купить? Сколько получали тогда рабочие? В приложении к своей книге «Десять дней, которые потрясли мир» Джон Рид приводит таблицы заработной платы и цены на предметы первой необходимости, опубликованные в газете «Новая жизнь» в октябре 1917 года.

Дневной заработок в августе 1917 года составлял от семи с полтиной у печников до 8–8.50 у плотников, столяров, кузнецов. Металлисты, как видим по трудовой книжке токаря Косыгина, вырабатывали чуть больше. По сравнению с довоенным июлем 1914 года зарплата, замечает Рид, поднялась примерно в пять раз.

Теперь о ценах. Рид ссылается на таблицу, составленную городской думой Москвы, «где продовольствия было больше, чем в Петрограде, и соответственно оно было дешевле». Но разница эта относительно небольшая.

В целом продукты подорожали за это время на 51 процент больше, чем выросла заработная плата, а товары первой необходимости — «более чем вдвое против заработанной платы». Но и в это время, когда «прибытки предпринимателей были колоссальны» (Рид), Николай Косыгин на свою зарплату мог сносно обеспечить семью. На день у него приходилось 8.50 — 8.70. Два фунта (819 г) белого и два фунта черного хлеба стоили 64 коп. Фунт говядины — рубль десять копеек, полфунта масла — рубль шестьдесят; столько же десяток яиц. Кружка молока — 40 коп., полфунта карамели, бидончик керосина, спички — еще 4 рубля.

Словом, когда Алексей Николаевич как бы вновь прошелся по петроградским рынкам и лавкам, то сказал, что ему недостает воображения, чтобы представить себе современного рабочего,

который зарабатывал бы в восемь раз больше, чем его отец в 1913 году. Сомнительные цифры из доклада убрали, пошли по другим страницам, а в памяти Алексея Николаевича все стоял Петроград его детства и юности.

Наверное, самое сильное впечатление тех переломных лет — не проводы солдат на фронт под разрывающие душу аккорды «Прощания славянки», не таинственные разговоры взрослых о Распутине и царице, германской шпионке, а «хвосты». К семнадцатому году они стали такими же привычными в пейзаже Петрограда, как видный отовсюду шпиль Адмиралтейства. Студенты называют «хвостами» проваленный экзамен или зачет; в журналистике — это часть материала, вышедшая за рамки определенного объема; а в России тех лет так окрестили очереди. Популярный до революции иллюстрированный журнал «Искры» посвятил «хвостам» целый номер. Вряд ли Алеша Косыгин листал этот журнал — он был из тех, кто до рассвета занимал очередь в один магазин, а брат или сестра в другой.

В январе 1917 года в Петроград привезли лишь половину от минимальной потребности города в продуктах. В феврале, в канун революции председатель Государственной Думы М. Родзянко писал императору: «В течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой». Обострение, которое поставило точку в долгой истории самодержцев Романовых, случилось раньше.

В дневниках Михаила Пришвина сохранилась выразительная картинка тех дней:

«У развалин сгоревшего Литовского замка лежит оборванный кабель, проволока у конца его расширилась, как паучиные лапы, и мешает идти по тротуару. Со страхом обходят ее прохожие, боятся, как бы не ударило электричество, но ток уже выключен и силы в проводе нет.

— Вот так и власть царская, — говорит мой спутник, старик-кузнец, — оборвалась проволока к народу, и нет силы в царе».

…Зарплату на заводе по-прежнему платили аккуратно — первого и пятнадцатого числа каждого месяца, но с каждым разом она «весила» все меньше, не поспевая за ценами. Восемь тысяч рабочих делали орудийные затворы и минные аппараты. Большевики формировали отряды красной гвардии, звали с собой токаря Косыгина, но он отбивался: «У меня трое на руках, каждому расписано, по каким «хвостам» стоять».

У каждого «хвоста» было свое лицо. Табачные — сплошь шинели, нередко костыли, протезы. Но ни раненых, ни инвалидов без очереди не пропускали, в каждом видели дезертира, которых

надо гнать из Петрограда. Мучной, сахарный, яичный «хвосты» — все больше пожилые женщины, туго повязанные платками.

Молочный и керосиновый — рядом со взрослыми детвора, в руках бидончики, кувшины… А еще ситцевый «хвост» — толпа у входа, фуражки, кепки, платки, а спиной к ним, прямо на тротуаре, давно уже сидят женщины в кацавейках, одна даже задремала. И еще «хвосты» — калошный, масляный, мыльный, овсяной и самый главный — хлебный…

Приведу еще одно свидетельство Джона Рида. «В борьбе мои симпатии не были нейтральны, — признается он. — Но рассказывая историю тех великих дней, я старался рассматривать события оком добросовестного летописца, заинтересованного в том, чтобы запечатлеть истину».

Вот каким он видел Петроград в сентябре-октябре 1917 года. «С тусклого, серого неба в течение все более короткого дня непрестанно льет пронизывающий дождь. С Финского залива дует резкий, сырой ветер, и улицы затянуты мокрым туманом. По ночам — частью из экономии, частью из страха перед цеппелинами — горят лишь редкие, скудные уличные фонари… Масса разбоев и грабежей. В домах мужчины по очереди несут ночную охрану, вооружившись заряженными ружьями…

С каждой неделей продовольствия становится все меньше. Хлебный паек уменьшился с 1 1/2 фунта до 1 фунта, потом до 3/4 фунта, 1/2 фунта и 1/4 фунта. Наконец прошла целая неделя, когда совсем не выдавали хлеба.

Возвращаясь домой с митинга, затянувшегося на всю ночь, я видел, как перед дверями магазина еще до рассвета начал образовываться «хвост», главным образом из женщин, многие из них держали на руках грудных детей».

А повседневная жизнь города, замечает Рид, шла своим чередом, словно и не было никакой революции. В Александринском театре ему запомнился воспитанник императорского пажеского корпуса в парадной форме: в антрактах он становился навытяжку лицом к пустой императорской ложе, с которой уже были сорваны все орлы.

Седьмого и восьмого ноября 1917 года «Новый Лесснер» работал как обычно. «На поверхности все было спокойно, — пишет Рид. — Сотни тысяч людей легли спать в обычное время, рано встали и отправились на работу. В Петрограде ходили трамваи, магазины и рестораны были открыты, театры работали, выставки картин собирали публику… Сложная рутина повседневной жизни, не нарушенная и войной, шла своим чередом». 15 ноября 1917 года Николай Косыгин, токарь мастерской № 9 механических заводов «Г. А. Лесснер», получил

очередную зарплату. За вычетом пожертвований (2 р. 49 коп.) и взноса в больничную кассу (1 р. 30 коп.) к выдаче ему причиталось 229 рублей.

В семейный кошелек уже приносил свою копеечку и старший сын, Павел. А Маруся с годами все чаще оставалась дома. Без всякой видимой причины она вдруг перестала расти и стеснялась подружек, давно заневестившихся. На врачей денег не было.

Ах, если бы девочку вовремя показали докторам! Где-то я читал, что как раз в эти годы в Питере творил чудеса талантливый хирург. Листаю книжки, одну за другой — да, это у Федина, он рассказывает о хирурге Грекове. Оперировал Греков в Обуховской больнице, а дома у него «сходились в довольно нечаянный круг люди искусства и науки». И были среди них Митя Шостакович, Александр Константинович Глазунов, Софроницкий, Замятин и Ремизов…

Однажды к Грекову, пишет Федин, привели девушку, которая остановилась в росте и во всем развитии. Он нашел, что болезнь происходит от врожденного порока — ее бедренные кости были посажены чересчур узко — и предложил расставить кости. Идея и ему казалась рискованной, но выбора не было: девушка превращалась в урода и очень страдала. Родители ее дали согласие на операцию…

Через несколько лет Греков получил из Сибири письмо и снимок молодой цветущей женщины. Это оказалась его пациентка. После операции девушка выросла, вышла замуж и родила здорового ребенка.

Марусе Косыгиной такой добрый волшебник не встретился, а может, и болезнь у нее была другая, неизлечимая. На всю свою долгую жизнь — она умерла в семьдесят один год — Мария Николаевна осталась маленькой, как в детские годы. Она была мудрой и доброй феей семьи брата. Клавдия Андреевна всегда называла ее Манечкой.

Но Федина и книгу «Горький среди нас», его свидетельства о послереволюционном Петрограде я вспомнил не только поэтому.

Вот передо мной снимки Алексея Косыгина тех лет. Под одним подпись: «А. Косыгин, красноармеец 7-й армии». А вот воспоминания Константина Федина: «Я уже год работал в печати. Я редактировал, правда, необычайно убогий журнальчик, потом уездную газету, потом газету 7-й армии».

Седьмой! Оставалось узнать, как называлась эта газета и сохранилась ли. На первый вопрос в той же книжке ответил Федин: «Боевая правда». Теперь можно звонить в отдел военной печати Ленинки, ныне Российской государственной библиотеки.

— У нас есть отдельные номера «Боевой правды», — ответили

мне, — но они заштабелированы (так и представились огромные штабеля подшивок, к которым не подступиться). У нас ведь ремонт…

Второй звонок, в Петербург, в Российскую национальную библиотеку — и через полторы — две минуты доброжелательный ответ: да, «Боевая правда» есть, отдел газет работает ежедневно.

Отдел газет — это большой и красивый дворцовый корпус на Фонтанке. Здесь собрана едва ли не самая полная коллекция отечественной периодики.

…Через десяток минут любезные служители прикатили на тележке и мой заказ — «Боевую правду» за 1919–1920 годы. Первый номер ежедневной красноармейской газеты, издание политического отдела Н-ской армии, вышел 7 сентября 1919 года. Впрочем, конспирация была недолгой. Через два месяца после выхода первого номера, шестого ноября 1919 года «Боевая правда» назвала своего издателя: политический отдел 7-й армии.

В те осенние месяцы 1919 года, как написали позже в учебниках истории, молодая Советская республика оказалась в огненном кольце. С востока наступал Колчак. На севере к пригородам Петрограда вышли части генерала Юденича. Там, на пулковских позициях, вместе с отцом долбил окопы пятнадцатилетний красноармеец Алексей Косыгин. Их отряду военно-полевого строительства приказали срочно подготовить новый рубеж.

Накануне, утром 17 октября, комиссар прокричал на коротком и яростном митинге, что в Петрограде объявлено осадное положение.

Сырой ветер рвал полы шинелей. Алексей натянул поглубже фуражку, чтоб не слетела.

— Все театры, кинематографы и прочие места увеселения в Петрограде закрыты, — летели над рядами слова приказа. — Все частные телефоны выключены. После восьми часов вечера свободное движение в городе воспрещено! — Комиссар перевел дыхание. — Товарищ Троцкий призывает нас остановить отступление. За нами Красный Питер!

В те дни наступил перелом и под Питером, и на Юге. 17 октября — «Киев снова наш. Мы взяли Киев и мы не отдадим Питера. Во всех районах Петрограда формируются боевые отряды». 26 октября — «Красная кавалерия разгромила Мамонтова и Шкуро. Взят Воронеж». 28 ноября — «Сегодня начинается неделя раненого и больного красноармейца».

Листаю плотные страницы сероватой бумаги — в такую, наверное, приказчики заворачивали селедку, другой в осажденном городе не было. Прочитанную газету пускали на

самокрутки. Алеше отец курить не позволял, да он и сам не особо тянулся. (Закурил только в другую войну, Великую Отечественную, порой двух пачек «Беломора» на день не хватало. А 9 Мая, в День Победы, как отрезал: все, больше не курю!)

Ребячество с двумя-тремя годами юности, по словам Герцена, — самая полная, самая изящная, самая *наша* часть жизни, да и чуть ли не самая важная, она незаметно определяет все будущее. В биографии Косыгина эти годы выпали на февраль и октябрь 1917 года (ему тринадцать), на Гражданскую войну… Ребячество забылось, будто его не было. Юность прошла в красноармейской фуражке. Косыгины — Николай Ильич, Павел, Алексей — записались добровольцами в Красную Армию. Алексея определили служить в одной части с отцом. О чем толковали, когда выпадала свободная минута, отец и сын, их товарищи — красноармейцы? О чем вообще в первую очередь говорят на войне? О родных и близких, о тех, кто остался дома, кого судьба забросила на другой фронт. Косыгины давно не получали весточек от Павла — жив ли? Где воюет? Разводили руками, узнав о перебежчиках — в ноябре 1919 года «Боевая правда» опубликовала список предателей. Фамилия, должность — помощник командира полка, командир роты… А рядом, в соседней колонке — имена арестованных родственников: мать, отец, брат, сестра… Кого-то это, возможно, и запугает, говорил старший Косыгин, но на страхе ничего прочного не бывает.

…К началу 1920 года 7-я армия свою задачу выполнила, — отстояла Петроград. Десятого февраля ее переименовали в Петроградскую Революционную армию труда. Постановление об этом подписал Председатель Совета обороны Ленин. Часть армии продолжала нести «военную службу на границах Финляндии и Эстляндии», а другая занялась хозяйством. Заготовки торфа и дров, ремонт вагонов и паровозов, разгрузка топлива… Подразделения 61-го военно-полевого строительства, где проходил службу красноармеец Косыгин, перебросили в Мурманск, тогда это был округ Петроградской губернии.

14 марта 1920 года «Боевая правда» опубликовала большое, на целый разворот, «Письмо тов. Троцкого крестьянину Пермской губернии Ивану Александровичу Сигунееву». Надо отдать должное председателю Реввоенсовета, он просто и доступно отвечал на многие житейские вопросы. А меня привлекло в этом послании вот какое сравнение: «Что для отдельного человека — хлеб, для промышленности топливо». Через пару недель, выступая на Всероссийском съезде горнорабочих, Ленин скажет, что уголь — настоящий хлеб промышленности.

Хлеба не хватало ни людям, ни промышленности.

«В разгар гражданской войны, когда окрестности Петрограда еще окутаны были пороховым чадом разбитых полков Юденича, диктуя по ночам в типографии статьи для «Боевой правды», в красноармейской шинели, к которой уже привыкли плечи, с многолетней тоскою голода, к которому не хотели привыкать ни желудок, ни сознание, я думал об искусстве возвышенно, с провинциальной чистотой».

Это пишет о своей юности Константин Федин. Однажды он рассказал Горькому о «знакомом многодетном наборщике, семья которого так терпела от голода, что ее страдания довели этого человека до навязчивой идеи, страшно пугавшей его: побросать всю семью через окошко на мостовую и самому кинуться за нею следом. Он не верил, что в России голод… его не кормили, потому что «голодным» легче «управлять», он думает только о хлебе…».

Страшная исповедь. И очень типичная — и для Петрограда Гражданской войны, и для Ленинграда Великой Отечественной, блокадного Ленинграда.

Как-то летом отец отправил Лешку на Валдай, к знакомым. Переждать там голодное время выбирались из Питера многие семьи. Среди них большая семья Михаила Осиповича Меньшикова, популярного в дооктябрьские годы публициста. Близ озера у него была своя усадьба, но сначала «буржуя» потеснили, потом выселили, отняли паек. Заработка едва хватало на пропитание.

«На днях случайно увидал среди детских игрушек золотые бумажные кружки — и в этот момент особенно остро почувствовал драму моего крушения. Да! Были у дурака реальные золотые кружочки и он поверил больше бумажным. Вверил даже не позолоте, а человеческой подписи свою судьбу и судьбу детей своих». (По свидетельству М. В. Меньшиковой, ее муж в начале Первой мировой войны, руководствуясь призывами правительства, отвез саквояж золотых монет в Госбанк, где обменял их на ассигнации, потерявшие всякую ценность после революции.) В этих дневниках много интересных и сегодня размышлений о судьбах России, русского народа, национальных отношениях… «Боже, до чего прав я был, чувствуя задолго до войны глубоко возмущенное и презрительное чувство к Николаю II, — записывал Меньшиков 29 мая 1918 года. — Он погубил Россию, как губит огромный корабль невежественный и пьяный капитан…»

А следом за раздумьями о мироздании, характере народов врываются строки о хлебе насущном: «Подымается за голодом его страшное созвучие — холод… Как же быть? Жевать нечего. Вчера

хлеба не было ни крошки…» (август 1918 г.).

Михаила Меньшикова расстреляли 21 сентября 1918 года на глазах шестерых малолетних детей. Валдайская ЧК обозвала его «известным черносотенным публицистом» и обвинила в монархическом заговоре. Приговор вынесли граждане Якобсон, Давидсон, Гильфонт и Губа *(Меньшиков М. О. Материалы к биографии // Российский архив. Т. IV. М., 1993. С. 250)*.

В городке, деревнях вокруг много толковали о том, что русские солдаты отказались расстреливать Меньшикова. Петроградский подросток Алеша Косыгин возвращался к отцу потрясенный этим расстрелом.

Спустя много лет Председатель Совмина Союза выбрался на Валдай — впервые после тех далеких лет. Рыбачил со своим замом и давним товарищем Владимиром Алексеевичем Кириллиным. Лодка покачивалась на сорвавшейся вдруг волне.

— Валдай характер показывает, — сказал Кириллин.

— А знаешь, Володя, — отозвался Косыгин, — первый раз я попал на Валдай в четырнадцать лет. У отца здесь были знакомые — Гудковы. Сегодня рыбалки уже не будет. Давай найдем их.

— Через столько лет?

И все же они поехали в городок. И Косыгин нашел ту улицу, тот самый дом, постаревших хозяев.

— А мы знали, Алексей Николаевич, что вы отдыхаете здесь. На Валдае ведь секретов нет.

Косыгин не любил говорить, почему не остался, как многие его сверстники, после Гражданской войны в армии, хотя записался на фронт добровольцем. Возможно, в выборе между армией и гражданкой сказались его собственные впечатления тех лет…

Первого сентября 1922 года Алешу Косыгина зачислили на Всероссийские продовольственные курсы, преобразованные вскоре в кооперативный техникум. В тот же день он заполнил коротенькую анкету, которая через годы породила много вопросов. Заполняя графу *Место рождения,* паренек в красноармейской форме (другой одежды у него не было, из старой давно вырос) написал: *«Московская губерния, Коломенский уезд, Парфентьевская волость, д. Амерова».* Можно прочитать и как Ашерова — у Косыгина *м* и *ш* очень похожи. Но Ашерова близ Коломны нет, а вот Амерево есть. И в ней издавна живут Косыгины. Так, среди лиц, «проживающих в черте крестьянской усадебной оседлости», за 1883 год под № 19 значится Константин Терентьев Косыгин, — это брат деда Косыгина, Ильи Терентьевича; под № 25 Петр Иванов Косыгин. Есть Косыгины и в документах села Амерево за другие годы, правда, степень их

родства с семьей Николая Ильича пока не установлена. Во всяком случае его семью в деревне Амерево знали, там родился Павел. А Алеша, Алексей Николаевич?

Во всех других анкетах, в автобиографиях он писал: родился в Ленинграде (Петербурге). Это же утверждается в справочниках и энциклопедиях. Но откуда взялся Коломенский уезд, Парфентьевская волость? В поисках истины я обратился в питерские и московские архивы, получил с десяток ответов. И могу с уверенностью сказать, что, заполняя анкету на курсах, Алексей ошибся: написал место рождения отца.

Процитирую архивную справку, полученную из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга:

> «В документах архивного фонда Машиностроительного, чугунолитейного и котельного завода Русского общества соединенных механических заводов (бывш. Г. А. Лесснер) в деле со сведениями о приеме и расчете рабочих завода № 2 (Новый Лесснер) за 1898–1918 гг. значится:
>
> Косыгин Николай Ильич, крестьянин Московской губернии, Коломенского уезда, Парфентьевской волости, деревни Амеревой, 34 лет (на 1903 г.), православного вероисповедания, женат (имя и отчество жены не указаны).
>
> 25 августа 1903 г. назначен слесарем в минную мастерскую».

Дальше заводские документы рассказывают, что Николай Ильич Косыгин «1 августа 1911 г. переведен в крупно-токарную мастерскую токарем», затем «назначен опиловщиком» и снова токарем, что мы уже знаем по его расчетной книжке.

В записи от 24 января 1905 года указано, что Н. И. Косыгин проживал по адресу: Саратовская ул., д. 29, «при нем жена и дети». Детей было уже трое, самый младший — Алеша.

Но где же он родился? Ответ нашелся в метрической книге церкви Сампсония странноприимца на Выборгской стороне в Санкт-Петербурге за 1904 год. Актовая запись № 136:

> *«Алексей — родился 21 февраля 1904 г., крещен 7 марта 1904 г.*
>
> *Отец — Николай Ильич Косыгин.*
>
> *Мать — Матрона Александровна.*
>
> *Восприемники: мещанин г. Торжка Сергей Николаевич Стуколов и жена крестьянина деревни Рядка Боровичского уезда Новгородской губернии Мария Ильинична Егорова».*

«НАПРАВИТЬ В РАСПОРЯЖЕНИЕ СИБКРАЙСОЮЗА»

Его поколение

За вычетом тринадцати мальчишеских лет вся жизнь Алексея Николаевича Косыгина прошла в советское время. Оно еще памятно старшим поколениям, но уже подрастают ровесники постсоветской России, те, кто родился в 1991 году и позже. Что узнают они о прошлом своей страны? Чему их научат?

Один за другим говорливые витии, которые не сходят с телеэкранов, призывают не оглядываться назад: «Хорошего в прошлом мало. Те истоки не напоят нас. Они либо пересохли, либо опоганены». А какие напоят? Чьи? И кого это — нас?

Нас, донецких ребятишек, принимали в пионеры у могил павших коммунаров в сквере, названном их именем. Комсомольцами в походах по родному краю мы склоняли головы у памятника латышским интернационалистам в Артемовске, у обелиска в шахтерском поселке Нижняя Крынка, где лежат 118 расстрелянных рабочих. Потом, работая в газете, узнал о заводе имени 13 расстрелянных рабочих в Константиновке, о заводе имени 61 коммунара в Николаеве…

Их могилы не сохранились, но безличное время здесь ни при чем. Власть стирала саму память о бунтовщиках. Когда в 1906 году судили восставших моряков-балтийцев, поступил приказ: «Матросов, приговоренных к смертной казни, расстрелять на острове Карлос. Место погребения тщательно сровнять».

После Октябрьской революции заводы, фабрики, рудники становились общенародной собственностью и закономерно получали новые названия. К примеру, «Лесснер», где работал отец Косыгина, стал заводом имени Карла Маркса. Массовые переименования улиц и площадей были вызваны и стремлением увековечить попранную память. Так в Петрограде появились улицы Желябова, Халтурина, Воскова, набережная лейтенанта Шмидта… Да, при этом не всегда хватало такта, может быть, и знаний. Название Вторая улица Деревенской Бедноты вместо Малой Дворянской так же нелепо, как Первая улица Деревенской Бедноты вместо Большой Дворянской.

На курсах Наркомата продовольствия, куда в 1921 году поступил Алеша Косыгин, было много деревенских ребят. В свободное время Алексей показывал им город: и всемирно

известные ансамбли, памятники, площади, и дорогие ему уголки на родной Петроградской стороне. На каждом углу ребят окликали бабки с ведрами семечек и двумя стаканами — большим и маленьким: «Покупайте, сынки!» Чуть ли не все прохожие сплевывали шелуху. Мода на семечки продержалась года два и так же внезапно, как появилась, исчезла.

На Петроградской стороне здешние мальчишки бегали в Александровский сад, в Народный дом императора Николая II. По десятикопеечному билету строгие контролеры пропускали в сад и боковую галерею зрительного зала.

— Ну, гривеннички, шевелитесь, — поторапливали они мелюзгу.

Теперь в Народном доме разместился кинотеатр «Великан», и ребята водили на любимые фильмы девчонок. С Федей Новиковым, Леней Минаевым, Оскаром Болотом Алексей корпел над конспектами. На базе курсов организовали кооперативный техникум. Позже Косыгин рассказывал, что у них преподавали лучшие питерские профессора-экономисты. Четыре года техникума, практика на льнопрядильно-текстильной фабрике в Ростове Великом и — направление в Сибирь.

Направление, путевка, мобилизация — тоже из словаря той эпохи, которая навсегда осталась в прошлом. Ее можно принимать или не принимать, но лучше всего постараться понять, прислушиваясь к живым голосам современников. Эти строки не предназначались для печати:

> *«4 ноября 1930 г. Приходится, к сожалению, делать запись карандашом: чернила в нашем бараке — штука дефицитная. Нынче первый раз поднялся на-гора не только не уставший, но и веселый. По руднику тихо плывет едкий, каменноугольный дымок. Сквозь завесу смеются веселые электрические фонарики, а над этим всем тихим и спокойным величественно раскинулась лазурная, прозрачная голубень неба. Месяц, как сторож и распорядитель, воссел на престоле мелких кучевых облаков и наблюдает их мерное, чуть заметное движение. Сердце вот так и рвется куда-то далеко, далеко ввысь, к звездам и месяцу, чтобы вместе с ними увидеть эту грандиозную ширь Союза Советских Республик, охваченных невиданным энтузиазмом борьбы за социализм. Как хорошо чувствовать себя беззаветно преданным революции, видеть себя частичкой великой стройки. Ведь никто же не мобилизовывал нас на ликвидацию прорыва. Мы сами мобилизовались».*

Так думал и жил в свои 19 лет Володя Молодцов, рабочий, шахтер, в будущем — Герой Советского Союза, чекист. Героем он стал в годы Великой Отечественной войны, в одесском подполье. С него, комсомольца 30-х годов, Валентин Катаев писал Дружинина, одного из главных персонажей романа «За власть Советов».

Еще одна дорогая мне судьба человека того поколения — Иван Сидоренко. Его имя сначала прогремело трудовыми рекордами на строительстве Харьковского тракторного завода. В числе первых добровольцев Иван записался на Амур, вместе с друзьями выбирал название будущему городу — Комсомольск-на-Амуре. Он ушел добровольцем на фронт, погиб под Сталинградом. В Комсомольске осталась улица Ивана Сидоренко.

Со стройки коммунист Сидоренко обратился с письмом в ЦК ВКП(б). Его тревожил срыв строительства металлургического завода на Дальнем Востоке, возмущала позиция заезжего чиновника, который отмахнулся от рабочих: «Чего вы суете нос не в свое дело?»

> *«…Задумываясь над этим ответом, я спрашиваю себя: «Почему я, простой коммунист, строитель, не должен жить перспективой завода, родного города, страны?» И вообще меня в Комсомольске интересуют не только сроки строительства завода, а каждое сооружение, каждый дом, так как мне пришлось начинать Комсомольск с тайги, с первого камня…*
>
> *Меня, прожившего в Комсомольске шесть лет, работавшего здесь по колено в воде, перенесшего цингу, голод, глубоко волнует судьба города, который построен в глухой тайге. Я горжусь тем, что и мой труд вложен в этот город. Я горжусь победой большевистской партии и счастлив, что являюсь ее членом. Вот почему мне не дает покоя мысль: неужели труды наши могут пропасть даром?»*

Люди, двинувшие время вперед, по праву считали себя хозяевами страны. И были ими, пока хозяином не стал один человек, отводя другим роль винтиков.

Шахтер Молодцов, первостроитель Комсомольска-на- Амуре Сидоренко, кооператор Косыгин — как похожи они в своем стремлении изменить жизнь к лучшему! Окончив техникум, Алексей вполне мог устроиться и в Питере — в середине двадцатых годов большой город давал для этого много шансов. Но искать теплое местечко — это же изменить самому себе. Вместе с друзьями он берет направление в Сибирь.

В литературе, в газетных и журнальных публикациях об этих годах жизни Косыгина встречается много неточностей, ошибок. Поэтому я приведу выдержку из автобиографии А. Н. Косыгина, которая написана на исходе 1938 года.

> *«После окончания техникума в 1924 году был направлен Центросоюзом в г. Новосибирск, в распоряжение Сибкрайсоюза, который направил в «Обьсоюз» — Новосибирский союз кооперативов, где работал с 1924 по 1926 г. в качестве инструктора организатора по первичным потребительским кооперативам. В 1925 г. Новосибирским окружкомом был принят кандидатом ВКП (б). В 1926 г. Сибкрайкомом ВКП (б) и Сибкрайсоюзом ввиду развала работы в г. Киренске на Лене в Ленсоюзе, был направлен туда для укрепления работы в качестве члена правления, зав. орг. отделом. Работал в г. Киренске с 1926 г. по 1928 г.*
>
> *Там же Киренским окружкомом в 1927 г. был принят в члены ВКП(б) из кандидатов.*
>
> *В 1928 г. был отозван из города Киренска в Новосибирск через Сибкрайком для работы в Сибкрайсоюзе в качестве зав. плановым отделом».*

Рабселькор Косыгин

Теперь, когда расставлены точные временные вешки, расскажу о жизни и работе молодых кооператоров — выпускников Ленинградского техникума. Ребята догадывались, что сибирские деревни и хутора встретят их без цветов и оркестров. К этому они были готовы. Привыкали к морозам. Следом за старожилами называли деревни так, как произносили они: не Марково, а Маркова, Кривошапкина, Хабарова… Для местных это что-то значило, может быть, то была память о первых поселенцах. От Киренска недалеко по Лене и Киренге уже ходил частный катер «Первенец», собственность трудовой артели, а чуть подальше люди впрягались в бечеву, как век и полвека назад. На дрова по деревням рубили только лиственницы; сосну крестьяне обходили — она, мол, дает много копоти и сажи, а у нас избы черные. За белкой народ отправлялся в дальние *ухожи.* Добывали по округу (это пяток нынешних Чехий) до трехсот тысяч в год. Вот почему в таежном Киренске, весной и осенью отрезанном от мира бездорожьем, обосновался чуть ли не десяток контор: Сибгосторг, Сибторг, Ленский союз потребительских обществ, Ленохота, два

частных кожзавода, да еще несколько кооперативов.

Совсем молодые ребята уезжали в командировки за сотни километров — до самых дальних сел пятьсот, шестьсот, а то и тысяча, рассчитывай только на себя. Не вернулся в положенный срок из поездки Оскар Болот. Как выяснилось позже, его отравил хозяин дома, к которому паренька направили на постой. Оскара похоронили на деревенском кладбище, поставили над могилой пирамидку с красной звездой, а живым приказали поодиночке в командировки не отбывать.

На тех трактах, хуторах, в кооперативах Алексей на всю жизнь сдружился с ребятами. Федор Федорович Новиков и Леонид Георгиевич Минаев бывали у Косыгина до его последних дней. Новиков после войны работал в Госконтроле СССР, Минаев стал металлургом. Людмиле Алексеевне, дочери Косыгина, запомнилось, с каким теплом они вспоминали молодые годы, как подшучивали друг над другом, рассказывая о стае волков, которая настигала их сани.

Казалось, о тех далеких годах можно узнать только в пересказах. Но нет, сохранились и собственные свидетельства Косыгина о работе в Киренске — его рабселькоровские заметки, опубликованные в окружной газете «Ленская правда». Киренские журналисты отыскали в старых комплектах несколько десятков косыгинских заметок и статей и собрали их в специальном выпуске газеты, приуроченном к ожидавшемуся приезду Председателя Совета Министров СССР. Было это в 1974 году. Алексей Николаевич собирался залететь из Якутска в Киренск. Повариха местного профтехучилища речников, мастерица, каких поискать, приготовила роскошный обед. А журналисты «Ленских зорь» выпустили тиражом в 4 (!) экземпляра газету со старым названием «Ленская правда». Один раритетный экземпляр нынешний редактор киренской газеты Владимир Норко великодушно подарил «Трибуне». Собкор «Трибуны» по Иркутской области Владимир Медведев, побывавший в Киренске по моей просьбе, переслал этот номер в Москву.

— Киренчан, которые могли бы лично засвидетельствовать тот или иной факт из жизни Алексея Николаевича в здешних краях, давно нет в живых, — рассказывает В. Медведев. — Но легенды были и остались. В городе помнят, что Косыгин приехал с молодой красавицей-женой. Вместе с тремя другими кооператорами и служащими Косыгины сняли дом и зажили коммуной. Клавдия была и казначеем, и поваром, и домохозяйкой. Алексей от темна до темна мотался по селам. Говорят, для пущей мобильности молодой кооператор купил велосипед. Имея привычку делать все на совесть, он заездился до

того, что жена почти насильно отправила его в санаторий. Какой именно, неизвестно, но в выборе места отдыха стеснения не было: зарабатывали кооператоры тогда будь здоров. В обывательском сознании они стояли в одном ряду с нэпманами.

В молодом сотруднике «Ленсоюза» редакция «Ленской правды» обрела боевого помощника. Ему приходилось много ездить по округу и везде он старался подметить что-то новое. Вот в деревне Максимова, Усть-Кутский район, комсомольцы организовали ячейку Осоавиахима, в 17 человек. Но хлеба вымерзли, ребятам нечем платить членские взносы. Что же, вместо денег тащат в ячейку беличьи шкурки. В деревне Половинка создается сельскохозяйственный кооператив. В Ступино объединяются восемь семей крестьян-бедняков. В деревне Орлинги сельсовет купил пожарную машину и «склонил крестьян купить породистого быка. А чтоб уплатить за него, посеяли коллективно две десятины овса».

Алексей пытается перешибить печатным словом «старые бытовые предрассудки». В деревне Кривошапкиной он узнал, что Масленица, как сосчитали крестьяне, обойдется им в полторы тысячи рублей. Зачем же тратить зря такие большие деньги? Уж лучше купить облигации 4-го крестьянского займа «Укрепление крестьянского хозяйства»! Не знаю, как отозвалась деревня на наивный призыв. Наверное все же, почесав в затылках, мужики и на Масленицу погудели, и облигаций прикупили, чтоб не ссориться с новой властью.

Уже в те годы в Косыгине, молодом человеке 22–23 лет, просматривались черты, ставшие заглавными в его характере, и первая из них — досконально разбираться в деле, которым занимаешься. Только в передовице о Международном дне кооперации Косыгин отдает дань политической трескотне: «Борьба против реформистской, не классовой линии заграничной кооперации, которую проводит и проповедует международный альянс, — наша задача». В остальных публикациях Алексей Николаевич предельно деловит. Как развивать сеть магазинов? Каков должен быть процент накоплений по отношению к обороту? Как отвадить «заезжих гастролеров» и других конкурентов, чтобы заготовители сдавали пушнину кооператорам? Во всем этом он ориентировался прекрасно. Больше того: молодого кооператора раздражали люди, которые вплетали в разговор с мужиками неуместно высокопарные термины. «Выступления учителя, — написал он по итогам своей поездки в отдаленное село Бур, — показывают его малую приспособленность для ведения общественной работы среди крестьянства. Небольшое выступление учителя на сельском

собрании пестрит словами: «идеология», «психология» и др., совершенно чуждыми крестьянству».

Одна из главных тем рабселькора Косыгина — сбор паевых взносов. Он уже не ограничивается призывами, как в канун Масленицы. Когда товаров не хватает и они бронируются за пайщиками, тогда работать легче, замечает Косыгин в статье «Экзамен потребкооперации» (10 марта 1928 года). Ограничил отпуск товаров «не полнопайным» и — порядок. «Но такое положение дел долго продолжаться не может. Уже сейчас благодаря большой массе товаров, направленных в деревню, положение начинает резко меняться: большая часть товаров становятся не дефицитными… Следовательно, методы работы по кооперированию и сбору паев должны быть изменены».

Публикации, вернувшиеся из забвения, говорят и о личном мужестве Косыгина. В корреспонденции «Как исправить недочеты» (25 апреля 1928 года) он пишет о хищениях в Киренском городском кооперативе, со знанием дела анализирует финансовые дела. «Вместо осуществления контроля ревизионная комиссия лишь выписывала себе содержание, которое горпо за год стоило 2.060 руб. 71 коп. На израсходованную сумму по содержанию ревизионной комиссии можно содержать постоянного платного работника».

Поглубже разобравшись в местных делах, Косыгин, заведующий отделом правления Ленсоюза, предложил объединить товарные операции Ленсоюза и горпо. А это затрагивало интересы многих. В городе, округе возникли споры, они даже выплеснулись на страницы «Ленской правды». Один из оппонентов Косыгина, подписавшийся красочным псевдонимом Редстаар, предположил, что, добиваясь объединения, кооператоры хотят спасти аппарат. «Это было бы слишком близоруко, — отвечает Косыгин. — Вопрос выдвигается в порядке проведения рационализации нашего аппарата». — И выстраивает систему аргументов в пользу объединения. Экономия только по ряду статей расходов, «по предварительному, весьма осторожному, подсчету составит 21.608 рублей».

Два года работы в Киренске были весьма успешными. Косыгин состоялся как специалист, и Сибирский краевой союз предложил ему работу в Новосибирске. Возможно, он так и пошел бы по кооперативной линии, и о нем сегодня знали бы только историки кооперативного движения, но он сделал новый выбор. С чем это было связано?

«Пришлось покинуть ряды кооператоров»

Сибирские годы, по словам самого Косыгина, стали для него богатейшей жизненной школой. В беседах с академиком Ойзерманом он часто к ним возвращался.

Из рассказов Алексея Николаевича ученый узнал, что самыми деятельными организаторами кооперативного движения в Сибири зачастую оказывались бывшие меньшевики и эсеры. И вовсе, конечно, не потому, что они горячо восприняли ленинский тезис о решающей роли кооперации в построении социализма. Они были завзятыми кооператорами и в 1918 году, когда Советы занимались ликвидацией кооперативов, которые изображали как разновидность капиталистического предпринимательства. Теперь же меньшевики и эсеры, вынужденные отойти от политической деятельности, отдавали свою нерастраченную энергию кооперативной работе, уже признанной и одобренной Лениным. Впрочем, политически лояльная позиция бывших социал-демократов и социалистов-революционеров не спасла их от карающей руки. Почти все они были репрессированы в первой половине 30-х годов. Это пагубным образом сказалось на судьбе сибирской потребительской кооперации, мощной, широко разветвленной, достигавшей самых глухих уголков страны системы товарного обмена и снабжения населения.

Алексей Николаевич с горечью говорил о том, как беспощадно, бессмысленно расправились с этими бывшими противниками большевизма, которые самоотверженно трудились в сибирской глухомани, надеясь мирной работой способствовать осуществлению своих отнюдь не буржуазных идеалов. Становится понятно, почему в 1930 году Алексей Николаевич покинул полюбившуюся ему (как он не раз говорил) Сибирь и возвратился в Ленинград. Ведь многие из тех, с кем он работал в потребкооперации, были меньшевиками и эсерами, «врагами народа». Создавалось впечатление (вернее, такое впечатление создавали), что те работники потребкооперации, кто не был меньшевиком или эсером, по меньшей мере утратили бдительность, а то и вовсе стали пособниками «врагов народа». Алексей Николаевич был членом партии, одним из руководителей сибирской потребкооперации. Но он не чувствовал своей вины, которую якобы обязан был сознавать. Складывалась ложная, полная фальши ситуация, терпеть которую он не хотел. И все же главное состояло отнюдь не в этой угрозе быть объявленным пособником мнимого врага или даже претерпеть его горькую судьбу. Ведь Алексей Николаевич не только не чувствовал себя виновным, но был также убежден, что невиновный всегда сможет оправдаться. Вера в правду, которая, несмотря ни на что, побеждает кривду, не оставляла его в те

времена. Главное, почему он, как однажды выразился, «покинул ряды кооператоров», состояло в том, что коллективизация, развернувшаяся в Сибири, означала, как это ни странно, дезорганизацию и в значительной мере разрушение мощной, охватывающей все уголки Сибири кооперативной сети. Если вдуматься, в этом нет ничего удивительного. Ведь потребкооперация покупала и продавала продукцию крестьян-единоличников. Исчезновение этой категории товаропроизводителей, появление колхозов и совхозов означало замену существовавших до этого товарно-денежных отношений обязательными государственными поставками. Это относилось не только к зерновому хозяйству и животноводству, но и к плодоовощной продукции, пчеловодству, охотничьему промыслу, рыболовству и т. д. Сфера деятельности потребительской кооперации предельно ограничивалась, что вполне соответствовало интересам командно-административной государственной системы с ее жестким централизмом, нетерпимым ко всякой, пусть и весьма относительной, самостоятельности, без которой немыслимо существование потребительской кооперации.

В 1974 году Председатель советского правительства в Киренск так и не завернул, хотя был совсем рядом. Почему? В точности на этот вопрос уже никто не ответит. Не приехал Косыгин и в Бодайбо, где его тоже ждали. В соответствии с требованиями того времени, как выяснил В. Медведев, через каждый километр на пути следования особы такого ранга должен был стоять туалет из струганых (именно струганых!) досок. Путь Косыгина должен был лежать в Кропоткин, что находится в 180 километрах от Бодайбо. И требование было выполнено!

Тот, кто сожалеет о напрасно затраченных кубометрах лесоматериалов, должен знать: ни до Косыгина, ни после него речники и золотодобытчики не жили так хорошо. Именно в 70-е начался новый расцвет старательского движения, выросла добыча драгоценного металла, а в ремонтно-эксплуатационные базы флота поступили современные корабли. Толк в Севере Алексей Николаевич знал. Ни одного худого слова о нем вы здесь не услышите. Впрочем, как и в других краях.

И Косыгин не раз вспоминал добрым словом свои сибирские годы. Они остались с ним навсегда. За трогательным интересом к Сибири, Алтаю, Северу легко просматривались личные чувства: там появилась семья, родилась дочь; там он начал формироваться как руководитель. Позже, уже работая в Совнаркоме, возглавляя Совет Министров, Косыгин не раз возвращался к опыту

кооперации. В наброске выступления на заседании Совета Центросоюза (1958-й год) Алексей Николаевич предложил целую программу развития потребительской кооперации, интересную и сегодня. Думал он об этом и в последние годы жизни.

Как вспоминал Борис Терентьевич Бацанов, начальник секретариата Председателя Совмина СССР, уже будучи тяжело больным, Косыгин вынашивал идею о том, чтобы вдохнуть новую жизнь в деформированные остатки кооперации в Советском Союзе. Он часто бывал за границей, пытливый взгляд его примечал не только высокую организацию крупного производства, быстрый научно-технический прогресс, но и всепроникающую сферу услуг, доступность ее простому человеку, который может хорошо отдохнуть не только по профсоюзной путевке раз в год, но и просто расслабиться за кружкой пива в уютной и дешевой пивной или придорожном кафе. А наш унылый и неопрятный общепит навевал на него воспоминания о работе в сибирской кооперации в годы нэпа. Он часто рассказывал, как хорошо и сытно кормили в придорожных трактирах на Ленском тракте, как чисто и уютно было на постоялых дворах. Одно удовольствие проехать на перекладных несколько сотен километров… Он вспоминал об этом с какой-то ностальгией, ведь это было тоже при советской власти, было, но ушло.

Уже в больнице, в 1980 году, он дал поручение председателю правления Центросоюза Смирнову подготовить предложения о расширении и перестройке деятельности *потребительской кооперации, в руках которой находилось до 40 % розничного товарооборота в стране.* Суть его замысла состояла в том, чтобы на кооперативных началах коренным образом (он говорил: «до европейских стандартов») — *поднять качество* торгового и бытового обслуживания не только сельского, но и городского населения. Он стал перечитывать ленинские работы о кооперации, выделяя в них мысль о ней как имманентном элементе социализма, а также то, что «…кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом».

К сожалению, по-настоящему заняться этим делом Косыгин уже не успел. А его преемник Тихонов был настроен на другой лад и уж совсем не собирался начинать свое премьерство с «реформаторских» инициатив.

В начале 1930 года Сибкрайсоюз получил депешу из Москвы. В ней говорилось, что краю выделяется три места на «факультете потребительской кооперации при институте имени Рыкова». Фракция ВКП(б) Сибкрайсоюза приняла такое решение:

«1. Послать одного батрака, поручить подобрать грамотного. 2. На оставшиеся два места выдвинуть А. Косыгина и

В. Пузакова».

Из автобиографии А. Н. Косыгина:

«В 1930 г. окончил курсы по подготовке во ВТУЗ и поступил в Ленинградский текстильный институт. Окончил институт в январе 1936 года. В институте вел партийную работу секретаря факультетской ячейки, культпропа парткома и секретаря парткома».

ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ИНЖЕНЕРА-ТЕХНОЛОГА

Тринадцать, вопреки расхожим представлениям, Косыгин считал счастливым числом. Именно тринадцатого января 1936 года приказом по Ленинградскому текстильному институту имени С. М. Кирова ему было присвоено звание инженера-технолога. «*Косыгин*. Оценка за проект 5, защита 5, итог 5» — написано в документе, которым гордится музей Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, так называется теперь косыгинский вуз. Справа от входа мемориальная доска с бюстом Косыгина напоминает о том, что в тридцатые годы XX века в этих стенах учился будущий Председатель Совета Министров СССР. Тогда вуз в духе времени называли комбинатом; он объединял институт, техникум и рабфак.

Нынешнему молодому читателю, больше наслышанному о коммерческих факультетах, слово «рабфак» мало что говорит. Поэтому напомню. Перед Октябрьской революцией один студент приходился на 20 дворян и на несколько десятков тысяч рабочих. Крестьянских детей во всех вузах России числилось 2850. Стоит повторить прописью: две тысячи восемьсот пятьдесят человек. Вскоре после революции Совнарком принял постановление о рабфаках. «Основной задачей рабочих факультетов, — говорилось там, — является широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы». Первый рабфак открылся в Москве второго февраля 1919 года. Рабфаковцами стали 985 молодых рабочих Замоскворечья. Им прислал теплую телеграмму Тимирязев, поздравил с открытием «первого свободного рабочего факультета, бывшего моей мечтой в течение долгих лет». К началу 30-х годов в стране действовало 1025 рабочих факультетов. За двадцать лет своего существования рабочие факультеты подготовили для учебы в вузах около миллиона будущих «красных специалистов». Одним из них был и Алеша Косыгин. Кстати, к рабфакам имел самое прямое отношение и брат Косыгина Павел. Во второй половине тридцатых годов он был директором рабфака Красногвардейского района Ленинграда.

…В большом кабинете ректора Университета технологии и дизайна мое внимание привлекли два портрета. С противоположных стен внимательно смотрели друг на друга Алексей Николаевич Косыгин и незнакомый мне господин в аксельбантах. Явление Косыгина здесь понятно. А кто второй?

— Это граф Канкрин, крестный отец нашего института, — ответил Виктор Егорович Романов, сам выпускник текстильного, который окончил в 1963-м, был младшим научным сотрудником, зав. кафедрой, деканом и проректором. В 2002 году его, доктора технических наук, заслуженного деятеля науки и техники РФ, избрали ректором в четвертый раз.

— Но текстильный был образован в 1930 году, через много лет после кончины Егора Францевича, — продемонстрировал я свою осведомленность. — А графа, как мне помнится, называли реакционным государственным деятелем, ревностным слугой самодержавия.

— В 1930-м Прикладной технологический институт, основанный за сто лет до этого по предложению министра финансов России Канкрина, разделился на два самостоятельных вуза, — ответил ректор. — Технологический, техноложку, как говорят в Питере, она осталась на прежнем месте, и Текстильный. Наш институт начал новый отсчет. Граф Канкрин и император Николай I считали создание «Практического технологического института», как говорилось в царском указе, «благом для империи нашей», необходимым «для развития мануфактурного производства».

Да, соседство двух государственных деятелей XIX и XX веков в кабинете ректора XXI века вполне оправданно. Портрет Косыгина здесь — не только дань уважения талантливому выпускнику. Всю свою жизнь Алексей Николаевич деятельно заботился о развитии «мануфактурного производства», реального сектора экономики, как сказали бы сейчас, о кадрах индустрии, науки. Об этом знали, конечно, не только в текстильном институте, но примечательно обращение к Косыгину именно из этого вуза. И когда! В феврале 1942 года, во время блокады.

«Уважаемый Алексей Николаевич!

К Вам обращается с просьбой о помощи бывший преподаватель Ленинградского текстильного института имени С. М. Кирова Е. А. Самков. В течение 10 лет в свободное время я работал над проблемой комплексного использования льносоломы. Принципиально эта проблема решена. Предполагая в ближайшее время эвакуироваться из Ленинграда, я прошу Вас помочь мне устроиться на лабораторно-преподавательскую работу с тем, чтобы в свободное время продолжать свои

исследования, имеющие, на мой взгляд, большое хозяйственное значение. Без лабораторной базы работать же нельзя…»

На этом письме, оригинал которого хранится в бумагах секретариата А. Н. Косыгина в Государственном архиве РФ, есть пометка: «В Ленинград сообщено через Горчакова. А. К.» Горчаков — начальник секретариата Косыгина, работал с Алексеем Николаевичем и во время войны, и много лет после — до трагической гибели в автокатастрофе. Помощь была оказана, и профессор Самков продолжил свои исследования. Но военные годы еще впереди. А пока студент Косыгин, втиснувшись в трамвай, неторопливо погромыхивающий к Невскому, поглядывает на часы: не опоздать бы на первую пару.

От сессии до сессии

Какими были его студенческие годы? Какой след оставили в душе? Воспоминания друзей, коллег в основном связаны с военными и послевоенными годами, когда Алексей Николаевич вышел на большую орбиту. А где найти свидетельства о Косыгине-студенте? Заглянем в архивы, перелистаем страницы институтской газеты «Основа». Этим термином ткацкого производства были названы несколько изданий, и потому нужную мне «Основу» не сразу нашли даже в отделе газет Российской национальной библиотеки в Петербурге, где о периодической печати знают все.

Газета текстильного института — совсем маленькая, поменьше нынешних многотиражек; поначалу выходила раз в месяц, потом почаще. Первый номер увидел свет в январе 1931 года, когда Косыгин уже учился. Номера боевой газеты, «органа студентов, профессоров, преподавателей, рабочих и служащих Ленинградского текстильного института», а не парткома — профкома — ректората, как стало привычным позже, расходились по всем факультетам и группам.

По заметкам видно, какой была повседневная жизнь текстильного института, что волновало студентов. Они учились увлеченно — и не только своей специальности. В библиотеке достаточно учебников, технической литературы, а вот художественной очень мало. Просьба к ректору: пополнить фонды. Задание парткому, профсоюзу, комсомолу: почаще проводить экскурсии, приглашать в институт знаменитых людей. С легкой руки Косыгина, которому в парткоме поручили заниматься культсектором, такие встречи стали регулярными. Одна из самых памятных — с известным полярником

Самойловичем. С каким увлечением он рассказывал об Арктике, о русских исследователях Груманта-Шпицбергена!

Обновками в институте мало кто щеголял. Чаще встречались перелицованные пиджачки, старенькая обувь. На новую денег нет — пожалуйте починить в своей сапожной мастерской. Студентам выдали талоны, а туда валят посторонние. Разжился институт тканью и бязью (в магазинах не купишь), двое разбитных старшекурсников вызвались поторговать. Им определили вознаграждение — две-три копейки с метра, а купчики, разойдясь, наваривали по десять, двадцать и даже тридцать копеек. Продал два метра, заработал на килограмм хлеба по нормированной цене, с десятка — можно заглянуть и в коммерческий магазин, куда не всем открыта дорога.

— На торгу деньга проказлива, — отозвался в своей манере Николай Ильич, узнав от сына об этом происшествии. — А деньги-то вернули или потратили?

— Вернули, — отвечал Алексей, налегая на корюшку. Спасибо, батя. — И опять о своем. — Студенты требуют суда. Понимаешь, эти деляги всех обворовали!..

Вместе с дедом и отцом за столом сидела Люся и важно дула в свою чашку остывшего чая. Мама запаздывала — ей со своих мастерских далеко добираться: катером, а потом еще шестым трамваем от Кронштадской пристани к Вульфовой улице; хорошо еще, что без пересадок. Не дождавшись мамы, Люся задремала. Маруся уложила племянницу, сама пристроилась рядышком. А отец и сын еще долго толковали о домашних делах, ожидая Клавочку-кормилицу. Косыгинская стипендия была лишь небольшим довеском к ее зарплате. К тому же в плавмастерских она получила рабочие карточки, время от времени приносила домой продукты и даже раз в месяц килограмм мяса.

В студенческой столовой мясом пахло только по большим праздникам. На партийном собрании — тогда говорили: «пленуме коллектива ВКП (б)» — в октябре 1932 года студенты текстильного института поручили дирекции «немедленно приступить к работе по организации крольчатника и свинарника». Нужно ли пояснять, почему будущие инженеры-текстильщики решили заняться таким далеким от профессиональных интересов делом? Ответ простой: голодно. Они не знали, сколько коров и свиней вырезали в Союзе за последние годы, могли лишь догадываться по опустевшим прилавкам, что, вопреки бодрым рапортам газет, дела в деревне шли неважно. И сами, уезжая домой на каникулы, кое-что видели. А цифры открылись позже: под нож ушло 30 миллионов голов коров из 70, больше половины свиней из 26 миллионов голов, бывших в стране в 1928 году, к

началу коллективизации.

Мясо в Москве, Ленинграде и Донбассе выдавали по особой норме, установленной Политбюро ЦК ВКП(б): «два раза в месяц получающим по 2 кило и больше в месяц» и один раз в месяц «тем, которые получают по 1 кило мяса в месяц».

Голодающих на Украине, в Поволжье, в Казахстане могла спасти и такая мизерная норма, но для них не находилось даже ломтя хлеба…

Карточки на продовольственные товары были отменены с 1 января 1935 года. Алексей уже пятикурсник и — мастер ткацкой фабрики имени Желябова. В семье две зарплаты, теперь им полегче. В апреле 1935 года Клава отправила в Новосибирск фотографию, на которой снялась с дочкой. Люся отчего-то насупилась, глядит строго на дядю: обещал, что вылетит птичка, а птички нет. На обороте Клава черкнула несколько строк карандашом:

«12 апреля 1935 года. Ленинград. Дорогой мамочке от дочки и внучки.

Мамочка, ведь мне уже 27 лет, а дочке моей 6 1/2 лет. Годы летят, даже не верится, что я уже пожилая женщина, но характер мой, мамочка, очень подвижен и молод, чему я довольна. Клавдия».

Евдокия Прохоровна даже всплакнула над этим снимком: такая молодая, а называет себя пожилой… Через годы, уже в Москве, когда случалось вместе с гостями разглядывать семейный альбом, Евдокия Прохоровна любила показывать эту фотокарточку. И всегда добавляла:

— А характер у моей Клавочки все такой же молодой.

— Да будет тебе, ма, — отбивалась Клавдия.

…В ноябре 1934 года, за неделю до рокового выстрела в Смольном, в текстильный институт приехал Сергей Миронович Киров, — здесь проходила Всесоюзная выставка текстильных изделий. Студенты крутились на выставке, надеясь увидеть человека, о котором много говорили в городе, члена Политбюро. Киров, посмотрев выставку, заглянул в партком. Он, конечно, знал, что годом ранее, в тридцать третьем, Смольнинский райком партии распустил «бюро коллектива ВКП(б) текстильного института за допущенные политические ошибки». В чем провинились партийцы? Примиренчески относились к оппозиции. Защищали сынков помещиков и крупных торгашей, которые «выдавали себя за детей батраков». В общем, вывод был таким: «назначить досрочные перевыборы». Секретарем парткома, понятно, неосвобожденным, избрали Косыгина.

17 марта 1934 года газета «Основа» опубликовала

совместную статью директора комбината Зеленского и отсекра парткома института Косыгина. Они отчитались о том, что сделано за год.

Возросло качество подготовки специалистов. Налажена производственная практика. Решительно занялись политическим воспитанием. Создали университет культуры. Помогают студентам в быту, выдают доплату на питание…

Нарком легкой промышленности СССР Любимов по достоинству оценил работу текстильного института — за успешную подготовку кадров для отрасли выделил деньги на строительство собственного, институтского дома отдыха. В те годы в СССР строились 15 крупных хлопчатобумажных комбинатов, реконструировались старые. Выпускников Ленинградского текстильного ценили, и министр знал это, хотя вокруг ЛТИ бурлили какие-то интриги. 25 мая того же 1934 года «Правда» опубликовала фельетон Г. Рыклина «Учись или судись» о большом отсеве в текстильном институте. Фельетон обсуждали на бюро Смольнинского райкома партии. Отчитывается директор-ректор Зеленский. И в те же дни «после четырех лет блестящего руководства институтом» нарком назначил его начальником Главного управления учебных заведений Наркомата легкой промышленности.

К приезду Кирова в институте уже были новый ректор и новый парторг. Но на встречу с ним пригласили и лучших студентов. Специальность «ткачество» представляли «Орехов, предфабкома, Косыгин, в прошлом семестре секретарь парткома, и Громадский, отсекр коллектива ВЛКСМ». «Эти товарищи, — подчеркивала «Основа», — наряду с большой общественной загрузкой сумели добиться исключительных академических результатов».

Второго декабря ректорат и партком отобрали 250 студентов и преподавателей для прощания с Кировым. Такой была партийная разнарядка. Сбор в институте назначили на три часа ночи. Но уже к двум в коридорах, аудиториях на Герцена, 18 (ныне опять Большая Морская, Герцену не повезло ни в Питере, ни в Москве) было полно народу. Собралось в два- три раза больше. Отогревались чайком (позаботился Косыгин) перед шествием через застывший город, негромко переговаривались. И даже те, кто до сих пор не верил ни в какие заговоры, разводили руками, вспоминали «детей батраков» из своего института: «Их ведь много таких».

Через четыре года Косыгину, председателю Ленсовета, предстояло открывать памятник Кирову.

Переломным в его судьбе стал 1938 год. 19 февраля в Ленинграде проходил слет стахановцев хлопчатобумажной промышленности. Среди других выступал и молодой директор текстильной фабрики «Октябрьская» Алексей Косыгин. Хотя и волновался — впервые поднялся на такую большую трибуну, — говорил без бумажки, дельно и аргументированно.

В то время непременным довеском к речам уже стали здравницы в честь вождей и обличения «подлых двурушников», «фашистских убийц», ряды которых все пополнялись: Рыков, недавний Председатель Совнаркома, Зиновьев, Каменев, Бухарин… Вскоре после того, как стахановцы хлопчатобумажной промышленности разъехались по домам, Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило Ленинградскому обкому партии «дополнительно рассмотреть на особой тройке по первой категории дела на 1.500 кулаков, эсеров и рецидивистов-уголовников». Впрочем, Ленинград не был исключением. Аналогичные решения принимались по всем областям, краям, республикам, нередко по их инициативе. Например, 29 апреля 1938 года Политбюро «утвердило предложение Иркутского обкома ВКП(б) и УНКВД об увеличении дополнительного лимита по кулацким и контрреволюционным делам по первой категории на четыре тысячи человек».

Первая категория в их лексиконе означала расстрел.

Стахановцы НКВД справлялись и с дополнительным лимитом.

Перед слетом группа гостей из Москвы побывала на фабрике «Октябрьская». Среди них был и начальник сектора легкой, пищевой и местной промышленности Экономического совета при Совнаркоме СССР Михаил Сергеевич Смиртюков. Спустя годы он возглавит Управление делами Совета Министров СССР, много лет будет работать в самом тесном сотрудничестве с Председателем Совета Министров СССР. Та первая встреча запомнилась обоим. Михаил Сергеевич заметил: ткачихам приятно внимание директора, и внимание это не показное. Еще ему понравилась чистота в цехах, такой порядок не везде увидишь. Забегая немного вперед, скажу, что Смиртюков не ошибся в своей оценке. В делах секретариата Косыгина за 1947 год, через десять лет после его неожиданного ухода с фабрики, мне встретилось вот какое письмо.

«Дорогой Алексей Николаевич!
Разрешите Вас поздравить с днем рождения и

пожелать Вам, избраннику народа, государственному деятелю, в делах Ваших успехов громадных и долгие годы здравствовать. Вы — достойный сын нашей Родины. Вспоминается мне Ваша забота, забота о людях, внимательность к запросам трудящихся в то время, когда Вы были инженером, членом партбюро фабрики имени Желябова и заместителем секретаря т. Карпеиновой в 1937 г. Прошло десять лет. А Вас на фабрике работницы часто вспоминают.

Я очень извиняюсь, может быть, Вы уже не помните меня, я была вместе с Вами избрана в партком, будучи комендантом общежития.

От пенсионерки-орденоносца М. Ю. Кавардеевой, проживающей: г. Ленинград, Б. Пушкарская, д. 65, кв. 7».

…После слета стахановцев прошло всего четыре месяца. Ленинградскому обкому партии нужен новый заведующий промышленно-транспортным отделом. Выбор падает на Косыгина: знает производство, молод, энергичен, есть, хотя и небольшой, опыт партийной работы — в парткоме института, в партбюро фабрики, избран членом ревкомиссии горкома партии, из рабочих, делу Ленина-Сталина предан.

Пятого июля 1938 года Косыгин заполнял большую анкету. Один из вопросов: «Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда?)». Косыгин отвечал: «В оппозициях не участвовал, колебаний в проведении линии партии не было». Тогда же он написал автобиографию, частично нам уже знакомую. Читаем дальше.

«Находясь на 5 курсе в институте, поступил на фабрику им. Желябова и работал в качестве мастера, затем в качестве начальника цеха, начальника смены фабрики. Выбран на фабрике в члены парткома. Избран членом Василеостровского райкома. В 1937 году выдвинут в качестве директора Октябрьской прядильно-ткацкой фабрики. На фабрике был избран в состав парткома, в 1938 г. на Выборгской конференции избран в состав пленума РК и затем избран в бюро Выборгского РК. С I. VII.1938 г. бюро Ленинградского обкома назначило в качестве зав. промышленно-транспортным отделом обкома ВКП(б).

В Ленинграде живет отец по адресу: М. Вульфова ул., д. № 1/10, ком. 93 и с ним сестра нетрудоспособная. Отец получает пенсию и одновременно сторож в ЖАКТе. Брат в Ленинграде, член ВКП(б), работает в качестве директора

на рабфаке Красногвардейского района.

В оппозиции не состоял, выговоров не имею. Брат также никаких партийных взысканий не имеет».

На освобожденной партийной работе Алексей Николаевич Косыгин пробыл два с половиной месяца 1938 года, памятного процессом над Бухариным, Рыковым, Ягодой, Крестинским, Раковским… В те дни газеты печатали обвинительные заключения. Митинги доводили людей до исступления. «Шапка» через всю полосу «Ленинградской правды» призывала «беспощадно уничтожить троцкистско-бухаринских бандитов, стереть с лица земли подлых наемников фашизма».

Это одно лицо года. Второе — ликование на встрече полярников. Четверку отважных ученых во главе с Папаниным сняли после дрейфа станции «Северный полюс-1» с тающей льдины в океане. В Москве, Ленинграде их встречали так же, как через годы — Гагарина.

Наверное, прав Мандельштам: «Двойное бытие — абсолютный факт нашей эпохи и никто его не избежал». Это и про человека. И про общество.

«Ленинградская правда», рассказывая о делах областной и городской партийных организаций, следов партдеятельности Косыгина не сохранила. Кроме большой статьи «Важнейшее дело местной промышленности», опубликованной 9 сентября все того же тридцать восьмого года. Фамилия автора вверху. Над публикацией, занявшей целый «подвал». Интересная статья для ответственного партработника — по сути без ссылок на вождя и решения съездов.

Местная промышленность и промысловая кооперация области, замечает автор, план первого полугодия выполнили, но при этом торговля не получила 1 миллион 300 тысяч чайных стаканов, 300 тысяч ламповых стекол, 50 тысяч переносных ламп…

Какая проза, судачили за глаза партийные коллеги, набившие руку на борьбе с уклонами и оппозициями. Сорван выпуск детских матрасов, комодов, трудно купить даже сковородку, табуретку, патефонные иголки, резинки для подвязок… Ты скажи, кто в этих безобразиях виноват, кто вредительски срывает выпуск товаров широкого потребления, а уж мы с него за это спросим по полной программе. А Косыгин считал, что спрашивать надо с порядков, при которых все определяет Вал. Выпускали мебельные фабрики Ленинграда и области семь типов стульев, а теперь только — два. Так им выгоднее. План перевыполнили. И премия капает. Вот когда еще Алексей Николаевич нащупал болевую

точку советской экономики, но тогда он не представлял, какой затяжной окажется болезнь.

Его статья вышла, напомню, 9 сентября. А ровно через месяц Косыгину пришлось еще раз менять работу. Его избрали председателем Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Фотография на первой странице «Ленинградской правды»; внизу, в уголке, коротенькая биографическая справка.

Началась новая полоса в его жизни. 6 ноября Косыгин открывает торжественное заседание в Кировском театре. Седьмого, когда страна, Ленинград празднуют 21-ю годовщину Октябрьской революции, вместе с Ждановым, Кузнецовым поднимается на трибуну… 7 декабря — открытие памятника Кирову. «С большим вниманием, — замечает репортер «Ленинградской правды», — слушают собравшиеся речь председателя Ленсовета тов. Косыгина». Специально перечитал ту речь в старой газете. Выступление, в общем-то, в духе времени и другим быть не могло. Этапы жизни верного соратника товарища Сталина, проклятья «подлым убийцам из троцкистско-бухаринской банды наемников фашизма».

Это слова. А дела председателя Ленсовета посвящены тем самым прозаическим «мелочам», которые достают нас каждый день. Отладить нормальную работу транспорта, чтоб люди не давились по дороге на работу и домой. Построить новые школы, побольше жилья, магазинов, кухонь-столовых, пунктов детского питания… Вот на эту приверженность Косыгина черновой, практической работе, умение вести ее и обратили внимание в Кремле…

Второго января 1939 года газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении Косыгина Алексея Николаевича наркомом текстильной промышленности СССР. Сам нарком узнал об этом из свежего номера «Правды», которую ему дали на Ленинградском вокзале Москвы. До этого он только гадал, зачем его столь срочно вызвали в Москву.

Год с небольшим в наркомате и — новое назначение: заместитель Председателя Совнаркома СССР.

Родной город, свой институт Алексей Николаевич не забывал ни на каких должностях.

…Летом 1969 года, во время экзаменационной сессии в текстильном неожиданно, без всяких звонков и предупреждений, появился Председатель Совета Министров СССР. Ему предложили показать институт, но Косыгин вежливо ответил, что в этих стенах ему провожатые не нужны, может сам провести кого угодно. Алексей Николаевич заглянул на кафедры, в аудитории,

прошел на балкон большого актового зала. И ахнул — внизу тянулись, как в казарме, ряды раскладушек. Так разместили заочников, других мест для них не было. Подошли профессора, преподаватели. Говорили о сегодняшнем и завтрашнем дне института, о подборе абитуриентов — как можно более раннем, замечал Косыгин, о расширении информационной базы. Взглянув еще раз на «казарму», Алексей Николаевич пообещал вынести на рассмотрение Совета Министров вопрос о строительстве общежития, лабораторного корпуса, нового здания для техникума легкой промышленности. Журналисты институтской многотиражки подготовили информацию об этой встрече, но цензура ее не пропустила — о визитах членов Политбюро, мол, вправе писать только ТАСС, а ТАССу было неведомо, что Косыгин во время своего отпуска заглянул в родной институт.

— Ну и как обещания? — спросил я на всякий случай Романова, хотя знал, что за словом Косыгина всегда следовало дело.

— Мы и сегодня обходимся без общежитий студгородка, — ответил ректор. — Выручает косыгинское.

Виктор Романов — один из того полумиллиона ленинградцев, которых эвакуировали из города при непосредственном участии Косыгина весной и летом 1942 года. Это в его памяти навсегда.

— Нас эвакуировали в конце августа — начале сентября сорок второго через Ладожское озеро. Маму, меня и сестру… Мне было пять лет. Нас везли на дне баржи, только небо оттуда видел. Помню, как с пересадками ехали до Казахстана…

Ту страшную ленинградскую зиму мы прожили в подвале. Полгода лежали с сестренкой, не вставали, а мама ходила, добывала что-нибудь поесть. Спасло то, что на ее глазах убило лошадь. Беднягу тут же растащили, а матери достался кусок шкуры. Она ее молола, варила. И этого нам хватило на полтора самых трудных блокадных месяца.

КОВЫЛЬ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

24 мая 1980 года станица Вешенская чествовала Михаила Александровича Шолохова. Великому русскому писателю исполнилось 75 лет. На его праздник съехалось, слетелось столько начальства, столичного, ростовского, что в районном Дворце культуры не хватило мест для земляков. Одни слушали трансляцию на площади, другие дома. Сам именинник на празднество не пришел. Отговорился хворью. А может быть, показал характер.

У Шолохова с партноменклатурой брежневского набора отношения не складывались. В октябре 1964 года он не променял охоту на «исторический» пленум ЦК КПСС. Дал телеграмму из Уральской области: *«Приехать не могу. Сердечный привет. Шолохов».* Партийные бонзы, конечно же, принимали на свой счет и известную реплику писателя о Сталине: да, был культ, но была ведь и личность.

В общем, ЦК командировал в Вешенскую зав. отделом культуры Шауро. После торжественной части почетных гостей пригласили домой к Михаилу Александровичу. Был среди них и Валентин Осипович Осипов, мой давний товарищ, в то время директор издательства «Художественная литература», а еще раньше — главный редактор издательства «Молодая гвардия», выпустившего первые книги Шолохова. Была и Людмила Алексеевна Гвишиани-Косыгина, директор Библиотеки иностранной литературы, член редакционного совета издательства «Художественная литература». Не все в этом кругу знали о давнем знакомстве Шолохова и Косыгина, о том, что Михаил Александрович и Мария Петровна были на 70-летии Алексея Николаевича. Вот что рассказал мне Валентин Осипов:

«Людмилу Алексеевну пригласили в торец стола, к чете Шолоховых. Однако она деликатно отказалась и расположилась неподалеку. Но со всеми… Череда приветствий — тостов, подарки. Встала — замечу, не первой — и Косыгина.

Уже начало ее речи подтвердило ту скромность, которая была ей столь присуща:

— Дорогие Михаил Александрович и Мария Петровна! Примите от моего отца, от всей нашей семьи самые искреннейшие поздравления. Отец, к превеликому сожалению, не смог вас приветствовать… В отъезде… — Фамилии отца не поминала.

И в заключение небольшой этой своей речи передала подарок ко дню рождения — что-то в упаковке, невеликое по размеру.

…Нас, москвичей, вывозят на станичный аэродром. Усаживаемся в самолет — взревели моторы, пробежка. И вдруг… резкая остановка. Ревут, ревут моторы, несколько раз мимо нас, пассажиров, пробегают озабоченные летчики — то что- то высматривают по кругляшам окон, то даже открывают двери и соскакивают. Минут 15 такая суматоха. Наконец мотор утих и объявление: «Шасси попало в раскисшую землю. Просим выйти, будем ждать трактор-тягач…»

Вышли. Оглянулись. Станица далековато. Тихо и пустынно в этот воскресный день…

Но глядим: машина прямо по летному полю. Это младший сын писателя, Михаил Михайлович, не успел покинуть аэровокзальчика. Подъехал на отцовом газике и пояснил: «Трактор будет минут через сорок… Предлагаю скатерть-самобранку». И прямо на травке, по кромке летного поля, неподалеку от уткнувшегося в землю аэроплана, стелется неведомо как появившийся брезент. Тесно стало на нем. Это Михаил Михайлович и аэродромный начальник «сервировали», как пошутили, второй, выходит, завтрак. Прекрасны на свежем воздухе и в этом внезапном содружестве попутчиков станичные угощенья: россыпи свежей южной зелени и ядреные помидоры, и огурцы из зимнего засолья, домашняя колбаса, каравай вкусного хлеба и — не без этого — бутылки донского вина.

Поэт Егор Исаев, пока все это накрывалось, походил-походил за аэродромом, во чистом поле, и, вернувшись, этак галантно, с полупоклоном и при изящных выражениях, преподносит Косыгиной пучечек ковыля. Красив — по ветерку сединно стелется…

Но Людмила Алексеевна не приняла одаренье. Проговорила:

— Не обижайтесь, Егор Александрович… У нас в семье не принят ковыль… Началось в первый день войны. Мама на рынке, еще не зная, что через какие-то минуты объявят о войне, закупив, что надо было, купила и связочку ковыля.

Тогда в Москве он продавался как диковинка. Идет домой и тут — радио! С бедой на долгие годы… С того дня боимся ковыля. Уж извините…»

Заводы едут на Восток

Вот так степная, белобрысая трава, красивая только на вид, вдруг напомнила о войне, о том страшном дне 22 июня 1941 года.

Уже через несколько дней после начала войны Государственный Комитет Обороны создает Совет по эвакуации.

Косыгин — заместитель председателя. Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает при Совнаркоме Комитет продовольственного и вещевого снабжения Красной Армии. И здесь Косыгин зампред. В августе в составе комиссии ЦК ВКП(б) и ГКО он улетел в Ленинград. Очень скоро этот маршрут станет для него, уполномоченного Государственного Комитета Обороны в Ленинграде, почти таким же привычным, как дорога на работу. Клавдия Андреевна и Люся не раз будут провожать Алексея Николаевича на Центральный аэродром. Людмиле запомнилось, что отец улетал на «Дугласе», — там, в стеклянном «фонаре», сидел пулеметчик.

С июня 1942 года Косыгин отвечает за обеспечение Красной Армии инженерными и саперными средствами; в августе того же года получает еще одно поручение — он уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР по обеспечению заготовок местных видов топлива. (Для справки: одному, не самому крупному заводу требовалось 300 вагонов дров в сутки.) В июле 1943 года Косыгин становится председателем СНК РСФСР, одновременно оставаясь зампредом Совнаркома Союза.

Эвакуация. Такого масштабного перемещения производительных сил, как в Советском Союзе в сорок первом году, а затем под новым натиском вермахта и в сорок втором, мировая история не знала.

В Совете по эвакуации Косыгин работал «профессионально и самоотверженно», — отмечает один из его биографов С. Константинов *(Независимая газета, 14 декабря 2000 г.)*. «В аппарате Совета было всего несколько человек, — добавляет А. Болдырев, помощник Косыгина. — Вся тяжесть работы легла на плечи Алексея Николаевича, так как Шверник был нездоровым и крайне нерешительным человеком. Надежным помощником Косыгину в этих делах стал заместитель Председателя Совнаркома РСФСР К. Д. Памфилов».

В те страшные месяцы, случалось, немецкие войска врывались в города, которые даже не подозревали, что с этого дня, с этого часа, с этой минуты уже началась оккупация. Динамик на площади еще читал сводку Совинформбюро о боях километров за сто отсюда, над горкомом развевался красный флаг, а фашистские мотоциклисты уже мчались по захваченным улицам. Это происходило не только в первые недели войны на западных границах Союза, но и за тысячу километров от них. Например, в Мариуполе. Немцы ворвались в город восьмого октября 1941 года, когда там шло заседание бюро горкома партии… Но броневой стан Мариупольского завода имени Ильича — 216 вагонов — еще в августе выгрузили в Магнитогорске.

Собрали в новом корпусе. С 23 сентября он катал броню. Со многих заводов эшелоны уходили под бомбами.

Десятого июля 1941 года ГКО направил телеграмму в Киев, Хрущеву — ответ на предложения украинских властей. Приведу этот документ с небольшими сокращениями, поскольку он емко характеризует и настроения тех месяцев, и подход Сталина к тому, какой должна быть эвакуация.

«1) Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина (3 июля 1941 г.), где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии, и создать, как в армии, так и среди населения настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу.

2) Государственный Комитет обороны обязывает вас в виду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток. А чего невозможно вывезти, уничтожать, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров.

3) Электростанции не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых станции не могут действовать с тем, чтобы электростанции надолго не могли действовать.

4) Водопроводов не взрывать.

5) Заводов не взрывать, но снять с оборудования все необходимые ценные части, станки и т. д., чтобы заводы надолго не могли быть восстановлены.

6) После отвода наших частей на левый берег Днепра все мосты взорвать основательно.

7) Склады, особенно артиллерийские, вывезти обязательно, а чего нельзя вывезти, взорвать».

В сентябре 1941 года, безусловно, зная эти установки, Косыгин приехал в Харьков. Ему предстояло эвакуировать танковый, турбинный и электротехнический заводы. Каждый уходил по точно обозначенному маршруту. Танковый шел в Челябинск. Сюда же держали курс эшелоны Кировского завода из Ленинграда.

Из записи переговоров по прямому проводу И. В. Сталина с членами Военного совета Ленинградского фронта А. А. Ждановым и А. А. Кузнецовым: «Передаю предложения Москвы: 1) Вывезти на восток из Ленинграда станки, пресса, электрооборудование, литейное оборудование, инструмент, приспособления, штампы и кадры инженеров, техников, квалифицированных рабочих завода № 174 для производства танков Т-50 на востоке. 2) Вывезти на восток из Ленинграда станки, пресса, электрооборудование, литейное, кузнечное и прокатное оборудование, инструмент, приспособления и штампы, а также кадры инженеров, техников, квалифицированных рабочих Кировского и Ижорского заводов, занятых производством танков и танковых пушек…» *(Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 208).*

…Из Харькова Косыгин вместе со своим помощником А. Г. Карповым возвращался в Москву на машине. Только отъехали от города, как остановил патруль:

— Туда нельзя! Там — немцы, поезжайте направо.

Смертельная опасность была рядом.

В своей, может быть, самой последней публикации *(«В едином строю защитников Отчизны» // Коммунист. 1980. № 7)* Алексей Николаевич рассказал, как шло перебазирование производительных сил страны на Восток:

> *«…предприятия, подлежавшие эвакуации, из прифронтовой полосы, продолжали выпуск продукции до возможного последнего момента. Демонтаж оборудования и погрузка его в вагоны часто велись под артиллерийским обстрелом и бомбежками врага. Большие трудности были связаны с демонтажом и транспортировкой крупногабаритного оборудования, требующего огромного количества вагонов и паровозов.*
>
> *Одновременно надо было перевезти на восток миллионы людей, уезжавших со своими предприятиями, разместить их на новых местах, помочь устроиться. На узловых станциях железных дорог работали эвакуационные пункты. Они принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали их питание и медицинское обслуживание. Цепь эвакопунктов*

протянулась на тысячи километров — от прифронтовых железнодорожных станций юга и запада страны до Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии».

Дополню эту выразительную картину собственными впечатлениями.

Иногда из самых глубин моей памяти всплывает одно детское воспоминание: размытое, нечеткое, как нерезкая фотография. И, как фотография, достоверное.

Мы эвакуируемся на Урал: мама, сестренка и я. Из открытой двери теплушки я вижу какие-то серые штабеля — мне кажется, что это снаряды. Страшно низко, едва не касаясь земли, летит самолет — он много-много раз потом прилетал в мои сны.

Однажды, когда мы перелистывали наш семейный альбом и на стол выскользнул снимок девчушки в матроске с большим белым бантом, моей сестренки Нели, не дожившей до трех лет, я спросил про эвакуацию. Мама, сложив на коленях наработавшиеся руки, долго молчала, словно всматривалась куда-то, и было понятно, как больно ей все это вспоминать.

Сталино, октябрь сорок первого года. Бомбежки, суматошные — в несколько часов — сборы.

— На подводах нас привезли к проходной металлургического завода. Там, на заводских путях, стояли груженые платформы, товарные вагоны. Было у нас с собой всего имущества два одеяла. Одно прибили к стенке, вторым укрывались.

Точнее было бы сказать так: вторым одеялом мама укрывала нас, сестренку и меня. Неля была очень терпеливой: не плакала даже голодной. Зато мой крик, говорила мама, навсегда остался у нее в ушах: «Хлеба, хлеба!»

На какой-то станции, когда вперед пропустили эшелоны с ранеными, она выменивала на последнюю одежонку картошины, их выносили в кастрюлях, укутанных платками, и отсчитывали по штукам, еще горяченькие, согревающие одним своим видом. Но картошки в тот раз мы не дождались. Мама принесла лепешки — их раздавал эвакуированным какой-то старик. Именно раздавал, а не продавал, не обменивал. На другом полустанке обещали долгую стоянку. Женщины, переговорив между собой, решили идти в село: вроде бы там по талонам давали хлеб. Маму отговаривали: она ждала третьего ребенка. Не уговорили. Пошла со всеми. А когда вернулись, эшелона не оказалось. Отправили раньше времени. Догоняли нас мамы на товарняке с углем.

По дорогам сорок первого года на восток шли тысячи таких эшелонов, как наш. Они увозили от войны, оккупации нашу индустрию. Последний эшелон из полуокруженного Сталино вез

семьи рабочих металлургического завода, прокат, который казался мальчонке снарядами, промышленное оборудование — оно должно было как можно скорее стать новым заводом.

…14 ноября 1941 года Поскребышев, помощник Сталина, направил Мехлису и Косыгину письмо члена ВКП(б) с 1917 года Рыловникова-Рыльского. Оно было адресовано в ЦК ВКП(б) тов. Поскребышеву, но, может быть, прочел его и Сталин.

«Эвакуируя из гор. Сталино других, в конце всего из Донбасса эвакуирован и я в Новосибирск, но застрял в Сталинграде. Позвольте сказать по-большевистски прямо: я не видел такого беспорядка, хаоса и беспомощности за все годы революции. Народ произвольно движется на восток, буквально голодая, вынося невероятные страдания. И что плохо, так это неспособность властей на железной дороге и в городах организовать в широком масштабе питание и теплый кров для живых людей. Почему это так, я спрашиваю?

Какая злонамеренная, враждебная рука оставляет народ в пути на произвол судьбы? Знает ли обо всем этом ужасе и народном горе наш вождь и учитель тов. Сталин?»

Косыгин прочитал письмо, оставил в уголке пометку: АК. Да, хаоса и беспорядка хватает, мог подумать он, но меньше всего поможет порядку поиск «злонамеренной, враждебной руки». Война заставила перемещать миллионы людей и тысячи предприятий. Но ни одно из них не двигалось вслепую. Почти одновременно с письмом Рыловникова-Рыльского Косыгину принесли телеграмму из Горького. Совету по эвакуации докладывал уполномоченный ГКО Ширшов:

«1. В целях первоочередного продвижения эвакопоездов танковых, авиационных, вооружения, боеприпасов проведена по всей дороге натурная перепись вагонов…»

В задержанных эшелонах, отогнанных с главного хода в тупики, боковые ветки, ждали своего часа 46326 человек — целый город. В холодные вагоны привезли печки — это постарались два партийных обкома, Горьковский и Кировский. Наладили доставку хлеба. Подогнали два санитарных поезда и вагон-баню. На станциях и в поселках бани работали круглосуточно.

Еще один документ из «Переписки секретариата тов. Косыгина А. Н., ноябрь-декабрь 1941 года». А. И. Микоян докладывает зампреду Совнаркома, в Куйбышев.

«Тов. Первухину.

В течение ноября месяца нам с т. Косыгиным пришлось в силу обстоятельств заниматься упорядочением учета ресурсов угля и нефти и их

использования в Москве и Московской области.

Эту работу теперь надо считать законченной. Учет угля и нефтепродуктов и потребности в них предприятий Москвы и Московской области уже налажен. Аппарат Наркомугля и Наркомнефти с этим делом уже освоился и может составлять вполне грамотные и проверенные планы снабжения углем и жидким горючим.

Поэтому теперь вполне возможно Москву и Московскую область планировать в части снабжения углем и горючим в общем порядке, вместе с общим планом снабжения, рассматриваемым Вами в Куйбышеве…» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 4. Л. 110).

Перечитывая выступления, статьи Косыгина за разные годы, я обратил внимание на то, что в них почти нет личных местоимений: я, мне… Это свидетельство его редкостной щепетильности, душевной скромности. И уж если прорывается словечко от первого лица, говорится о таком большом деле, которым по праву можно гордиться. Когда над столицей нависла угроза, ГКО принял решение об эвакуации из Москвы и Московской области всех оборонных заводов. «Меня уполномочили руководить этой работой, — вспоминал Алексей Николаевич в статье, посвященной 35-летию Победы, на которую я уже ссылался. — 30 ноября мною было доложено ЦК партии, что эвакуировано почти 500 крупных промышленных предприятий, много высших учебных заведений, научно-исследовательских и проектных институтов, библиотек и музеев и других учреждений».

Воспоминания Косыгина дополняет нарком авиационной промышленности в годы войны Алексей Иванович Шахурин, кстати, ровесник Алексея Николаевича. Он непосредственно занимался эвакуацией предприятий наркомата из Москвы и Подмосковья и вот как описал один из октябрьских дней сорок первого года.

В 11 часов короткое совещание в Совнаркоме, затем — неотложные дела в наркомате и поездка на авиационный завод. «Проверил, как идет погрузка в вагоны оборудования, работающих вместе с их семьями. И нужно прямо сказать: нигде не заметил никакого паникерства или бестолковщины.

С завода возвращаемся ночью. Едем по темной Москве в Кремль, в Совет по эвакуации, к Н. М. Швернику и А. Н. Косыгину добывать вагоны под погрузку. Докладываем, сколько погрузили за сутки и сколько нужно на завтра. Совет очень строго проверяет, все ли загрузили, что нужно и насколько обоснованна

эта заявка.

По возвращении в наркомат снова проверка, все ли, кому надлежало выехать из Москвы, выехали, доклад диспетчерского отдела о работе промышленности за истекшие сутки. Связь по телефону с заводами, где дела шли плохо, и часам к 5 утра наступает конец рабочего дня. Можно 2–3 часа вздремнуть в комнате за кабинетом. Бодрствуют только дежурные по наркоматам и главкам. Но сон короткий, в 8 часов 30 минут уже в кабинете.

Ранним утром 16 октября вновь еду проверять, как идет демонтаж и погрузка».

В 1946 году Алексея Ивановича Шахурина несправедливо обвинили, отдали под суд. Только после смерти Сталина ему вернули доброе имя, погоны генерал-полковника, звание Героя Социалистического Труда. Шесть лет, с 1953-го по 1959-й, он работал заместителем председателя Госкомитета СССР по внешнеэкономическим связям. С пятидесяти пяти — пенсионер, хотя мог еще работать.

В чиновных кругах вокруг людей, попавших в опалу, немедленно возникает зона отчуждения. Помню, как на какой-то большой партийный хурал пришел Гейдар Алиевич Алиев, уже не член Политбюро, уже не заместитель Председателя Совета Министров. Еще вчера его окружили бы по делу и без дела десятки знакомых и не очень знакомых людей, чтобы мелькнуть перед глазами, напомнить о себе, засвидетельствовать… А теперь он стоял, совершенно отрешенный, будто между ним и толпой, которая перемещалась по огромному фойе Кремлевского дворца съездов, была какая-то незримая стена. Мы смотрели на это вместе с моим давним другом Виктором Поляничко, комсомольским и партийным работником, человеком высокой порядочности, позже он погиб в Северной Осетии. Наконец тезка не выдержал:

— Витя, пойдем поздороваемся с Гейдаром Алиевичем.

Вспоминаю об этом эпизоде и потому, что для Косыгина такой зоны отчуждения не существовало. Он мог порвать и порывал лишь с теми, кто заведомо врал, путал свой карман с государственным, интриговал вместо того, чтобы заниматься делом. Алексей Иванович Шахурин оставался в доме у Косыгиных своим человеком, независимо от должностей. Он прекрасно пел, а Алексей Николаевич, как умел, подпевал тезке.

…Еще одна деталь осени сорок первого. Десятого октября Сталин собирался провести пленум ЦК ВКП(б). Наметили повестку дня: «1. Военное положение нашей страны. 2. Политическая и государственная работа для обороны страны».

Сначала высокое партийное собрание отсрочили на месяц, потом еще и в конце концов провели пленум в январе сорок четвертого года.

Осенью сорок первого года «политической и государственной работой для обороны страны» наряду с фронтом была эвакуация, пуск заводов чуть ли не с колес. В Челябинске Ленинградский Кировский, Харьковский тракторный и ЧТЗ образовали Танкоград. Сейчас завода с таким названием нет. Он остался в военных сводках Совинформбюро, в вечной памяти народа.

Работая в конце 60-х годов уже прошлого века собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Челябинске, я часто бывал на ЧТЗ. Встречал тех, кто закладывал первые камни Танкограда. Что им помнится? Вчитаемся в стенограмму одной из встреч ветеранов.

«Василий Гусев, председатель Тракторозаводского райисполкома, в войну — бригадир фронтовой бригады: В Танкограде мы и работали, и жили. Тракторный завод преображался. На месте главного конвейера создавался цех сборки и сдачи танков… Нередко за ночь перестраивали пролет.

Михаил Титов, слесарь-ремонтник: В пролетах стояли жаровни — железные бочки с дырками. Дым такой — за метр человека не было видно. Пока суппорт идет вперед, позади эмульсия замерзает. Принесешь кипятку — лед растает…

Зоя Тарунина, инструментальщица: Я встречала первую партию эвакуированных ленинградцев. Многих из них прямо с аэродрома увезли в больницу. Тех, у кого хватило сил доехать до завода, провели в столовую. Не забыть, как смотрели они в сторону раздаточной, откуда пахло мясным бульоном.

Алексей Лебедев, токарь: Пожалуй, дороже бульона была нам ваша забота. Такое суровое время, а внимание к каждому человеку какое-то обостренное было».

В конце сорок первого года ЦК партии направил на завод Андрея Андреевича Андреева и Матвея Федоровича Шкирятова. Пришли они в сборочный цех. Первый вопрос парторгу: «Как устроены люди? У всех ли жилье есть?» Лукавили большие начальники или играли на публику? Даже год спустя, как докладывал уполномоченный КПК по Челябинской области тому же Андрееву, сотни рабочих совершенно не имели одежды и обуви — только спецовки.

«Василий Гусев: Нет, не у всех было жилье. Я знаю ребят, которые поначалу жили прямо в цехе, отогревались у труб… Но никто не жаловался. Думали об одном: как дать больше танков».

Да, они жили одним: больше танков, самолетов, снарядов… Но почему же так мало думали о них? Читаю в рассекреченных

недавно документах Российского госархива новейшей истории: «Рабочий завода № 150 т. Костыря работает и не выходит из цеха в течение 1,5 месяца из-за отсутствия одежды и обуви. Рабочий цеха № 300 не выходит из цеха в течение трех месяцев по той же причине. В бараках отсутствует кипяток и даже нередко питьевая вода». Во второй половине 1941 года заводы дали фронту 2819 «тридцатьчетверок» и «КВ». Первые семь тяжелых танков из Челябинска мчали под Москву, на ходу продолжая монтаж. На всем пути эшелону была открыта «зеленая улица». Прямо с дороги добровольческая танковая рота, сформированная на заводе, вступила в бой.

Уральские, сибирские, казахстанские города и поселки встречали эвакуированных. С металлургических заводов Донбасса буквально под огнем ушли в тыл свыше четырех тысяч вагонов с оборудованием, материалами, людьми. Из Сталинской области эвакуировалось около 13 тысяч квалифицированных металлургов. Вместе с членами семей — около 30 тысяч человек. Среди них и наша семья.

Наш эшелон шел в Серов. Но до места назначения мы не доехали: у мамы начались роды… На станции Бердяуш нас высадили. Попутчики перенесли маму в больницу при вокзале, поделились с нами сахаром и сухарями, и побежали к поезду…

Дальше нам предстояло ехать вчетвером: мама, Неля, Рая и я. Медсестры помогли купить билеты. В вагоне попутчики отлили бутылку молока, дали хлеба.

— Вас с Нелей я положила спать валетиком, — вспоминала мама, — а маленькую взяла к себе под пальто и уснула. И приснилось мне, будто в лесу мы с тобой ищем Нелю и не можем найти…

Неля простудилась и умерла в пути. Ей сколотили гробик из досок, сорванных со станков. Она осталась на заметенном первым снегом полустанке, названия которого мне уже не у кого спросить.

На станциях день и ночь дымились котлы, день и ночь тыловые города встречали эвакуированных — это действовала косыгинская цепочка эвакопунктов.

Семьи челябинских, ташкентских, кузбасских рабочих поселяли эвакуированных у себя. Не каждый сейчас поймет, пожалуй, фразу: «Живу на уплотнении». Тогда она была в большом ходу — и в письмах, и в разговорах. Значит, потеснился кто-то, уплотнился в своей и без того не слишком просторной квартире.

Мы тоже жили на уплотнении. Нет у меня нашего уральского адреса и очень жалею, что не могу найти тех, кто принял нас под

свой кров, поклониться им.

Позже историки подсчитали: до конца 1941 года было эвакуировано 1523 промышленных предприятия. Полководцы сравнили эвакуацию с крупнейшими победными сражениями Великой Отечественной войны. Английский публицист А. Верт назвал ее в числе «самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны».

Да, это действительно был подвиг. Рабочие демонтировали под бомбами прокатные станы, моторы, турбины. Железнодорожники пробивались по забитым до отказа магистралям, готовым разорваться от хлынувшего вдруг железного потока. Строители поднимали цеха за сроки, казавшиеся прежде совершенно невероятными.

Блок Ада

В русский язык слово «блокада» пришло из английского. Блокировать крепость, гавань, берег, поясняет Даль, лишая всякого сообщения. Это цель блокады. Но только в русском, кажется, это слово раскрывается и таким глубинным смыслом: *Блок Ада.*

Седьмого октября 1941 года Гитлер отдал приказ не принимать капитуляцию Ленинграда. Еще раньше, 22 сентября, военно-морской штаб Германии принял директиву о Ленинграде: «Стереть город с лица земли».

Угроза Ленинграду нарастала. 26 августа Государственный Комитет Обороны направил в Ленинград группу уполномоченных: Молотова, Маленкова, Кузнецова, Косыгина, Жигарева, Воронова. Им предстояло совместно с военными принять решения по всем вопросам «обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда». Комиссия ГКО приняла несколько ключевых решений. В том числе — оптимизация органов военного управления, дальнейшая эвакуация предприятий и населения, обеспечение боеприпасами и продовольствием. Но время, отведенное на эвакуацию, на пополнение запасов истекало.

29 августа 1941 года нарком путей сообщения Л. Каганович (он был и членом Политбюро, и членом ГКО) доложил Сталину: с 14 часов «движение поездов с Ленинградом прервано по всем линиям». Немецкие и финские войска блокировали город. Начиналась блокада Ленинграда — одна из самых трагических и героических страниц в истории Великой Отечественной войны.

После «Блокадной книги» и ряда других публикаций последних лет казалось — все о тех страшных месяцах уже сказано. Но вот выходит книга историка Никиты Андреевича Ломагина и называется она — «Неизвестная блокада». В двухтомнике впервые представлены закрытые до самого последнего времени секретные документы партийных органов, спецсообщения НКВД, выдержки из дневников и писем ленинградцев, материалы из зарубежных архивов. Не раз и не два там встречается имя Косыгина.

В силу разных причин, в том числе и из-за беспечности руководителей Ленинграда, в первые месяцы войны эвакуация была не особенно массовой. Как вспоминал Алексей Николаевич, к концу августа было отправлено в глубокий тыл около 100 крупных предприятий, в том числе часть оборудования Кировского и Ижорского заводов и вывезено более 600 тысяч человек. Железнодорожники гнали в Ленинград эшелоны с продовольствием, которые первоначально предназначались для западных районов страны, где уже были немцы. А в Ленинграде — полно складов, свободных помещений, их можно временно занять. Но, пишет Н. Ломагин, «*Жданов попросил Сталина не засылать продовольствие в Ленинград без согласия ленинградского руководства, что и было сделано*».

Восьмого ноября немцы захватили Тихвин и перерезали коммуникации, по которым грузы шли к Ладожскому озеру. В этот же день Сталин говорил со Ждановым и командующим Ленинградским фронтом Хозиным. «Вам дан срок в несколько дней, — говорил Сталин. — Если в течение нескольких дней не прорветесь на восток, вы загубите Ленинградский фронт и население Ленинграда… Надо выбирать, между пленом, с одной стороны, и тем, чтобы пожертвовать несколькими дивизиями, повторяю, пожертвовать и пробить дорогу на восток, чтобы спасти ваш фронт и Ленинград… Повторяю, времени у вас осталось очень мало, скоро без хлеба останетесь…»

Девятого ноября ГКО принял решение о доставке в Ленинград продовольствия на самолетах. (Вот как аукнулись те летние поезда!) Операция была рассчитана на 5 дней, ежедневная доставка — 200 тонн. «Идея использования «дугласов» для снабжения Ленинграда вызвала неодобрительную реакцию Сталина, считавшего его «нецелевым», — замечает Н. Ломагин. — Несмотря на доводы А. Микояна и секретаря Ленинградского горкома ВКП (б) А Кузнецова в пользу продолжения доставки продовольствия в Ленинград по воздуху, Сталин с ними не согласился».

Кстати, Главнокомандующий не верил и в возможности Ледовой дороги через Ладожское озеро, которую позже назвали

«Дорогой жизни». Сталин, поддержав предложение об эксплуатации этой военно-автомобильной дороги, сделал на документе такую приписку: *«Предупреждаем вас, что все это дело малонадежное и не может иметь серьезного значения для Ленинградского фронта».*

Ошибся Иосиф Виссарионович. Не поверил питерским. А ведь они ссылались на вековой опыт. Долгими зимами все здешние реки, каналы превращались в дороги. По Неве до зимы 1910/11 года даже ходили ледовые трамваи — Косыгин с детства помнил их. На военно-автомобильной дороге через Ладогу не хватало машин, и Алексей Николаевич предложил пустить по озеру троллейбусы, их в Ленинграде было много, но это предложение сочли уж слишком экстравагантным.

Официальные издания давали лишь общие представления о блокаде. «В начале 1942 г. в Ленинграде насчитывалось 2116 тыс. жителей, из них 32,5 процента составляло нетрудоспособное население. 22 января Государственный Комитет Обороны принял постановление об эвакуации из города 500 тыс. человек, — говорится в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза». — Для непосредственного руководства эвакуацией в Ленинград прибыл заместитель Председателя СНК СССР А. Н. Косыгин. Благодаря хорошо организованной работе ледовой трассы из Ленинграда удалось вывезти с 22 января по 15 апреля свыше 500 тыс. человек».

Историки оперируют круглыми цифрами. А в войну счет шел на единицы. 13 апреля 1942 года Косыгин получил телеграмму, которую подписал секретарь Ленинградского горкома ВКП (б) Смирнов.

> *«Из Шпаги 8302*
> *13. IV.42 г.*
> *Москва, Зампредсовнаркома СССР*
> *товарищу Косыгину*
> *С 22/I по 12.IV.1942 г. эвакуировано из Ленинграда 50 846 человек, в том числе 11 апреля 9658 человек и 12 апреля 690 человек».*

И дальше секретарь горкома перечисляет по категориям: 28 454 — учащиеся ремесленных училищ, 65 732 — рабочие и служащие, 191 094 — семьи рабочих и служащих, колхозники с Карельского перешейка — 27 274, дети — 12 639, заключенные — 1150…

В те же дни Косыгин утвердил «Порядок набора рабочих из числа эвакуируемого из города Ленинграда населения на районных эвакопунктах». Документ обязывал работников

эвакуационных комиссий «вести подробные беседы с гражданами по вопросу набора их на предприятия, объясняя в каждом отдельном случае условия работы, ориентировочный размер заработной платы и жилищные условия».

В своей статье, опубликованной в журнале «Коммунист» к 35-летию Победы, Алексей Николаевич, напомнив эти цифры, писал: «С большими трудностями проходила в холодных зимних условиях доставка ослабленных голодом людей поездами к Ладожскому озеру, а далее по Ледовой трассе через Ладогу в автобусах или открытых грузовых автомобилях на восточный берег озера. На организованных там эвакопунктах они получали необходимое питание и после короткого отдыха их отправляли по железной дороге в глубь страны». Для статьи премьера и члена Политбюро о советской экономике в военные годы этого было, наверное, достаточно. Больше в 80-м году не мог сказать даже он.

Документы, недоступные для публикаций в те годы, открылись только сейчас. Приведу в сокращении лишь одно из многих совершенно секретных спецсообщений Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду:

«28/29 января 1942 г. № 10128

В первой половине января, кроме муки, никакие продукты питания в Ленинград не поступали. Завоз в город продовольствия начался с 16 января в размерах, не обеспечивающих полного отоваривания продовольственных карточек населения.

Произведенное с 24-го января увеличение нормы выдачи (400 грамм рабочим, 300 грамм служащим, 250 грамм иждивенцам и детям), при ограниченной выдаче других нормированных продуктов, не улучшило положение населения.

В связи с продовольственными трудностями, отсутствием в жилых домах города воды и электроосвещения, недостатком топлива, отрицательные настроения населения возросли…

Военная цензура также отмечает рост отрицательных антисоветских настроений.

Если в начале января корреспонденция граждан с отрицательными настроениями составляла от 6 до 9 %, то за последние дни такая корреспонденция составляет 20 %.

Авторы писем, характеризуя обстановку в городе, сообщают, что положение Ленинграда безнадежно, население вымирает, заботы о нем государство не

проявляет…

Смертность и заболевания в городе на почве недостатка продовольствия продолжают возрастать. Если в декабре 1941 г. в городе умерло 52 612 человек, то за 25 дней января умерло 77 279 человек…

В январе поднято на улицах и направлено в больницу заболевших на почве истощения 2559 человек. За это же время скоропостижно скончалось на улицах 2207 человек…

Ввиду возросшей смертности населения, существующие в городе организации по захоронению не справляются с работой. В связи с этим участковые формирования МПВО и 4-й полк НКВД переключены на рытье траншей и захоронение трупов.

Как в городе, так и в пригородах Ленинграда возрастают случаи людоедства.

Всего в городе зарегистрировано 179 случаев употребления человеческого мяса.

Арестовано за эти преступления 273 человека, из них:

В ноябре арестовано — 4 чел.

В декабре — 43 чел.

За 25 дней января — 226 чел…

За это же время с целью похищения хлеба было 72 случая нападения граждан на продовольственные магазины и повозки с хлебом…

Используя продовольственные затруднения спекулянты продают продовольственные товары по мародерским ценам…

С целью борьбы со спекуляцией усилено оперативное обслуживание продовольственных магазинов, баз, столовых. Систематически проводятся обходы и облавы на рынках. В январе с. г. за спекуляцию и хищения арестовано и предано суду 657 человек.

Следствием по ряду контрреволюционных организаций и групп установлено, что враждебные элементы пытаются использовать продовольственные трудности для разжигания недовольства среди населения и подготовки политически неустойчивых лиц для организации восстания…

Начальник управления НКВД ЛО

Комиссар Государственной Безопасности

3-го ранга

Кубаткин».

(Цит. по: Н. Ломагин. Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 279–285.)

Такой была ситуация в Ленинграде, когда ГКО признал необходимым эвакуировать из города еще 500 тысяч человек, что, к сожалению, не было сделано в первые месяцы войны. Эту задачу Сталин поставил перед А. Н. Косыгиным, назначив его уполномоченным ГКО. На сборы — сутки. С Алексеем Николаевичем в осажденный город вылетели его помощники — А. С. Болдырев, А. К. Горчаков, А. Г. Карпов, Г. А. Малявин. Анатолий Сергеевич Болдырев оставил содержательные воспоминания о своей работе с Косыгиным, в том числе и об этой ленинградской командировке.

«До отъезда оставались лишь сутки, — вспоминал А. С. Болдырев, — но Алексей Николаевич успел договориться с председателем исполкома Моссовета Прониным о подготовке для Ленинграда колонны из 40 автобусов и 200 грузовых машин с водителями и ремонтниками и загрузке их продовольствием и запчастями. Он условился с Ярославским и Горьковским обкомами партии, что они тоже отправят в Ленинград 260 грузовиков. Нарком путей сообщения обещал срочно доставить к линии фронта людей и машины.

19 января, получив предварительно продукты и теплую одежду, мы вылетели в Ленинград. Прилетели в сумерки. Через час Косыгин приехал в Смольный. А. А. Кузнецов рассказал Алексею Николаевичу о положении в городе с подвозом продовольствия, топлива, вооружения, боеприпасов, о нормах выдачи продуктов, о страшном голоде, ежедневных артобстрелах и бомбардировках.

На следующий день Горчаков и Малявин побывали на оборонных предприятиях, а я и Карпов отправились на Финляндский вокзал, чтобы уточнить возможности организации массовой перевозки людей до Ладожского озера. Вечером Косыгин выслушал наши доклады. Положение оказалось более тяжелым, чем мы ожидали. Автомобильный транспорт не был подготовлен к массовой эвакуации. В еще худшем положении была железная дорога: не хватало паровозов, топлива, воды. Многие машинисты, ремонтники, путейцы просто не могли работать из-за сильного истощения.

Горчаков и Малявин, побывавшие на заводах, рассказали, что на многих из них есть немало оборудования, приборов, цветных

металлов, крайне необходимых для тыловых предприятий, работающих на нужды фронта. Алексей Николаевич распорядился подготовить списки всего, подлежащего вывозу из осажденного города без ущерба для его обороны.

21 января на заседании военного совета были рассмотрены предложения по массовой эвакуации. Затем Косыгин позвонил Сталину, доложил ему об обстановке в городе и намеченных мерах. 22 января ГКО распорядился об эвакуации из Ленинграда 500 тысяч человек.

Ледовая дорога через Ладожское озеро, «Дорога жизни», стала единственным путем, по которому можно было эвакуировать ленинградцев, доставлять в осажденный город продовольствие, оружие, боеприпасы, горючее, вывозить промышленное оборудование и материалы. Это огромное хозяйство включало в себя множество различных служб. К февралю 1942 г. ВАД (военно-автомобильная дорога) была приведена в образцовое состояние: трассы расчищены, через каждые 1–1,5 километра оборудованы съезды, из снега и льда сооружены домики для регулировщиков. На 9, 11, 20 и 24-м километрах были поставлены четыре большие утепленные палатки. На ВАДе было занято около 19 тысяч человек, почти 3800 грузовых машин, автобусов, тракторов, а также три полевых госпиталя, пять эвакогоспиталей…

Даже налеты фашистской авиации не нарушали четкого ритма работы Ледовой дороги. Улучшение ее работы позволило с 11 февраля 1942 г. восстановить нормы выдачи хлеба, существовавшие до 12 сентября 1941 г. С этого же времени продовольственные карточки отоваривались полностью по всем видам продуктов.

…Посмотрите на карту Карельского перешейка — в сторону от Ладоги, от Ленинграда на восток идет пригородная Ириновская железнодорожная ветка. Здесь, на станции Борисова Грива, километрах в тринадцати от озера и решено было организовать один из основных пунктов эвакуации ленинградцев по «Дороге жизни». В феврале каждые сутки из Ленинграда отходило по два, а в марте — по пять-шесть составов. Большую помощь в перевозках оказали командированные в Ленинград по просьбе Алексея Николаевича паровозные бригады, рабочие других железнодорожных профессий.

Алексей Николаевич Косыгин каждые два-три дня наведывался на станцию Борисова Грива, объезжал по кольцевым маршрутам все пункты приема и отправки людей, грузов, пункты ремонта автотехники и защиты «Дороги жизни» от авиации противника. Бывал он на эвакопункте станции Жихарево, за

блокадным кольцом, уже на восточном берегу Ладоги. Как-то он остался ночевать в Жихареве. Поздно вечером мы собрались спать. Небольшого роста Карпов улегся на короткую кровать, Алексей Николаевич — на обычную. Пока он укладывался, я вышел в коридорчик и вернулся с двумя полушубками, которые начал раскладывать на полу. Алексей Николаевич, приподнявшись, некоторое время смотрел на мои приготовления, а затем тоном, не терпящим возражения, сказал: «Вы что это надумали? На полу дует, кровать у меня широкая — марш ко мне».

Я начал было отговариваться, но он решительно подвинулся к стене, положил рядом со своей подушкой вторую, и я бочком примостился рядом.

Утром мы направились к большому корпусу Дворца культуры, на первом этаже которого размещали приехавших ленинградцев. Там они могли немного отдохнуть, согреться, поесть горячего, получить паек на дальнейшую дорогу. В огромном помещении было чисто, светло и сухо. С лиц эвакуированных исчезла угрюмость, настороженность, они переговаривались, улыбались. Алексей Николаевич подходил к людям: «Вам помогут сесть в поезд. Желаю доброго пути, но хочу предупредить, что дорожный паек надо экономить».

…22 и 23 апреля по «Дороге жизни», через промоины, укрытые деревянными щитами, на фронт перебросили почти 11 тысяч солдат. А в 16 часов 24 апреля движение по Военно-автомобильной дороге было прекращено».

Легендарная «Дорога жизни» сыграла исключительную, если не решающую роль в обороне Ленинграда.

В апреле Косыгина вызвали в Москву. На заседании ГКО он сделал подробное сообщение об эвакуации населения из осажденного Ленинграда, о завозе продовольствия, топлива, боеприпасов… 25 апреля на заседании ГКО был рассмотрен вопрос о строительстве трубопровода по дну Ладожского озера. Трубы и насосы предлагалось найти в самом Ленинграде. Контроль за выполнением этого задания возложили на Алексея Николаевича. Трубопровод длиной 29 километров был сдан в эксплуатацию досрочно и обеспечивал с 1942 года топливом город и фронт.

На том же заседании ГКО Косыгину была поручена подготовка к открытию навигации через Ладожское озеро. Это задание было не менее сложным, чем организация Ледовой дороги, но и оно было выполнено. Строились порты и причалы, восстанавливался озерный флот. К открытию навигации Ладожская флотилия насчитывала 116 судов».

Дополню эти свидетельства документами, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации на Большой Пироговской в Москве. В 1964 году сюда передали материалы секретариата заместителя Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР А. Н. Косыгина с 1940 по 1956 год. Что же хранит папка, начатая 7 апреля и оконченная 2 августа 1942 года? В ней документы об эвакуации Ленинграда, письма и телеграммы Косыгину, которые дополняют представление о тех днях.

Вот «Справка о ходе вывозки упакованного оборудования к местам погрузки в вагоны». Информация полная: сколько вагонов запланировано, сколько доставлено — проценты и адреса. В другой справке — «сведения о материалах и готовой продукции, подлежащей эвакуации». При этом наряду с общим весом указывается «максимальный вес отдельного веса». Не будем придираться к повтору, людям было не до стилистических тонкостей. А вот знать, например, что авиаполотно упаковано по 50 кг, было нужно: это помогало организовать погрузку.

На машинописном «Отчете об эвакуации оборудования с ленинградских заводов с 1 по 15.VIII.1942 г.» рукой Косыгина приписано:

> *«Товарищу Вознесенскому Н. А.*
> *Товарищу Микояну А. И.*
> *Товарищу Молотову В. М.*
> *За эти две недели ленинградцы отправили еще 496 вагонов с оборудованием — 929 токарных станков, 239 револьверных, 100 шлифовальных…»*

В примечании говорится об 11 вагонах технологического вакуумного оборудования Наркомэлектропрома. Косыгин уточняет: «откачные посты мощных генераторных ламп, электрооборудование электронных и лучевых ламп и газотронов».

Эти станки и агрегаты хорошо поработали для фронта, для победы. Но ведь сами по себе они мертвы, груда умного железа. Почитайте телеграммы наркомов, посланные Косыгину в те дни:

> *«Прошу Вашего распоряжения направить заводам Наркомата станкостроения Москвы квалифицированных рабочих металлистов двтчк Орджоникидзе двести станконструкция 150 станконормаль пятьдесят Дмитровский фрезерных станков сто пятьдесят Нарком станкостроения Ефремов» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 1. Л. 42).*

11 500 квалифицированных рабочих с указанием специальностей запросил нарком боеприпасов Ванников. Спасенные люди, питерские мастеровые стали опорой многих трудовых коллективов.

Детей из Ленинграда отправляли отдельными эшелонами. В одном из них случилось ЧП.

> *«Москва, зампредсовнаркома Косыгину.*
>
> *Начальник детского эшелона товарищ Капитонов сообщил, что в Рязани питание детского эшелона сорвано тчк Работники по эвакуации Рязани организовали обыск эшелона пытались отобрать продукты тчк Прошу принять меры Предисполкома Ленгорсовета Попков».*
>
> *«Ленинград горисполком Попкову*
>
> *Капитонов присвоил себе продукты предназначенные для детей зпт оказался проходимцем тчк Привлекается ответственности тчк обратите внимание подбор начальников эшелонов. Запредсовнаркома Косыгин» (там же. Л. 41–42).*

Косыгин умел быть жестким, когда этого требовали обстоятельства.

Оценивая деятельность Косыгина в Ленинграде сорок второго года, Болдырев с полным основанием называет ее «самой яркой и трудной его работой, потребовавшей огромных усилий воли и физических сил». С такой же самоотдачей трудились люди рядом с Косыгиным. Он помнил об этом. В январе сорок пятого, узнав, что несколько товарищей обойдены наградами, распорядился представить их к награждению медалью «За оборону Ленинграда». Это были Михаил Романович Кузьмин, в то время, в сорок пятом, замнаркома внешней торговли, Иван Михайлович Максимов, председатель ЦК профсоюза рабочих-пожарников, генерал-майор Андроник Мелконович Петросян, работник Управления делами СНК СССР Михаил Абрамович Сиротин. Еще раньше по предложению Косыгина, Попкова и Капустина к боевым наградам представили водителей. Всего они вывезли из осажденного города 1 миллион 376 тысяч человек. Вывезли под бомбами и снарядами, минуя трещины и полыньи. Не всем удавалось добраться до заветного берега. Многие машины навсегда уходили под лед…

Алексей Николаевич Косыгин был так загружен текущими делами, что для «лирических отступлений» в прошлое у него не было времени. Но иногда какой-то внешний толчок — письмо из Ленинграда, выход книги о блокаде, редкий военный снимок, словно волшебный ключик открывал его душу, и он возвращался

в те памятные дни.

В канун 30-летия Победы студенты Ленинградского текстильного института попросили Косыгина поделиться воспоминаниями о блокаде.

«Вы просите меня, чтобы я написал вам о своей работе в Ленинграде в тяжелый 1942 год, — ответил он. — В январе сорок второго года Государственный Комитет Обороны направил меня в Ленинград для руководства и принятия на месте необходимых решений по всем вопросам, связанным с эвакуацией населения и оборудования, а также по вопросам обороны Ленинграда. Написать кратко об этом крупнейшем, историческом в полном смысле этого слова событии невозможно. Изложение отдельных фактов и эпизодов не будет в достаточной мере характеризовать эту героическую эпопею. Несколько дней назад Лениздатом выпущена книга, рассказывающая об обороне Ленинграда в сорок втором году, о работе Ленинградской «Дороги жизни». В этой книге помещено мое краткое предисловие.

Примите сердечные поздравления с 30-летием Победы!»

Есть общее знание о событиях такого масштаба. Пискаревское кладбище… Дневники Тани Савичевой, маленькой девочки, потерявшей всех родных и близких и тоже умершей от голода. Надпись на Невском: «Эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле».

Есть детали, которые и через годы трогают так же, как тогда, когда услышал о них впервые. Немцы отпечатали пригласительные билеты на парад на Дворцовой площади и банкет в «Астории». И в этот же день Блокадный театр дает «Евгения Онегина». У Татьяны Лариной, вспоминает очевидец, была синяя от холода спина, пар шел изо рта… Зрители не могли аплодировать, только кланялись. Артистам дарили не цветы, а кусочки хлеба.

В блокадном Ленинграде работали школы, вузы, исследовательские центры… «В апреле 1942 г., проходя по Невскому, я прочитал в газете, что нам присуждена Государственная премия за разработку метода защиты кораблей». Нам — это группе молодых ученых из Ленинградского физико-технического института, которые разработали систему противоминной защиты кораблей, принятую на вооружение за три месяца до начала войны. А газету на Невском читал Анатолий Александров, будущий академик, будущий президент АН СССР, в те годы — один из сотрудников Игоря Курчатова. Занимались они ураном…

На пенсии Алексей Николаевич собирался записать свои воспоминания, но судьба не отвела ему для этого сроков. Листая

справки, сохранившиеся в архивах, он наткнулся бы и на свое письмо в Ленинградский горком ВКП(б). Прочитайте его, обратите внимание на дату — двенадцатое сентября 1942 года. Фронт катится к Сталинграду и по Кубани к предгорьям Кавказа.

> *«Тов. Кузнецову А. А.*
>
> *В связи с тем, что эвакуируемый из г. Ленинграда в г. Ярославль завод «Союз» Наркомместпрома РСФСР (являющийся единственным в СССР) работать на новом месте без опытных, квалифицированных рабочих и ИТР не может, прошу Вас дать указание об эвакуации из г. Ленинграда в г. Ярославль квалифицированных рабочих и ИТР завода «Союз» вместе с оборудованием.*
>
> *Без этих рабочих производство пищущих перьев не может быть восстановлено. Имеющиеся запасы перьев истекают. Школы в текущем учебном году могут остаться без перьев. Косыгин».*

Не остались школы без перьев. Скрипели тоненькие 86-е номера, узкие «селедочки», чем-то похожие на пайковых «родственниц», широкие рондо, недоступные первоклассникам. Выводили: «Будет и на нашей улице праздник!» Это писали перья, приравненные к штыку.

Подарок саперов

Передо мной записка Болдырева, адресованная Косыгину.

> «Дорогой Алексей Николаевич!
>
> Сердечно поздравляю Вас с Днем Победы. Саперы передают Вам саперную лопатку в память о том, что Вы сделали в дни войны для оснащения наших войск инженерным оружием».

В конце июня 1942 года Председатель Совнаркома перераспределил обязанности среди своих заместителей. Малышеву Сталин поручил танковую промышленность, Тевосяну — черную и цветную металлургию, Микояну — продовольственное и вещевое снабжение Красной Армии, Косыгину — обеспечение армии инженерными и саперными средствами.

Конечно, саперная лопатка — это только символ инженерных средств. В их перечне — мины и специальные ножницы, колючая проволока и маскировочные сети, понтоны и техника особой

секретности (ТОС).

Года два назад, встретив свое столетие, ушел из жизни один из выдающихся наших разведчиков Илья Григорьевич Старинов. На рассвете 14 ноября сорок первого года оккупированный Харьков потрясли два мощных взрыва — взлетели на воздух особняки, в одном из которых размещался генерал-лейтенант фон Браун, комендант Харькова, в другом — офицеры штаба 68-й немецкой дивизии. Бомбы, заложенные заранее, с помощью радиозамыкателя в приборе ТОС, привел в действие из Воронежа Илья Старинов.

Второго апреля 1943 года за успешное выполнение заданий по изготовлению и снабжению армии средствами инженерного вооружения Президиум Верховного Совета СССР наградил 369 рабочих, инженеров, конструкторов, руководителей, военнослужащих орденами и медалями. Алексею Николаевичу Калинин вручил орден Красного Знамени.

…Война подошла к середине. Впереди была великая битва на Курской дуге, помеченная пока только на штабных картах. Еще предстояло прорвать блокаду Ленинграда, освободить Кубань и Крым… Но именно в эти дни Алексей Николаевич Косыгин получил новое назначение: оставаясь зампредом СНК СССР, он возглавил Совнарком России. Следом за солдатом на освобожденную землю шли строитель и пахарь.

РАБОТАЛИ, КАК СРАЖАЛИСЬ

Новое назначение, как и прежние, было неожиданным. Правда, на этот раз Косыгин узнал о нем не из газет, как это случилось в 39-м при утверждении наркомом текстильной промышленности. После очередного доклада о поставках на фронт инженерных и саперных средств — перед летними сражениями, к которым готовились и советские, и немецкие войска — Сталин попросил Косыгина задержаться.

— Думаем назначить вас председателем СНК РСФСР, — сказал Иосиф Виссарионович и, помолчав, добавил: — При этом вы остаетесь заместителем председателя Совнаркома СССР.

Перед этим разговором Косыгин направил Болдырева и Колягина, начальника Главного военно-инженерного управления, в город Муром, славный не только своей седой историей и крупитчатыми калачами. Там делали кое-что для армии, в том числе и понтоны. Но до Мурома Болдырев не доехал. У моста через Оку его машину нагнал фельдъегерь:

— Товарищ Болдырев? Вам пакет.

В пакете оказалась короткая записка: «Немедленно возвращайтесь в Москву. Косыгин».

В Москве Анатолий Сергеевич узнал о новой перемене в своей судьбе: председатель СНК РСФСР Косыгин утвердил его управляющим делами Совнаркома республики.

Это случилось 23 июня 1943 года. Три года — без трех месяцев — Алексей Николаевич возглавлял правительство России, вникал во все дела, хотя теми или иными российскими проблемами по своим обязанностям в союзном Совнаркоме он, конечно, занимался и раньше. Три года, два из которых еще продолжалась Великая Отечественная, а сразу после нее — война с Японией. Что было самым главным для Косыгина в это время? Вчитываясь в деловые бумаги двух совнаркомов, союзного и республиканского, выделяешь несколько сквозных тем. Фронтовые задания. Восстановление освобожденных районов и возвращение из эвакуации; первые просьбы встречаются в почте января 1943 года, но на них Косыгин отвечает отказом. Дети — помощь сиротам, школам. Устройство инвалидов войны, семей военнослужащих, особенно погибших воинов. Конечно, в реальной жизни все переплеталось. Одни неотложные дела накладывались на другие, такие же неотложные. И каждые требовали немедленных решений. По лаконичным пометкам Косыгина на письмах и телеграммах видно, как отрабатывался его деловой стиль.

Самая типичная ситуация: то или иное предприятие, область или город, а то и целая отрасль требует вмешательства зампредсовнаркома. Чаще всего в этом случае Алексей Николаевич давал прямые поручения исполнителям. Но вот вопрос более сложный, решение зависит не только от Косыгина. Он запрашивает мнение финансистов, других заинтересованных служб, обязывает сотрудников своего секретариата проследить за ходом исполнения. Тут же пометки: «Срок два дня. Доложить мне». Или: «Собрать у меня тт… Срок пять дней».

Случались ли сбои? Наверное. Но мне во всей деловой переписке Косыгина за годы войны встретилось только одно повторное обращение к нему. Это была правительственная телеграмма из города Кирова.

> *«6 шюня 1943 г.*
>
> *Вторично прошу обязать подрядчика второй батальон через товарища Пронина построить два барака для рабочих тчк положение жильем критическое тчк рабочих из цехов необходимо переселять = Кузьмин».*

Не знаю, как ответил неизвестный мне подрядчик за срыв задания — об этом история умалчивает. Может быть, по законам военного времени. Но в третий раз товарищу Кузьмину обращаться в Совнарком не пришлось.

Как просчитался генерал Штюльпнагель

«Из всех задач, стоящих перед народным хозяйством республики в 1944 году, — говорил Косыгин на V сессии Верховного Совета РСФСР 3 марта 1944 года, — самой важной задачей является помощь нашей доблестной Красной Армии в ее героической борьбе с фашистскими захватчиками».

К этому времени наши войска уже прорвали блокаду Ленинграда (27 января 1944 года), на юге вышли на государственную границу СССР, наступали в Крыму… Солдата надо было накормить, одеть и обуть, дать оружие. Почти все перевозки падали на железную дорогу. А дорога мертва без угля. 16 января сорок третьего года нарком путей сообщения Хрулев, выполняя указание Молотова, представил «проект постановления Совнаркома Союза СССР об обеспечении погрузки угля в январе 1943 года».

В документе полтора десятка пунктов. Но суть его ясна с самого первого:

«1. Обязать начальников железных дорог вагоны под погрузку угля и кокса подавать полностью по плану впереди всех без исключения грузов и продвигать поезда с углем и коксом впереди всех поездов, в том числе и воинских» *(ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 15. Л. 13)*.

Документ был адресован Берия, Маленкову, Микояну, Андрееву, Косыгину. Шахты значились по ведомству Лаврентия Павловича. А среди служб, подчинявшихся Алексею Николаевичу, одним из первых был Наркомат лесной промышленности. Без леса, рудничной стойки под землей трудно и сейчас. Тем более в те годы, когда металлической крепи не было и в помине. Листаешь день за днем почту Косыгина и буквально физически чувствуешь это напряжение. Шахты, заводы, фабрики требуют лес, обувь, вагоны, шпалы, сапоги, полушубки, валенки, крепеж, липу и березу для протезов, порожняк…

Редкая телеграмма в этом потоке просьб, заклинаний, увещеваний:

«9. XI.43.
Москва Совнарком Косыгину
Решение Совнаркома выполнено тчк Театр Сызрани сформирован тчк Капитальный ремонт закончен зпт открывается шестнадцатого ноября тчк Директор Вылинский зпт местком Лядский».

Это была его, Косыгина, инициатива — создать театр в большом рабочем городе, куда эвакуировались десятки заводов и фабрик. Его приглашали в Сызрань, но шестнадцатого ноября он уже ехал на Урал, в Молотовскую (ныне Пермскую) и Свердловскую области «в связи с правительственным заданием», как говорилось в командировочном удостоверении. Ему предстояло заняться углем. Как выяснилось, на шахтах Наркомугля и рудниках местной промышленности за одни и те же тонны платили разные деньги. После вмешательства Косыгина несправедливость была устранена. Это только один пример, сохранившийся в документах. А сколько их было за месяц командировки!

27 февраля 1943 года… Только-только отгремели бои под Сталинградом. Красная Армия продолжает наступление. Освобожден Харьков, наши части врезались в Донбасс… На совещании у Косыгина обсуждаются «Вопросы освобождаемых областей и районов». Алексей Николаевич записывает в рабочей тетради то, что волнует людей с мест больше всего:

«1. Об ускорении восстановления телефонно-телеграфной связи.

2. Автотранспорт (поднят вопрос Ростовской областью, Калмыцкой АССР, Северо-Осетинской АССР).

3. Оконное стекло.

4. Завоз горючего (поднят вопрос Воронежской, Ростовской областями, Калмыцкой АССР).

5. Об установлении порядка восстановления промышленности. (?)

6. Вопросы ликвидации остатков вражеских войск (Воронеж и др.).

7. Вопрос ликвидации созданных немцами банд (Калмыкия).

8. Вопросы разминирования (повсеместно).

9. Централизация контроля по вопросам освобожденных областей».

Пройдет недели две, и фронт опять качнется к востоку. В разгар лета на Прохоровском поле близ Белгорода сойдутся танковые армады. Эти сражения войдут в историю, как битва на Курской дуге. Пятого августа Красная Армия освободит Орел и Белгород и в этот же день Москва даст первый салют — двенадцатью залпами из 120 орудий.

Отступая, немцы оставляли, как распорядился рейхсфюрер СС Гиммлер, «тотально сожженную и разрушенную страну».

Демобилизованные инженеры, вернувшиеся после победы на Ново-Краматорский машиностроительный завод, удивились: у мартеновского и прессового цехов нет высоченных кирпичных труб. Куда они подевались? Оказалось, перед отступлением специальные команды немецких подрывников «закладывали заряды под трубы таким образом, чтобы взорванная у основания тысячетонная громадина падала на здание цеха. Проламывала крышу, уродовала балки и установленные на них подъемные краны, превращая все в невообразимое месиво». Это инженерное варварство на всю жизнь впечаталось в память офицера-танкиста Ляшко. Через много лет Александр Павлович станет председателем правительства Украины и расскажет об увиденном в Краматорске Косыгину, когда однажды они заговорят о войне, о восстановлении. Повсюду фашисты оставляли после себя виселицы, братские могилы и руины.

В городах Российской Федерации оккупанты уничтожили почти 60 процентов жилого фонда. Тот, кто не пережил войну, возможно, видел в кино или на телеэкране сожженный Сталинград. Такими же война оставила Воронеж и Смоленск,

Орел и Новороссийск, Курск, Белгород, Севастополь… Свыше миллиона домов потеряла русская деревня. 21 августа 1943 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Развернутую программу возрождения республики осуществляет Совнарком России. По предложению Косыгина городскому хозяйству помогают предприятия союзных наркоматов авиационной и танковой промышленности, черной металлургии, вооружений…

Во многих регионах не хватает дорог. Между тем из 500 тысяч километров протяженности малых рек, по которым можно перевозить грузы, фактически используется меньше 100 тысяч, говорит Косыгин в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР 23 апреля 1945 года. Год с небольшим назад союзный Совнарком принял «специальное решение о транспортном освоении малых рек, положившее начало делу создания и развития малотоннажного флота и освоения малых рек». Теперь под контролем Совнаркома России в областях и автономных республиках создают целый флот: 400 катеров и барж, которым предстоит перевезти за год не менее 1,5 миллиона тонн грузов.

Малые реки хорошо служили сибирякам — это видел Косыгин в свои молодые годы — и сейчас их снова запрягли. Правда, ненадолго. На первый план вышли проекты типа «великих строек коммунизма» и переброски сибирских рек — Косыгин, замечу кстати, деятельно выступал против этой затеи.

Гитлеровский генерал Штюльпнагель отводил на восстановление России 25 лет. Генерал считал себя оптимистом. Пессимисты, зная о страшных опустошениях, потере трети национального богатства, считали, что на восстановление советской экономики потребуется 50 лет. Просчитались и те и другие. Они плохо знали Россию, Советский Союз.

Прописная истина: Советский Союз в основном завершил восстановление народного хозяйства, разрушенного войной, к 1950 году. Еще при этом иногда говорится о героическом труде советских людей.

18 сентября 1945 года Оргбюро ЦК ВКП(б) поручает проверить на местах подготовку к зиме жилых домов, промышленных предприятий и коммунально-бытовых учреждений.

Сталинград, завод «Баррикады». Более 2000 рабочих и служащих живут «во временно приспособленных помещениях, в том числе в подвалах — 192 человека, в блиндажах и землянках

— 230 и в полуразрушенных зданиях — 1846 человек». Женское общежитие. На 240 работниц «имеется лишь 4 стола и 15 табуретов. Топливо, как правило, хранится в комнатах». Завод № 264, комната № 4. «Рабочие спят одевшись, укрывшись сверху грязной спецодеждой. Имеются случаи завшивленности».

«В бараке № 12 проживает семья военнослужащего Ворошилова (однофамилец маршала, наверное, потому и попал в сводку. — *В. А.),* жена и четверо детей — сам Ворошилов и три сына находятся в Красной Армии. В комнате дымно, печи не отремонтированы. Полы осели, в дверях щели не заделаны. Выписанные гр. Ворошиловой дрова завод не подвозит».

Тракторный завод. 1500 репатриированных рабочих размещены в прачечной и школе № 4. Более тысячи рабочих с семьями проживают в подвалах жилых домов № 504, 536, 513, 517 и других. В блиндажах, сараях и землянках живут 138 рабочих с семьями».

Справку, из которой я привел лишь некоторые факты, направил в Москву и. о. заместителя уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Сталинградской области Цвиклист *(РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 603. Л. 4–8)*. Буквально через несколько дней последовала реакция: секретарь ЦК ВКП(б) Маленков «записку т. Цвиклист направил в Госплан СССР товарищу Вознесенскому, Совмин РСФСР товарищу Косыгину, Главснаблес т. Лопухову…». Дальше перечисляется еще десяток ведомств, говорится, кому что поручено и какие меры приняты.

Совнарком России 27 января 1946 года обсудил, как выполнялось постановление СНК СССР «О мерах по восстановлению города Сталинграда» (оно было принято 22 августа 1945 года). Плохо выполнялось. В документе поименно расписано — кто, что и к какому сроку должен сделать. Следом бюро Сталинградского обкома партии записывает в своем решении: «1. Постановление СНК РСФСР от 27.1.1946 г. за № 58 принять к руководству и исполнению».

В июле 1965 года Алексей Николаевич вновь прилетел на волжские берега. Ему предстояло вручить городу-герою орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». 11 июля Косыгин выступил на торжественном заседании Волгоградского областного и городского комитетов партии, областного и городского Советов депутатов трудящихся. «После разгрома фашистских армий все жители города приступили к строительству нового города, — говорил он. — Вам пришлось работать упорно, почти так же упорно, как сражались на этих улицах наши солдаты. Как в защите города, так и в его восстановлении помогала вся страна — сюда направлялось топливо, строительные материалы, машины,

медикаменты, продовольствие. В ваш город приехала молодежь со всей страны. Уже к началу 1945 года, когда война еще продолжалась, основные производственные фонды здесь были в основном восстановлены».

Алексей Николаевич Косыгин говорил правду. Но не всю. Потому что даже он, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР, не имел права напомнить о рабочих батальонах, об эшелонах с репатриированными. Эти люди были еще словно исключены из общества, а их судьбы запечатаны в архивах под грифом «Совершенно секретно».

…Свыше шести миллионов советских людей угнали фашисты из оккупированных районов СССР на принудительные работы в Германию. Там их называли «остарбайтерами», восточными рабочими. В конце 80-х — самом начале 90-х годов в газетах «Рабочая трибуна» и «Труд» я опубликовал серию очерков об этих людях. Получил несколько тысяч писем. Они легли в основу документальной повести «Память со знаком ОСТ».

«Все документы концерна Круппа, содержавшие упоминание об иностранных рабочих, военнопленных или заключенных концентрационных лагерей имели гриф «совершенно секретно» и целые тюки их были уничтожены», — замечал германский исследователь этой темы В. Манчестер. Но кое-что сохранилось. Когда листаешь эти документы, в глаза бросается совсем другая терминология. Никаких иностранных рабочих. Всюду — «рабы», «рабский труд», «рынок рабов», «скот»…

Рабов уничтожали работой. Нормальный разум не воспринимает такого выражения: «уничтожение работой». Эту издевательскую формулу приписывают Круппу. При правильной постановке дела, говорил он Гитлеру, из каждого заключенного (военнопленного, остарбайтера, саботажника и т. п.) можно за считаные месяцы выжать работу нескольких лет, а уж потом покончить с ним. И выжимали. Да, остарбайтеры были рабами рейха, но в большинстве своем — не его слугами. Как могли, вредили на заводах, фабриках, шахтах. Попадали в концлагеря. И верили в нашу победу. Лишь немногие из них сразу после освобождения вернулись домой, смогли устроить свою жизнь.

«В комсомол меня не приняли, маме отказали в школе, — вспоминала Елена Анатольевна Соловьева, г. Санкт- Петербург, — устроилась она на железную дорогу. Ушла на пенсию, получая 50 рублей 40 коп. Ее уговаривали из Германии ехать в Канаду, она сказала, что умрет, но не поедет, для нее только одна дорога — в Москву, только одна надежда — СССР. Ах, сколько мы хватили здесь шилом патоки. Всего боялись — своей биографии, своей тени, произвола каждого начальника.

Всего не напишешь и не знаю, сможете ли вы понять сердцем, как обидно, как унижала нас такая жизнь. А главное — не наступит ли время, и меня вновь начнут бить за то, что в 14 лет попала в оккупацию?»

«До сего времени самым тяжелым днем в моей жизни остается День Победы, — вспоминал Петр Семенович Павелко, г. Лубны, Полтавская область. — Казалось бы, надо радоваться — такой праздник! Но для меня этот день полон печали и тоски. Ведь нас презирали, когда мы вернулись на Родину. Нам не дали возможности учиться там, где хотелось. Нас сформировали в отдельные рабочие батальоны. Без рукавиц, в зимнюю стужу, лопатами и кирками рыли котлованы, траншеи. Вот эта боль не утихает. Призабудешь все, а День Победы напоминает о прошлом. Ты, друг, воевал, тебе почет, тебе митинг, песня.

А что я? Кто меня вспомнит? Кому нужны эти годы, эти муки, прожитые без имени, под номером? Был «восточным рабочим», стал репатриантом, другого слова для меня не нашлось. Вот почему День Победы так тяжел для меня. Мне не с кем поделиться той каторгой, что я прошел, и я замыкаюсь в себе. А сейчас хочу рассказать, может быть, сниму с души свой груз.

Я, Павелко Петр Семенович, родился в 1926 году в селе Малая Круча Пирятинского района Полтавской области. Сейчас живу в Лубнах. Отец мой, Семен Яковлевич, был председателем колхоза, нас было пятеро детей. Отца Пирятинский райком партии оставил для подпольной работы. В сорок втором его расстреляли фашисты. А вскоре староста с полицаем приказали мне собираться в Германию…»

«Мы возвращались домой. Казалось бы, мучения наши кончились, но не тут-то было, — вспоминал Петр Семенович Герасимов, г. Мариуполь, Донецкая область. — На границе в каждый вагон вошли по два бойца-пограничника с автоматами и, назвав нас изменниками Родины, сказали, что при попытке к бегству будут стрелять без предупреждения. Из Выборга нас увезли в лагерь за колючей проволокой, где мы проходили так называемую госпроверку. Только в ноябре дали мне работу в леспромхозе Новгородской области. Опять же с клеймом незаслуженным — изменника Родины и без права выезда. Никаких условий жилья, голодный паек.

И я решил в 1946 г. самовольно уехать в родной мне Мариуполь. Но не тут-то было. Меня арестовали и осудили за «самоволку» на 5 лет. Но в 1948 году освободили. И я устроился на завод «Азовсталь» вальцетокарем. Правда, и здесь клеймо изменника долгие годы висело над головой.

У меня хорошая семья — дочь Лена окончила Харьковский

университет по химии, замужем за военным, растят двоих детей. Сын Вова окончил военную академию, у него тоже двое детей. Я и моя жена, Анна Афанасьевна — пенсионеры, ветераны труда. Я еще помогаю на родной «Азовстали» готовить молодых людей по своей профессии вальцетокаря, награжден медалью, почетными знаками победителя соревнования за многие годы.

А сейчас ответьте мне, пожалуйста, если можете, зачем навешивали на нас ярлык изменников? Видимо, с этим ярлыком и номером 171375 я и помру?»

Напомню: эти письма написаны в 1990 году. А раньше, еще в том же 65-м, когда Алексей Николаевич Косыгин выступал в Волгограде, репатриация, возвращение на Родину, была закрытой темой. Потому что рабы рейха возвращались не сами по себе.

«Прибывшие на 1 января 1946 г., согласно постановления СНК СССР, в Главсталинградстрой 11 263 рабочих (из числа репатриированных) размещены в наскоро приспособленных помещениях с большой скученностью, — говорится в справке, адресованной из Сталинграда председателю КПК при ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву 11 января 1946 года. — В общежитии установлены 2-х и даже 3-х ярусные нары. Постельных принадлежностей недостает (одеял и белья почти нет). Теплой одежды и обуви многие не имеют. Дисциплина у них очень низкая, а необходимая систематическая политико-воспитательная работа почти не проводится. В связи с этим ежедневно в среднем на работу выходят лишь 3600 человек».

Вот о чем думается, когда читаешь эти и другие документы, запечатанные на десятки лет в архивах с грифом «секретно». От кого таились? От ребят, попавших с немецких нар на советские? От сталинградцев, минчан, воронежцев? Так люди сами видели, в каких условиях живут их напарники. От властей? Но и власть сама — партийный аппарат, советский — добивалась, чтоб условия жизни репатриантов, наших сограждан, ни в чем не повинных ни перед страной, ни перед строем, стали хотя бы сносными. Может быть, ответ в том, что кремлевский хозяин, который продиктовал постановление Совнаркома Союза о репатриации и разделил репатриантов по наркоматам, видел в них только безликую рабочую силу? Одной из черт крепостнической России Василий Ключевский считал подневольный обязательный труд крестьян в пользу государства. Похоже на годы, о которых мы говорим, если добавим к крестьянам рабочих?

«В каждом человеке несколько людей…»

Так писал Александр Блок в одном из своих писем. Приведу это высказывание полностью.

«В каждом человеке несколько людей, и все они между собой борются. И не всегда достойнейший побеждает. Но часто жизнь сама разрешает то, что казалось неразрешимым».

Мне вспомнилось это замечание поэта, когда узнал об одном характерном для Косыгина эпизоде. Председателю Совнаркома России стало известно, что «некоторые из его заместителей не гнушаются принимать «сувениры», «опытные образцы» от представителей краев и областей, наркоматов». На прямой вопрос управляющий делами Совмина РСФСР ответил, что конкретных фактов у него нет, но о подношениях он слышал.

«И надо же такому случиться! — продолжает Анатолий Сергеевич Болдырев. — Буквально через несколько дней на столе Алексея Николаевича вместо привычного письменного прибора и стакана с карандашами появилась изящная шкатулка, отделанная серебром, и красивый чернильный прибор.

— Откуда это?! — Он был по-настоящему рассержен. — Прикажите немедленно убрать и выясните, кто автор этой провокации.

Я узнал, что шкатулку и прибор доставил представитель одной из кавказских автономных республик якобы по заказу Косыгина.

— Какая гадость! — заметил Алексей Николаевич. — Я с этим товарищем разберусь сам, а вы через десять минут пригласите ко мне всех заместителей.

Шкатулку и прибор убрали, на столе появились Обычные карандаши в стакане и небольшая чернильница. В кабинете собрались заместители. Косыгин в самой резкой форме рассказал о случившемся и о слухах по поводу «сувениров» и «опытных образцов».

— Я предупреждаю, — сказал он, — если кто-нибудь позарится на такие подарки, я немедленно поставлю вопрос о снятии виновного с занимаемого поста».

Для Косыгина такое поведение было нормой. В начале 1949 года нарком местной промышленности РСФСР В. Смиряев прислал Косыгину три авторучки: вы, мол, давали поручение обновить ассортимент, ваше задание выполнено, можете убедиться. Косыгин образцы посмотрел и приказал вернуть. На полях служебной записки пометка Горчакова: «Авторучки возвращены т. Смиряеву».

Таким же Косыгин был и дома. Уже в брежневское время, когда сынки и дочки членов Политбюро чванились друг перед другом «мерседесами», в семье Косыгиных нельзя было и

заикнуться о чем-либо подобном. Внучке, поздравляя ее с окончанием института, подарил «Волгу».

В теперешней России время от времени вспыхивают споры: как отучить чиновников от взяток? Одни предлагают больше платить, на что другие отвечают: тогда больше и берут; проверено историей. Третьи ломают перья над неким сводом правил чиновной службы, вроде морального кодекса строителя коммунизма. Четвертые надеются только на прокурора… А все значительно проще: власть должна быть у таких людей, в душе которых всегда побеждал бы достойнейший.

Другой вопрос: где их столько наберешь, когда квартирный и иной меркантильный интерес так портит людей?

…Вскоре после Сталинградской битвы город взбудоражила история зампреда горисполкома Лопатина. Товарищ Лопатин справил новоселье в чужой квартире по улице Шевченко, дом 44. Хозяйка этой квартиры, Дубовская, жила здесь с 1928 года, во время обороны Сталинграда работала медсестрой в госпитале, потом с дочерью ее отправили в эвакуацию. Сын погиб на фронте. Вернулась зимой сорок третьего. Дом цел, но жить в квартире нельзя — рамы вытащили мародеры, отопления нет. До весны Дубовские сняли угол, рассчитывая, когда потеплеет, подлатать свое жилье и вернуться. Тем временем «пустующую» квартиру занял Лопатин. Мало того, вскоре он получил для себя четырехкомнатные хоромы — 90 квадратных метров — в восстановленном доме, а на улице Шевченко, 44 разместил родных, которые продали собственный дом в недалеком райцентре. Дело дошло до Комиссии партийного контроля, Верховного суда РСФСР, Совнаркома республики. Только после этого бюро Сталинградского обкома партии «осудило действия т. Лопатина как недостойные советского руководителя и предложило в 10-дневный срок освободить занимаемую его семьей квартиру Дубовской по улице Шевченко, 44».

Отчего такое снисхождение? Почему потребовалась вся сила государства, чтобы поставить на место вельможного рвача? Оттого, что в номенклатурных кругах все прочнее утверждалась двойная мораль. Работяге давали восемь лет за четыре доски, подобранных среди отходов на стройке, колхозницу судили за колоски, найденные на поле после жатвы, а начальнику ОРСа Сталинградского тракторного завода, члену ВКП(б) Цветкову за 130 тонн пропавшего картофеля объявили выговор без занесения в учетную карточку. Да и то после того, как рабочий тракторного завода А. Громов пожаловался в Москву: ведь можно было своевременно отдать в столовые, продать рабочим.

Бугор собственности (выражение Герцена) застилал многим

чиновным гражданам глаза. И чем дальше, тем больше. Над редкими исключениями в этой среде лишь подшучивали. Удивлялись, узнавая, что Косыгин снова сдал дорогие подарки, полученные во время зарубежного визита, в Оружейную палату, в Гохран, передал сувениры в среднюю школу в поселке Архангельское… А он просто по своему пониманию жизни не мог поступать иначе.

…Июль сорок третьего года. Разгар боев на Орловско-Курской дуге. Госплан делит каждую тонну металла. 24 июля Косыгин подписывает письмо в Госплан:

> «Товарищу Вознесенскому Н.А.
>
> Прошу учесть при составлении плана распределения металла на III квартал с. г. выделение Наркомместпрому РСФСР 6 тонн сшивальной проволоки для ученических тетрадей».
>
> И добавляет от руки: «т. Тевосян согласен». Иван Федорович Тевосян, нарком черной металлургии, понял Косыгина с полуслова: «Конечно, поможем школам».

В том же июле по предложению Косыгина союзный Совнарком принял постановление «Об обеспечении начальных, неполных средних и средних школ РСФСР учителями в 1943/44 учебном году». В сорок третьем я пошел в школу. До самого сентября мы не знали, запишут ли нас, эвакуированную малышню и местных ребят, в первый класс: в поселковой школе не хватало учителей. Первые две-три недели с нами занималась пионервожатая. Сейчас, разбирая деловую переписку Косыгина, я представил общую ситуацию. В том учебном году в школах Челябинской области не хватало 746 учителей. Многие школьные здания были заняты под госпитали, производственные помещения. В 19 школах области учились в три смены, а в четырех даже — в четыре. Но зато у всех были тетрадки, ручки с любимыми перышками, карандаши и даже резинки. Эта необходимая вещица тоже оказалась в сфере косыгинских забот. Как и школьные перья. Центросоюз пожаловался на Наркомат резиновой промышленности: «систематически срывает сдачу потребкооперации школьной стиральной резинки». Резолюция Косыгина наркому Митрохину: «Прошу дать указание об обеспечении полной сдачи стиральной резинки».

Дал Косыгин указание и что изменилось? — спросит читатель, которому хорошо известно, как неповоротлива государственная машина. Не буду приводить цифр. Прочитайте телеграмму, направленную А. Н. Косыгину из Барнаула:

«14 ноября 1943 г.

Благодарю проявленную вами заботу о школьниках Алтайского края зпт началу учебного года получено свыше двух миллионов тетрадей среднем четыре-пять тетрадей ученика тчк Ваша забота дала возможность школам нормально начать учебный год тчк Ответим качественным выполнением программ и социалистическим отношением труду тчк Завалткрайоно Анисимова».

Из детства мне помнятся люди с красными и желтыми нашивками на гимнастерках — так обозначали тогда фронтовые раны. На послевоенных улицах инвалидов войны было очень много. А сколько лежало по госпиталям да приютам! Одни могли еще работать, но до фронта не успели получить никакой специальности, вторых можно было бы переучить, а третьим — дать протезы, чтоб не были люди сами себе в тягость.

В каких-то частных случаях, когда достаточно было его визы, Косыгин отзывался немедленно. Например, наркомат социального обеспечения просит разрешения продать пишущую машинку Герою Советского Союза капитану Кузнецову. Наркомат готов оплатить эту машинку человеку, который потерял зрение на фронте, но не сдался, написал книгу «Формула мужества» и работает над новой. Такая была система, что даже нарком не имел права на самостоятельное действие. Косыгин разрешил. Но большой радости от того, что только так смог поучаствовать в судьбе отважного капитана, не испытал.

Частные случаи складывались в общую тревожную картину. Сил одного наркомата явно не хватало. Трудоустройством инвалидов, их обучением, бытовым обслуживанием следовало заниматься и партийным, советским органам, и предприятиям. Собственно, так и говорилось в постановлениях СНК Союза *«О* трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны (6 мая 1942 г.) и «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны (20 января 1943 г.). Хорошо, подключилась к этой работе Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б). Ее проверок чиновники боялись, как огня. Уполномоченные КПК работали во всех краях, областях, республиках. Они как бы сняли моментальную фотографию положения инвалидов, проверили, как на местах заботятся о семьях погибших воинов, о сиротах. Грустная, признаюсь, получилась картина.

«Председателю КПК при ЦК ВКП(б) Андрееву А. А.,

Секретарю Воронежского обкома ВКП(б) Тищенко В. И.

8. VI.1944 г.

Подавляющее большинство рабочих, присланных на тракторный завод по линии НКО, являются инвалидами Отечественной войны. Многие рабочие не имеют простыней, подушек, некоторые спят без матрасов. На 1600 человек рабочих, проживающих в общежитии, выдано только 698 одеял, 708 простыней, 1535 матрасов и столько же подушек. В общежитии дома № 2 25 человек рабочих спят на полу без матрасов. В то же время на складах стройчасти лежат без применения 475 матрасов, 512 наволочек и 1692 простыни».

(Из справки уполномоченного

КПК при ЦК ВКП(б) Шаталина.

РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 227. Л. 54–55).

На исходе сорок пятого года Косыгин получил письмо от замнаркома здравоохранения России Ковригиной. Мария Дмитриевна писала, что к ней обратились земляки из Курганской области. Жаловались на произвол в колхозе. Председатель издевается над людьми, унижает семьи погибших воинов. Три года в колхозе не платили зарплату, не давали дров семьям красноармейцев.

Ковригина просила не посылать письмо для проверки в Курганскую область, а направить совестливого человека из Москвы, из Управления по государственному обеспечению и бытовому обслуживанию семей военнослужащих Совнаркома РСФСР. Все подтвердилось. И воровство. И произвол. Будто бандитская шайка правила деревней. И каков же итог разбирательства? Зам. председателя колхоза сняли с работы. А председателю Лесникову райком партии объявил выговор и оставил править «Большевиком» дальше. Именно так назывался тот курганский колхоз.

На Крайнем Востоке России

Поздним вечером, точнее уже ночью 20 ноября 1945 года в кабинете председателя Совнаркома России раздался гулкий звонок «кремлевки». Звонил Михаил Иванович Калинин, Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

— Товарищ Косыгин, следовало бы подумать о мерах помощи Южному Сахалину, о его административном делении, о переименовании южносахалинских городов.

Шел уже третий месяц после безоговорочной капитуляции Японии, исконные русские земли — Южный Сахалин и Курилы — снова стали нашими. Но по-прежнему на картах значились Маока, Тоёхара, Отомари — так японцы переименовали русские города и поселки Холмск, Владимировка, Корсаковский пост, отошедшие к Японии по Портсмутскому мирному договору (1905 г.) вместе с южной частью Сахалина (до 50-й параллели).

Комиссия по вопросам Южного Сахалина, которую возглавил Косыгин, подготовила проект указа об образовании на Сахалине 14 новых районов, выделении шести городов в областное подчинение. «От самого Косыгина я доподлинно знаю, — вспоминал А. С. Болдырев, — что он изучил множество архивных и современных материалов о выдающихся мореплавателях, первопроходцах, просмотрел немало исторических и литературных источников, включая «Остров Сахалин» Чехова». На рабочем столе Косыгина была и книга адмирала Невельского «Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России».

Это было одно из самых увлекательных поручений в жизни Алексея Николаевича. Читай книги, вникай в документы, вспоминай Сибирь, как шли казаки к океану, закладывая в тайге зимовья, которые вырастали потом в остроги, крепости, города. Таким, кстати, был и Киренск, близ которого Ерофей Павлович Хабаров в 1639 году заложил соляную варницу… Подспудная мечта о времени, свободном для книг, всегда жила в Алексее Николаевиче. По словам Джермена Гвишиани, он читал много, «умел читать быстро и нередко оказывался более осведомленным о последних западных трудах по экономике и политике, чем многие его коллеги».

Но это все-таки специальная литература. А так хотелось иметь время для художественной — Пушкина, Шолохова, Гоголя, Чехова… У Чехова Косыгин выписал строки о русских исследователях Дальнего Востока. Эти люди совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека. Дежнев, Поярков, Хабаров, Невельской… По оценке Чехова, «это был энергичный, горячего темперамента человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически…».

У идеи Невельского был точный адрес — Дальний Восток, как тогда говорили, Крайний. На картах, по которым учился гардемарин Геннадий Невельской, Сахалин соединялся с материком перешейком, Амур «терялся» в песках, устье его и лиман считались недоступными для морских судов. «Это убеждение, — писал позже Геннадий Иванович, — принималось

всюду за непреложную истину, покоившуюся на авторитете знаменитых европейских мореплавателей».

По дороге на Камчатку командир «Байкала» Невельской пишет губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву:

> «…я надеюсь в мае быть в Петропавловске, и, по сдаче груза в этом порту, я решился, во всяком случае, получу или не получу высочайшее разрешение, отправиться прямо к описи восточного берега Сахалина и Амурского лимана».

…Третьего сентября 1849 года у входа в Аянский залив показался считавшийся погибшим «Байкал».

Невельской:

> «Вышел навстречу нам на катере генерал-губернатор со своим штабом, не приставая еще к транспорту, он спросил меня, откуда я явился. На это я отвечал: «Сахалин — остров, вход в Лиман и реку Амур возможны для мореходных судов с севера и с юга. Вековое заблуждение положительно рассеяно. Истина обнаружилась…»

Весной 1854 года от Шилкинского завода к низовьям Амура отправился русский сплав. У развалин древнего Албазина флотилия остановилась. Над берегом еще высились крутые валы крепости — давнего центра обширного Албазинского воеводства. Вместе с Якутским оно объединяло более двадцати русских поселений, возникших на Амуре в середине XVII века.

Любопытную деталь отмечает историк Г. В. Мелихов в книге «Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.)». Впервые в Китае на официальных географических картах течение Амура было показано правильно — в широтном направлении — только в 1782 году. Ровно через сто лет после того, как Москва официально утвердила отдельной административной единицей Албазинское воеводство.

Через полтора века с первым сплавом Россия вернулась к своим берегам, к своему Приамурью, к Албазину. Обнесенная земляным валом крепость хранила следы былой мощи. Кто взял для памяти вырытый из земли кирпич, пишет Невельской, кто горсть почерневшей, но уцелевшей от времени пшеницы, оставленной предками.

В свои последние дни адмирал диктовал «с фактической точностью в последовательном порядке» книгу об Амурской экспедиции. Писала под диктовку его жена Екатерина Ивановна:

— деятельность наших морских офицеров, составлявших экипаж транспорта «Байкал» в 1849 году и затем Амурскую экспедицию с 1850-го по исход 1855 года, преисполненная гражданской доблести, отваги и мужества…

Он не увидел своей книги. «Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России» вышли после его смерти как свидетельство еще одного подвига адмирала Невельского.

…В списке названий сахалинских городов, которые предложил Председатель Совнаркома России, первым шел Невельск — вместо Хонто, Курильск — вместо Сяны, возвращал свое имя Корсаков, ряд поселков получил имена в память о героях, павших в боях за освобождение Южного Сахалина и Курил.

Все предложения Косыгина были приняты. А на Сахалине его с тех пор называли крестным отцом здешних городов и поселков.

С таким же вниманием Алексей Николаевич относился к проблемам самой западной области России — Калининградской. Сохранились листочки с его записями:

«Обсуждение Калининградской области.
Льготы переселенцам
а) Ссуда
б) Натуральный налог первый год не брать
2, 3 и 4-й год 1/2 часть брать
совхозы
а) Брать натуральные поставки меньше. Оставлять часть продукции для продажи рабочим.
б) Установить норму для рабочих совхозов выше, чем в других районах. Давать рабочим и служащим до 0,5 га земли для посева.
Увеличить коммерческую торговлю.
Восстановить льготы для рабочих.
Увеличить хлебные карточки: рабочим — 10.000, иждивенцам — 8.000, детям — 7.000».

Он рассчитывал не на дармовой труд репатриантов, не на «рабочие батальоны», которые пригонит сюда МВД или армия, а на заинтересованность переселенцев. Тех, для кого эта земля станет родной.

Из сегодняшнего далека трудно представить, какими были обычные рабочие дни Совнаркома. Может быть, помогут документы из секретариата Косыгина — в них сохранилось время.

…21 августа 1942 года. Горчаков, зав. секретариатом Косыгина, просит Управление делами Совнаркома выдать

пропуск на право хождения по городу в ночное время секретарю Косыгина Сморчковой Анне Михайловне — она «в дни дежурств (через день) заканчивает работу в 3–4 часа утра».

…31 января 1945 года. Тот же Горчаков подписывает справку очередному посетителю: «Тов. Масленникова П. А., председатель Курского горисполкома, была на приеме у заместителя Председателя СНК тов. Косыгина в 02 ч. 45 м. 31.1.45 и направляется в гостиницу «Москва».

…14 июля 1945 года. «В личном секретариате тов. Косыгина А. Н. работают всего 4 секретаря, по два секретаря в смену (через день), — пишет Горчаков Управляющему делами СНК Чадаеву. — Рабочий день этих секретарей начинается в 10 ч. утра и кончается в 4–5 ч. утра, а зачастую и позднее. Кроме того, каждый из секретарей один раз в месяц не пользуется выходным днем, так как по указанию тов. Косыгина А. Н. по воскресеньям организовано дежурство». Просьба: предоставить Мясниковой, Васильевой, Базловой и Михалевой трехнедельный отпуск, а не двухнедельный, как было положено.

Косыгин в свой первый после сорокового года отпуск ушел в сорок седьмом. Тогда же получил отпуск и Горчаков.

«КОМИССАРОВ — ЧЕРТОВА ГИБЕЛЬ»

Три дня в марте 1946 года, почему-то с перерывами, 11, 14 и 18, проходил пленум ЦК ВКП(б). Пленум «наметил состав правительства СССР — Совета Министров СССР».

Два любопытных момента. Первый: словечко «наметить». Не утвердить, не рекомендовать, а именно наметить. Партия, мол, советует назначить Председателем Совета Министров и министром Вооруженных Сил Сталина Иосифа Виссарионовича. А решать будет Верховный Совет СССР. Как и положено по Конституции. Второй момент — изменялась вывеска исполнительной власти. Вместо Совнаркома — Совет Министров, вместо привычных наркомов — министры, как в царской России или на Западе.

Соратникам Сталин решил объяснить, почему меняет наркомов на министров и — соответственно — СНК (Совет Народных Комиссаров) на Совет Министров. Впрочем, далеко в историю он не углублялся. Не вспоминал бурлящий Смольный, Второй Всероссийский съезд Советов, ночь на восьмое ноября 1917 года, когда Каменев читал декрет: «Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров». Первым тогда Каменев назвал Председателя Совета Владимира Ульянова (Ленина), последним — И. В. Джугашвили (Сталина), председателя по делам национальностей.

Одним из того списка посчастливилось умереть своей смертью, они (Ногин, Луначарский, Скворцов-Степанов) упокоились у Кремлевской стены, рядом с вождем. Наркома по делам иностранным Л. Д. Бронштейна (Троцкого) упокоили ледорубом в Мексике. Разобрались с «врагами народа» — Рыковым, Антоновым-Овсеенко, Дыбенко, Оппоковым (Ломовым), да и самим Каменевым (Розенфельдом)…

«…Комиссаров — чертова гибель, — говорил между тем Сталин. — Путается народ. Бог его знает, кто выше. (Здесь в стенограмме пометка: *смех в зале.)* Кругом комиссары, а тут министр, народ поймет». И вообще, пояснял свою линию секретарь ЦК, это наследие «гражданской войны, революции», а теперь «война показала, что наш общественный строй очень крепко сидит» *(РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 23).*

Сильно сказал товарищ Сталин. Но если кто в зале и уловил двусмысленность, то виду, конечно, не подал.

На этом пленуме Алексея Николаевича Косыгина избрали

кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), а 19 марта 1946 года сессия Верховного Совета утвердила заместителем Председателя Совета Министров СССР (Сталина). Все восемь замов Предсовмина были вроде бы равны, одного первого или нескольких первых заместителей Сталин не назначал, точнее — не намечал. Но знающим людям все говорила очередность фамилий в официальной публикации: Молотов, Берия, Андреев, Микоян, Косыгин, Вознесенский, Каганович, Ворошилов.

«Вступитесь за детей сельского учителя»

Накануне, 16 марта, еще как Председатель Совмина России Алексей Николаевич выступил на заседании Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Сессия обсуждала проект закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы. «К концу послевоенной пятилетки общий объем промышленного производства республики предусматривается увеличить против довоенного уровня более чем в 1,5 раза, — говорил Алексей Николаевич. — Пятилетний план предусматривает восстановление и увеличение на территории РСФСР довоенного уровня посевных площадей, повышение валового сбора зерновых и технических культур…»

В его выступлении, как обычно, меньше призывов и общих слов, а больше деловой информации, которая может быть полезна товарищам и в других республиках. Россия, рассказывает Косыгин, в сорок пятом году взялась за строительство мелких электростанций в колхозах. За один год построена 1101 сельская электростанция. Теперь производство небольших гидротурбин для таких электростанций заложено в пятилетний план.

Еще одна большая забота, даже самая главная — восстановление жилья, разрушенного в войну, и новое жилищное строительство. «За пятилетие намечено построить в РСФСР силами Наркомгражданстроя…2,5 миллиона квадратных метров жилой площади, ввести в действие 450 школ, 400 больниц и поликлиник, свыше 800 детских учреждений и свыше 1000 коммунальных и культурно-бытовых зданий и сооружений. Для этого, продолжает Косыгин, потребуется создать свою производственно-техническую базу, предприятия по выпуску строительных деталей и материалов и, что самое главное, подготовить постоянные кадры строителей.

Как ждали то новое жилье в землянках и подвалах! Каждый день на имя Косыгина приходили письма с просьбами выделить

стройматериалы, оконное стекло, кровельное железо. Нарком финансов Зверев попросил (17 ноября 1945 года) 150 стандартных домов для «переселения из землянок около 2 тысяч рабочих и служащих Наркомфина, проживающих в районах, подвергшихся немецкой оккупации». «Рассмотреть с планом распределения на первый квартал (1946 года)», — ответил Косыгин. То есть на общих основаниях.

С окончанием войны посыпались просьбы о новых штатах. Приморский крайисполком хотел бы «иметь представительство в Москве из трех человек» (письмо от 25 марта 1946 г.). Чуть раньше Совнарком Чувашской АССР «просит разрешить ввести должность заместителя председателя СНК ЧАССР по лесу и лесной промышленности». Правление Союза писателей предлагает увеличить суточные в командировках с 26 рублей до 50… На все депеши такого рода Косыгин, как правило, отзывается коротко и выразительно: «Снять с обсуждения». Или — «Отклонить». А что выделял он в этом потоке жалоб, просьб, печалей и тревог, которые обрушивал каждый новый день? Выделил, к примеру, письмо, больше похожее на вопль о помощи, из Дома-музея Чайковского в Воткинске. Распорядился помочь с капитальным ремонтом, изготовить мебель, дать ставку научного сотрудника. Мало того, поручил одному из сотрудников Совнаркома проследить за исполнением.

В те же дни к Косыгину обратилась большая группа профессоров Воронежского университета — девятнадцать человек. В таких условиях, писали они, невозможно дать студентам университетское образование. Восстановлен только один этаж. Холодно. Нет мебели. Студенты слушают лекции стоя… И опять — деловое распоряжение, реальная помощь.

В Воронеж пошли стройматериалы, а студенты, аспиранты, вернувшиеся с фронта, после лекций отправлялись на стройку. Мой хороший товарищ поступил в Воронежский университет через два десятка лет после войны, учился в новом корпусе — там на стенах висели фотографии давних субботников и воскресников, общей большой работы.

В разоренной стране не хватало самых элементарных вещей: одежды, обуви, белья… Депутат Верховного Совета СССР, ткачиха Шавандина просила Косыгина «оказать помощь ивановским текстильщикам. Питание очень плохое, — писала она. — Карточки отовариваются очень плохо. В столовой готовят одно блюдо — овсяную кашицу и без жиров. Мыла не дают очень давно…». Нарком угольной промышленности Вахрушев передал из Сталинска (нынешний Новокузнецк) телефонограмму: «На месте убедился, что инженеры Кузбасса за годы Отечественной

войны совершенно обносились, не имеют самого необходимого…» Купить ничего нельзя даже в коммерческих магазинах — пустые прилавки. Нарком попросил «выделить 1500 костюмов, 1500 пальто, верхних шелковых сорочек — 3 тысячи, платья шелковые и трикотажные — 500, белье — три тысячи, обувь — 500 пар». Резолюция Косыгина: «Тов. Любимову (нарком торговли. — *В. А.)*. Прошу вас оказать помощь инженерам Кузбасса». Спасибо Москве, приоделись летом сорок шестого года инженеры Кузбасса.

После катастрофической засухи 1946 года, самой жестокой за последние полвека, охватившей почти все зерновые районы — резко обострилось положение с хлебом. По заданию ЦК ВКП(б) повсеместно проверяют, как расходуется хлеб, где можно сэкономить. Готовится решение о повышении пайковых цен. 15 сентября 1946 года из Сочи поступила записка Сталина, адресованная Жданову, Патоличеву, Берия, Косыгину. В ней предлагались варианты ответов на возможные вопросы населения, связанные с повышением цен.

«Будут ли изменены пайковые цены на картофель и овощи?

Ответ: повышение пайковых цен на картофель и овощи не предполагается».

В тот же день, 15 сентября, в 21.00 по ВЧ от Сталина последовала еще одна записка:

> *«Тт. Жданову, Микояну, Косыгину, Берия.*
>
> *Микоян в специальной записке предлагает не распространять новых пайковых цен на хлеб, продаваемый рыбакам — членам артелей и охотникам — сдатчикам пушнины. Он предлагает продавать им хлеб ниже новых пайковых цен по аналогии с тем, как мы поступаем с крестьянами — сдатчиками хлопка и т. д. Я не согласен с Микояном. Я считаю, что рыбаки и охотники тоже должны принять на себя жертвы не меньше, чем рабочие и служащие. Предлагаю новые пайковые цены на хлеб распространить на рыбаков и охотников.*
>
> *Сталин» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 24. Л. 126–129).*

Говоря сталинскими словами, жертвы приняли на себя не только рыбаки и охотники. В отчаянном положении оказались сельские учителя. 18 декабря 1946 года министр просвещения РСФСР А. Калашников докладывал Косыгину о проверке материально-бытовых условий учителей в ряде областей Центральной России. В школах Новгородской области «учителям

вместо хлеба выдавали рожь и немолотый овес». «В шести районах Владимирской области из 650 детей учителей на снабжение хлебом приняты лишь 6 человек. В Ивановской, Орловской, Новгородской областях детей учителей совершенно не приняли на снабжение хлебом… Семейные свой хлебный паек в размере 500 гр. в день вынуждены делить на 2–4, а иногда и на 7 частей».

К этой сводке министр приложил письмо учителя М. А. Кузнецова из Ставропольского края. Приведу его полностью.

«Товарищ Министр!

Я учитель средней школы. В школе работаю 16 лет. Пробыл в армии 4 года, все на фронтах Великой Отечественной войны. Отмечен пятью правительственными наградами. Возвратился из армии по демобилизации в ноябре 1945 года. У меня шесть душ семьи, из которых трое детей и 70-летняя мать. Ни на мать, ни на детей мне не дают ни грамма хлеба. Неурожай этого года поставил мою семью и семьи других сельских учителей, имеющих, как я, детей и нетрудоспособных иждивенцев — родителей, в положение голодающих. Моя семья и я погибнем с голоду, если о нас не позаботитесь ни Вы, ни правительство. Могу ли я, один работник в семье, прокормить семью из шести душ девятью килограммами хлеба, полученными мною за месяц?

Я помню голод 1921—22 гг. Но даже и тогда, в условиях первых лет существования советского государства, наше Правительство проявляло исключительную заботу о жизни детей, снабжая их хлебом, несмотря ни на какие трудности создавшегося тогда положения.

Неужели теперь дети не нужны нашему государству?

Правительство полагает, по всей вероятности, что в сельской местности учитель может купить хлеб у колхозников. Но я отдал бы любые деньги, сколько в моих силах, чтобы найти где-нибудь хоть пуд хлеба. Хлеба ведь нет и у колхозников. А если у кого и есть, то ровно столько, сколько необходимо ему самому, а то даже и меньше, чтобы прокормить до нового урожая только свою семью.

Дети городов не лишены хлебного пайка. Неужели же дети села должны умирать с голода?

Товарищ Министр! Я не стал бы писать Вам этого

письма, если бы не стоял с семьей на краю могилы.

Вступитесь за детей сельского учителя. Не дайте умереть им с голода.

Я надеюсь, что Вы не оставите без внимания моего письма.

Учитель М. А. Кузнецов.

Ставропольский край, Арагирский район,

с. Петропавловка, средняя школа».

Копию этого письма, обзор писем учителей, поступивших в Министерство просвещения РСФСР в декабре 1946 года и служебную записку министра Калашникова Косыгин направил Л. Берия.

«Сообщаю также, — писал Косыгин, — что мною даны указания:

1. Тов. Жаворонкову (министр торговли РСФСР. — В. А.) — срочно принять меры в деле снабжения учителей.

2. Тов. Родионову (председатель Совмина РСФСР. — В. А.) о принятии срочных мер, обеспечивающих улучшение положения учителей, и своевременной выдаче заработной платы».

Л. Берия ограничился лаконичным указанием: «Ознакомить Членов Бюро Совета Министров». Совет Министров РСФСР принял постановление «О материальном положении учителей». Хотя и с опозданием, власть вспомнила об учительских семьях.

Министр просит колючую проволоку

Возрождение — так часто говорили и до брежневской книжки о послевоенных годах. Страна восстанавливала заводы и фабрики, переводила танковые конвейеры на выпуск тракторов, открывала новые вузы. Среди них — финансовая академия в Ленинграде. Об открытии телеграммой доложили Косыгину: «Алексей Николаевич задача поставленная вами организации финансовой академии выполнена тчк четырнадцатого (февраля 1949 г. — *В. А.)* начались занятия — Антонов». Страна закладывала новые электростанции. И… зоны.

Двадцать второго апреля 1946 года (примечательный день!) министр электростанций СССР Дмитрий Георгиевич Жимерин

доложил Косыгину, что «организация зон лагерей на строительстве электростанций задерживается из-за отсутствия колючей проволоки». Министр просил «дать указание Главному управлению инженерных войск отпустить Главгидроэнергострою 100 тонн колючей проволоки». Сколько же лагерей она должна была опутать?!

Через три месяца энергичный министр, будущий член-корреспондент Академии наук СССР снова постучался к Косыгину. Лагеря обтянули колючкой, но теперь там не хватало постояльцев. Надо, чтобы МВД пополнило, в частности, «лагерь Свирьстроя на 750 человек». На этой записке резолюция Косыгина:

> *«Министру внутренних дел СССР т. Круглову.*
>
> *Прошу Вас учесть просьбу т. Жимерина в части увеличения рабочей силы и по возможности удовлетворить.*
>
> *2-ой агрегат Нижне-Свирской гидроэлектростанции необходимо пустить в эксплуатацию в установленный срок».*

И это тоже документ эпохи, далеко не единственный в переписке тех лет. Наркомы-министры воспринимали лагеря как элемент экономической структуры, гарантированный резерв рабочей силы. Иногда писалось короче и выразительнее: рабсилы. Судя по запискам Косыгина, по крайней мере в те годы так же считал и он. Главное — пустить в срок 2-й агрегат Нижне-Свирской ГЭС, Каховскую и Куйбышевскую гидростанции, Волго-Донской канал, «Азовсталь»… Конечно, он понимал, какой ценой достаются народу «великие стройки коммунизма», но кому об этом скажешь?!

Перечитывая выступление Косыгина на сессии Верховного Совета СССР в марте сорок шестого года, обратил внимание вот на какую деталь. Алексей Николаевич говорит о выпуске промышленных товаров, но не в республике, а в стране. Надо выпускать столько товаров, «чтобы можно было перейти от снабжения населения по карточкам к развернутой торговле». Он подробно анализирует состояние дел в текстильной, легкой, лесной промышленности, предлагает *инженерные* решения, которые значительно повысят производительность труда на текстильных фабриках, облегчат труд на лесозаготовках — этой отрасли предстоит осваивать новые лесные массивы на Севере, в районах Сибири и Дальнего Востока, но пока она «не удовлетворяет потребностей народного хозяйства».

Денежная реформа — личное поручение Сталина

В первые послевоенные годы Косыгин, что ни год, получал новые назначения. Председатель Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете Министров СССР (февраль 1947 г. — июль 1948 г.); министр финансов СССР (февраль — декабрь 1948 г.); министр легкой и пищевой промышленности СССР (декабрь 1948 г. — март 1953 г.); Председатель Бюро по торговле при Совете Министров СССР (февраль 1949 г. — март 1953 г.). Похоже, что Сталин, приглядываясь к Алексею Николаевичу как одному из возможных кандидатов в премьеры, обкатывал его в разных должностях, испытывал в сложнейших операциях. Одной из них была денежная реформа 1947 года, задуманная еще в сорок третьем, которую по личному поручению Сталина готовили Алексей Николаевич Косыгин и Арсений Григорьевич Зверев, нарком, а затем министр финансов СССР.

Решение «Об отмене карточной системы и денежной реформе» Политбюро ЦК ВКП(б) приняло 13 декабря 1947 года, в субботу. На следующий день, в воскресенье, в шесть часов вечера предписывалось передать по радио, а 15-го опубликовать в «Правде» и «Известиях» (по особому распоряжению они выходили на шести полосах вместо обычных четырех) постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и прочие товары»; приказ министра торговли СССР «О новых единых государственных розничных ценах на продовольственные и промышленные товары»; инструкцию министра финансов СССР «О порядке проведения денежной реформы»…

Пятнадцатого декабря, в понедельник сберкассы начали обмен старых денег на новые в пропорции десять к одному. Вклады в сберкассах переоценивались в зависимости от сумм: до 3000 рублей — один к одному, от 3000 до 10 000 — три старых рубля на два новых, свыше 10 000 — два к одному.

Хотя операция готовилась в строжайшей тайне, слухи о ней пошли по Москве еще с конца ноября того же 1947 года; в магазинах сметалось все подряд. Первого декабря Косыгин докладывал Сталину (копия Вознесенскому, Берия, Микояну, Маленкову) «о торговле промышленными товарами за 26, 27, 28 и 29 ноября 1947 г.». Двадцать шестого коммерческие промтоварные магазины Москвы наторговали на 7 836 тысяч рублей, двадцать седьмого — больше девяти миллионов, двадцать восьмого — десять с лишним, двадцать девятого — 25 900 тысяч рублей. В ЦУМе обычно продавали один патефон (1500 р.) в день. 29-го граждане унесли сразу 150. В Ленинском

универмаге за последний год не продали ни одного пианино (12 000 р.), в тот же день, 29 ноября, купили 11 пианино, десять мотоциклов, а раньше — один в неделю. Косыгин писал, какие меры принимаются, чтобы сбить ажиотаж. В частности, магазины закрывались на переучет, начинали ремонт — «с тем, чтобы подготовить их к открытию одновременно с отменой карточной торговли». Уже тридцатого гонку за товарами удалось сбить. В этот день коммерческие промтоварные магазины Москвы вернулись к обычной норме продаж — немногим более трех миллионов рублей *(ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 40. Л. 86–87)*.

Семья Косыгина узнала о реформе по радио, а наутро прочитала в «Правде». Позже, как пишет в своих воспоминаниях его дочь, «Алексей Николаевич рассказывал, что при обмене денег милиция находила целые мешки, битком набитые купюрами, на задворках домов, в глухих переулках Москвы. Их бросали, чтобы избежать ответственности за нечестно нажитое. Трудовые сбережения рабочих, служащих, интеллигенции, — добавляет уже от себя Людмила Алексеевна, — сохранились и даже поднялись в стоимости». С этим утверждением, наверное, можно поспорить.

Годом раньше власть провела «добровольную» подписку на очередной займ, а облигации теперь обменивались в соотношении пять к одному. В результате этой красивой операции внутренний государственный долг уменьшился втрое — со 158,8 миллиарда рублей до 58,8 миллиарда.

«В Гохране воруют…»

…В июне 1949 года, когда Косыгин уже сдал дела в Минфине и приступил к работе в Министерстве легкой промышленности, по нему выстрелила анонимка. В записке, адресованной Сталину, утверждалось, будто в 1948 году, когда Косыгин был министром финансов, в Гохране происходили крупные хищения золота и драгоценных камней.

«Сталин поручил Л. З. Мехлису, министру Госконтроля СССР, — вспоминает А. С. Болдырев, — организовать проверку деятельности Гохрана. К ней были привлечены сотрудники МВД, Минфина, Института цветных металлов и золота, ученые, специалисты пробирных инспекций и большая группа работников Госконтроля.

В ходе проверки были перевешены и сличены по журнальным записям и приходным ордерам все слитки золота и драгоценных металлов, все драгоценные камни и ювелирные изделия. Чтобы

исключить всякие подозрения в подмене, эксперты проверили и оформили актами подлинность всех драгоценностей.

Алексей Николаевич живо интересовался как организацией проверки, так и ее результатами.

Почти четырехмесячная ревизия установила, что наличие ценностей, находившихся в Гохране, полностью соответствует учетным книгам и актам приемки, которые велись как МВД СССР, так и Министерством финансов.

Исключением было золото — его оказалось на 140 граммов меньше, что составляло ничтожную долю от общего количества хранящегося металла.

Тем не менее Мехлис назначил специальную экспертизу. Она установила, что расхождение объясняется различной степенью влажности воздуха в помещениях, где определялся первоначальный вес слитков (во время войны Гохран находился в Свердловске), и в основных помещениях Гохрана в Москве. Кроме того, эксперты утверждали, что в процессе множественных перевозок и перекладок слитков потери металла неизбежны.

Мехлис прочел все акты, заключения экспертизы и вынужден был согласиться, что хищений в Гохране не было, а хранение и учет поставлены образцово. Тогда он попросил Косыгина поддержать его в представлении к награждению работников Гохрана за отличное ведение дела. Через некоторое время начальник Гохрана Н. Я. Баулин был награжден орденом Ленина, вместе с ним была отмечена и большая группа работников этого ведомства».

В практике Мехлиса, который, по многим свидетельствам, рубил головы направо и налево, это был, наверное, единственный случай, когда анонимка привела к награде. И вот еще о чем думается: к чему привела бы сегодня такая же тщательная ревизия?

В Минфине Косыгин проработал меньше года. Почему так мало? У министра финансов всегда требуют денег, а Косыгин часто возражал, ссылаясь на отсутствие свободных средств. Он отказывал в том числе Молотову, Кагановичу, Берия, Ворошилову. «Его уговаривали дать согласие, но он в большинстве случаев говорил: «Запишите в протокол, что Минфин возражает», — свидетельствует заместитель министра финансов А. С. Болдырев. — Такой министр тем членам Президиума Совмина был не нужен», — заключает он.

Не потому ли догнала Косыгина искусно состряпанная анонимка?

Творчество неназвавшихся сочинителей, безыменников, потайников, как их обозначил Даль, буквально расцвело, когда

Косыгин был в Минфине. Ни раньше, ни позже он не получал столько анонимок. Стучал некий «Наблюдатель», на засилье граждан не той национальности требовал обратить внимание «Русский». Одно из посланий, писанных печатными буквами, переслали от Жданова: «В этом учреждении очень много евреев». И ведь не выбросишь грязный листок. Надо объясняться. По заданию Косыгина подготовили справку о кадрах Минфина. Из 826 номенклатурных работников министерства на 29.V.1948 года было 128 евреев, 15,5 процента. Принято в 1947 году 103 человека, из них 11 евреев, в 1948 — соответственно 38 и 4. Назначено на должности начальников управлений и самостоятельных отделов девять человек в 1947 году и один в 1948-м. Евреев среди них не было. Справка ушла по инстанции. А Косыгин — из Минфина.

По заданию ЦК он выезжает в Молдавию, в Узбекистан, выполняет поручения Сталина. Отчеты — конкретные и деловые. Никаких обращений типа уважаемый, многоуважаемый, дорогой. Просто: товарищу Сталину И. В. И дальше о том, что сделано. «По Вашему поручению, данному на крейсере «Молотов» 19 августа 1947 г. по оказанию помощи морякам Черноморского флота, проведены следующие меры…» Эта записка датирована 31 декабря 1947 года. В начале года он был в Молдавии, обещал помочь восстановить Кишинев. 30 апреля 1948 года председатель Кишиневского горисполкома Д. Смирнов прислал в секретариат Косыгина записку:

> «Товарищ Горчаков!
> Прошу передать Алексею Николаевичу снимок дома, построенного по улице Ленина в городе Кишиневе к 1-му мая, и снимок автобуса. Все это результат помощи Алексея Николаевича».

Двадцать лет спустя, в сентябре 1967-го, Косыгин вспомнил о своей послевоенной командировке, выступая на торжественном заседании в Кишиневе — он вручал республике орден Ленина:

> «В начале 1947 года, вскоре после окончания Великой Отечественной войны, мне вновь по поручению Центрального Комитета и Совета Министров СССР пришлось быть в Кишиневе. Весь народ прилагал героические усилия к восстановлению хозяйства, чувствовалась полная уверенность в том, что все возникшие трудности будут преодолены. Центральный Комитет партии, Советское правительство, несмотря на

ограниченные в ту пору ресурсы, оказали Молдавии большую помощь продовольствием, семенами, промышленными товарами, транспортом. Братская поддержка помогла Молдавии в короткий срок восстановить промышленность и сельское хозяйство, а затем оставить далеко позади довоенные рубежи».

«Помоги разыскать сынка»

В нескольких папках собраны письма, адресованные Косыгину. Кто-то жалуется на то, что урезали несправедливо приусадебный участок, кто-то просит помочь отменить несправедливый приговор, выбраться из подвала… Разумеется, сначала все эти письма разбирали в секретариате, готовили свои предложения — с ними поздно вечером Горчаков шел к Косыгину. Как правило, Алексей Николаевич поддерживал предложения помощников, которые старались помочь людям.

Двадцатого февраля 1949 года Горчаков, докладывая очередную почту, рассказал о письме из Ленинградской области. Иван Михайлович Беляев, инвалид труда первой группы — нет рук, потерял зрение — вторично просит оказать ему помощь в отпуске бесплатно 60 кубометров пиломатериалов для строительства дома.

«Леноблисполком рассматривал просьбу Беляева, — докладывал Горчаков. — Фондов на бесплатный отпуск леса нет. Предлагаю снять вопрос».

Косыгин пробежал письмо еще раз и перечеркнул заготовленную резолюцию. Написал новую:

«Леноблисполком.

Прошу еще раз рассмотреть, может быть, выдача леса могла бы быть произведена за счет кредита на индивидуальное жилищное строительство в соответ(ствии) с планом, утвержденным для Ленин(градской) области.

20.II».

Расписался и передал Горчакову:

«А Ивану Михайловичу Беляеву напишите, чтоб пригласил Вас на новоселье».

В этих папках — сотни писем о повседневной послевоенной жизни страны. Жаль, что они заперты в архивах. Но еще одно из переписки 1949 года я приведу. Это живое эхо войны.

«Добрый день,

родное мое сердце, сынок желанный, я к тебе обращаюсь с большой просьбой. Родной мой, не дай погибнуть бедной, безродной старушке. У меня был сынок Мишенька, работал на станции Ленинград-Сортировочная машинистом и в 42-м году его отправили как надежного, проверенного человека, всегда был стахановцем, на Доске почета, повести эшелон с боеприпасами для фронта. И с тех пор я о нем ничего не знаю.

Сколько ни писала в Москву, даже тов. Сталину, никто мне, бедной старухе, не хочет ответить.

В 42-м году он вел состав мимо моего и его домишки, он мне помахал грязной рукою с паровоза, а я ему белым платочком. Он мне крикнул: «Скоро, мама, вернусь». Я ему улыбнулась и с тех пор я его не видела. Это я последнего сына потеряла. Самой мне уже 75 лет. Ноженьки мои мне отказали в ходьбе, даже в том, чтобы я смогла сходить попросить милостыню. Я ниоткуда не получаю нисколечки.

Вот, родной мой сынок, помоги мне, несчастной старухе, а то только меня обижают, даже сельский Совет наложил налоги… Помоги разыскать сынка. Где он погиб? Где он сложил свою головушку?

С приветом бабушка Паша Федотова.

Адрес мой:

ст. Ушаки Ленинградской области, ул. Полины Осипенко, д. № 8.

Федотовой Парасковье Прокофьевне».

«НЕ ВАМ СУДИТЬ О СТАЛИНЕ…»

Цветет в Тбилиси алыча

9 марта 1953 года на Красной площади в Москве хоронили Иосифа Виссарионовича Сталина. «Рулил» печальным собранием Никита Сергеевич Хрущев. Он предоставил слово Председателю Совета Министров Союза ССР и Секретарю (так и писалось — с большой буквы) ЦК КПСС Маленкову, а затем — первому заместителю Председателя Совета Министров Союза ССР Берия.

«Враги Советского государства рассчитывают, что понесенная нами тяжелая утрата приведет к разброду и растерянности в наших рядах, — говорил Лаврентий Павлович. — Но напрасны их расчеты: их ждет жестокое разочарование».

Вспоминая события того, уже такого далекого марта, я нашел в своем архиве газету «Комсомолец Донбасса» с отчетом о похоронах Сталина. На потрепанных страницах сохранилась пометка почты: Доменная, 69 — наш донецкий адрес. С тех мартовских номеров начался мой домашний архив.

Вот во всю полосу: вожди у гроба Сталина. Вторым после Маленкова стоит человек без лица. Вместо портрета чернильное пятно. И по всему номеру старательно замазана его фамилия, перечеркнута речь. Надо заметить: это делалось не в марте, а в июле 1953 года, когда Лаврентий Берия превратился во врага и даже английского шпиона, хотя он, знавший все о наших атомной и водородной бомбах, никаким шпионом, конечно, не был.

Помнится знойный июльский день. Мы, второкурсники Сталинского горнообогатительного техникума, только что сдали последние экзамены и, получив стипендию за летние месяцы, высыпали на улицу Артема. Почти все в костюмах «с молоточками» — нашей горняцкой форме. Ее пошили бесплатно после первого курса, выдали красивые фуражки. Мы щеголяли в этой форме не потому, что очень хотели быть похожими друг на друга: у многих не было другой одежды. Ребята постарше, демобилизованные, донашивали гимнастерки, у остальных все было разномастное — от перелицованных кителей до дешевых вельветовых «бобочек», сшитых мамами. На баскетбольной площадке, отыграв свое, мы перекидывали босым приятелям кеды. Но нас, ребят с шахтерских окраин, все это мало волновало. Мы учились в горнообогатительном техникуме — многим городам в ту пору не снились такие институты: красивое здание, лаборатории с действующей техникой, спортивный и актовый

залы. (Помню, поближе к сцене до самого нашего выпуска в 1955 году, а может и позже, до очередной антипартийной группы, висел транспарант с указанием Молотова о том, что все дороги ведут к коммунизму.) Об этом светлом будущем гремели марши из репродукторов:

Свет коммунизма виден с вышек донецких шахт.

В черных костюмах жарко, кто-то уже сгонял за семикопеечным фруктовым мороженым, соображаем, куда теперь податься — в скверик у кинотеатра «Комсомолец» или к лавчонкам за универмагом? В нашу бестолковую говорильню вдруг врываются тревожные позывные радио. Прислушались: враг народа, мусаватист, шпион… Вот тогда, придя домой, я и прошелся чертежным пером по страничкам «Комсомольца Донбасса».

Тем же летом к нам залетела частушка:

Цветет в Тбилиси алыча
Не для Лаврентий Палыча,
А для Климент Ефремыча
И Анастас Иваныча.

Климент Ефремович Ворошилов был уже Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Анастас Иванович Микоян тоже оставался во власти. В общем, народ уловил новую расстановку сил, а детали оставались под секретными грифами еще почти четыре десятка лет, до публикации стенограммы «бериевского» пленума.

Тот пленум ЦК КПСС проходил в Москве со второго по седьмое июля 1953 года.

Пять дней, правда, часть заседаний начиналась вечером, заняло обсуждение первого и главного вопроса повестки дня: «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». Открыл пленум Никита Сергеевич Хрущев, в то время член Президиума, секретарь ЦК КПСС, с докладом выступил Георгий Максимилианович Маленков, член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР. Среди тех, кто сидел в зале, был и Алексей Николаевич Косыгин, министр легкой и пищевой промышленности СССР, а до этого в течение 13 лет, с 1940-го по 1953-й — заместитель председателя Совнаркома (Совета Министров СССР), кандидат в члены Политбюро, член Политбюро и кандидат в члены Президиума ЦК — после XIX съезда.

Выдвиженцы

Четыре года разделяли наркомовский кабинет и каморку мастера текстильной фабрики в Ленинграде. Фантастическая для нынешних времен картина и вполне типичная для конца 30-х годов. На место директоров заводов, начальников главков, главных инженеров, наркомов, объявленных вредителями, врагами народа, арестованных, сосланных или расстрелянных, выдвигали совсем молодых людей. Выдвиженец — типичное выражение из словаря той эпохи. У Даля его нет. Есть выдвигать — выставлять вперед, выводить. Есть выдвигатель — кто выдвигает что-либо. Время добавило: выдвиженец.

Среди этой плеяды множество легендарных имен: Славский — Средмаш, атомные проекты, Ломако — цветная металлургия, Шахурин — авиапромышленность, Бещев — железные дороги… В начале 1939 года газеты опубликовали указ о награждении орденами Ленина «выдающихся организаторов социалистической промышленности в СССР»: Б. Ванникова, А. Ефремова, А. Косыгина, В. Малышева, М. Первухина, Д. Устинова. Самому старшему из них, Борису Львовичу Ванникову, было 42 года, Малышеву — 36, Первухину, Косыгину, Ефремову — 35, Устинову — 31, через два года, в 33 он станет наркомом вооружений.

Представляя коллективный портрет управленцев, призванных в конце 30-х, историк и социолог Вадим Роговин писал в книге «Партия расстрелянных»: «На смену нескольким поколениям большевиков, почти целиком уничтоженным в пожаре великой чистки, пришло поколение людей, только недавно перешагнувших порог своего тридцатилетия. От них Сталин мог ожидать безоговорочного конформизма и беспрекословного, бездумного послушания при любых поворотах своего политического курса». Наверное, эти слова верны для партийного аппарата, который колебался вместе с курсом, как шутили когда-то в узком кругу, отвечая на вопрос, были ли колебания в проведении генеральной линии партии. А хозяйственникам, командирам отраслей надо было заниматься делом. Создавать станки и самолеты, осваивать выпуск новых видов вооружения, одевать страну… Можно представить, как им приходилось работать. Какая ответственность падала на плечи вчерашних студентов, когда они принимали цехи, фабрики и заводы, где за год-два большая чистка сменяла по несколько групп руководителей.

Малышева сразу после института назначили главным инженером Коломенского машиностроительного завода, одного из крупнейших предприятий Союза — все другие инженеры были

арестованы. Два года работы на заводе и в 1939-м, как и Косыгина, Сталин утверждает его наркомом — тяжелого машиностроения. Кстати, оба они на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 года) стали членами ЦК. Половина делегатов этого съезда была моложе 35 лет. Сталин мог гордиться: на руководящие партийные и государственные посты между XVII и XVIII съездами выдвинуто «более 500 тысяч молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии». Добавлю: на места тех, кого увезли в Печорлаг, на Колыму или в Караганду, кого поставили к стенке… Рассказывают, когда арестовали Ежова, наркома внутренних дел, в его письменном столе нашли стреляные гильзы, завернутые в бумажки с надписями: «Зиновьев», «Каменев», «Смирнов»…

«1937 год отошел в историю, — писала первого января 38-го газета «Ленинградская правда». — С любовью и гордостью будет вспоминать о нем советский гражданин». Не знаю, случайная это оговорка с гражданином в единственном числе (оставалось добавить: Ежов) или в этой фразе намеренно не нашлось места для «граждан», которые оплакивали своих погибших. Будет ли другим 38-й?

19 января Верховный Совет СССР утвердил новое правительство. В списке, который газеты опубликовали на следующий день, 29 имен. Многие из них скоро окажутся в других, расстрельных списках: Чубарь, Косиор, Ежов, Каганович (не Лазарь, а его брат, Михаил Моисеевич, нарком оборонной промышленности), Эйхе…

Свои высшие курсы Косыгин, Устинов, Ломако, Ванников проходили в сталинском Совнаркоме, в сумасшедшей, до полного изнеможения работе, готовые к любому исходу. У кого-то хватило сил только пережить войну, как, например, у наркома угольной промышленности Вахрушева.

Николаю Константиновичу Байбакову врезался в память такой эпизод. Однажды — это было во время войны — два топливных наркома, он сам (нефть) и Вахрушев (уголь) докладывали председателю Госплана о проблемах отраслей. Слово за слово и, вспылив, Вахрушев и Вознесенский вдруг схватились за грудки. «Требуешь угля, а денег не даешь!» — кричал один. Нечто в таком же духе отвечал другой.

Вахрушев с его горячим сердцем прожил после войны только два года — умер в сорок пять. Пожалуй, первым из плеяды тех, кого называли «сталинскими наркомами», ушел из жизни он. Только на сорок семь лет хватило наркома тяжелого машиностроения СССР, министра станкостроения, зампреда Совета Министров СССР Александра Илларионовича Ефремова. Арест по навету едва не оборвал жизнь Бориса Львовича

Ванникова, наркома вооружений, первого в стране трижды Героя Социалистического Труда. Он был одним «из лучших друзей Алексея Николаевича и всей нашей семьи», замечал Гвишиани.

История Ванникова в свое время была широко известна. Его, наркома вооружений, арестовали незадолго до войны. Когда грянула война, он отправил Сталину письмо, в котором высказал свои предложения о передислокации предприятий оборонной промышленности. Письмо дошло до адресата.

Как рассказывал сам Ванников, его неожиданно переодели, привели в более или менее приличный вид и вывезли из тюрьмы, ничего не объяснив. Он был готов ко всему — к новым допросам, даже к расстрелу, хотя никогда не признавал за собой никакой вины. Однако его доставили в Кремль, в приемную Сталина. Никто из больших начальников, дожидавшихся там приема, «не узнал» наркома и не поздоровался с ним. Сталин проговорил с ним около сорока минут с глазу на глаз, предложив считать все прошедшее «досадным недоразумением и немедленно приступить к работе».

Ванников вышел из кабинета Сталина наркомом, и тут-то его все узнали. Сам Борис Львович Ванников был убежден, что в его злоключениях виноват не Сталин, а его гнусное окружение. Вождь же, напротив, во всем разобрался и восстановил справедливость. Весьма типичная точка зрения.

О деловых качествах этих людей Косыгин мог судить и судил не с чужих слов, а по личным впечатлениям. Конечно же, он присматривался к ним, многому учился. Однажды он попросил Молотова «оказать содействие в переговорах с Наркоматом путей сообщения». По свидетельству Михаила Сергеевича Смиртюкова, Молотов, подойдя к Косыгину, спросил, кто он такой и какую должность занимает. «Косыгин ответил, как говорится, по всей форме. Тогда Вячеслав Михайлович сказал ему:

— Вы для того и нарком, чтобы самому выполнять свои обязанности. А я у вас толкачом не намерен быть.

После этого протянул Косыгину руку и попрощался с ним».

Как потом Косыгин рассказывал Смиртюкову, многолетнему управляющему делами Совмина СССР, он вышел от Молотова недовольным. Но скоро понял, что Молотов был прав.

Сколько воды утекло с тех пор! Сколько перемен обозначилось лишь за четыре месяца жизни без Сталина! Какие разломы последуют за ними? Попытаемся посмотреть на те события глазами Косыгина.

«Берия хотел похоронить имя товарища Сталина»

— Вы помните, товарищи, как наши враги во всем мире были окрылены смертью нашего великого вождя и учителя, — говорил Маленков. — Мы обязаны были сплотить свои ряды, действовать энергично и решительно, обеспечить единство и дружно вести страну вперед по пути, определенному гением человечества Лениным и его великим продолжателем Сталиным (Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 140–141).

Пленум был закрытый, на стенограмме пометка: «Снятие копий воспрещается», в зале не было ни фоторепортеров, ни кинооператоров, увидеть докладчика нельзя, но мне почему- то кажется, что он еще не снял «сталинку».

То и дело с трибуны звучали привычные формулы: наш ленинско-сталинский ЦК, «идеи наших великих вождей Ленина — Сталина господствуют на нашем пленуме». А вот товарищ Андреев Андрей Андреевич, член ЦК КПСС, член Верховного Совета СССР, разоблачил «необычный тип тех врагов, с которыми раньше боролась наша партия», и предложил: «…из этого мерзавца надо вытянуть все жилы, чтобы была ясная картина его отношений с заграницей, кому и как он служил, тогда нам откроется очень многое». А затем Андреев сказал, что Берия «начал дискредитировать имя товарища Сталина, наводить тень на величайшего человека после Ленина». Андреев не сомневался, что именно под его «давлением вскоре после смерти товарища Сталина вдруг исчезает в печати упоминание о товарище Сталине».

В стенограмме в этом месте пометка: «Голоса из зала. Правильно».

Андреев бросает камешек в прессу, но направлен он явно по другому адресу: *«Это же позор для работников печати. Раньше чересчур усердствовали, и там, где нужно и не нужно, вставляли имя т. Сталина, а потом вдруг исчезло имя т. Сталина. Что это такое?*

Появился откуда-то вопрос о культе личности. Почему встал этот вопрос? Ведь он решен давным-давно в марксистской литературе, он решен в жизни, миллионы людей знают, какое значение имеет гениальная личность, стоящая во главе движения, знают, какое значение имели и имеют Ленин и Сталин, а тут откуда-то появился вопрос о культе личности. Это проделки Берия».

Не выдержал Климент Ефремович Ворошилов, первый красный офицер, член Президиума ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, подал свой голос:

правильно.

— Он хотел похоронить имя товарища Сталина и не только имя товарища Сталина, но это было направлено и против преемника товарища Сталина.

И снова зал отозвался: правильно.

«Маленков. Все мы преемники, одного преемника у товарища Сталина — нет.

Андреев. Вы являетесь Председателем Совета Министров, пост который занимал т. Сталин».

И опять отозвался зал: правильно. Да еще бурными аплодисментами разразился.

Ох, просчитался товарищ Андреев, ничего не понял в новом раскладе. Ну, ничего, Никита Сергеевич нашел возможность ему напомнить. И не только ему.

«Тевосян. Я хотел бы обратить внимание, о чем указывал и товарищ Андреев, что после смерти товарища Сталина стало постепенно исчезать имя товарища Сталина из печати. С болью в душе приходилось читать высказывания товарища Сталина без ссылки на автора.

Вчера (это было 4 июля. — *В. А.)* из выступления товарища Кагановича мы узнали, что этот мерзавец Берия возражал против того, чтобы, говоря об учении, которым руководствуется наша партия, наряду с именами Маркса, Энгельса, Ленина называть имя товарища Сталина. Вот до чего дошел этот мерзавец. Имя нашего учителя товарища Сталина навсегда останется в сердцах членов нашей партии и всего народа и никаким Берия не удастся вырвать его из нашего сердца».

И опять — аплодисменты, выкрики: правильно.

Вплетался ли в эти выкрики голос Алексея Николаевича Косыгина? Уверен: нет! И не только потому, что он осторожничал, выжидал. Он вообще не из породы крикунов. И о своем отношении к Сталину, который в шутку называл его «Косыга», говорил только с самыми близкими людьми. Официальные речи не в счет, там положены «бантики», там приняты правила, по которым надо играть. Но остались неофициальные свидетельства, записанные в разные годы.

«Иосиф Виссарионович приглашает Алексея Николаевича с семьей…»

…Август 1947 года. Впервые за последние семь лет у Косыгина отпуск. Он отдыхает с семьей на государственной даче в Мухалатке, неподалеку от Ялты.

«В это время в Крыму отдыхал И. В. Сталин, — рассказывает Л. А. Гвишиани-Косыгина. — В один из августовских дней к Алексею Николаевичу приехал небольшой полноватый человек в военной форме — генерал Власик, начальник личной охраны Сталина, и сказал, что Иосиф Виссарионович приглашает Алексея Николаевича с семьей к себе в Ливадийский дворец.

Папа, конечно, принял приглашение, и мы поехали все вместе — с нами были родственники, два мальчика лет по 10–11, а мне тогда было 18. В Ливадию приехали уже вечером, часов в 6–7. Нас поместили в две большие смежные комнаты, идеально убранные, но пустоватые, с кроватями, на которых были красивые, легкие покрывала.

Через некоторое время маму и папу пригласили поужинать к И. В. Сталину, а мы остались в комнате, из которой открывался прекрасный вид на море. Про нас, видимо, забыли, и мы втроем коротали несколько часов. Наступил вечер, а потом и ранний рассвет, я увидела на рейде, на фоне восходящего солнца, военную эскадру, к которой шел катер. Тут-то я поняла, что мы остались во дворце без родителей».

Людмилу и мальчиков вскоре отправили обратно в Мухалатку, а Косыгины действительно ушли с эскадрой и вернулись на дачу через день или два. У Клавдии Андреевны это была первая и, скорее всего, единственная встреча со Сталиным. Надо отдать ей должное: держалась она с большим достоинством и сумела заинтересовать Иосифа Виссарионовича. По горячим следам свидетельства отца и матери об этой встрече записала дочь, а позже — академик Ойзерман. Перечитывая их воспоминания, можно подробно реконструировать свидание в Ливадии.

У Сталина и его гостей было общее прошлое: Сибирь. Хозяин вспоминал о своем побеге из Туруханской ссылки, а Клавдия Андреевна и Алексей Николаевич — о своей жизни в Сибири, в Новосибирске и Киренске в 1924–1930 годах. Сталин тоже побывал в Сибири в самом конце двадцатых, с продразверсткой; вполне возможно, вспомнил Новосибирск, Омск, Барнаул…

Вообще, беседа легко переходила от одной темы к другой и Сталин спросил Клавдию Андреевну, как она представляет себе роль жены, ее место в семье, ее, так сказать, предназначение.

> *«Клавдия Андреевна ответила, что у нее, конечно, есть собственное представление на этот счет, но она была бы весьма признательна своему собеседнику, если бы он первым высказался по этому вопросу. Сталину, по-видимому, понравилось это замечание, и он сказал, что жена — это товарищ, подруга, любовница, хозяйка дома,*

воспитательница детей. На это Клавдия Андреевна заметила, что она, конечно, ни в какой мере не отрицает важности всех этих характеристик. И все же да будет позволено ей не согласиться с тем, что полагать главным в характеристике жены. Ведь главное состоит в том, что жена — это судьба».

После этих слов Сталин поднял тост за женщину, которая определила судьбу Алексея Николаевича Косыгина. Потом разговор продолжался об их жизни в Ленинграде. Клавдия Андреевна рассказывала, как в начале 30-х годов, когда Алексей Николаевич учился в Текстильном институте, она работала в Кронштадте, в плавмастерских.

— Значит, вы, Клавдия Андреевна, морячка? — спросил Сталин. И когда адмирал Октябрьский, командующий Черноморским флотом, доложил, что крейсер «Молотов» к отплытию готов, снова обратился к ней:

— Ну, что, морячка, может быть, пойдете с нами в эскадре?

Клавдия Андреевна сдержанно возразила: моряки, мол, считают недопустимым присутствие женщины на военном корабле.

«Товарищ Октябрьский, — обратился к адмиралу Сталин, — может быть, команда сделает исключение, ведь Клавдия Андреевна — морячка!» Шутка была хорошо воспринята, и мама по трапу направилась на катер, а потом перешла на крейсер «Молотов» и всю дорогу провела в кают- компании.

Во время плавания Сталин и адмирал Октябрьский беседовали с командирами, командой крейсера. Папа рассказывал, что тогда ему было поручено улучшить экипировку моряков — форму, обувь, а также позаботиться о снабжении флота продовольствием.

Вскоре в газетах появились фотографии: Сталин, адмирал Октябрьский и Косыгин с моряками Военно-Морского флота. По этому поводу мама, натура очень эмоциональная и умевшая чувствовать обстановку, сказала при мне отцу: «Знаешь, Алеша, они тебе этого приближения не простят». И как в воду смотрела! В последующие годы Алексею Николаевичу Косыгину не раз приходилось встречаться с недоброжелательным отношением к себе некоторых членов Политбюро».

«…у некоторых руководителей партии и государства, — вспоминал Д. Гвишиани, — были причины для недовольства

Косыгиным. Одних настораживало то, что его на какой- то короткий период приблизил к себе Сталин. Другим не нравились некоторые поручения, которые Косыгин получал лично от Сталина, например, такая неблагодарная миссия — разобраться с привилегиями членов Политбюро — не могла не вызвать их раздражения. Как рассказывал нам Алексей Николаевич, началось с того, что однажды на заседании Политбюро Сталин учинил разнос.

— Мне прислали списки с продуктовых баз, — говорил он, — в которых указано, сколько продуктов расходуется в семьях Молотова, Кагановича, Микояна и других. Это просто возмутительно — вместе с ними кормится и охрана, и вся обслуга. Причем все воруют и никто не считает. Поручим Косыгину разобраться с этим, пусть внесет предложения, чтобы ввести жесткий лимит.

В те времена члены Политбюро, имея сравнительно невысокую зарплату, получали практически бесплатно любое количество продуктов, но после вмешательства Сталина, поручившего Косыгину навести порядок, были установлены ограничения. Недовольство же влиятельных членов Политбюро пало на голову Алексея Николаевича».

Членов ПБ вождь приструнил сам. А как быть с остальной влиятельной публикой? Своею собственной рукой Сталин написал постановление «О суде чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б)» — принято 7 апреля 1948 г. *(РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 36–37)*. Создавался Суд чести «в интересах укрепления партийной и государственной дисциплины, борьбы с проявлениями разложения и антигосударственными поступками, роняющими честь и достоинство руководящих советских и партийных работников». Контингент Суда чести — министры союзных министерств и их заместители, председатели комитетов при Совете Министров СССР и их заместители, начальники главных управлений при Совете Министров СССР и их заместители, секретари ЦК компартий союзных республик, председатели Советов Министров союзных республик и министры союзных республик. Председателя и четырех членов Суда чести назначало Политбюро ЦК ВКП(б), оно направляло дело в этот суд.

В документе подробно описывается процедура рассмотрения дел и мера наказания: объявить общественное порицание обвиняемому; объявить общественный выговор; просить КПК об исключении из партии или переводе в кандидаты в члены ВКП(б); просить Совет Министров Союза ССР и ЦК ВКП (б) о снижении в должности или снятии с работы в связи с несоответствием занимаемой должности; передать дело следственным органам для

направления в суд в уголовном порядке. На одном из заседаний Суда чести рассматривали дело министра пищевой промышленности Зотова и зам. министра Попова. По просьбе Косыгина там побывал Горчаков. В докладной записке он написал, что их допрашивали четыре с половиной часа, причем Зотов часто сбивался, отвечал невпопад, что вызывало смех в зале. А зал был переполнен. Как писал Горчаков, на суде присутствовали все министры и руководители центральных учреждений. «Кроме того, присутствовало 600 человек рабочих пищевой промышленности союзных республик и 200 человек рабочих пищевой промышленности г. Москвы». Зотову, рассудил Горчаков, после такого спектакля не сдобровать. И точно — в августе 1949 года его отправили в отставку. Вернулся он к своим министерским обязанностям лишь в правительстве Косыгина.

Суды чести еще продолжались, но вся эта затея уже казалась вождю ненужной. Стоит ли чикаться с порицаниями и выговорами, если сразу можно «в уголовном порядке»? Именно по такой схеме разворачивалось «ленинградское дело».

Ленинградское дело

Н. Вознесенского, первого зама Сталина в правительстве, председателя Госплана, члена Политбюро, А. Кузнецова, секретаря ЦК ВКП(б), М. Родионова, Председателя Совмина РСФСР и других (всего судили около 200 человек) обвинили в попытке антиправительственного заговора и измене Родине. Седьмого марта 1949 года ЦК ВКП(б) утвердил постановление Политбюро ЦК ВКП(б): «В связи с постановлением Совета Министров СССР от 5 марта с.г. о Госплане СССР — вывести т. Вознесенского Н. А. из состава Политбюро ЦК ВКП (б)». Следующий пункт в этом же протоколе «О т.т. Кузнецове А. А. и Родионове М. И.: «Освободить т.т. Кузнецова А. А и Родионова М. И. от обязанностей членов Оргбюро ЦК ВКП(б)».

Кто бы мог подумать о таком повороте судьбы! Всего два года назад ЦК принял предложение самого Сталина: «ввести в состав членов Политбюро ЦК ВКП(б) тов. Вознесенского Н. А.». Всего год назад Кузнецов докладывал пленуму о наркоме авиапромышленности Шахурине: «Также вносится предложение вывести из состава членов ЦК Шахурина. Он осужден, сидит в тюрьме». В протоколе пометка: «Голоса с мест. Правильно». Тогда же одним махом расправились с маршалом Жуковым. Докладывал Жданов: «Он, по моему мнению, рано попал в Центральный Комитет партии». Больше ничего по существу не

сказал товарищ Жданов, но проголосовали за его предложение единогласно. Досталось Ивану Михайловичу Майскому, академику, известному дипломату, послу СССР в Великобритании в 1932–1943 годах, затем заместителю наркома иностранных дел, участнику Крымской и Берлинской международных конференций. «Малопартийный человек», — молвил о нем Жданов.

Постановление о Вознесенском, принятое опросом членов ЦК ВКП(б) от 7 марта 1949 года, первоначально должно было быть подписано Сталиным. Он перечеркнул слова «Секретарь ЦК» и написал: ЦК ВКП(б) *(РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 227)*. Документ разослали членам и кандидатам в члены Политбюро: т.т. Андрееву, Берия, Булганину, Ворошилову, Кагановичу, Косыгину, Маленкову, Микояну, Молотову, Сталину, Хрущеву, Швернику. Отдельной строкой — тов. Вознесенскому.

За месяц с небольшим до этого Маленков и Берия предлагали Сталину создать Дальневосточное и Среднеазиатское Бюро ЦК ВКП(б) и направить туда соответственно Кузнецова и Вознесенского. 28 января 1949 года Политбюро приняло решение: «В связи с утверждением тов. Кузнецова А. А. секретарем Дальневосточного Бюро ЦК ВКП(б) освободить его от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б)». На этом затея с бюро и завершилась. Стражи законности из Комиссии партийного контроля доложили, что «в Госплане СССР на протяжении ряда лет в период работы Вознесенского Н. А. председателем Госплана пропало большое количество секретных документов, составляющих по своему содержанию государственную тайну». Далее в записке говорилось о кадрах:

«…в аппарате Госплана оказалось много лиц, не внушающих политического доверия, привлекавшихся органами советской власти к судебной ответственности за политические преступления, поддерживающих сомнительные связи с родственниками, проживающими за границей. При таком положении в Госплане СССР нет гарантии, что пропавшие документы не попали в руки агентов иностранных разведок».

Наверное, и в самом деле в бумагах Госплана не было должного порядка, но уж к агентам иностранных разведок они точно не попали. Иначе не было бы этой оговорки: нет гарантии… А кто может дать такую гарантию? Но вывод следовал самый суровый.

> «ЦК ВКП(б) постановляет:
>
> *1. За нарушение советских законов об охране государственной тайны и создание в аппарате Госплана СССР разлагающей обстановки попустительства*

виновника утери секретных документов Вознесенского Н. А. исключить из состава членов ЦК ВКП(б).

2. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9.VI.1947 г. и ввиду особой серьезности нарушений закона в Госплане СССР, предать суду Вознесенского, как основного виновника этих нарушений, а также бывшего заместителя Председателя Госплана СССР Панова, заместителя председателя Госплана Купцова, нач. отдела кадров Орешкина и начальника 5-го отдела Госплана Белоуса, которые несут ответственность за пропажу секретных документов и за непринятие мер к сохранности секретных документов.

3. Предложить Генеральному прокурору СССР т. Сафонову произвести необходимое следствие по делу пропажи секретных документов в Госплане СССР».

За дело взялись мастера сыска.

За год до этих трагических событий Косыгины выдали замуж дочь. Свадьба Людмилы Косыгиной и Джермена Гвишиани пела-играла 24 января 1948 года. Среди гостей был Алексей Кузнецов. Косыгин работал с ним в Ленинграде, они дружили семьями. Алексей Александрович был женат на двоюродной сестре Клавдии Андреевны.

«Мы, ничего об этом («Ленинградском деле». — *В. А.)* не зная, — вспоминал Д. Гвишиани, — только видели по состоянию обычно чрезвычайно сдержанного Алексея Николаевича, что произошло нечто ужасное. Позже Клавдия Андреевна сказала нам с Люсей:

— Случилась большая гадость — Алексея Александровича арестовали».

В череде обвинений, предъявленных Вознесенскому, значилось и незаконное хранение оружия — в сейфе оказался пистолет, скорее всего подаренный во время войны.

«Алексей Николаевич тогда же предложил:

— Знаешь что, давай соберем, что у нас есть. И выбросим. Всякое может быть.

У меня был маленький, старый, полученный в подарок браунинг. В юности я неплохо стрелял из пистолета и малокалиберной винтовки и даже имел грамоты за участие в соревнованиях по стрельбе. У Алексея Николаевича был вальтер и еще какой-то пистолет, оставшийся с военного времени. Под видом рыбалки мы сели в лодку и утопили все это в Москве-реке.

Примерно в то же время, когда мы уже знали о судьбе Кузнецова и других, Алексей Николаевич сказал нам с Люсей:

— Знаете, ребята, а меня ведь тоже могут арестовать, тем более что на следствии по этому делу многие дают на меня показания.

Об этом он знал как кандидат в члены Политбюро: всем им по утрам клали на стол размноженные копии протоколов допросов, причем в экземпляре Алексея Николаевича кто-то подчеркивал красным карандашом фамилию: «Косыгин». Он тут же садился и писал подробное объяснение Сталину: «категорически отрицаю эти факты…», «в это время я находился там-то…», «этого не могло быть по таким-то и таким- то причинам», «показания надуманны…»

Как бы то ни было, каждое утро, уезжая на работу, обняв Клавдию Андреевну, расставаясь с нами, он говорил: «Прощайте» и напоминал о заранее обговоренных условиях, как нам быть, если с ним что-то случится.

Жили мы тогда на даче, которая усиленно охранялась, поэтому, чтобы поговорить, пошептаться, посекретничать, приходилось прятаться от соглядатаев. В семье на долгие годы сложилось убеждение, что телефоны прослушиваются. Все знали, что в разговорах надо быть крайне осторожным; никто не собирался делать крамольных заявлений, но опасались провокаций.

Однажды я решил поискать в доме подслушивающие устройства — в том, что они есть, сомневаться не приходилось. В нескольких местах в комнатах я отыскал два замаскированных довольно примитивных микрофона. О своем открытии я сообщил Алексею Николаевичу, на что он строго заметил:

— Ничего не трогай и никому не говори.

И в самом деле, кому же скажешь?..

Несколько месяцев все мы провели в напряженном ожидании. Позже для себя решили, что все же арестовать Косыгина не дал Сталин».

Очевидно, это точный вывод. И подтверждается он вот еще каким обстоятельством. В разгар следствия по «Ленинградскому делу» Косыгина, члена Политбюро ЦК ВКП(б), председателя Бюро по торговле при Совете Министров СССР, командировали в Алтайский край. Кто, кроме Сталина, мог разрешить такую командировку, тем самым дав понять, что к Косыгину нет претензий? Хотя в истории репрессий записаны многие случаи арестов именно в командировке, в поезде, при вызове в Москву.

Кстати, однажды Владимир Николаевич Новиков, заместитель Косыгина, отдыхал на алтайском курорте «Белокуриха». Вернувшись, он рассказал премьеру о своих впечатлениях. И вдруг, замечает Новиков, Алексей Николаевич

стал расспрашивать, не сохранился ли там такой-то дом, интересовался и другими подробностями о поселке. В Белокурихе, во время своей спасительной командировки Косыгин провел более десяти дней. Ссылаясь на самого Алексея Николаевича, Новиков пишет, что ту длительную поездку по Сибири и Алтайскому краю Косыгину организовал Микоян, якобы «в связи с необходимостью усиления деятельности кооперации, улучшения дел с заготовкой сельскохозяйственной продукции». Принимаю эту версию, хотя понимаю, как малоубедительна была мотивировка в глазах Сталина. А что могло при решении судьбы Косыгина значить много, стать решающим фактором? Полного ответа на этот вопрос мы никогда не узнаем, можно только догадываться.

…На одном из совещаний после XIX съезда КПСС, в октябре 1952 года к Алексею Николаевичу подошел Сталин:

— Ну как ты, Косыга? Ничего, ничего, еще поработаешь, поработаешь…

Хрущев расставляет акценты

…Не буду гадать, какие чувства обуревали Косыгина на том «бериевском», а по существу «сталинском» пленуме. Можно только предположить, что он был против бесшабашной расправы со Сталиным и, будь это в его власти, провел бы десталинизацию без перегибов и перехлестов.

А Хрущев и Маленков тем временем расставляли акценты.

— Здесь на Пленуме ЦК говорили о культе личности, и надо сказать, говорили неправильно, — заметил Маленков в своем заключительном слове 7 июля. — Я имею в виду выступление т. Андреева. Подобные настроения на этот счет можно было уловить и в выступлении т. Тевосяна…

Соратника сурово перебил Хрущев: «Некоторые не выступившие вынашивают такие же мысли». Маленков продолжал:

— Вы должны знать, товарищи, что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовала.

Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной.

Да, фигура Сталина буквально нависла над пленумом. И могло показаться, что вождь всех времен и народов вот-вот сам появится в зале и спросит вкрадчиво каждого: «Что же ты затеял, Никита?» «Ну как дела, Косыга?»

Далеко впереди был XX съезд КПСС, возвращение из лагерей тысяч и тысяч безвинно осужденных, реабилитация несправедливо обвиненных, которая растянется на десятилетия, распри между нынешними соратниками. Но пока они в одной лодке. Поют друг другу дифирамбы.

«Булганин. Товарищи, разоблачение Берия, в особенности завершение этого разоблачения и сам арест Берия были трудным и рискованным делом. И здесь надо отдать должное товарищам Маленкову, Хрущеву и Молотову (бурные аплодисменты), которые хорошо организовали это дело и довели его до конца.

Хрущев. Одна поправка есть: и себя ты не исключай. *(Аплодисменты.)*

Булганин. Я очень тебе благодарен, Никита, за эту реплику и заявляю тебе и всем другим товарищам, что я поступил только так, как должен поступить каждый честный член партии».

Потом в команду смелых зачислили и Лазаря Моисеевича Кагановича. Правда, в самые напряженные дни, когда решалась судьба Лаврентия Павловича, Каганович «был на Урале, приехал за день до решения».

«Маленков. Но когда мы проинформировали товарища Кагановича, он безоговорочно, сразу же принял такое же решение, как и все мы.

Каганович. Потому что мы все люди единой школы, школы Ленина и Сталина, и все мы в своей деятельности стремимся и в мирное, и в любое другое затруднительное время быть достойными учениками своих учителей».

Словом, полное понимание, нерушимое единство. Разобравшись с героями, перешли к насущным делам. «…мясом по-настоящему мы торгуем только в Москве, Ленинграде, с грехом пополам в Донбассе и на Урале, в других местах с перебоями», — заметил Микоян.

Кстати, и сельхозпроблемы, а точнее полный провал аграрной политики товарищи хотели навесить на Лаврентия Палыча. Дескать, и здесь палки ставил. Между прочим, Сталин предлагал увеличить налог на крестьян с 15 миллиардов рублей до 40. «Тогда и Берия возмущался, — молвил правдивое слово Анастас Иванович. — Он говорил, что если примем предложение товарища Сталина о налоге, это значит привести к восстанию крестьян. Это были его слова, а как только Сталина не стало, он стал мешать решению вопроса о животноводстве».

Чтобы подбросить товаров для народа, Микоян предложил «закупить некоторое количество высококачественных импортных шерстяных тканей для пошива костюмов и пальто, поскольку отечественная промышленность не может дать тканей сверх программы. А также закупить 30–40 тысяч тонн сельдей, поскольку рыбная промышленность не обеспечивает нужды населения».

Вел заседание Хрущев и, конечно, при желании Никита Сергеевич, отличавшийся цепкой памятью, мог бы напомнить Микояну его пассаж из выступления на XIX съезде партии. Тогда Анастас Иванович развеселил всех, сказав, что стол у советского человека теперь полный, вот только винца не хватает для поднятия аппетита. Но Хрущев промолчал — не время было ссориться с соратниками, покуда не потопили Берия. Не отозвался и Косыгин, хотя шерсть и рыба были по его ведомству.

Но когда выступал Завенягин, заместитель министра среднего машиностроения, создатель Норильска, Косыгин невольно подался вперед: с трибуны прозвучало его имя: «Помню, товарищ Косыгин много раз ставил вопрос — дайте нам тов. Орлова для представления на должность наркома бумажной промышленности. Тов. Орлов был в то время начальником главка в МВД, это очень крупный инженер и специалист в области бумажной промышленности. А в бумажной промышленности дело не шло. И, конечно, можно было начальника главка отпустить для назначения на должность наркома. Берия отвечает: «Никаким образом, нам самим нужны люди». Когда затем бумажную промышленность поручили Берия, то т. Орлов сейчас же был освобожден от работы в МВД и назначен наркомом целлюлозной и бумажной промышленности» *(Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 167)*.

Георгий Михайлович Орлов при Хрущеве стал заместителем председателя Госплана. Однажды ему выпало лететь с Никитой Сергеевичем из Средней Азии в Крым. Пролетали над дельтой Волги — внизу сплошные камыши. Орлов подбросил идейку: построить здесь целлюлозно-бумажный комбинат. Н. С. с характерной для него импульсивностью согласился и немедленно дал поручение Косыгину подготовить проект постановления о строительстве в районе Астрахани такого предприятия. Косыгин резонно возражал, предлагал рассмотреть проект после возвращения Хрущева в Москву, проконсультироваться с учеными — все было напрасно. Комбинат начали строить.

В сентябре 1963 года Хрущев залетел на стройку, потом провел в Астраханском обкоме партии большое совещание. Говорил, как велики возможности использования камыша:

«Сегодня его скосил, на следующий год он опять вырос». К тому же сбережем лес… Камыш на выкошенных местах расти не хотел, не годился он и для производства целлюлозы.

Для Косыгина, хотя и не он выдвигал Орлова в замы председателя Госплана, это был и кадровый урок.

…В декабре 1969 года «Правда» подготовила редакционную статью к 90-летию со дня рождения Сталина, в которой давалась взвешенная оценка его деятельности. Вопрос о публикации решался в Политбюро. За публикацию высказались Андропов, Гришин, Косыгин, Мазуров, Суслов, Шелест.

Против — Подгорный, Пельше и Кириленко. Брежнев согласился с большинством.

…Через три десятка лет после войны, в своем рабочем кабинете Косыгин вручал памятную медаль министру геологии СССР Евгению Александровичу Козловскому — он совсем мальчишкой помогал в родной Белоруссии партизанам. Вручил, пожал руку…

— А что же, мы без фотографии останемся? — спросил Козловский.

— А зачем? — отозвался Косыгин. — У вас и так снимков много.

— На добрую память!

— Ну, раз на добрую, позовем фотографа, а пока попьем чай.

Кто знает, почему вдруг накатывает на человека откровение, какая струна отзывается в душе? Тогда, ожидая фотографа, Косыгин вспомнил, как в этом самом кабинете в сорок первом году Сталин вручал ему боевой орден.

Тот снимок с Косыгиным стоит на рабочем столе Козловского:

«Я каждый день смотрю на него и вспоминаю Алексея Николаевича, его рассказ о встречах со Сталиным в этом кабинете».

…Генерал-лейтенант Кирпиченко двадцать лет с небольшими перерывами работал в арабских странах, дважды — в 1970 и 1973 годах сопровождал Косыгина во время его визитов в Египет. Алексею Николаевичу, заметил генерал, было приятно вспоминать, как И. В. Сталин поручил лично ему сопровождать де Голля, когда тот впервые приехал в Советский Союз. Это было уже в конце войны. С той самой первой встречи де Голль сохранил к Косыгину огромное уважение. И когда Алексей Николаевич уже как глава Советского правительства прилетел в Париж с официальным визитом, президент Франции — в нарушение всех протокольных норм — лично встречал его в аэропорту.

Как можно судить и по другим воспоминаниям Косыгина, тот Сталин, которого знал он, далек от расхожих представлений и стереотипов, утвердившихся в общественном сознании за последние годы. Этот Сталин готовил страну к войне с фашистской Германией. Принимая решения, он просчитывал все плюсы и минусы, перепроверял информацию у специалистов. Он не прощал обмана, был готов выслушать аргументированные возражения, принять точку зрения собеседника. Но с годами становился все более подозрительным, кто-то из окружения внезапно впадал в немилость…

Григорий Бакланов пересказал, как Даниил Гранин брал у Косыгина интервью для «Блокадной книги».

Косыгин вспомнил, как с Вознесенским и председателем Ленгорисполкома Попковым — он был в Москве — встречал новый 1942 год. Поздно вечером, завершая работу в Кремле, позвонил друзьям: все-таки Новый год, надо бы как-то отметить. Решили посмотреть в Комитете по кинематографии какую-нибудь комедию, потом поужинать. «Во время просмотра позвонил Сталин, вызвал Косыгина к себе, но предварительно подробнейше расспросил, как именно они трое оказались вместе, как сговаривались. И тут Гранин позволил себе вольность, спросил: а что, Сталин интересовался такими подробностями, как, кто, с кем и почему встречается? И вдруг Косыгин, слывший интеллигентом, ударил кулаком по столу: не вам судить о Сталине! Это было так грубо, говорит Гранин, так жестоко» *(Московские новости. 2003. № 5)*.

Действительно — грубо… Шарахнуть кулаком по журнальному столику! Жаль только, не спросишь уже у собеседника, того, кто не слыл интеллигентом, но был им, отчего отказала ему выдержка, почему вырвались такие слова: не вам судить о Сталине?

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР СТРАНЫ

Есть на заводах, шахтах, фабриках человек, которому по самой должности положено смотреть на много лет вперед, готовить завтрашний и послезавтрашний день предприятия. Это главный инженер. Так сказать, инженер над инженерами.

Между прочим, в переводе с французского это слово означает: ученый строитель. «Но не жилых домов (это архитектор, зодчий)», — разъясняет Владимир Иванович Даль в своем знаменитом словаре. Он выделял военных и гражданских инженеров, инженеров путей сообщения, горных, корабельных, механиков… Годы пополнили список многими новыми профессиями, но главный остается главным.

В какой-то мере его можно сравнить с впередсмотрящим. Заглядывает вперед, но так, чтобы не оторваться от реальности, потому что с него, в отличие от романтической фигуры на носу корабля, спросят и за текущие дела или, как говорилось в инструкциях в недавние годы, за «выполнение предприятием плана по установленным качественным и количественным показателям при минимальных затратах».

Двойственность задачи, случается, вызывает противоречие, с которым не всем главным удается справиться. Один — излишне заземлен, уткнется в частную проблемку и теряет стратегическую инициативу. Другой, напротив, витает в облаках, не опускаясь до презренной текучки, — и лишается опоры. А настоящий главный инженер умеет и мечтать — какой же без этого загляд в будущее? — и тащить изо дня в день груз повседневных забот.

Но какое отношение все это имеет к Алексею Николаевичу Косыгину? Самое прямое. Во время одной из бесед с доктором философских наук Теодором Ильичом Ойзерманом (было это в 1961 году) Алексей Николаевич заметил: «Знаете, я ведь не политик, я — инженер, если хотите, главный инженер».

Что же волновало в то время, к началу 60-х годов, главного инженера страны? Перелистаем в поисках ответа на этот вопрос выступления и статьи Косыгина за первые два десятка лет его работы в правительстве, вчитаемся в его записные книжки, блокноты, которые бережно хранятся у его внучки Татьяны Джерменовны. На этих страничках — сухие, на первый взгляд, деловые пометки, сделанные на совещаниях, здесь полно цифр и даже встречаются химические формулы… Из первых двадцати лет государственной деятельности Алексея Николаевича Косыгина вынесем за скобки, в отдельную главу войну. То была работа в экстремальных условиях, по фронтовым заданиям, на грани

жизни и смерти. Но и в тех условиях люди думали о будущем.

Чтобы сеять весной, решения выносить не надо

> «…Пройдет года три-четыре, мы будем работать без решений, без резолюций. Чтобы сеять весной… решения выносить не надо. Надо сеять. Чтобы убирать хлеб… решения выносить не надо… Надо убирать… Много решений получается от нашей некультурности, от нашей азиатчины, от нашей распущенности, недостаточной требовательности к себе и другим».

Это первый секретарь Ленинградского обкома партии Алексей Александрович Кузнецов, для Косыгина — просто Леша *(цит. по: Ломагин Н. Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 97)*.

Прошло десять раз по три и десять раз по четыре года, а обкомы и крайкомы продолжали командовать, когда пахать и сеять, по какой технологии убирать хлеб. ЦК обобщал опыт то «беспривязного содержания скота», то «сдачи зерна непосредственно из-под комбайнов», то по совету академика Лысенко (1959 год) рекомендовал заняться «навозно-земляными компостами, обогащенными минеральными удобрениями».

Все эти «странности и страсти» отозвались горьким эхом в памятных строках Александра Твардовского:

> Наука будто все дела вершила.
> Велит, и точка — выполнять спеши:
> То — плугом пласт
> Ворочай в пол-аршина,
> То — в полвершка,
> То — вовсе не паши…
> Науку мы оспаривать не будем,
> Науке всякой —
> По заслугам честь,
> Но пусть она
> Почтенным сельским людям
> Не указует,
> С чем им кашу есть.

Поэт и партийный работник думали, по сути, об одном и том же: о праве хлебороба, рабочего человека на самостоятельное ведение дел. Им твердили: вы хозяева. Но хозяевам не

командуют, как плугом пласт ворочать, по какой технологии плавить сталь или добывать уголь. Ах, как не хватало нашей стране таких партийных работников, как расстрелянные питерские большевики — Кузнецов, Вознесенский, их товарищи, казненные по сфабрикованному «Ленинградскому делу». Как длинны и горьки эти списки, целые тома с именами «врагов народа»! Партийные работники, инженеры, директора предприятий, ученые… У нас их ставили к стенке, выкидывали в эмиграцию, закрывали в спецфондах книги, по которым на Западе учились!

Потрясающую историю о судьбе одной из таких русских книг рассказал в «Российской газете» (4 декабря 2002 г.) профессор Теодор Шанин. В середине 60-х годов американский ученый, специалист по сельскому хозяйству Индии Дэниел Тернер заметил, что среди индийских ученых ходит какая-то книга, которую они считают великим теоретическим вкладом в понимание индийского крестьянства. Он прочел эту книгу, и она оказала на него очень сильное впечатление. Начали по всей Европе разыскивать автора. Многие считали, что это немец: Тшайа-нов — вроде по-немецки звучит. Профессор было заказал английский перевод с немецкого, но в это время в какой-то библиотеке нашелся русский вариант. Так что на английский переводили с этого издания. По свидетельству профессора Шанина, «появление Чаянова было подобно взрыву бомбы».

Экономистов Кондратьева и Чаянова определили в лидеры мифической Трудовой крестьянской партии, одного из крупнейших советских инженеров, профессора МВТУ Рамзина произвели в вожди Промпартии. Леонид Константинович принимал участие в разработке плана ГОЭЛРО, создал и возглавил Всесоюзный теплотехнический институт — его страстью были наука и техника, политикой он вообще не занимался. Но не зря говорится: вы можете не заниматься политикой, все равно политика занимается вами. Занялась она и профессором-вредителем и «его партией»…

Через много лет академик Владимир Алексеевич Кириллин, заместитель Косыгина и председатель Госкомитета СССР по науке и технике, рассказал премьеру, что в 40-е годы работал вместе с Рамзиным. Леонида Константиновича, к счастью, «вышка» миновала. Во время Великой Отечественной войны за одно из своих изобретений, очень важное для развития теплоэнергетики, он даже получил Сталинскую премию. «Вообразите мои чувства, — вспоминал тот разговор Кириллин, — когда Алексей Николаевич сказал мне, что никакой Промпартии вообще не существовало, а дело это было сфабриковано органами ОГПУ».

К сожалению, Кириллин не указал дату этого разговора на косыгинской даче, но по ряду косвенных деталей его можно ограничить рамками 1966–1967 годов. В те годы Промпартия еще проходила как «антисоветская подпольная вредительская организация, действовавшая в промышленности и на транспорте СССР в 1925–1930 гг.». А в энциклопедическом «Биографическом словаре деятелей естествознания и техники» (год издания — 1959-й) о Рамзине говорилось буквально следующее: «В 1930 был осужден по делу т. н. промпартии. В дальнейшем искупил свою вину перед Сов. Государством, выполняя важнейшие для народного хоз-ва исследования». Реабилитация людей, которых обвинили по такому же дутому Шахтинскому делу, процессу Промпартии, по делу Трудовой крестьянской партии, была далеко впереди. Но это отдельная тема. А пока вернемся к заботам главного инженера советской экономики.

Этот вечный «директивный бантик»

…У Ильфа и Петрова есть убийственно точный фельетон «Директивный бантик» — о нашенском ширпотребе. Сюжет простой: на пляже знакомятся двое очаровательных молодых людей. «Черт побери, она была очень красива в своем купальном костюме. И он был, черт побери, не Квазимодо в своих трусиках-плавках на сверкающем теле». Но когда молодые люди оделись, парень в тяжких москвошвеевских штанах и жестком пиджаке превратился в кривоногого прощелыгу, а девушка в готовом платье с бантиком между животом и грудью сделалась похожей на скверную тещу… Больше никогда в жизни они не встречались.

Разлучил их Наркомлегпром с его бездарными фасонами и покроями, которые устанавливались «самое меньшее на пять лет». «Директивный бантик» увидел свет в марте 1934 года, когда Алексей Косыгин заканчивал Ленинградский текстильный институт. Конечно же он, студент-коммунист, секретарь парткома, прочитал фельетон в «Правде», может быть, даже отложил этот номер. Кстати, начальники из Наркомата легкой промышленности прислали Ильфу и Петрову телеграмму, в которой приглашали посетить московские швейные фабрики «для ознакомления с качеством пошивки и фасоном выпускаемых изделий».

Прошло два десятка лет, а «качество пошивки» все так же мало радовало людей и лишь давало сюжеты юмористам. «Товары массового потребления, хотя и отличаются, как правило, прочностью, но по своей отделке и внешнему виду оставляют

желать много лучшего», — замечал Косыгин в своей статье о производстве промышленных товаров широкого потребления *(Коммунист. 1953. № 18)*. Затем, как водится, следовало указание: каждое предприятие должно выпускать продукцию высокого качества, заботиться о добротной и хорошей внешней отделке изделий. Наверное, он и сам задавался вопросом: должно-то должно, но что же не заботится? И как сделать, чтоб обходиться без призывов и указаний? Ведь «чтобы сеять весной, решения выносить не надо. Надо сеять». Чтобы шить красивую, добротную одежду, тоже никаких решений выносить не надо. Надо шить. Предложить фабрикам качественное натуральное сырье и полноценные заменители. В те годы уже строились многие новые заводы и комбинаты этого профиля. К 1955 году выпуск искусственного волокна по сравнению с довоенным уровнем увеличился в 10 раз. Но и этого было мало. ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают постановление о развитии производства искусственного и синтетического волокна. Отрасль создавалась на новой индустриальной основе, и это было стратегическое решение. Одной из новостроек был комбинат в Энгельсе, куда через несколько лет предстояло прийти работать его будущему директору Владимиру Гусеву, пока еще студенту Саратовского университета.

Косыгин постоянно обращался к опыту западных стран. 16 марта 1939-го он, совсем молодой нарком текстильной промышленности (назначен 2 января этого же года), выступает на XVIII съезде ВКП(б). Его слушает Сталин.

— Мне хотелось бы доложить съезду о развитии текстильной промышленности, — говорит Косыгин и после принятых тогда (да и позже) сравнений с 1913 годом перечисляет по пунктам, что нужно сделать для успешного решения задач третьей пятилетки: «6. Надо использовать опыт американской промышленности, чтобы наши машиностроители принимали заказы на оборудование комплектно на целую фабрику».

В статье в «Коммунисте», на которую я уже ссылался, Косыгин так говорил о технике, необходимой для производства искусственного волокна: «Как известно, для производства искусственного волокна требуется сероуглерод. Основными аппаратами на сероуглеродном заводе являются реторты, выпускаемые Краматорским и Красноярским заводами Министерства тяжелого машиностроения СССР. Срок службы наших реторт не превышает трех-четырех месяцев, в то время как за рубежом реторта, как правило, служит три-четыре года».

В экономической политике Косыгина это не частный факт и не случайный пример. Он внимательно, можно даже сказать

жадно присматривался ко всему дельному, что происходило в мире, касалось ли это новых форм организации труда, новых технологий или научных открытий.

Выступая на XX съезде КПСС (февраль 1956 года), Косыгин пытался предложить решение одной из острейших проблем машиностроения: «Существующая практика планирования производства машин и станков в единицах или по весу не содействует созданию высокопроизводительного оборудования и внедрению новой техники». Что же можно было бы сделать? «Количество оборудования, подлежащее выпуску, должно устанавливаться потребителями и заводами-поставщиками совместно по согласованию…» Пока эта мысль осталась лишь общим пожеланием, так же, как глубокие рассуждения о необходимости «серьезно улучшить практику планирования капитальных работ».

— Мне хотелось бы высказать некоторые соображения относительно мероприятий по совершенствованию планирования, — говорил Косыгин. Он предлагал «вместо существующего порядка планирования капитальных вложений на один год перейти к планированию всего объекта на срок до окончания строительства».

Второй масштабный вопрос — увязка текущих и перспективных планов. «Имевшие место частичные диспропорции в хозяйстве объясняются в значительной мере тем, что у нас не придавалось должного значения перспективному планированию». Алексей Николаевич все больше убеждался, что выход надо искать на путях экономических, а не директивных. Именно из этого он исходит, работая над докладом «О мерах по дальнейшему подъему текстильной промышленности». Этот вопрос по решению Политбюро («докладчиком утвердить т. Косыгина А. Н.») пленум ЦК рассматривал в июне 1959 года. Алексей Николаевич подготовил обстоятельный, острый доклад, сравнил нашу текстильную промышленность, ее подотрасли с аналогичными отраслями на Западе. Горько было признавать, но даже лен, традиционно русскую культуру, мы теряли: «Товарный сбор волокна с гектара у нас в три раза ниже, чем в Бельгии и Голландии».

В стенограмме пленума, которая хранится в Российском госархиве новейшей истории, мое внимание привлек любопытный эпизод. Обсуждается постановление пленума:

«Хрущев. Значит, принимаем решение.

Кучеренко В. А. Тов. Косыгин правильно предложил, чтобы 250–300 строек были сквозными».

Правка Хрущева: «тут были правильные предложения,

чтобы…» — далее по тексту. Без ссылки на Косыгина *(РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 392. Л. 57)*.

Представляю, как в своем кабинете первый секретарь, навалившись большим животом на стол, правит стенограмму. Вычеркнул Косыгина, позавидовал, что ли, заодно обозначил себя…

Сохранились рабочие блокноты и отдельные странички с записями Косыгина, которые с большой определенностью можно отнести к рубежу 50-60-х годов. Это короткие пометки, сделанные на совещаниях в ЦК и Совмине, деловые расчеты, цифры… Такой действительно бывает записная книжка главного инженера. Только здесь другой масштаб — страна.

«Требуются жесткие меры экономии»

Приведу для примера записи из одного блокнота за 1959 год, Косыгин — председатель Госплана СССР.

«Корд.
Сахар.
Рассмотреть вопрос о закупке дополнительно 65 т.т. сахара — 80 долларов = 5,6 млн. долл.
Молоко.
Табак.
Махорка.
Чай.
Вино виноградное.
Добавить 1 млн. дкл = 200 м. руб.
(молодое вино).
Водка.
Хлопчатник.
Шерсть.
Лен.
Аккумуляторы 590 Проверить.

Косы, пилы, вилы.
Al посуда. (Именно так: Al, а не ал. — В. А.).
Мыло…»

Опущу дальше несколько страниц с наименованием изделий и товаров, от гвоздей и оконного стекла до проката, цемента, шин, с расчетами по годам, заданиями, где что купить… Вывод: *«Требуются жесткие меры экономии, иначе товарооборот вырастет, а товаров не хватит».*

И снова страница за страницей — расчеты, выкладки, сравнения — и размышления над фактами.

Вот одна из таких страниц, приведу ее полностью, чтобы читатель мог сам оценить развитие экономической мысли Косыгина. Судя по тому, что он анализирует данные с 1940 по 1957 год, а на 1958-й берет плановые цифры, эти записи сделаны не позже 1958 года.

«1. Производительность труда и зарплата.
2. Фонд зарплаты по годам.
3. Рост доходов колхозников.
4. Товарооборот по годам.
5. Производство товаров и остатки по годам.
6. Производительность труда (в) США и Англии.

Выводы

I. Средняя зарплата начинает обгонять (здесь и далее подчеркнуто А. Н. Косыгиным) или идти на уровне производительности труда. Нужны меры — во-первых: очень серьезно заняться новой техникой, модернизацией оборудования, вопросы производительности труда, как наиболее важные, как главный источник дальнейшего повышения зарплаты и повышения всего уровня жизни нашего народа. Это должно быть и в центре внимания наших профсоюзов.

Во-вторых: нужна систематическая работа по пересмотру норм выработки, причем нельзя останавливаться на существующих нормах, нужно систематически проводить большую разъяснительную работу среди рабочих о необходимости пересмотра норм. На всех производствах есть резервы для увеличения производительности труда…

II. Как видно из приведенных цифр (эти записи не сохранились. — В. А.), фонд зарплаты стал перерасходоваться. Причем перерасход фонда зарплаты вытекает также и из-за очень низких планов.

В связи с прогрессивной оплатой труда каждый процент перевыполнения плана оплачивается, как известно, значительно выше, чем основной. Поэтому низкие планы для предприятий ведут к большому перерасходу абсолютных фондов зарплаты, а продукция производства, очень часто изготовленная, не имеет заказов и не находит сбыта, требуя больших затрат материалов и фондов зарплаты.

На 1958 г. в плане предусмотрен рост

производительности труда на 5,5 %. Это самый низкий % роста производительности труда за последние годы, а зарплата на 1,5 %. Эти соотношения должны быть выдержаны.

Чтобы выдержать эти соотношения плана, должна быть проведена большая работа также со стороны профсоюзов. Профсоюзы должны знать эти цифры по каждому предприятию и проводить соответствующую работу, ведь нужно понять, что других источников для повышения зарплаты у нас нет. Кроме того, необходимо знать, что это средние цифры, сюда входит и повышение зарплаты в угольной промышленности восточных районов, где зарплата будет повышена в 1958 году.

Нарушение соотношения между зарплатой и производительностью труда неизбежно приведет к нарушению пропорций в народном хозяйстве и трудностям на рынке». (Что и случилось, добавлю, при горбачевских кооперативах. — *В. А.)*

Еще несколько страниц из рабочих блокнотов Косыгина. В совещании (дата не указана), посвященном проблемам химической промышленности, принимает участие Н. С. Хрущев. Косыгин делает пометки, выделяя самое существенное, разделяя по своему принципу «текущие дела и перспективу».

«Акад(емик) т. Каргин.

Как передается наука в производство.

Опытные установки освободить от плана.

Производство опытного оборудования.

Нет реактивов. Нужно дать оборотные средства для реактивов.

2. Начальник Гл. упр. азотной промышленности.

Объединить силы инженеров на производстве и в институтах.

Дать опытные установки.

Необходимо координировать работу научно-исследовательских институтов волокна и химии.

3. Горьковский совнархоз.

Разместить дополнительное оборудование в цехах и за этот счет увеличить выпуск продукции.

4. Луганский совнархоз.

Оплата труда лаборатории должна быть пересмотрена…»

Выступают ученые, директора заводов и институтов,

конструкторы… Постепенно вырабатываются общие подходы, которые выльются вскоре в строгие пункты решений.

А вот эти записи, судя по тексту, сделаны в 1962 году. Косыгин — первый заместитель председателя Совмина.

«Кооперативное строительство и индивидуальное строительство.

Незавершенное строительство». Он помечает стоимость неустановленного оборудования на 1 января 1962 года и расчеты на следующие годы.

Следующая страница вся посвящена Казахстану: черная металлургия — Карагандинский завод, как он будет развиваться — по цехам и по годам, с 1962 до 1968-го. Нефть, энергетика, химия — по заводам (Джамбул, Актюбинск, Чимкент, Балхаш) и по видам продукции; так же детально — машиностроение, уголь, пищевая промышленность — *«отметить плохое использование оборудования, лежит шведское оборудование, деньги не используются».*

> *«Роль совнархоза и роль министерства по строительству. Ставит вопрос или отвечает?»*
>
> *«Капитальные работы. (Цифры и проценты освоения.) «Чем занять строителей на угле в других местах? Где свободные мощности? И чем занять?»*
>
> *«Канал Иртыш — Караганда идет очень плохо. Канал — удорожание на 100 % за счет перевозки вместо прямого отвала».*

Страничка озаглавлена «Фосфатные удобрения». Формулы, проценты, цены. Сравнения: в Актюбинске тонна удобрения обходится в 86 руб. 13 коп., а в Джамбуле — 91 руб. 12 коп.

Пометка: «2 печи куплены в ГДР. Все сделать для пуска 2-х печей. Чимкент».

И еще страничка о подготовке к жатве в Казахстане: сколько нужно дополнительно комбайнеров («в 1962 г. завозили 17 ООО человек»). Сейчас — 5–6 тысяч.

Во всех косыгинских блокнотах записи только на одной стороне листа и только по одной теме.

> *«1. Волокно. С 160 до 753 т.т. в 1966 г.»*

Дальше — без нумерации — наискось листа, с сокращениями:

> *«К-во тканей с участием искусств(енных) и*

синтетических) волокон, 1965 — 450 м².
Костюм(ная) штапельная — 200 м. (млн.)
Костюм(ная) искусств(енная) — 220 м. (млн.)
Чулки и носки — 510 м. (млн.) пар. В 3 раза.

В 1965 году должна была завершиться семилетка, которую Хрущев объявил в 1958-м. Значит, эти цифры — первые наметки нового плана. Этот план в январе-феврале 1959 года рассматривал XXI съезд КПСС. 28 января выступал Алексей Николаевич. Как всегда, свою речь он писал сам. В сборнике избранных речей и статей Косыгина («К великой цели», изданном Политиздатом в 1979 году) это выступление «причесала» рука политредактора, убрав ссылки на Хрущева.

Это был внеочередной съезд партии. Партийцы только что разобрались с очередной командой отступников (Молотов, Маленков, Каганович и «примкнувший к ним Шепилов») и готовились заняться хозяйственными делами. Хрущев выступает с докладом «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы». (О том, что ему не суждено доработать до конца этого срока, он, конечно, не предполагает.)

— Нашему съезду предстоит обсудить программу дальнейшего коммунистического строительства в Советском Союзе, нового подъема экономики, культуры и материального благосостояния трудящихся, — напористо говорил Никита Сергеевич.

На следующий день, на утреннем заседании, после выступления главы китайской делегации Чжоу Эньлая, который громил югославских ревизионистов, титовскую группировку, слово предоставили Косыгину. Напоминаю: он выступает с текстом, написанным собственноручно от первой до последней строки, и потому для полноты картины восстанавливаю строки, пропущенные в издании 1979 года.

Это политическая и, не будем лукавить, конъюнктурная оценка того, что сделано всего за три года после XX съезда.

«…этот небольшой период имеет выдающееся значение в истории нашей партии и нашего государства. Благодаря правильному руководству боевого штаба партии — ленинского Центрального Комитета решены грандиозные задачи по подъему народного хозяйства, проведена коренная перестройка управления промышленностью и строительством, осуществлены крупнейшие меры по дальнейшему развитию колхозного строя, обеспечен значительный рост материального благосостояния народа. Советский Союз вступил в период

развернутого строительства коммунизма…»

«Центральный Комитет, свято оберегая единство нашей партии, вовремя разгромил антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова и Шепилова, пытавшуюся свернуть партию с ленинского пути. Отбросив прочь эту группу фракционеров и раскольников, наша партия стала еще более монолитной и боеспособной. В результате осуществления ленинской генеральной линии наша партия одерживает все новые и новые победы».

И еще один абзац: *«Программа развернутого строительства коммунистического общества, изложенная во всеобъемлющем и замечательном докладе тов. Н. С. Хрущева, является ярким подтверждением исключительной заботы партии о благе и процветании советского народа…»*

И только после этого реверанса Алексей Николаевич перешел к делу — производству товаров народного потребления в семилетке: *«Выпускаемые машиностроительными заводами некоторые типы машин в ряде случаев уступают по производительности иностранным образцам. В качестве примера можно привести Ленинградский завод имени Карла Маркса. (*Это дооктябрьский «Лесснер», где работал его отец. — *В. А.) Выпускаемые им машины для прядения волокна капрона имеют 48 рабочих мест, и на каждом из них формируется лишь одна нить. По имеющимся у нас данным, за рубежом такие же машины формируют на каждом рабочем месте от 4 до 12 нитей. Следовательно, при одних и тех же скоростях, при одинаковом числе обслуживающих рабочих производительность нашей машины в несколько раз ниже зарубежной».*

Что же делать? Косыгин возвращается к своему предложению, высказанному на XX съезде, развивает его: *«Оценка работы машиностроительного завода должна вестись не только по выпуску машин по количеству, но и по производительности этих машин».*

«Вполне понятно, — продолжает Косыгин, — что все расчеты семилетнего плана произведены с учетом современного уровня техники. В наше время осуществляются многие новые важнейшие научные исследования, которые дают все новые, более выгодные экономические решения народно-хозяйственных проблем. Это является нашим большим резервом, и этот резерв мы должны своевременно использовать.

Возьмем такой пример. Менее года назад была принята большая программа строительства и реконструкции предприятий

искусственных и синтетических волокон. В ней определены объемы производства и соотношение выпуска отдельных видов волокон. Но последние исследования в области переработки газа и производства ацетилена показывают, что появились новые большие возможности для резкого увеличения выпуска ацетатного шелка, более ценного по сравнению с некоторыми другими видами искусственных волокон. Расширение производства этого шелка дает большой экономический эффект. Поэтому в программу развития искусственных волокон следует внести уже теперь изменения, вытекающие из новейших научных исследований».

«В мировом производстве последних лет, — читаем в подлиннике еще одну записку Косыгина, — нет отраслей, равных по темпам развития химической промышленности». Сравнив данные по разным странам, он напоминает о наших планах: создать мощности по искусственному волокну до 753 тысяч тонн в 1965 году. *«Если бы все это волокно перерабатывать только в ткани, то можно было бы получить чисто искусственных тканей около 60 млн. метров в год, т. е. на душу населения около 30 м в год, на сумму около 120 млн. руб. По розничным ценам только налога с оборота можно было бы получить свыше 60 млн. руб. в год. Понятно, что часть искусственных волокон будет использована на технические нужды, но это даст возможность высвободить хлопок, потребляемый в настоящее время на эти цели».*

Это программа строительства многих новых заводов и фабрик, но — внимание! — *«мы не имеем права строить новые предприятия на базе старой техники»: «..мы создаем эту промышленность позднее, чем США, и должны использовать все технические преимущества для этих целей… Необходимо наших проектировщиков, конструкторов ознакомить с лучшими предприятиями США, Японии, ФРГ, где эти отрасли получили наибольшее развитие, идти на приглашение отдельных лучших специалистов и в исключительных случаях на приобретение лицензий. Эти затраты будут с лихвой возвращены с технически передовых предприятий».*

Судя по тексту, Косыгину предстояло убедить кого-то в своих расчетах, в предложениях использовать западный опыт. Наверное Председателя Совета Министров — им был тогда Никита Сергеевич Хрущев, он же — первый секретарь ЦК. Хрущев согласился: да, новые предприятия надо создавать на базе новой техники.

Передо мной рукописный проект рабочей записки Косыгина вот с каким заголовком «Обратиться к США, Англии, Франции, Италии и ФРГ». Говорится в ней о том, что советское

правительство «поставило задачу резко увеличить в ближайшие годы производство тканей, одежды, обуви». Мы, конечно, могли бы решить эту проблему и сами, пишет Алексей Николаевич, «не прибегая к помощи других государств, но это потребует несколько большего времени, что мы считаем нежелательным. А у вас, господа капиталисты, есть большой опыт в деле развития этих отраслей». В общем, последовало деловое предложение о сотрудничестве.

> *«Какие вопросы мы считаем нужным решить:*
>
> *1. Контакты в научных проблемах. Взаимный обмен опытом.*
>
> *2. Приглашение к нам ваших отдельных специалистов.*
>
> *3. Содействие со стороны правительства в размещении у вас (заказов на) оборудования для этих отраслей промышленности.*
>
> *Для ведения переговоров по этим вопросам в случае благоприятного вашего отношения мы могли бы командировать специальную комиссию на высоком уровне».*

Выступая в июле 1964 года с лекцией в Институте общественных проблем, Алексей Николаевич говорил, что Советский Союз не намерен создавать замкнутую экономику: «Мы против замкнутой экономики и стоим за широкий научно-технический обмен между странами. Советский Союз хорошо понимает преимущества международного разделения труда, развития экономических отношений между государствами».

Для Косыгина это были не просто слова. Может быть, больше, чем кто-либо другой в правительстве и ЦК, он понимал, что замкнутая экономика в современном мире обречена.

Иван Павлович Казанец вспоминает, как однажды на приеме у Косыгина он, в то время председатель Совмина Украины, упомянул, что на Славянском заводе в Донбассе пустили цех по производству аминокислот. Они были нужны для переработки грубых кормов. Концентратов всегда не хватало, их заменяли грубыми кормами, соломой. Аминокислота смягчала эти корма, давала очень нужные элементы. Расспросив, как работает цех, Косыгин попросил Казанца написать формулу.

«Не знаю, — признался Иван Павлович, — доложу в следующий раз».

И доложил.

Из рабочего плана Косыгина (начало 60-х годов):

2) Борьба с местничеством.

4) Текущие дела и перспектива.

6) Как двигать отрасль при совнархозах.

7) Заседание Совмина СССР подготовить с участием республик…

18) Рассмотрение отрасли основной, как подготовка к плану. Это должно быть в основе. Сейчас это особенно важно.

19) Проверка исполнения.

Формула, которую Косыгин искал для экономики, в середине 60-х годов воплотилась в его реформу.

ТРИУМВИРАТ

Хроника

Сообщение о пленуме Центрального Комитета КПСС

14 октября состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

Пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л. И.

* * *

В Президиуме Верховного Совета СССР

14 октября с. г. под председательством Председателя Верховного Совета СССР тов. А. И. Микояна состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел вопрос о Председателе Совета Министров СССР.

Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу тов. Хрущева Никиты Сергеевича об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

Председателем Совета Министров СССР Президиум Верховного Совета СССР назначил тов. Косыгина Алексея Николаевича, освободив его от обязанностей первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Указы Президиума Верховного Совета СССР об освобождении тов. Хрущева Н. С. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР и о назначении тов. Косыгина А. Н. Председателем Совета Министров СССР приняты членами Президиума Верховного Совета СССР единогласно.

Члены Президиума Верховного Совета СССР тепло поздравили тов. Косыгина А. Н. с назначением на пост Председателя Совета Министров СССР.

Тов. Косыгин А. Н. сердечно поблагодарил Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Президиум Верховного Совета СССР за оказанное ему доверие и заверил, что приложит все силы для того, чтобы выполнить возложенные на него обязанности.

* * *

Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении тов. Косыгина А. Н. Председателем Совета Министров СССР

Назначить тов. Косыгина Алексея Николаевича Председателем Совета Министров СССР, освободив его от обязанностей первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. МИКОЯН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль,

15 октября 1964 г.

(Известия, 16 октября 1964 г.)

Соратники против Хрущева

А всего полгода назад, почти день в день, соратники поздравляли дорогого Никиту Сергеевича с 70-летием. Листаю номер «Правды» за 18 апреля — восемь больших полос, и все о нем. Начальники в ту пятницу, считай, не работали. В девять утра всей командой, как сказали бы сейчас, навестили шефа «в доме, где он живет». Двадцать три поздравителя! Потом все они отправились в Кремль. Держит трогательную речь Брежнев: «Ваши замечательные дела снискали Вам уважение и любовь всей нашей партии, всего советского народа…» Леонид Ильич вручает «уважаемому товарищу, другу и руководителю» «Золотую Звезду» Героя Советского Союза (четвертую, после трех золотых звезд Героя Социалистического Труда), обнимает и троекратно целует

Хрущева. Перечитывая сейчас ответное слово Хрущева, отмечаю, как он — то ли по наитию, то ли чисто случайно — заглянул в свое близкое будущее. «Всегда, видимо, в день юбилея человеку много говорят авансом, может быть, больше, больше, чем уже оплачено им, — обращался Хрущев к соратникам. — Но должен сказать, когда человеку уже 70 лет, то, если давать ему очень большие авансы, можно, так сказать, не получить полной оплаты за аванс. — Эти слова вызвали у коллег именинника веселое оживление. А он продолжал: — Почему? Потому что времени не так много дано человеку, чтобы расплатиться за все, что ему говорят в его юбилейную дату».

Между тем часики уже тикали. Об этом знали почти все поздравители, кроме, может быть, Шверника, Микояна и Косыгина…

— Смерть для некоторых политических деятелей иногда наступает раньше их физической смерти, — еще сказал Хрущев, и пожалуй, он никогда не был так близок к истине.

Накануне пленума ЦК КПСС в октябре 1964 года, который отправил в отставку Хрущева, Николай Григорьевич Егорычев, в то время первый секретарь Московского горкома партии, встретил в Кремле Косыгина. К этому моменту президиум ЦК заседал уже третий день, развенчивая верного ленинца Никиту Сергеевича Хрущева. Два дня те же самые соратники поносили его за глаза. На третий день Никиту Сергеевича позвали из Пицунды, где он отдыхал, в Москву.

По разным свидетельствам, операция готовилась без Косыгина. «Насколько мне известно, — вспоминал Н. Егорычев, — А. Н. Косыгин заранее ничего не знал о готовящемся освобождении Н. С. Хрущева. Алексей Николаевич был человеком осторожным, близких отношений с кем-либо из руководства не поддерживал, старался держаться подальше от политических игр в Кремле. По-видимому, эти черты его характера и манера поведения сложились в течение четырнадцати суровых и крайне опасных лет работы под руководством Сталина».

О том, что Косыгин до самого последнего времени был в стороне от очередного кремлевского переворота, говорил мне и Иван Павлович Казанец, человек, близкий к Брежневу и Подгорному.

А вот Виктор Васильевич Гришин, председатель ВЦСПС, позже преемник Егорычева в Московском горкоме партии, считал иначе. По его свидетельству, Брежнев «привлек к подготовке этой акции секретарей ЦК П. Н. Демичева, А. Н. Шелепина, министра обороны СССР Р. Я. Малиновского, председателя КГБ В. Е. Семичастного, А. Н, Косыгина. Лично переговорил по этому

поводу с каждым членом и кандидатом в члены Президиума ЦК, и, в частности, со мной».

Как бы то ни было, с Косыгиным или без него, подготовка к новому октябрьскому перевороту шла полным ходом.

«У меня не было сомнений в необходимости перемен в руководстве, — рассказывал Николай Егорычев журналисту Евгению Жирнову *(Власть. 2002. № 25)*.

— В 1964 году меня пригласил к себе Демичев. Мы доверяли друг другу с тех пор, как я был у него вторым секретарем в Московском горкоме, до его избрания секретарем ЦК. Он отвел меня к окну и сказал: «Знаешь, Николай Григорьевич, Хрущев ведет себя неправильно». И очень разволновался. Я говорю: «Петр Нилович, да не волнуйтесь вы, я давно вижу, что он ведет себя не так, как надо. И этот вопрос нам как-то надо решать».

Я вел беседы с членами ЦК, жившими и работавшими в Москве. Президент Академии наук СССР Мстислав Келдыш, например, ответил, что готов хоть сегодня выйти на пленум и сказать, что не согласен с тем, что делает Хрущев. Потом я ездил в Прибалтику. Интересная история была с первым секретарем в Литве Снечкусом. Мы с ним поехали на рыбалку, а потом он собрал ужин человек на двенадцать. Там я начал с ним разговор, мол, что же происходит у нас в партии? Но он разговора не поддержал. После пленума он говорил, что испугался: а вдруг провокация? Я проводил зондаж и с ленинградцами. Секретарь обкома Василий Толстиков так и не понял, о чем идет речь. Убеждал меня, что Хрущев — молоток. А к моим доводам, что этот молоток расколотил вдребезги отношения со всеми, с кем мог, Толстиков остался глух.

Я же вел работу и с Сусловым. Мы с ним поехали во Францию на похороны главы ФКП Мориса Тореза. Прилетели в Париж, пошли посидеть в садике после обеда. Я говорю: «Михаил Андреевич, что-то я никак не пойму, что у нас происходит в партии». Он встрепенулся: «А что такое?» «Вот, например, — отвечаю, — Хрущев выступает на пленуме и говорит, что нам такая Академия наук не нужна. Такая академия была нужна царю. Это что, вы в Политбюро приняли такое решение?» Он замахал руками: «Что вы, что вы, товарищ Егорычев!» Я продолжил: «А для чего отнимают приусадебные участки у врачей и учителей, работающих в сельской местности? Я только что приехал из Владимирской области. Там по участкам сельской интеллигенции прошли тракторами, поломали заборы, перепахали посадки на огородах…» А тут начал дождик накрапывать. Суслов подхватился и говорит: «Пойдемте, пойдемте». И замял этот разговор. Испугался. А когда окончился октябрьский пленум, он

вдруг стал оглядывать присутствующих — видел он плоховато — и звать: «Товарищ Егорычев, товарищ Егорычев!» «Да здесь я, — говорю, — Михаил Андреевич». «Вы помните, — спрашивает, — наш разговор в Париже?!»

…Этот опыт сыграл в моей судьбе отрицательную роль. Тогда произошли два эпизода, которые Брежнев не мог мне простить. Незадолго до пленума он утром позвонил мне на квартиру. По обычному телефону, хотя «вертушка» у меня была. «Слушай, Коля, ты не мог бы прийти ко мне пораньше в ЦК?» Договорились, что я приеду к половине девятого. Приезжаю. Он меня взял за руку и повел. За большим кабинетом у него был второй, поменьше, для личной работы, потом через комнату отдыха мы прошли туда, где у него были ванна и туалет. «Знаешь, Коля, — говорит, — Хрущеву стало все известно про подготовку пленума. Ему все известно! Он нас расстреляет!» И расквасился. Слезы градом текут. Я говорю: «Да вы что, Леонид Ильич! Умойтесь». Подвел его к раковине, потом дал полотенце и продолжил: «Имейте в виду: никто нас не расстреляет. Что мы делаем против партии? Ничего. Мы готовим пленум ЦК. Если мы не правы, нам там скажут, что мы не правы». Но Брежнев, хотя и перестал рыдать, настаивал на своем: «Ты его плохо знаешь, он нас всех расстреляет». Ну и когда он стал генеральным секретарем, я стал живым напоминанием о той его слабости. Он не мог простить, что я видел его таким.

Потом был еще один момент. Когда в узком кругу обсуждали, кто будет первым секретарем вместо Хрущева, Шелепин и Демичев предложили Брежнева. Я говорю: «Ребята, может, я его плоховато знаю, но у меня такое впечатление, что Брежнев не справится». Мне стали возражать, что он был первым в Молдавии, в Казахстане, был председателем Президиума Верховного Совета. Я сказал, что, по-моему, на это место лучше подходит Косыгин. И один из присутствовавших доложил об этом Брежневу».

Как бы ни называть акцию — заговором или подготовкой пленума, — все было отработано заранее. И сосчитаны голоса. В Российском государственном архиве новейшей истории среди документов октябрьского пленума ЦК КПСС хранится заявление Василия Ефимовича Чернышова, первого секретаря Приморского крайкома партии. Обратите внимание на дату — *6 октября 1964 г.* А вот текст, написанный от руки. Привожу дословно:

> *«Президиуму и Пленуму ЦК КПСС!*
>
> *В связи с болезнью я не смогу принять участие в работе Октябрьского пленума ЦК Считаю, что обсуждаемый на пленуме ЦК КПСС вопрос о смещении*

Хрущева с занимаемых постов остро назрел. В руководстве партией и страной он создал невыносимое положение и полностью обанкротился. Он стал новым культом личности, подавляет все живое, дезорганизует своими абсурдными действиями успешное развитие страны.

Я одобряю решительные и по-ленински принципиальные меры, принятые президиумом ЦК, который обсудил этот вопрос и внес его на рассмотрение Пленума. Я целиком и полностью поддерживаю принятые президиумом ЦК решения (которых еще нет! — В. А.) и как член ЦК КПСС голосую за немедленное смещение Хрущева с занимаемых постов и исключение его из членов ЦК за грубейшие ошибки в руководстве партией и страной.

Член ЦК КПСС

(В. Е. Чернышов)

6/X-64 г.».

(РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 750. Л 1–2)

…Встретив Косыгина в тот памятный день, 13 октября, Егорычев обратил внимание на его возбужденное, даже приподнятое настроение: «Он рассказывал, как остро и принципиально проходила дискуссия на заседании Президиума ЦК, когда впервые лидеру партии и государства, в руках которого была сосредоточена неограниченная власть, прямо и откровенно высказали все о его поведении и ошибках».

Уточним: пытались высказывать и до этого, но все очень хорошо помнили, чем заканчиваются откровения… Потому-то и стала наша история непредсказуемой. *После* Сталина заговорили о культе личности; *после* «великого десятилетия» Хрущева — о субъективизме и волюнтаризме; *после* Брежнева «замечательное время, в которое мы живем», окрестили застоем… И тот памятный партсуд над Хрущевым был таким смелым, потому что судьи заранее сговорились.

«Чем больше ошибок появлялось у Хрущева, — вспоминал Егорычев, — тем громче расхваливали его газеты и журналы, радио и телевидение. Людей компетентных, принципиальных он недолюбливал, считая, что сам лучше других разбирается во всех проблемах.

А. Н. Косыгину в этой связи было особенно трудно. Занимая

должность первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, он лучше других видел ошибки и промахи Хрущева. В практической работе старался как-то положительно влиять на дела, не вступая в прямую конфронтацию с Никитой Сергеевичем. Даже со стороны было видно, как Хрущев постоянно подавлял любую инициативу и самостоятельность Косыгина, желая видеть в нем лишь высокопоставленного чиновника-исполнителя. На заседаниях правительства, пленума ЦК (а последние проходили тогда во Дворце съездов в присутствии нескольких тысяч человек) Хрущев не раз бестактно отзывался о своем первом заместителе. И тем не менее не освобождал его, хорошо понимая, что более компетентного, работоспособного и честного человека ему не найти. Поэтому трудился Косыгин тогда, как говорится, со связанными руками.

Освобождение Хрущева вселяло в Алексея Николаевича надежду на то, что теперь он сможет свободно проявить свои способности, полностью использовать накопленный опыт и знания. Косыгин искренне верил, что курс XX и XXII съездов партии на обновление советского общества, курс, от которого Хрущев постепенно отходил, будет продолжен. «А это так важно для будущего страны, — говорил Алексей Николаевич, — так хочется наконец работать в полную силу». Это был искренний всплеск эмоций человека, который более четверти века вынужден был подчиняться чужой воле, создавая о себе мнение как о технократе, далеком от политики. Поэтому его держали в стороне от подготовки октябрьского (1964) Пленума ЦК. Не из-за недоверия. Просто по целому ряду причин Косыгин вне политики многих устраивал больше, чем Косыгин-политик. Тогда ему было 60 лет, на здоровье не жаловался. Так что он имел серьезные основания смотреть в будущее с оптимизмом».

Закончились «великие» десять лет. Если не бросаться в крайности, то и за эти годы было сделано немало доброго. Освобождены из лагерей сотни тысяч безвинных людей. Началось масштабное развитие ряда отраслей и регионов, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Сделаны шаги к нормализации отношений с Югославией, рядом других стран. Строительство жилья… Как бы ни издевались столичные акулы пера над «хрущобами», для тех, кто выбирался из подвалов, мазанок, коммуналок в отдельную квартиру, в московских, самарских, донецких «черемушках», это было настоящей радостью. По себе знаю.

И вместе с этим сплошные завихрения в политике и экономике. Возврат к совнархозам в определенной мере был необходим, но не за счет полной ликвидации отраслевого

управления. А бредовая идея разделения партии на промышленную и сельскую?! Да и не только партии, а всей системы управления. Появились облисполкомы промышленные и сельские. Даже на Украине, где Хрущев повсеместно расставил свои кадры, он терял поддержку.

«О том, что пленум собирается снимать Хрущева, я знал раньше, — вспоминал Иван Павлович Казанец. — Сначала со мной переговорил, прощупав почву, Подгорный, потом Брежнев: «Знаем, что и у вас много разногласий». Я и сам не раз высказывал Хрущеву свои замечания. Скажем, о том, что не надо урезать приусадебные участки сельским врачам, учителям, служащим, ведь люди живут с них. Мы тогда в Совете Министров Украины за один месяц получили 16 тысяч возмущенных писем. Говорю ему об этом при встрече, а он настаивает на своем».

Кто-то верно заметил: Хрущев рассорился со всем обществом. После Новочеркасского расстрела летом 1962 года он потерял рабочих; тогда об этих событиях не писали, но говорили люди много. Теперь терял крестьян и сельскую интеллигенцию, еще раньше настроил против себя ученых, людей искусства, кроме кучки придворных летописцев и «подручных партии» — этой формулой он думал осчастливить журналистов.

О самом пленуме рассказано так много, что, кажется, и добавить нечего. Но несколько деталей, о которых авторы воспоминаний то ли забыли, то ли сознательно умолчали, стоит напомнить.

Октябрь, 1964

Пленум открыл Брежнев. В официальной стенограмме его выступление заняло ровно десять строк; в неофициальной — около двух страниц.

«Товарищи! В связи с поступающими в ЦК КПСС запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намечаемым к обсуждению на Пленуме ЦК КПСС в ноябре с. г., а также по вопросам, связанным с планированием развития народного хозяйства страны на новый период, Президиум ЦК КПСС счел необходимым обсудить эти вопросы на своем заседании 12 октября», — так говорил Леонид Ильич, немного путано, потому что сильно волновался.

«В ходе обсуждения на заседании членами Президиума, кандидатами в члены Президиума и секретарями ЦК стали подниматься и другие важного значения вопросы, особенно о ненормальной обстановке в работе в Президиуме ЦК. Было

признано неотложным и необходимым обсудить возникающие вопросы в присутствии т. Хрущева на заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября с.г.

Президиумом ЦК было поручено мне и т.т. Косыгину, Подгорному и Суслову связаться по телефону с т. Хрущевым, передать ему сложившееся мнение в Президиуме и решение с предложением ему прибыть на заседание Президиума ЦК 13 октября» *(РГАНИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–2)*.

Леонид Ильич еще говорил, но все дальнейшее можно свести к двум-трем строкам выправленной стенограммы: «В течение двух дней Президиум ЦК КПСС обсуждал вопрос об ошибках и неправильных действиях т. Хрущева. Все мы во время обсуждения придерживались единого мнения»…

На самом деле Микоян заступился за Хрущева, «предлагая сохранить за ним пост Председателя Совета Министров СССР. Косыгин резко выступил против этого предложения, заявив, в частности, о том, что «полумерами не удастся решить. Стиль т. Хрущева не ленинский» *(Независимая газета. 14 декабря 2000 г.)*.

Затем Михаил Андреевич Суслов подробно рассказал о ненормальном положении, «которое сложилось в связи с неправильными методами руководства партией и государством со стороны т. Хрущева» и прочитал его заявление с просьбой освободить от обязанностей Первого секретаря, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

По прыгающим буквам, зачеркнутым и вписанным словам видно, как волновался вчера еще всесильный человек, когда писал это заявление-просьбу. Последние слова: *«…я не могу выполнять ныне возложенные на меня обязанности. Н. Хрущев. Москва, 14 октября 1964 г.» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д 749. Л. 101–102)*.

Что еще надо? Оказывается, надо заверить. И Суслов читает слова, которых в подлиннике заявления Хрущева нет: «Обещаю Центральному Комитету КПСС посвятить остаток своей жизни и сил работе на благо партии, советского народа, на благо построения коммунизма. Хрущев» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 753. Л. 16).

Перешли к выборам первого секретаря. В неправленой стенограмме говорит Подгорный: «Товарищи, вносится предложение избрать Первым секретарем ЦК нашей партии тов. Брежнева Леонида Ильича». В правленой, официальной, это ответственное дело отдается «голосам из зала»: «Предлагаем избрать Первым секретарем ЦК нашей партии т. Брежнева». И далее Николай Викторович Подгорный как бы формулирует волю партийных масс.

Брежнев в тот день действительно волновался. Когда дошла очередь до кандидатуры Председателя Совета Министров СССР, раздались голоса: Косыгина.

«*Брежнев.* Это совпадает и с мнением Президиума ЦК. Других предложений нет, товарищи? Я голосую. Кто за то, чтобы тов. Косыгина избрать…

Голос. Рекомендовать.

Брежнев. Пленум сформулирует, тов. Малин. Я так волнуюсь. Может быть, научимся когда-нибудь без шпаргалок говорить в дальнейшем, — тоже плохо не будет»…

И эти человеческие слова чья-то рука, может быть, того же Малина, зав. Общим отделом ЦК, убрала из стенограммы, причесав официальный текст по партийным канонам:

«*Брежнев.* Кто за то, чтобы рекомендовать Президиуму Верховного Совета СССР назначить Председателем Совета Министров СССР т. Косыгина А. Н., прошу членов ЦК поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет.

Давайте проголосуем все вместе — и кандидаты в члены ЦК, и члены Ревизионной комиссии. Я голосую. Кто за то, чтобы т. Косыгина рекомендовать Председателем Совета Министров СССР, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против, кто воздержался? Нет. Рекомендуется на пост Председателя Совета Министров СССР единогласно.

Косыгин. Товарищи! Хочу поблагодарить вас за то большое доверие, которое мне оказано сегодня. Со своей стороны приложу все силы, знания, умение, чтобы оправдать ваше высокое, большое доверие, буду стремиться к тому, чтобы выполнить его с честью» *(там же. Л. 20)*.

Кстати, на этом же пленуме членом Президиума ЦК избрали Шелепина. Представляя недавнего комсомольского вождя, Брежнев не пожалел добрых слов: «Это наш молодой резерв» *(там же. Л. 10)*.

…Одним из самых верных окруженцев Хрущева считался Подгорный. Никита Сергеевич двигал его, малоприметного инженера сахарной промышленности, по карьерным ступенькам: заместитель наркома пищевой промышленности Украины, первый секретарь Харьковского обкома партии, второй, а затем первый секретарь ЦК Компартии Украины, секретарь ЦК КПСС. Кстати, тогда, в 1963 году, вместе с Подгорным секретарем ЦК был избран Брежнев.

В ком-ком, а в Подгорном и Брежневе, своих выдвиженцах, Хрущев, наверное, был уверен, как в самом себе. И вот получил.

«На заседании ЦК, когда надо было решить, кому быть первым секретарем ЦК, — пишет Гришин, — Л. И. Брежнев

предложил кандидатуру Н. В. Подгорного. Но тот сказал: “Нет, Леня, берись ты за эту работу”».

Подгорный уловил, да это просто висело в воздухе, что пришла пора менять хозяина. И стал, по авторитетному свидетельству Гришина, идейным вдохновителем переворота. Испытывал ли он при этом угрызения совести? Купился ли на престижную роль Председателя Президиума Верховного Совета СССР, в официальной иерархии — третьего человека в стране? Не знаю. Ведь не зря чужую душу народ сравнил с потемками. Достоверно знаю, что за работой Николай Викторович не гнался. Больше обхаживал начальство. Того же Никиту Сергеевича, который любил бывать на Украине и зимой, и летом. Летом Хрущев дней десять проводил на Днепре. Таком чудном, по словам классика, при тихой погоде. Тут же — украинская верхушка — Подгорный, Кальченко, председатель Совмина, Коротченко, председатель Президиума Верховного Совета республики.

Слуги по душевному складу обычно рассчитывают, что и им будут прислуживать, когда они выйдут на первые роли. И страшно обижаются, когда встречают людей с чувством собственного достоинства, когда вместо рыбалки, сауны и прочих услаждений им предлагают поехать на металлургический завод, спуститься в шахту.

В самом начале весны 1960 года Подгорный, в то время первый секретарь ЦК компартии Украины, приехал в Донецк. Первого марта пленум Донецкого обкома партии избрал Александра Павловича Ляшко первым секретарем. Мероприятие заняло 15 минут. После пленума высокий гость вернулся на виллу. Ляшко «еще раз изложил ему график посещения предприятий на сегодня и завтра, предложив одновременно, если позволит время, съездить в Мариуполь.

— Там создаются новые крупнейшие мощности черной металлургии.

— Давай сперва пообедаем, а? — заявил гость. — Потом будем разбираться с твоим графиком».

Обедали. Потом ужинали. Играли в бильярд. Встречу на металлургическом заводе и на шахте отменили. С утра опять — бильярд. «Уже одиннадцатый час, на заводе ждут, а здесь стучат шары», — тревожится Ляшко. Еще раз дали отбой на шахте и заводе… Подгорный так никуда и не поехал. В своем спецвагоне укатил обратно в Киев.

А для Ляшко, рабочего человека, инженера, которого вылепил Ново-Краматорский завод, такой бильярд был непонятен. И, приехав через неделю-другую в Киев, он без всякой задней мысли

пригласил Подгорного еще раз побывать в Донбассе, мол, в области — много интересного.

Хозяин кабинета не дал ему договорить.

«— Вижу, вас нужно объезжать десятой дорогой! Не умеете организовывать!

— Николай Викторович, я же хотел как лучше…

— Хватит! Слушать вас не желаю! — он вскочил, давая этим понять, что аудиенция окончена».

И за три с половиной года, пока Ляшко был первым секретарем обкома, Подгорный так ни разу и не приехал в Донбасс, где два дня гонял бильярдные шары на гостевой вилле.

В общем, с Подгорным понятно. Но почему выбор пал на Брежнева?

«Истины ради надо сказать, что и Косыгин, и многие из нас, тогдашних членов ЦК, неверно оценивали Брежнева, — продолжает Николай Егорычев. — Считалось, что при большом опыте партийной и советской работы он еще и демократичен, без диктаторских замашек, а потому станет ориентироваться на коллективное руководство. Поначалу Брежнев выступал за продолжение курса XX съезда партии, сознавал необходимость углубления демократических преобразований в партии и стране».

Брежнев ревнует

Судя по ряду деталей, на первых порах Брежнев и Косыгин понимали друг друга. Но очень быстро червь сомнений, зависти стал подтачивать Ильича. Вот поехал Косыгин в командировку на Украину — конечно, как положено, по согласованию Политбюро. Брежнев в это время едет в Грузию вручать республике орден Ленина.

Вечером, после ужина в его вагоне долго беседовали, и вот в сердцах он говорит Егорычеву:

— Ну, скажи, зачем это Косыгин поехал по украинским заводам? Что ему там делать? Все о своем авторитете печется. Пусть бы лучше в Москве сидел да делами занимался.

«Я ответил, — пишет Егорычев, — что надо радоваться, коль Председатель Совмина поехал по стране. С народом пообщается. А простые люди ведь не стесняются, они откровенно расскажут о всех трудностях и недостатках. Пусть Косыгин все это знает и учитывает в работе. Однако мне так и не удалось убедить генсека. Вообще, надо сказать, ревнивое отношение Брежнева к Алексею Николаевичу в то время создавало немало помех и трудностей. О некоторых из них вспоминаешь сегодня как о нелепых курьезах,

которые тем не менее изрядно трепали нервы».

Первый секретарь Московского горкома партии имеет в виду историю, связанную с появлением в Москве мемориального комплекса у Кремлевской стены, без которого нельзя сегодня представить Александровский сад. А началось все с того, что в начале 1966 года Косыгин поинтересовался у Егорычева, почему в Москве нет памятника Неизвестному солдату, который мог бы стать символом священной памяти героям, павшим в Великой Отечественной войне. В руководстве Москвы об этом уже думали. И, перебрав множество мест, остановились на Александровском саде. Эскизы Егорычев показал Косыгину — премьеру понравились, а Брежнева в те дни в Москве не было.

Когда Брежнев вернулся, Егорычев рассказал ему о проекте. Леонид Ильич после долгой полемики в принципе предложение принял. «Однако в отношении места памятника и его проекта был непреклонен. «Нет! — и все тут. — Ищите другой вариант». Во время моего весьма непростого разговора с ним стало понятно, что возражает он лишь потому, что первым, кому показали эскиз, был Косыгин. Это обидело Леонида Ильича, задело его самолюбие. И он, очевидно, решил проучить нас».

Спасла ситуацию «военная» хитрость. Прошло полгода. После торжественного собрания, посвященного очередной годовщине Октября, архитекторы принесли эскизы и макет памятника в комнату президиума. В перерыве Егорычев предложил Брежневу и членам Политбюро познакомиться с макетами. Всем понравилось. На этот раз согласился и Брежнев. Но своеволие московского секретаря наверняка не забыл.

О ревнивом отношении Брежнева к Косыгину пишет в своих воспоминаниях и Владимир Николаевич Новиков, в 1965–1980 годах — зампред Совмина СССР. Он подробно рассказывает, как после командировки в Италию Косыгин предложил построить с помощью итальянцев завод легковых автомобилей. Сегодня все мы знаем эту марку — ВАЗ. Вместе с заводом вырос новый город. «Алексей Николаевич очень хотел съездить в Тольятти, — вспоминает Новиков, — и был очень обижен, когда Брежнев его туда не пустил. Леонид Ильич хотел первым из руководителей страны побывать там. Генсек всегда ревниво относился к А. Н. Косыгину, видимо, подозревая в нем конкурента».

В Подгорном он конкурента не видел и вскоре, отправив на пенсию Микояна, расплатился с Николаем Викторовичем непыльной должностью Председателя Президиума Верховного Совета СССР, на которой тот продержался довольно долго, до мая 1977 года.

В мае же 1977 года на очередном пленуме ЦК, рассказывает

Гришин, после обсуждения основного вопроса, как бы между прочим М. А. Суслов предложил освободить от обязанностей члена Политбюро ЦК и Председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Викторовича Подгорного. Тут же, как воины из умело подготовленной засады, выскочили два-три вымуштрованных оратора. Подгорный попытался что-то сказать, но Суслов быстро осадил его: «Ты посиди, подожди». Проголосовали, и в комнате президиума, куда его впустили в последний раз, он только растерянно сказал: «Как все произошло неожиданно, я работал честно».

Подгорному было невдомек, что его пост понадобился Брежневу, а честность ни при чем. Но до этого печального исхода еще далеко. Пока Брежнев и Косыгин в полном согласии формируют первую после хрущевских потрясений правительственную команду. Кандидатов приглашают в кабинет первого секретаря, еще не генерального. Так, вдвоем они беседуют с Казанцом (Министерство черной металлургии), Кириллиным (Госкомитет Совета Министров СССР по науке и технике), Байбаковым (Госплан)…

Николай Константинович Байбаков написал об этом в своих содержательных записках. Август 1965 года… Никита Сергеевич Хрущев, еще недавно всесильный Первый, как называли его в ЦК, привыкает к роли пенсионера, копается на грядках, собирается диктовать свои воспоминания.

На Старой площади главный кабинет занял Леонид Ильич Брежнев, еще ничем не напоминающий того дряхлого старца, каким он стал через полтора десятка лет. Брежневу нет 60. Косыгину 60 исполнилось в прошлом, 1964 году. Они почти ровесники, знакомы с послевоенных лет, сначала шапочно, потом поближе. Оба думали, что сработаются.

В том августе они еще продолжали формировать свою команду, как видно по датам, делали это без зряшной суеты, вдумчиво. Дошла очередь до Госплана Союза — председателем Косыгин предложил назначить Николая Константиновича Байбакова. Среди прочих аргументов «за» был и тот, что Байбаков в рот Хрущеву не заглядывал; аргументированно возражал против ликвидаций основных министерств, предлагал проверить целесообразность создания совнархозов на отраслях, производящих товары народного потребления. «Вы — ведомственник», — упрекал его Хрущев, а на одном из совещаний обрушился с критикой «за неправильные действия Госплана РСФСР, тормозящие работу совнархозов…». При Сталине такое обвинение стоило бы головы, при Хрущеве дело ограничилось высылкой в провинцию. Байбаков возглавил Краснодарский

совнархоз и успешно работал там пять лет. Заслужил орден Трудового Красного Знамени, стал лауреатом Ленинской премии — за открытие и разработку газоконденсатных месторождений. Последовал новый перевод в Москву — председателем Госкомитета по химии при Совмине СССР. И новое обвинение на одном из заседаний президиума ЦК КПСС, когда Байбаков предложил передать совнархозовские предприятия Госкомитету.

— Это безобразие! — взорвался председатель Совмина РСФСР Геннадий Иванович Воронов. — Это начало развала совнархозов.

— А мы что, не знаем, чьих рук это дело? Вот сидит товарищ Байбаков! Его телега переехала, но не задавила. Вот он и продолжает разрушать совнархозы, ведя работу по их дискредитации.

Байбаков уже готовился еще раз проститься с Москвой, предполагая, что на этот раз его как нефтяника бросят в Тюмень, но дело ограничилось переводом в другой Госкомитет — по нефтедобывающей промышленности.

Все это, конечно, хорошо знали и Косыгин, и Брежнев.

…В кабинете Брежнева, кроме хозяина, был Косыгин.

«— Возвращайся в Госплан! — сразу же объявил Брежнев так, словно вопрос был давно решен, вспоминал Н. Байбаков.

Я отказался от предложения, сославшись на то, что на этой должности уже работал и был освобожден как не справившийся.

— Иди и работай! — повторил с нажимом Брежнев и дружески добавил: — А о твоих способностях не тебе судить.

Я продолжал отказываться, мол, слишком долгий перерыв в этой работе, трудно включаться в тяжелое дело. Но Косыгин, выслушав мои доводы, заметил, что, напротив, проработав в совнархозе пять лет, я приобрел ценный опыт, прошел солидную школу управления различными отраслями промышленности и сельским хозяйством и мне не следует отказываться.

Разговор происходил за чашкой чая, как говорится, в доверительной обстановке. Брежнев рассказывал о трудном положении дел в стране, о том, что необходимо усилить централизацию управления и планирования, так как предстоят ликвидация совнархозов и восстановление министерств.

— Не только я, но и другие товарищи, — сказал Леонид Ильич, посмотрев на Косыгина, — думали о вашем перемещении. А то, что вас сместили, — это не оттого, что не справились с работой, просто ваши взгляды разошлись с хрущевскими.

Косыгин внимательно и, как мне казалось, одобрительно слушал Брежнева, позвякивая ложечкой в своей чашечке чая.

Разговор шел непринужденный. Доброжелательный Брежнев, видимо, уловил, что я не откажусь от поста. Не скрою, у меня

было желание вернуться к прежнему, любимому делу — нефтяной и газовой индустрии. Но мне доверяют ответственный пост, где я должен определять направления развития всей советской экономики, находить наиболее эффективные решения. Я, конечно же, согласился.

А затем Косыгин ввел меня в курс дел, выделив первоочередные задачи. Речь шла о серьезной перестройке структуры Госплана. Слушая Алексея Николаевича, с которым я впервые общался вот так близко, его неторопливые слова, вдумчивые обобщения, я невольно восхищался не только его простотой и сдержанностью, но и глубиной его экономического мышления. Я понимал, что передо мною — самый крупный и эрудированный государственный деятель из всех, кого я знал. Он обладал многогранными знаниями: в легкой и пищевой промышленности, финансах, экономике и планировании. Я был знаком с ним еще со времен Отечественной войны. Но знал его как бы со стороны, издали. Теперь же узнал ближе…

Экономическую реформу, которая началась в 1965 году, называют косыгинской. Он действительно был ее инициатором. К выработке нового хозяйственного механизма Председатель Совета Министров привлек самых авторитетных специалистов, ученых-экономистов. Всех их освободили от текущей работы: думайте и предлагаете.

Косыгин непосредственно руководил работой этой группы».

Потом такую же процедуру прошел Казанец, давний знакомый и Брежнева, и Косыгина. Леонид Ильич пересекался с Иваном (они были на «ты»), когда восстанавливали металлургические заводы Украины, Косыгин узнал Ивана Павловича попозже, когда тот был первым секретарем Сталинского (позже — Донецкого) обкома партии. Их разделяла почти незаметная в такие годы разница в возрасте. И все же это был человек другого поколения. Перед войной, когда Косыгин уже руководил наркоматом, а Брежнев обкомом партии, Ваня Казанец только окончил металлургический техникум. Всем выпуском их курс напросился в Кузбасс, в Новокузнецк. Для тех, кто хотел и дальше учиться, там открыли филиал металлургического института.

В сентябре сорок третьего, сразу после освобождения, началось восстановление Донбасса. Возвращались с уральских, сибирских, казахстанских заводов металлурги и шахтеры. С фронта отзывали специалистов, потому что здесь, в затопленных шахтах, во взорванных мартеновских и доменных цехах тоже был фронт. Настоящий Второй фронт.

…С детства помню: прямо по кирпичной стене одного из

домов по соседству с нашей школой — лозунг. Наверное, не было кумача, вот и припечатали на стену: «Восстановим родной Донбасс!» С годами буквы все тускнели, но я разбирал их и через три десятка лет после войны.

Казанец стал парторгом ЦК ВКП(б) на Енакиевском металлургическом заводе — там, у проходных, установлена отлитая в металле благодарность Верховного Главнокомандующего за первый чугун; Брежнев, закончив войну в Праге, дневал и ночевал на «Запорожстали», Косыгин непосредственно занимался восстановлением разрушенных городов Российской Федерации… Это была уже их общая работа. Как и строительство канала Северский Донец — Донбасс.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов в Донбассе резко обострилось положение с водой. На многие шахтерские поселки воду возили в цистернах. (В Западном Донбассе, в Ростовской области возили еще в 90-е годы.) Областные власти обратились в правительство Украины с просьбой помочь. Ответ был сочувственный: понимаем ваше положение, но это не в наших силах, стучитесь в Москву, а мы поддержим.

— Мы предложили построить канал Северский Донец — Донбасс, — рассказывает Иван Павлович Казанец. — Иначе Донбасс ждала катастрофа. Отправили записку в Совет Министров СССР, изложили аргументы. Вскоре получили ответ: ваше предложение будет рассматривать Президиум Совмина СССР. Вел заседание Алексей Николаевич Косыгин, в то время — заместитель председателя Совета Министров. И он, и другие товарищи задавали много вопросов. Косыгин, спрашивал, какие города захватит канал. Я отвечал: Краматорск, Константиновку, Славянск, Артемовск… А на Сталине) (нынешний Донецк), Макеевку, Енакиево, Горловку — пойдут отводы, будут крупные насосные станции.

Возражений против нашего проекта не было, тем более что мы просили только деньги. Строительные организации наши, техника наша, построим сами. Косыгин предложил поддержать инициативу Донбасса. Стройка началась в 1955 году. На субботники, воскресники выходил весь Донбасс!

Алексей Николаевич интересовался ходом стройки. Я ему докладывал. Маленков, секретарь ЦК, тоже звонил, спрашивал, как идут дела. Через три года первая очередь канала (120 километров) вошла в строй. Расширили водохранилище в Донецке. Для Донбасса это было просто спасение.

Такой была первая встреча Казанца с Косыгиным. Затем Иван Павлович возглавил Совет Министров Украины, с Косыгиным пересекались на пленумах, сессиях… Однажды Алексей

Николаевич, извиняясь, спросил, есть ли возможность показать Клавдии Андреевне Киев, она никогда там не была… Конечно, Киев Клавдии Андреевне показали, тепло приняли, так, как это умеют на Украине, но на характере отношений Косыгина и Казанца это никак не сказалось. На одном из очередных заседаний Совмина рассматривали тревожное положение в Запорожье. Там были переполнены хранилища со сбросами заводских вод. Дамбы уже не выдерживали напор отравы. Секретарь Запорожского горкома партии представил красочную схему, как по Днепру прямо в черте города тянется багровый след заводских стоков. (Военные сделали убийственный снимок.) Косыгин поднял Казанца, уже министра черной металлургии:

— Вы знаете об этом?

— Знаю, Алексей Николаевич. — Министр не успел договорить, что буквально накануне секретарь горкома был у него, что деньги на очистку сточных вод и расширение хранилища выделены…

— Как же так, вы знали, а меры своевременно не приняли?! — Пожалуй впервые я видел, как Косыгин завелся, — добавил Казанец.

Косыгин не просто завелся. Он поручил кардинально разобраться в экономических проблемах большого индустриального города, типичных не только для Запорожья, и подготовить решения. Разве не то же происходило в Нижнем Тагиле, Магнитогорске, Новокузнецке?.. В Запорожье раньше, чем во многих других промышленных центрах, занялись охраной окружающей среды. Может быть, и потому, что среда здесь удивительно как хороша, и люди подобрались — казак к казаку. Среди тех, кто точно в установленный срок докладывал председателю правительства предложения, был и Григорий Петрович Харченко, в ту пору председатель Запорожского горисполкома, а ныне — вице-президент Российского союза товаропроизводителей. Это была его единственная встреча с премьером и запомнилась она деловой обстановкой, дотошным интересом Косыгина к деталям проекта. Новые очистные сооружения замкнутого цикла включили в план капитального строительства Минчермета. Привели в порядок Днепр, взялись за выбросы в атмосферу… Но я далеко забежал вперед.

…Накануне «смотрин» Казанец отдыхал в Алуште. Там же в это время загорал Леонид Ильич. Он позвонил Казанцу:

— Чем занимаешься?

— Отдыхаю, Леонид Ильич.

— Можешь приехать ко мне? Приезжай, поохотимся, поужинаем.

Охота, правда, не удалась. А вечером, за ужином, Леонид Ильич спросил Казанца, как он смотрит на реорганизацию управления народным хозяйством, возвращение к министерствам.

Казанец, в общем, высказался в поддержку совнархозов. На Украине, где было семь мощных экономических районов, они, по его мнению, сыграли положительную роль. Он приводил убедительные примеры, в частности, по Донецкому совнархозу, который объединил Донецкую и Луганскую области. Это была мощная структура, располагающая кадрами, ресурсами, финансами. Все можно было решать на месте, а когда требовалась помощь других областей или республик, обращались в партийные органы. Прокатный стан «1700» на металлургическом заводе имени Ильича в Жданове (ныне Мариуполь) построили за 18 месяцев. Я, говорил Казанец, больше таких темпов не встречал.

— А вот Дмитрий считает иначе, — заметил Брежнев, кивая на Устинова, который молча слушал их беседу. — Он за министерства.

— Конечно, — сказал Казанец, — Дмитрий Федорович ведь еще до войны был наркомом…

А тогда, мог добавить Иван Павлович, всем правил Кремль. С республик, областей, краев только спрашивали. И до войны. И добрый десяток лет после нее.

Характерный пример привел в своих записках Нуриддин Мухитдинов, член Президиума ЦК, секретарь ЦК КПСС. «В самом начале 1954 года меня пригласили на заседание Совета Министров СССР для обсуждения проектов народнохозяйственного плана и бюджета. Мы, представители республик, начали высказывать свои замечания, пожелания, излагать наболевшие проблемы.

Однако председатель Госплана СССР Г. П. Косаченко сказал:

— Данный проект, включая разбивки по республикам, одобрен Президиумом ЦК. Документ приняли единогласно».

И нечего, мол, вам высовываться. Перемены в системе управления при Хрущеве на деле означали расширение прав республик, краев, областей. Предприятия целого ряда отраслей, говоря любимым ельцинским словечком, перешли в их юрисдикцию. Москва на глазах теряла нити управления.

— Словом, будем еще обсуждать, — закончил встречу в Алуште Брежнев.

Обсуждение продолжилось на сессии Верховного Совета СССР. Здесь исход был ясен: страна возвращается к отраслевой структуре управления экономикой. Брежнев и Косыгин предложили Казанцу возглавить Министерство черной металлургии. В Минуглепром пришел Борис Федорович

Братченко — горный инженер, в прошлом — начальник участка, директор шахты, управляющий трестом, комбинатом, председатель Карагандинского совнархоза. Даже по этим коротеньким биографическим данным видно, что в правительство отбирали профессионалов.

За кремлевскими переменами, как всегда, внимательно следили на Западе. Вот что пишут в своей книге «История России. 1917–1995» два именитых автора М. Геллер и А. Некрич: «На этот раз сомнений не было: к власти пришли инженеры. Не имело значения, что большинство из членов Политбюро, получивших в далекие годы юности инженерные дипломы, никогда не работали по специальности, сразу же выбрав профессию партийного работника. Посол ФРГ в Москве не находит слов для выражения своего восхищения «технократами в лучшем смысле этого слова» Косыгиным и Громыко. «Технократы», «менеджеры», консерваторы — так видит Запад администрацию Брежнева».

Сами-то авторы, как видно из этого небольшого отрывка, не разделяют «восхищения технократами». Вообще в своем четырехтомном труде, рекомендованном Госкомитетом РФ (каким?) «в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений», они, мягко говоря, недоброжелательно пишут о нашей стране. С их взглядами спорить не буду — это отдельная тема. А вот промолчать о фактических неточностях, рассыпанных по «учебному пособию», нельзя. Известные историки поместили город Николаев на Азовское море, уволили Косыгина с должности премьера в 1979 году, а на самом деле это случилось в октябре 1980-го, «наградили» Брежнева Ленинской премией по литературе 21 апреля 1979 года, за год до присуждения…

Представляется, что западные дипломаты, эксперты, аналитики были точнее в своих оценках нового советского руководства, чем его критики — историки, эмигранты. Вот что писал в то время американский журнал «Ньюсуик»:

«Косыгин — новый тип советского руководителя, не столько идеолог, сколько практик… Человек такого типа мог бы возглавить крупную корпорацию вроде «Форда» или «Дженерал моторс», но не кажется способным руководить политической партией. Он, возможно, будет рассматривать проблемы с точки зрения фактов, прагматически и логически… Косыгин поднялся наверх главным образом благодаря своей абсолютной преданности любому делу, которым он занимался, начиная с работы на ленинградской текстильной фабрике. Пристрастие Косыгина к логике будет, несомненно, полезно для русской экономики, да и во многих других областях оно окажется новшеством».

…Иван Павлович Казанец проработал с Косыгиным 15 лет. Вместе бывали на металлургических комбинатах — Череповец, Урал, Донбасс. Как и другие министры, один-два раза в месяц приходил к премьеру «по возникающим вопросам». На такие встречи по рабочему графику обычно отводилось 20–25 минут, но Косыгин нередко задерживал гостя. Рассмотрев дело, с которым пришел министр, Алексей Николаевич начинал задавать вопросы по своей тематике. У Казанца интересовался, как работает тот или иной металлургический завод, расспрашивал, что представляют собой директора предприятий. Интересовался технологией отдельных производств. Причем в деталях.

— Это был интерес человека, который хочет впитать все новинки и использовать их, — замечает Иван Павлович. — Я считаю, что это был самый сильный председатель правительства после Сталина. Он знал и отдельные отрасли, и в целом всю экономику. После Сталина его ни с кем сравнивать нельзя. А вообще я запомнил Косыгина как бы в двух лицах.

Он был совершенно разным в официальной обстановке и в неофициальной. Вот заканчивается, к примеру, заседание комиссии СЭВ по черной металлургии в Праге. Вечером Алексей Николаевич приглашает членов нашей делегации: «Пошли ко мне обедать». И здесь он становился совсем другим человеком. Я знал его дочь, Людмилу Алексеевну, она была директором Библиотеки иностранной литературы, мы встречались на активах, конференциях Ждановского района Москвы. Спросишь его о семье, он отвечает и видишь, какой это душевный человек, как трогательно он относится к своим близким.

Параллельно с формированием правительства в Кремле под личной опекой Косыгина работала группа крупнейших ученых и экономистов, определяя главные принципы реформы. Их предложения почти год обкатывались на предприятиях, широко обсуждались в печати, в партийных, хозяйственных кругах. 27 сентября 1965 года их рассмотрел пленум ЦК. С докладом выступил Алексей Николаевич Косыгин.

— На рассмотрение Пленума ЦК КПСС, — говорил он, — представляются предложения, во-первых, по совершенствованию планирования, усилению хозяйственной инициативы предприятий и экономического стимулирования, и во-вторых, по улучшению организации управления промышленностью. Первая группа вопросов тесно связана с утвержденным на днях новым Положением о социалистическом предприятии, а вторая группа — с постановлением о расширении хозяйственных прав союзных республик. Все эти вопросы составляют единое целое.

«БЛАГОСЛОВЕННЫ ТЕ, КТО ТРУДИТСЯ РАДИ МИРА»

Ташкент, 1966

Такие минуты называют звездными. И в жизни политиков. И в истории государств.

…После марафонских переговоров премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри и президент Пакистана Мохаммед Айюб Хан наконец-то договорились восстановить нормальные и мирные отношения между своими странами. В декларации, которая вошла в историю как Ташкентская, лидеры двух государств заявили «о своих чувствах глубокой признательности и благодарности руководителям Советского Союза, Советскому правительству и лично Председателю Совета Министров СССР за конструктивную, дружественную и благородную роль в организации настоящей встречи, которая привела к взаимно удовлетворительным результатам».

И пригласили «Председателя Совета Министров СССР засвидетельствовать настоящую Декларацию».

Алексей Николаевич под вспышками десятков блицев, под прицелом телекамер отчетливо вывел свою подпись: А. Косыгин. Их троих, Председателя Совета Министров СССР, премьер-министра Индии и президента Пакистана, наперебой поздравляли дипломаты, участники конференции, гости. С дежурной улыбкой подошел Громыко. Чуть в сторонке стояла Людмила Алексеевна — Косыгин увидел ее сияющие глаза.

На успех этой встречи без преувеличения надеялся весь мир. Любопытно и сегодня вчитаться в письма и телеграммы, адресованные в те дни в Ташкент, Косыгину — они сохранились в его архиве и раньше не публиковались.

Из Новгорода. 5.I.1966 г. Тов. А. Н. Косыгину, г. Ташкент. Приветствую совещание держав, впервые севших за стол переговоров без победителя. Уверен в успехе, только так должны решаться мировые конфликты. Предлагаю внести вопрос Вьетнама по вашему подобию на встрече представителей Северного, Южного, Армии освобождения. Верю Вашу мудрость. С уважением электрик Олейниченко Николай Семенович.

Из Раджбазар, Варанси. Благословенны те, кто трудится ради мира. Вы и премьер-министр Шастри являетесь великими истинно любящими мир личностями. Вы поистине творцы мира.

Дай Вам Бог полного успеха в 1966 году. Мильтон Чаран.

Из Осаки. 5 января 1966 г. Как русский, желаю успеха вашей мирной инициативе. Убежден, что Федерация Индии и Пакистана — единственное решение. Иосиф Бешер.

Из Дели. Его превосходительству уважаемому г-ну Косыгину, Премьеру СССР. Мы, местные жители, хотим воссоединения Индии и Пакистана. Если вы сможете помочь в осуществлении этого, то мы, люди этих стран, будем премного благодарны Вам. Это разрушит тот огромный вред и то зло, совершенное нашим бывшим правителем, Британией, ради США. Как объединенная страна (даже как расторгнутый союз) мы сможем жить счастливыми людьми, освобожденными от страха войны и постоянных интриг.

Из Ейска. 5 января 1966 г. Прошу сердечное пожелание передать мое и моей семьи представителям великих государств Пакистана и Индии достигнуть разумных соглашений за мир между их народами и во всем мире. Так желает каждая советская семья. Милюков Петр Семенович.

Из Читтагонга. 7 января 1966 г. Сердечные поздравления вашей эпохальной исторической конференции. Горячо поддерживаем ваше активное участие для разрешения индо-пакистанского конфликта. Абдухалим.

Из Равалпинди. 8 января 1966 г. Ваша заинтересованность, показанная в разрешении кашмирского вопроса, высоко оценивается народом Пакистана вообще и народом Кашмира, в частности. И они молятся за Ваши успехи. Зафар Ахмад Хан.

О самих переговорах написаны книги, научные труды — поэтому не буду пересказывать их ход. Напомню лишь общую атмосферу и то, как действовал Косыгин — к его посредничеству Шастри и Айюб Хан договорились обращаться, если разойдутся в позициях. Вот как рассказывает об этом непосредственный участник встречи дипломат Алексей Леонидович Воронин.

«Советский руководитель предложил временно отложить рассмотрение проблем, вызывающих острые разногласия, и договориться только о том, что не вызывает особых споров. Казалось, с таким подходом нельзя не согласиться, и все же буквально через считаные часы пакистанская делегация заявила, что, пока не будет разрешено основное разногласие в отношении Кашмира, установление мира между Индией и Пакистаном представляется маловероятным.

Шастри сообщил Косыгину о своем намерении покинуть Ташкент. В тот день Алексей Николаевич, по словам журналистов, установил «мировой рекорд» продолжительности дипломатических встреч. Два с половиной часа он разговаривал с

Шастри, потом провел сорокапятиминутную встречу с Айюб Ханом, который затем нанес ему ответный визит, продолжавшийся более часа. После этого состоялась вторая встреча с Шастри, длившаяся более двух часов. Затем Алексей Николаевич отправился на обед, данный в его честь Айюб Ханом, и беседовал с ним два с лишним часа, а в полночь снова посетил Шастри и обсудил с ним текст совместного заявления».

Индия и Пакистан отказывались от применения силы при решении любых вопросов. И хотя Кашмир и ныне остается горячей точкой, думается, добрая воля, проявленная в Ташкенте, дух Ташкентской декларации напоминают через годы: возможны нормальные и мирные отношения. Надо только смотреть друг на друга не через прицел винтовки…

После Ташкентской конференции о Косыгине на Западе заговорили как о возможном лидере в кремлевском триумвирате. Инициатор экономической реформы. Плюс незаурядный дипломат. Такой человек способен изменить лицо Советского Союза. Видимо, с этих пор у Брежнева стала нарастать зависть к Косыгину, которую он не всегда даже старался скрывать.

Ташкентский прорыв знаменовал и поворот во внешней политике Советского Союза. Пламенный борец за мир, как часто называли Хрущева, любил побаловаться с огнем. О Карибском кризисе 1962 года, когда СССР и США стояли на пороге ядерной войны, знают все. Были и другие акции, в то время мало кому известные, а то и совсем неизвестные.

Когда на октябрьском пленуме ЦК КПСС (1964 год) снимали Хрущева, кто-то, кажется, Суслов, бросил реплику: он же поссорил нас со всем миром. В самом деле, несмотря на громогласные заявления о мирной внешней политике, у Советского Союза осложнились отношения со многими государствами. Конечно, не только из-за своих собственных просчетов. По ту сторону железного занавеса тоже хватало ястребов.

За полгода с небольшим до отставки Хрущева, в феврале 1964 года на пленуме ЦК с большим докладом выступал Суслов. Докладчика то и дело перебивал экспансивный Никита Сергеевич, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». В стенограмму пленума эти высказывания не вошли — на полях пометка: «Тов. Хрущев реплики снял». Но сейчас они рассекречены и весьма любопытны в контексте нашего разговора.

«Н. С. Хрущев. Товарищ Суслов, извините меня, хочу включиться на минуточку. Хочу добавить, в чем заключалась, например, наша конкретная помощь Индонезии. Когда президент

Сукарно решил осуществить демонстрацию против голландцев, он имел на вооружении эсминцы, крейсер, самолеты-ракетоносцы и прочие боевые средства, которые мы в свое время продали Индонезии по очень недорогой цене. Когда настало время переходить к делу, Сукарно снова обратился к нам с просьбой дать им людей, которые могут управлять подводными лодками. И мы им дали таких людей.

Это, как видите, была поддержка не на словах, а на деле. Сукарно попросил у нас также экипажи для самолетов-ракетоносцев. В разговоре с министром иностранных дел Субандрио я сказал: хорошо, мы вам окажем помощь.

Еще одно замечание, извините меня. Вы, товарищи, конечно, читали в газетах, как ОАР во время борьбы в Йемене наносила удары по войскам контрреволюции, которые пытались реставрировать королевскую власть в этой стране.

М. С. Суслов. И которые поддерживались английскими империалистами.

Н. С. Хрущев. Верно. А кто наносил удары по контрреволюции? Насер обратился к нам с просьбой дать ему людей, чтобы укомплектовать экипажи наших бомбардировщиков, переданных ОАР, дать транспортные самолеты для переброски войск и оружия в Йемен.

Родион Яковлевич Малиновский (министр обороны СССР. — *В. А.)* говорил мне тогда — мы все это дадим, а получится, что не мы, а Насер защищает Йеменскую революцию. Я ответил ему, — пусть уж лучше под маркой Насера будут воевать наши люди, чем весь Йемен будет, так сказать, под англичанами».

Хрущева прорвало. Он подробно рассказал, как в Йемене сражались наши летчики: «И мы дали самолеты «Ан-12», направили свои экипажи к ним. Мы послали в Йемен оружие и бомбардировщики со звездочками Объединенной Арабской Республики, которые громили там контрреволюцию. Марка была, так сказать, египетская, а экипажи наши, и самолеты наши, и бомбы наши, но всего этого мы не можем сказать открыто. Мы не можем сказать, что фактически это мы воюем. Нет. Мы твердо стоим на позициях невмешательства.

Можно было бы привести много таких примеров, но и этого, я думаю, достаточно, чтобы убедиться в том, какую серьезную поддержку оказывает Советский Союз борющимся народам».

Образно говоря, Хрущев стучал башмаком не только по трибуне ООН. Новые люди в Кремле начали новую политику, в том числе и внешнюю. После успешных переговоров в Ташкенте Косыгин с особым вниманием следит за отношениями с Индией и Пакистаном. 18 января 1968 года он принимает посла Индии и

помечает в своей записной книжке: «Послание И. Ганди. Приглашение в Индию. Когда мы сможем сообщить? Хотят видеть в стране». И дальше — о развитии индо-пакистанских отношений, о позиции СССР…

Казалось бы, несомненный дипломатический талант Косыгина можно использовать во благо страны.

Но, но…

Стоп-сигнал от Брежнева

…Лондон, 1967 год. Поездка Косыгина в Великобританию — о ней рассказал в своей книге «Без скидок на обстоятельства» Валентин Фалин.

«Косыгин конкретен, четок, деловит. Англичанам нравится отсутствие у него позерства. Главу правительства вызывает Москва:

— Алексей Николаевич, мы слушали твое выступление в парламенте.

Получилось. Вообще визит удался. По причинам, которые объясню в Москве, важно вовремя остановиться».

Таким по смыслу был «стоп-сигнал» Л. И. Брежнева… Испортил тот звонок Косыгину настроение на всю оставшуюся поездку и годы вперед. Давалось понять: не ваше, премьер, дело — внешняя политика. Занимайтесь бухгалтерией, государственными похоронами и тушением пожаров. А внешняя политика, так сказать, фундаментального достоинства должна делаться Генеральным секретарем. Можно вместе с министром иностранных дел.

…Нью-Йорк, 1967 год. Косыгин принимает участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. Ему передают предложение президента США Джонсона о встрече. Даже для премьера, члена Политбюро, в таких случаях требовалось добро Центра. В Кремле раздумывали и советовались несколько дней, не считаясь с тем, что глава советской делегации оказывается в неловкой ситуации. Наконец согласие дано. Стороны решают встретиться в небольшом городке Гласборо, между Нью-Йорком и Вашингтоном.

«Эта встреча не только имела важное политическое значение, — пишет академик Д. Гвишиани, — но и стала серьезным шагом вперед на пути разрушения стереотипного пропагандистского «образа врага» как с той, так и с другой стороны… Позже, в узком кругу, Алексей Николаевич рассказывал, что из личных контактов с президентом США у него

возникло представление о дружелюбном, скромном человеке, способном на проявления доброй воли, на поиски взаимопонимания. Импонировал ему и стиль работы Джонсона, его стремление привлечь к диалогу компетентных людей».

Думается, и Джонсон увидел в своем собеседнике такого же дружелюбного человека, готового к диалогу, поиску компромиссов, без чего не бывает продвижения.

Американская и мировая печать высоко оценила встречу в Гласборо, замечает Д. Гвишиани. Наша пресса ограничилась официальным коммюнике. Причина понятна: Центр, то есть Старая площадь, Брежнев, аппарат ЦК, намеренно осаживал премьера.

…Пекин, сентябрь 1969 года. Косыгин, возвращаясь из официального визита во Вьетнам, летит над Китаем. С борта самолета Председатель Совета Министров СССР отправляет протокольную телеграмму премьеру Госсовета КНР Чжоу Эньлаю с пожеланиями благополучия и мира всему китайскому народу и ему лично.

«Не прошло и десяти минут, как поступила ответная телеграмма, в которой Чжоу Эньлай поблагодарил Косыгина и высказал пожелание, чтобы самолет с советской делегацией приземлился в Пекине, хотя бы ненадолго, — рассказывает Михаил Сергеевич Смиртюков, управляющий делами Совета Министров СССР. — Косыгин согласился. И это в то время, когда отношения между Советским Союзом и КНР, во многом по вине Н. С. Хрущева, были весьма напряженными. Встреча А. Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекине состоялась и прошла весьма успешно. Об этом поздно вечером в последнем информационном выпуске новостей сообщило наше телевидение; причем с показом видеосъемки событий. Когда же на следующий день я поздравил Алексея Николаевича с удачно прошедшей встречей с премьером КНР, он помрачнел и ответил:

— Вы вот приветствуете это, а сегодня ночью мне звонил Брежнев, и ничего, кроме упрека, за сообщение по телевидению и особенно за показ видеосъемок я не получил. Хотя ни с кем из сотрудников телевидения я не разговаривал».

И еще одна картинка из этой же серии — свидетельства Валентина Фалина о выработке новых отношений с ФРГ.

«13 августа 1970 года А. Н. Косыгин, завершая разговор со мной в своем просторном служебном кабинете в Кремле, сказал:

— Благодарю вас за организацию работы над Московским договором. Текущая информация была толковой и своевременной. Мы постоянно знали, что происходит. Вместе с тем МИД не суетился, не стучался из-за каждого слова в

Политбюро. Так бы всегда.

— Считаю своим долгом заметить, что Громыко руководил переговорным процессом от начала и до финала. Ваш комплимент касательно организационной стороны дела должен принадлежать прежде всего ему. Тем не менее я весьма тронут вашим лестным отзывом. Пока ни от кого с верхнего этажа, включая министра, сотрудники отдела не услышали «спасибо». Разрешите, Алексей Николаевич, от вашего имени сделать это теперь.

А. Н. Косыгин ответил:

— Я даже просил бы вас довести сказанные мною слова признательности до сведения каждого, кто заслужил похвалы».

Двенадцатого августа 1970 года в Екатерининском зале Кремля Председатель Совета Министров СССР А. Косыгин и канцлер ФРГ В. Брандт подписывают Московский договор. «Потом был еще торжественный обед в Грановитой палате — с пространными речами, — продолжает В. Фалин. — Впервые за многие годы глава Советского правительства говорил о Федеративной Республике уважительно». Тот долгий день завершался в ресторане «Седьмое небо» в Останкино. Косыгин как собеседник понравился Брандту, в частности, четкостью выражения мыслей и умением спокойно выслушивать контрдоводы. Канцлер подтвердил приглашение главе Советского правительства посетить Бонн, и это был не только знак вежливости.

Ответного визита не получилось. В «Неоконченной повести» Шуберта две части. Неоконченному диалогу Косыгин — Брандт было отведено лишь вступление.

Спустя год Валентин Фалин уже в качестве советского посла готовил визит Брандта в СССР и предложил вместо Ялты, на которой настаивала Москва, Кавказ, где обычно проводил свой отпуск Косыгин. «Опять невпопад. Почти открытым текстом Центр дает понять, что В. Брандта будет принимать Л. И. Брежнев и ниши для А. Н. Косыгина в замысленной комбинации не предусматривается, поэтому, в частности, предлагается Крым. Но мне по многим причинам (симпатия к Косыгину не последняя среди них) представляется, что неучастие в переговорах с главой правительства ФРГ Председателя Совета Министров СССР — минус».

Конечно же, прав был посол Фалин, а не кремлевские окруженцы, которые искусно подогревали самолюбие Брежнева и нашептывали о его исторической роли. «Неисчислимый вред принесло стране соперничество между Л. И. Брежневым, А. Н. Косыгиным и Н. В. Подгорным, — заключает Фалин. —

Противостояние в высшем звене гасило энергию, делало невозможным комплексный подход, всеохватывающий подход к проблемам, лихорадившим общество. Политического деятеля с наилучшими данными для управления государственными делами и экономикой, А. Н. Косыгина, оттесняли на вторые — третьи роли. Треугольник, наследовавший всевластие после Н. С. Хрущева, скособочился».

Большую политику надлежало вершить лично генсеку. А он все чаще забывался.

…1974 год. За десять минут до начала официальной встречи с партийно-государственной делегацией Сирии в Кремле Леонид Ильич отошел покурить и обо всем забыл. Сирийцы возмутились и ушли в свою резиденцию. Спасать положение послали Кузнецова, первого замминистра иностранных дел, и советского посла в Сирии Мухитдинова. Президент Хафез Асад попросил их предоставить самолет: «Мы сейчас же всем составом вылетаем в Дамаск». Нуриддин Акрамович Мухитдинов красочно описал, что произошло дальше.

— Передайте советским руководителям, что меня как человека Асада они могут не принимать и даже не разговаривать со мной, — сказал тогда Хафез Асад. — Но сейчас я прибыл как президент Асад, представляющий сирийский народ, сирийское государство. Со мной весь состав партийного государственного и военного руководства. Как можно так поступать с нами, столько держать в приемной?!

Уговоры не помогали. Мухитдинов позвонил Брежневу: «Хорошо было бы, чтобы зашел Косыгин». — «Сейчас он зайдет к вам».

«Появился Алексей Николаевич. Улыбаясь, как будто ничего не случилось, поговорил с Асадом, затем с каждым в отдельности, рассказал несколько интересных фактов из истории дипломатии. Слегка коснулся нашего положения и сказал:

— Я за вами пришел. Все наши товарищи ждут. Пойдемте.

Асад, поколебавшись, обратился к присутствующим:

— Как, пойдем?

Все встали и пошли».

О неприятном инциденте деликатные сирийцы больше не вспоминали. Но и Брежнев, изрядно перетрухнув поначалу — все-таки огромный скандал! — позже делал вид, что ничего особенного не произошло. На долю премьера отводили страны соцлагеря — по терминологии тех лет, Финляндию…

Мосты

…Много лет назад, не в самые лучшие дни в истории наших отношений с северным соседом, фронтовой журналист Александр Трифонович Твардовский увидел на границе «праздный мост». «Он здесь стоял искони, — писал Твардовский, — он был нужен, он теперь не служил, но и не был снесен до основания — и это заставляло воображать и представлять себе, что придет срок и он будет исправен и вновь будет служить. Так, видимо, обе стороны и смотрели на него». Первыми среди тех, кто сделал рабочим некогда праздный мост, я бы назвал Косыгина и Кекконена. В Финляндии помнят об этом.

«Сдержанный и в определенном смысле демократичный, Алексей Косыгин всегда производил очень приятное впечатление и без натяжки замечательно представлял свою великую страну на международной арене», — вспоминает известный финский дипломат Антти Карппинен, — с ним встретился журналист Дмитрий Анкудинов. Карппинен известен в Суоми как прекрасный знаток советско-российской политической истории, как высококлассный профессионал русской словесности.

Антти Карппинен родился в 1923 году, учился в немецкой школе в Риге. В Латвии он провел тридцатые годы. В 1942–1943 годах служил в финской армии, а после войны изучал германистику и славистику в Хельсинки. Потом — государственная служба, командировки в Москву, Ленинград, Прагу, Бонн.

Косыгина Антти Карппинен помнит еще по своей работе в финляндском МИДе и в Генеральном консульстве Финляндии в Ленинграде. «Он никогда не показывал большой разницы, существовавшей между Советским Союзом и его маленьким дружелюбным соседом. Он был очень симпатичным в общении. Мы всегда уважали его тактичное отношение ко всем финнам, с кем ему приходилось встречаться. А ведь некоторые советские руководители выходили из рамок приличия и смотрели на нас сверху вниз. Но только не он. Помню его неподдельный интерес к экономике Финляндии. Особенно его впечатляло то, как наша маленькая страна может поддерживать разнообразный экспорт на всех направлениях, чтобы учитывать потребности СССР. При этом к его заслугам можно отнести и сложившееся равноправное партнерство между нашими странами. Нас не зажимали, и вся торговля строилась на основе принципов международных экономических отношений».

Будучи Председателем Совмина, Косыгин исключительно хорошо знал конъюнктуру рынка, подчеркивает Карппинен. Его особенно заинтересовал финский опыт подъема страны после Второй мировой войны. Шутка ли, финнам удалось вывести на

внешний рынок 80 процентов экономики. В первую очередь экспортным товаром стали бумага и целлюлоза. «Как помню, он интересовался этой темой», — говорит Антти Карппинен.

Еще один момент, благодаря которому у финнов сложилось особое отношение к Косыгину — в нем они видели реального реформатора советской экономики. «Беседуя с финскими специалистами, Алексей Николаевич нередко советовался по тем или иным экономическим вопросам. Косыгин, по сути, раскрывал нам замыслы своих реформ. Он видел, что динамика экономического развития в СССР дает сбои, и пытался переломить ситуацию. Для него, как и для нас, стало важным, чтобы в ходе нашего двустороннего сотрудничества Союз получал высококачественную продукцию. Товары более низкого стандарта Москва могла приобретать и на рынках стран СЭВ».

Карппинен считает одной из заслуг Косыгина развитие советской целлюлозно-бумажной промышленности. Благодаря инициативе Председателя Совмина в Союз приехали финские эксперты, а целлюлозно-бумажные комбинаты были оснащены высококлассной финской техникой.

…К 75-летию Алексея Николаевича президент Финляндии Кекконен подарил ему большой альбом. В нем любовно подобраны снимки с самой первой командировки Косыгина в Финляндию — это было в апреле 1963 года — до последней, в декабре 1977 года. После того апреля эффективнее продолжилось сотрудничество с финскими корабелами; в Светогорске заложили целлюлозно-бумажный комбинат; начались поставки газа; март 1977-го — Кекконен и Косыгин вместе включают атомную станцию «Ловиза» — их пальцы сошлись на символической кнопке пуска АЭС; еще через год премьер-министр и президент закладывают горно-обогатительный комбинат в Костомукше… Сколько, оказывается, можно сделать, если исправлять и наводить мосты…

КЛАВОЧКА

— Личная жизнь Алексея Николаевича, — сказала мне однажды внучка Косыгина, Татьяна Джерменовна, — делится на два этапа: с Клавдией Андреевной и без нее.

Вообще-то, был еще один этап — до нее, до знакомства с Клавдией Андреевной Кривошеиной, в замужестве Косыгиной, но, бесспорно, сорок совместных лет перевесили все, что было раньше. Помните, как ответила Клавдия Андреевна Косыгина на вопрос Сталина о роли жены, ее призвании? «Жена — это судьба», — сказала она тогда, позволив себе дополнить державного собеседника.

Свою судьбу, свою Клавочку, именно так Косыгин чаще всего называл жену, он потерял в праздничный день, Первого мая 1967 года. За несколько месяцев до беды кто-то из знакомых сказал ей, что она сильно похудела.

— А я именно этого и хотела, — ответила Клавдия Андреевна. — В Пицунде мы с Алексеем Николаевичем много ходили, плавали.

Но эту перемену в ее облике вызвали не прогулки, не море. Вернувшись из Пицунды, их последней совместной поездки, она жаловалась, что попала в самую жару. С такими заболеваниями юг, солнце вообще не рекомендуют. Но врачи хваленой кремлевской клиники проглядели грозную болезнь. А когда углядели, было уже поздно. Разрезали — переглянулись — и опять зашили.

«Казалось, тесно общаясь с Алексеем Николаевичем многие годы, — вспоминал Д. М. Гвишиани, — я хорошо знаю его, однако в середине 60-х годов он открылся мне с неожиданной стороны в тяжелое для всей семьи время, связанное с болезнью Клавдии Андреевны.

В сентябре 1966 г. ее положили в больницу с неутешительным диагнозом. Болезнь оказалась неизлечимой. Мы, конечно, регулярно ее навещали, а Алексей Николаевич буквально поселился в больнице: приезжал по вечерам, ночевал в соседней палате, а утром уезжал на работу.

Так длилось несколько месяцев. На Новый 1967 год мы приготовили Клавдии Андреевне сюрприз — договорились с врачами и забрали ее домой. Она принарядилась, надела красивое платье, сделала прическу и выглядела просто молодцом. Радость Алексея Николаевича была неописуемой.

За праздничным столом Клавдия Андреевна произнесла теплый, немного грустный тост — она знала, что это ее последняя

возможность побыть в родной семье».

О болезни дома вслух не говорили. Но — знал Алексей Николаевич, знала их дочь, Людмила. Наверное, догадывалась и Клавдия Андреевна. И, как вспоминают внуки, бабушка сама настояла, чтобы провести новогодние праздники дома: она была очень волевой натурой.

Так ли важно, кто именно догадался собрать в тот новогодний вечер всю семью, пригласить гостей? Со стороны может и нет, а в своем кругу важен каждый нюанс.

Было еще одно обстоятельство. Новый год в семье Косыгиных — двойной праздник. Свою свадьбу Клавдия и Алексей приурочили к новому 1927 году и теперь приближалось ее сорокалетие, большой семейный праздник. Как же не разделить его со всеми?! Останься Клавдия Андреевна в больнице, с ней там был бы и Алексей Николаевич, а дома — сами дети, внуки, мама… Нет, так нельзя! Собираем всех, решила Клавдия, так же отчаянно, как та девчонка, что подхватилась много-много лет за любимым парнем.

…Самое главное — они опять все вместе. В доме гости: обе Танечки — Федорова и Малышева, Посохины, Шахурины, Ванниковы, Хачатуряны, Валя Хетагурова… По традиции первый раз присели за стол в Новый год по иркутскому времени — в Москве было только семь вечера, еще без гостей. А потом зазвенела комната тостами, пожеланиями и дружным рефреном: «Горько!» Как тогда, сорок лет назад… Как давно это было и как недавно!

В патриархальном Киренске и на десятом году Советской власти на тех, кто не шел под венец, смотрели косо. Но что им, Клаве и Алеше, их друзьям-коммунарам до косых взглядов. Они собрались на улице, названной именем Ленских рабочих, где в одном домине помещалась чуть ли не вся киренская власть: окружной исполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, милиция, угрозыск, сберкасса и загс, самое главное на тот момент заведение. Торжественная минута, подписи — и мимо старинных винных складов ребята двинулись на Соколиную гору, недавно названную Красноармейской, откуда, как говорили, была видна вся Сибирь.

Евдокия Прохоровна, напомню, внуки с малых лет называли ее дю-бабой, любовалась дочерью и зятем. Есть известное изречение римского философа Эпиктета о том, что в зяте можно найти сына, но у кого дурной зять, тот потеряет и свою дочь. Выбор своей дочери она одобрила при первой же встрече с Алексеем Николаевичем. Именно так она всегда называла Косыгина, никаких Алеш, Леш — только по имени-отчеству.

Сколько веков пролетело над землей с тех пор, как были сказаны те мудрые слова, сколько поколений ушло в вечность, но подрастают ребята и вновь, и вновь их волнует то же, что певалось дедами. Любовь — и ревность… Измена и верность… Быстроглазая, хорошеющая на глазах Танюшка перехватила взгляд «дю-бабы» и своим взрослеющим сердечком прикоснулась к какой-то большой человеческой тайне, еще недоступной ей. Через много лет, анализируя свои детские впечатления, она оценит, какими глубокими и нежными были отношения Клавдии Андреевны и Алексея Николаевича. Совсем разные по характеру, эмоциональному складу, они тем не менее удивительно тонко понимали, чувствовали и дополняли друг друга!

— Только спустя много лет, — добавляет Татьяна Джерменовна, — я поняла, что такое отношение друг к другу, такая бесконечная преданность и любовь встречаются очень редко. А тогда, в той атмосфере любви и счастья, окружавшей меня, это казалось нормой, чем-то обыкновенным.

Клавдия Андреевна, вспоминает Татьяна свою бабушку, была человеком эмоциональным, чувства не скрывала, выражала их прямо и открыто. Но если и обижалась, то недолго. Очень общительная, контактная, она умела дружить, умела находить общий язык с разными людьми и каждому было интересно с ней, как и ей с ними. Она любила людей, в доме часто шумели гости, а она искренне им радовалась. Жена дополняла жизнь Алексея Николаевича. Он был постоянно занят на работе, конечно, страшно уставал, а приходя домой, словно окунался в тепло, уют и любовь. Видно, Бог дал Клавдии Андреевне этот редкий дар — умение создать в доме атмосферу добра и радушия.

И в тот новогодний вечер за душевными песнями, дружескими тостами, разговорами так много вспомнилось.

— За «первую лопатку» Метростроя! — предложила традиционный в их кругу тост Клавдия Андреевна, — за Татика! — И все потянулись с бокалами к Татьяне Федоровой.

…Они познакомились восьмого марта 1939 года в Большом театре. В фойе блистали героини — Валентина Гризодубова, Полина Осипенко, Марина Раскова, известные летчицы, ткачиха Дуся Виноградова, Валентина Хетагурова — следом за ней и по ее призыву тысячи девушек отправились обживать Дальний Восток, Таня Федорова, бригадир метростроевцев, с орденом Ленина на лацкане праздничного костюма.

— Я давно хотела познакомиться с вами — «первой лопаткой» Метростроя! — подошла к ней молодая, скромно одетая женщина, Клавдия Андреевна Косыгина.

«Это было сказано так сердечно и занятно, что мы, посмотрев

друг на друга, рассмеялись и вместе пошли на концерт, — вспоминала позже Татьяна Викторовна. — Наша первая встреча стала началом большой, искренней дружбы, что называется «при любой погоде», которая длилась до самой смерти Клавдии Андреевны.

Она была удивительно обаятельным человеком, отличалась ясным умом, искрометным характером и большой добросердечностью. А как Клава пела! Ее любимой певицей была Надежда Андреевна Обухова с ее неповторимым голосом».

— Джерри, — попросил Алексей Николаевич зятя, — сыграй что-нибудь, а мы попоем. — Джермен Михайлович прекрасно играл на пианино, аккордеоне, любил петь, а Косыгин в компании охотно подпевал, хотя безбожно фальшивил. «Деда был не по этой части», — мягко замечает Татьяна Джерменовна. Но он очень радовался и гордился, что есть в семье человек, который может и сыграть, и спеть. Подошли поближе Шахурины, Миша Воинов со своей женой Людмилой, сестрой Клавдии Андреевны, тоже большие любители попеть… И полились хорошие русские песни… И старые — про то, как девушка просит милого взять ее с собой, и про рябину кудрявую, и про город Горький, где ясные зорьки, и про калину, что цветет в поле…

Клавдия Андреевна заметно устала, но ей так тепло и уютно было в этом кругу, что даже не хотелось вставать. Дочь обняла ее:

— Мама, а помнишь нашу первую елку в Ленинграде?

Это было одно из первых ее осознанных впечатлений.

Дедушкина комната вдруг запахла хвоей. И сам дедушка с усами, колючими, как иголки на елке… Тогда в страну после короткого забвения вернулся этот обычай, дорогой и детям, и взрослым. Впрочем, елкой большую зеленую ветку назвать можно было при очень большом воображении. И все же… Ее укрепили рядом с сундуком, на котором спала Маруся, сестра Косыгина, посыпали ватой и повесили золотистое чудо.

— Что это? — спрашивала Люся. — Аплисин? — До своих шести лет она не знала вкуса ни апельсина, ни мандарина.

В последние годы, когда сами собой отменились хрущевские новогодние сборы, они все большой семьей собирались в Архангельском. У внуков начинались каникулы, баба Клава и деда Леша уже ждали их. Бабушка сама пекла пироги с рыбой, вязиговые были ее фирменным блюдом; покупала любимые Танюшкины ириски, а старшему брату — кедровые орешки, которые ему так нравилось расщелкивать.

Впечатлительная Таня незаметно для себя впитывала, как создается в доме праздничная атмосфера. Бабушка красиво и даже вкусно накрывала стол. Дело находилось всем, кто был на

даче. Евдокия Прохоровна и Анна Николаевна наряжали елку. Мама-Люка и детвора мастерили снежинки из ваты, вырезали из плотной бумаги игрушки — и комната на глазах преображалась в сказочный терем. По негласному уговору к приезду Алексея Николаевича с работы шум стихал. Вместе с бабой Клавой внуки встречали деда Лешу, показывали, что сделали за день, и садились ужинать. Случалось, и часто, когда Косыгин задерживался и деда дожидался только его тезка — Леша-младший, а Таня засыпала. Дед подходил к ней, целовал, а утром она находила на тумбочке яблоко или мандарин.

Так прошел тот новогодний вечер, точнее, ночь с 31 декабря 1966-го на 1 января 1967 года.

Врачи настаивали: надо возвращаться в больницу. Клавдия Андреевна, предчувствуя, что обратного пути не будет, все откладывала отъезд: «Вот Танечку поздравим, тогда…» Она еще раньше, когда могла выходить, подобрала для внучки колечко с бирюзой и 15 февраля, в день рождения, подарила первое в ее жизни кольцо.

— Будь счастлива, — сказала тихо, почти прошептала. Вставать она уже не могла.

Уезжая, отправила несколько записок. Одна из них, Анне Николаевне Кузаковой, сохранилась.

«20/VI-1967

Дорогая Аннушка!

27/II-67 исполняется 40 лет, как ты помогаешь нашей семье. Я благодарю тебя за все то хорошее, что ты сделала для нас. Посылаю тебе подарок — кофточка-жакет, шерстяной, цвет беж.

Обнимаю и целую тебя.

Клавдия Косыгина.

Еду снова в больницу».

Аннушка вырастила дочь Косыгиных, внуков, успела понянчить и правнуков…

«Следующие несколько месяцев были очень тяжелыми, — вспоминал Д. М. Гвишиани. — Клавдия Андреевна до самого конца была в сознании и в последний момент успела сказать:

— Не бойтесь, ничего страшного нет в том, что человек уходит.

Было невыносимо больно слышать эти успокаивающие слова.

Накануне Первого мая ей стало совсем плохо. Мы не отходили от нее ни на минуту, но Алексею Николаевичу надо было присутствовать на трибуне Мавзолея, нарушить неписаные правила поведения руководителей партии и Советского

государства он не имел права. Уезжая, он сказал:

— Если что, звоните…

Роковой звонок пришлось сделать. Он быстро приехал и, видно, не в силах совладать с горем, бросил нам:

— Ну, что же вы…»

Сами собой вырвались горькие слова, а как подумаешь, кого винить? Родных и близких за то, что поздно позвонили? Водителя? Врачей? Или систему, которая отнимает у человека право на личную жизнь? А что случилось бы, не выйди он в тот праздничный день на трибуну Мавзолея? Ну, посудачила бы западная пресса день-два, о разладе в триумвирате, а может, обошлось бы и без этого, не будь личная жизнь советских лидеров такой закрытой.

Из больницы Косыгин вернулся в Архангельское. Как вспоминает сейчас Таня, он был буквально в шоковом состоянии, хотя знал, что роковой исход неизбежен: неделя раньше, неделя позже… Но такой счет, понятый для людей со стороны, даже для близких, смирившихся с неизбежным, был абсолютно неприемлем для Алексея Николаевича. Он дорожил каждой минутой жизни любимого человека. Оттого-то и этот нечаянный и незаслуженный упрек: «Ну, что же вы…»

Косыгин не мог усидеть на одном месте, его будто что- то подбрасывало и он все время ходил кругами вокруг дачи.

Потом начали приезжать с соболезнованиями. Самым первым появился Борис Николаевич Пономарев, секретарь ЦК и член Политбюро. Его сопровождала молодая жена, почти ровесница Людмилы. Они едва успели сказать несколько слов, как подошел чекист:

— Извините, Алексей Николаевич, просили доложить: к вам выехал Леонид Ильич!

Едва Пономарев услышал эти слова, как рванул через кухню и двор к другим воротам, следом поспешала подруга. Косыгин даже невольно улыбнулся: «Не ожидал от академика такой прыти!» Чего испугался старый партфункционер, остается только догадываться. Может быть, боялся показать шефу свою молодую жену?

Генсек был один, его Виктория болела. Надо отдать должное Леониду Ильичу — он умел разделить чужую беду. И, поняв состояние Косыгина, не отделался дежурным визитом.

Пожалуй, в то время отношения Брежнева и Косыгина были почти безоблачными, хотя в мемуарах встречаются свидетельства иного рода. Одно из них приводит в своей книге «От Хрущева до Горбачева» В. Гришин.

В мае 1965 года, рассказывает он, члены Президиума ЦК

КПСС поехали в Лужники, «где проходил праздник Дружбы народов. В Москву из Одессы прибыла на мотоциклах эстафета мира, ее участники должны были вручить руководителям страны письмо. А. Н. Косыгин полагал, что это письмо должен принять он, как председатель правительства, но здесь Шелепин и некоторые другие высказались за то, чтобы письмо принимал Л. И. Брежнев. Зашел спор, в ходе которого А. Н. Косыгин сказал примерно следующее: всегда найдутся подхалимы и угодники, которые стремятся угодить начальству, но Леонид Ильич не должен поддаваться подхалимажу. На это Л. И. Брежнев очень рассердился…»

В общем, в конце концов письмо принял автор этих воспоминаний, в то время председатель ВЦСПС.

При всем уважении к мемуаристу, позволю себе все-таки усомниться в достоверности этого события. Не в характере Косыгина такие споры.

— Я определенно скажу, — комментирует эту неспортивную сценку Татьяна Джерменовна Гвишиани-Косыгина. — Алексей Николаевич просто отошел бы в сторону.

Но на этом сюжет не заканчивается. Через несколько дней, продолжает рассказчик, «видимо, желая сгладить неприятный осадок от этой размолвки, А. Н. Косыгин пригласил Л. И. Брежнева на обед на дачу в Архангельское. Были приглашены также т. Шелепин, Демичев и я. Хозяйка дома, Клавдия Андреевна, усадив всех за стол, предложила мне быть тамадой. Л. И. Брежнев был не в настроении. Он сказал, что давайте лучше пообедаем, есть хочется. За столом вяло шел разговор о прошедшем пленуме. А. Н. Косыгин старался смягчить натянутость обстановки, но Л. И. Брежнев больше молчал. Совместный обед, попытка А. Н. Косыгина смягчить натянутость отношений с Л. И. Брежневым не привели ни к чему. Недоверие, подозрительность, недружественность сохранились между двумя руководителями до конца их дней».

Эти воспоминания писались через много лет после событий. И наверняка на них сказались более поздние оценки.

Кстати, в мае 1965 года Косыгины жили не в Архангельском, а в Горках-6, в Архангельском вскоре после назначения Алексея Николаевича Председателем Совета Министров начался ремонт. Гостей Косыгины принимали во дворе, рядом крутилась детвора. Тане, например, Брежнев запомнился не угрюмым дядькой, который хлебает борщ, не поднимая глаз, а обаятельным, улыбчивым человеком. Он шутил с детьми, за столом рассказывал анекдоты, говорил, конечно, и о серьезных вещах. По сей день Татьяна Джерменовна помнит одну из брежневских фраз:

«Знаешь, Алексей, 50-летие Советской власти нам с тобой встречать вместе. И дальше работать».

При жизни Клавдии Андреевны Брежнев был у Косыгиных еще несколько раз, в том числе и на дне рождения Алексея Николаевича.

— Хорошо помню, — продолжает Татьяна, — что он был веселый, контактный человек. Охотно шутил, открыто смеялся. Кстати, Алексей Николаевич любил послушать свежий, остроумный анекдот, но при своей уникальной памяти быстро забывал их. Случалось, уже на следующий день спрашивал: «Татьяна, напомни, над чем мы так хохотали».

После смерти Клавдии Андреевны Косыгин сказал, что не сможет больше жить в их квартире на улице Грановского, где все ему напоминает о жене. И попросил Людмилу присмотреть дом, куда они могли бы переехать, сдав эту квартиру. Ей приглянулся дом на Воробьевском шоссе — выяснилось, что он строится в расчете на то, что сюда переедет Леонид Ильич Брежнев. Но генсек в конце концов выбрал другой адрес, а на Воробьевское шоссе переехал Косыгин.

Алексей Николаевич поселился на четвертом этаже, над ним — семья его дочери. С улицы Грановского перевезли большой письменный стол, книжный шкаф — когда-то на этих вещах висели казенные бирки, но со временем Косыгины их выкупили.

Дома, как вспоминает Татьяна Джерменовна, никогда не обсуждались люди, с которыми Косыгин работал. Оглядываясь сейчас назад, говорит она, я вижу, что он очень многое держал в себе.

«Дома Алексей Николаевич никогда не говорил о своей работе, каких-либо сложностях или трудностях, — замечала и Татьяна Викторовна Федорова, друг косыгинского дома. — Более того, я, например, вообще не слышала от него высказываний о Сталине, Хрущеве, Брежневе, других руководителях, с которыми он общался. Зато непременно, буквально при каждой встрече подробно расспрашивал меня, как идут дела у метростроевцев…»

Конечно, в этих беседах участвовала и Клавдия Андреевна. Но не просто как домохозяйка или нечастый пассажир метро. Она была заинтересованной собеседницей, потому что по праву считала себя человеком причастным к производству. В начале 30-х годов, когда Косыгин учился в Ленинградском текстильном институте, Клава работала в Кронштадте, в корабельных мастерских. Вообще-то она всегда считала, что жена должна держать дом, а муж — содержать семью, но в те пять институтских лет семья держалась на ее корабельной получке.

В Москве с наркомовской зарплатой она могла не работать, а только наслаждаться жизнью, нарядами и сплетничать, как всегда было принято в высшем свете… «А вот извольте Анна Николаевна шипит непрерывно на всех: «Зойка Розенгольц-то в Париж укатила!» «Наташка-то Розенель добилась — посольша испанская»… (Из дневника Марии Сванидзе, жены Александра Сванидзе, брата первой жены Сталина, Екатерины. Почти все, о ком рассказывает Мария Анисимовна в своем дневнике, погибли от рук человека, о котором она писала так: «Иосиф бесконечно добр». Расстреляли и Александра Сванидзе — 20 августа 1941 года, Марию — 3 марта 1942 года.)

Едва устроившись в Москве, Клавдия Андреевна Косыгина поступила во Всесоюзную Промышленную Академию машиностроения им. Л. М. Кагановича. (Так писалось — каждое слово с большой буквы.) В семье сохранилась зачетная книжка студентки машиностроительного факультета К. А. Косыгиной, выданная 25 декабря 1939 года. Достойная зачетка — ни одной тройки! Аналитическая геометрия и тригонометрия — отлично, остальные предметы — алгебра, начертательная геометрия, экономическая география — хорошо.

А еще в свободное время Клавдия Андреевна учила с преподавателем французский и немецкий языки и выучила, прекрасно объяснялась, чем Алексей Николаевич очень гордился. Занималась с ней Ольга Константиновна Воронковская, высоко образованный человек, выпускница Института благородных девиц, о чем она, конечно, предпочитала не распространяться.

По оценкам людей, хорошо знавших Клавдию Андреевну, у нее был трезвый, критический склад ума. Теодору Ильичу Ойзерману, часто бывавшему в доме Косыгиных, запомнился такой случай:

«Клавдия Андреевна держит «Правду», где опубликовано выступление ее мужа на XXII съезде партии. Обращаясь к Алексею Николаевичу, она зачитывает то место из речи, где говорится, что «в строительстве тепловых электростанций, линий электропередач, цементных, сахарных и некоторых других промышленных объектов удельные капитальные вложения на единицу производственной мощности в нашей стране ниже, чем в Соединенных Штатах Америки». Эту цитату Клавдия Андреевна комментирует следующим образом:

— Выходит, что у нас производительность труда в строительстве предприятий выше, чем в США? А учитывается ли при этом качество материалов, добротность построенного? Не объясняется ли это наше преимущество (если оно действительно имеется) тем, что заработная плата наших строителей

значительно ниже, чем американских? Не преувеличиваем ли мы вообще наши достижения только потому, что они именно *наши*? Не умаляем ли мы достижения таких стран, как США, лишь потому, что это *не наши* достижения?

Алексей Николаевич, разумеется, возражал, говоря, что его утверждение основано на данных Центрального статистического управления. На что Клавдия Андреевна парировала:

— Не следует ли эти данные поставить под вопрос? Особенно статистические выкладки насчет роста благосостояния наших граждан?

В полемике, где Алексей Николаевич признал необходимым уточнить приведенное положение, мне больше всего запомнилось то, с какой радостью (другого слова я не нахожу) выслушивал Алексей Николаевич критические замечания своей супруги. Он гордился ею, ее острым критическим умом, по-видимому, вполне сознавая, что не только он способствовал развитию ее интеллекта, но и она оказала немалое влияние на его собственное духовное развитие».

Права Татьяна, внучка Косыгиных: смерть жены разделила личную жизнь Алексея Николаевича на два этапа. Без нее он почувствовал себя осиротевшим, так же, как тогда, когда потерял маму.

Случалось, Клава приходила в его сны со своими любимыми семечками. И он больше не упрекал ее: «Клавдия, перестань щелкать семечки, ты портишь здоровье».

ХРУСТЯЩИЕ СИМВОЛЫ

Реформа: первые шаги

Напомню: 27 сентября 1965 года Косыгин выступил с большим докладом на пленуме ЦК КПСС. Он говорил о том, что, по мнению Президиума ЦК и Совета Министров, необходимо провести ряд мер по совершенствованию планирования, хозяйственного управления и усилению экономического стимулирования производства.

Косыгинская реформа давала советской экономике шанс на обновление. Абсолютно реальный шанс, проверенный в ходе экономического эксперимента на ряде предприятий и целых отраслей.

Одним из таких предприятий, где проходили обкатку новые положения, был Энгельсский комбинат химического волокна. Буквально за два-три года комбинат сделал настоящий рывок, потому что заинтересовал людей материально, дал им «реальные хрустящие символы», как написал в своей содержательной книге «Жизнь ради созидания» Владимир Гусев. В 1965 году, когда здесь в первый раз побывал Алексей Николаевич Косыгин, недавно возглавивший правительство Союза, Владимир Кузьмич Гусев был главным инженером предприятия. Сейчас он — первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности. Доктор технических наук, профессор, академик РАЕН, в 1985–1991 годах — заместитель председателя правительства СССР. Тогда, увидев рядом с директором комбината совсем молодого, спортивного вида человека, Косыгин поинтересовался: «Это ваш комсорг, что ли?» — «Это наш главный инженер», — ответил генеральный директор.

Косыгин подробно расспрашивал о технологии, оборудовании — технику получили из Германии, крупповскую, самую новую. Главный инженер отвечал уверенно, было видно, что дело знает. После обхода цехов, не парадного, а очень предметного, делового, вернулись в кабинет генерального директора Леонида Баранова. Ему, как и Косыгину, недавно исполнилось 60. Принесли в больших блюдах черешню и вишню, они хорошо уродились в том году. Косыгин в охотку пробовал, шутил, что таким вкусным вишеньем Баранов не угощал его даже в Ташкенте, где они познакомились.

Еще несколько вроде бы не обязательных вопросов Гусеву —

и гости поехали дальше. Смысл этих вопросов главный инженер понял позже, когда получил вызов на полугодовую стажировку в Англию. Вместе с ним науку управления на одной из ведущих фирм Великобритании постигали еще пять коллег из разных республик Союза.

В 37 лет Гусев возглавил предприятие, параллельно занимался научной работой в своей любимой химии полимеров. Косыгин не упускал его из вида — как в металлургии Серафима Колпакова, в нефтегазовом строительстве Юрия Баталина, в угольной промышленности Михаила Щадова, в машиностроении — Николая Рыжкова… Кстати, по рекомендации Косыгина главного инженера «Уралмаша» Рыжкова командировали на стажировку в Японию. Все они и очень многие другие по праву называют себя крестниками Косыгина. Алексей Николаевич и позже не раз бывал на этом предприятии, на тюменских промыслах, спускался в шахты в Донбассе и Караганде, в Воркуте и Норильске, поднимался в кабину шагающего экскаватора на новом угольном разрезе в Красноярском крае — он во всем, как сказал поэт, хотел дойти до самой сути.

— Что же вам больше всего запомнилось с тех самых первых встреч с премьером? — спрашиваю Владимира Кузьмича Гусева.

— Если выделить самое главное, то это, безусловно, стратегическое мышление. Алексей Николаевич говорил о развитии таких предприятий, как наше, а мы выпускали сырье для пластических масс, химические волокна, оборонную продукцию. Шел 1965 год, я как сейчас помню ту беседу о химических волокнах. Он говорил о том, что видит поля Средней Азии, заполненные не только хлопком, но и другими очень важными для людей, для всей страны культурами. А взамен части хлопкового волокна — химические.

Те бесконечные поля, подступающие к порогам, для Косыгина были не абстрактной картинкой. Он хорошо знал, как тяжко достаются такие легкие коробочки хлопка.

…Начало ноября 1951 года. Положение со сбором хлопка критическое. Сталин поручает Косыгину разобраться на месте. Прямо с самолета (тогда в Ташкент почти целый день летел Ил-14) — беседа в ЦК компартии Узбекистана. На следующий день — поездка по районам. Пятого ноября — бюро ЦК. Секретарь одного из обкомов «начал с анализа общего положения, говорил о значении хлопка вообще, пересыпая выступления цитатами из высказываний И. В. Сталина, не забывая указывать на царящий в области морально-политический подъем…». По свидетельству участника этой встречи Нуриддина Мухитдинова, Алексей Николаевич вернул оратора на грешную землю. Он задавал очень

простые вопросы: хватает ли мешков? Как используется транспорт? Сушилки? Достаточно ли людей в поле? Какой график работы хлопкопунктов?

Ссылаясь на крайне напряженную ситуацию, кто-то из местных стратегов предложил даже отменить демонстрацию 7 ноября, а всех товарищей из праздничных колонн отправить в поле.

— В поле пойдем после демонстрации, — ответил Алексей Николаевич. Так и сделали. Ему подобрали резиновые сапоги, непромокаемый плащ — иначе под проливным дождем в поле делать нечего. Фуражка была своя, походная. В поле работали все — от мала до велика…

Сохранилась записная книжка, которую вел Косыгин в той командировке. В ней, как и в других его блокнотах, нет записей личного характера — только Дело, только выводы по результатам наблюдений, цифры. К сожалению, несколько первых страниц вырваны.

«Нужно хлопок собирать не звеньями, а бригадой. Обслуживание сокращается в 4 раза. Бригадир, разбросав бригаду в поле по звеньям, сам находится на бригаде и бригадой не руководит».

Следующие строки, очевидно, написаны на совещании. Почти десяток пунктов — что нужно: передвижная электростанция, столбы, провод, прожекторы для освещения сырьевой базы, лампы дневного света, стандартные дома…

Один пункт подчеркнут: «О работе уполномоченных из Москвы. Разъезжают, а мер не принимают».

Несколько страниц — цифры сбора хлопка по районам и областям. Тут же пометки более общего плана.

«Бухара.

1. Скот не имеет кормов, а шелуху сжигают.

2. Рассмотреть телеграмму по кормам.

Вопросы ПРОМЫШЛЕННОСТИ:

а) Достроить шелко-мотальную фабрику. Дать — 8-квартирный стандартный дом.

б) Достроить обувную фабрику.

в) Швейная фабрика. Нужен конвейер и дать деньги на жилье».

Судя по следующим страницам, после Бухары Косыгин побывал в Марыйской области, это Туркмения. Записи:

«1. Нет платков шерстяных головных.

Сатин красный.

Янги-Юльский район.

Из 17 председателей колхозов 8 бывших снятых секретарей райкомов.

Келесский район.

5000 лошадей. Только 200 повозок. Удобрения не перевозят из-за транспорта».

Выразительные штрихи, не так ли?

Продолжаем листать «хлопковый» блокнотик:

«Зябь поднимают, а затем 50 % весной перепахивают из-за отсутствия борон. Ферганская область в прошлом (1950 г. — В. А.) подняла 50 % зяби, а весной 50 % вновь перепахала.

Нужно дать бороны, горючее…

Одна из крупных причин поздней заготовки хлопка — это срыв зяби. В результате теряются лучшие дни заготовок сентября, снижается урожайность. Вина — звенья. Тракторов и техники достаточно.

…Задолженность по 1951 году нужно списать в феврале, т. к. уменьшение премиальных) надбавок с 200 % до 150 %. Эти вопросы нужно решить.

…Переход на новую систему орошения без проектов и смет. Нужно качественные вопросы поставить в основу. В этом деле спешка не нужна».

Так формировался взгляд Косыгина на проблемы хлопка. Да, «советское хлопководство идет по пути подъема, — скажет он через год, выступая с трибуны XIX съезда КПСС (октябрь 1952 г.), и предложит целую программу «большого роста производства хлопка-сырца», развития льноводства… И через пару лет дополнит ее продуманными предложениями об «экономической целесообразности и перспективности изготовления множества промышленных изделий из искусственного сырья и всевозможных видов синтетики».

При этом Алексей Николаевич подчеркивал, что термин «заменитель» не всегда правильно понимается. Речь идет о материалах, которые «не только не уступают по своему качеству натуральному сельскохозяйственному сырью, но зачастую позволяют изготовлять товары, отличающиеся более высоким качеством и наиболее полно отвечающие запросам населения».

Что делать с прибылью?

…Среди 48 предприятий, на которых обкатывалась экономическая реформа, была московская кондитерская фабрика «Красный Октябрь». Директор фабрики Анна Андреевна Гриненко, Герой Социалистического Труда, оставила очень интересные воспоминания:

«Началась подготовка к реформе. Конечно, Алексей Николаевич, по моему глубокому убеждению, прежде всего сам в себе выстрадал эту реформу. Он приглашал нас, директоров предприятий, советоваться, и мы обращались к нему по любым вопросам. Собирались, скажем, у него в кабинете. По одну сторону садились директора московских предприятий — Гриненко, Громов, Бородин, Сергучев и другие. Рядом были наши главные экономисты. По другую сторону — ученые. Скрывать нечего, были среди них и такие теоретики, которые в жизни ни одной накладной в руках не держали. Начинался разговор. Они свое, мы — свое. Алексей Николаевич всегда говорил «науке»:

— Подождите, вы потом будете подводить теоретическую базу, давайте сейчас послушаем тех, кому осуществлять реформу, они лучше знают все потребности производства».

В ходе этих «посиделок», в спорах и поисках отрабатывались многие конкретные предложения, постепенно утверждался «переход от показателя валовой продукции к показателю по реализации».

«Я не раз бывала на заседаниях Президиума Совета Министров СССР, когда обсуждали переход к экономической реформе. На одном из заседаний выступил Василий Николаевич Доенин, министр машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР.

— Алексей Николаевич, — сказал он, — а почему мы должны подводить итоги выполнения плана по выручке на расчетном счете? Разрешите нам считать не по выручке, а по выписке документов — вагон ворота прошел, значит, план выполнен.

Доенина поддержали, выступал еще кто-то из министров. Косыгин слушал. Знаете, как он умел слушать? Потом встал и говорит:

— Я что-то не понял, где я присутствую — на Совете Министров, там, где заседает правительство, или на профсоюзном собрании? Ведь как мы пришли к реформе? Мы вынуждены были пойти на нее, когда из рубля при Хрущеве сделали гривенник и на этом, на округлении цен, мы свели концы с концами. Да, вы отгрузите вагон, а мы не знаем, оплатят вам его заказчики или нет. Вы что, предлагаете теперь гривенник превратить в копейку? Народ нам больше не простит.

И сел. И все. Вопрос был снят».

Глубокие, аргументированные свидетельства о том, как проходила «реформа без шока», привел в своих книгах Владимир Кузьмич Гусев.

…Появилась возможность оплаты (3–9 % в год) за использование основных производственных фондов: зданий, станков, транспорта и т. п., которую государство установило для хозрасчетных предприятий. Соответственно, появилась и возможность сделать выгодными и расширение производства, и закупки нового оборудования, и модернизацию.

…Предприятия, которые в значительной мере обновили свои основные фонды, получали солидные льготы по платежам различных налогов. А вновь созданные, без привлечения бюджетных средств, производственные мощности вообще освобождались от уплаты за производственные фонды. Они как бы на два года оставались собственностью самого предприятия, а лишь потом становились общенародным достоянием.

…Освобождались от всевозможных платежей строящиеся и только что начавшие работать подразделения. Но тут был особый нюанс: сроки для освоения нового были строго ограничены, а потому предприятия оказывались финансово заинтересованными в быстрейшем выведении их на предельную мощность. В таком случае больше дохода можно было получить «для себя» до окончания льготного срока.

…Стало выгодно улучшать уже имеющееся оборудование. Причина простая: плата за модернизированный станок или усовершенствованную машину оставалась прежней, а продукции (денег) они давали больше. Предприятиям было разрешено создавать фонды развития производства. Уже не только для коллективов, а для конкретных людей появились «хрустящие» стимулы, которые каждый для себя легко вычислял.

…Работу предприятия стали оценивать не по произведенной, а по уже проданной продукции — это было одним из принципиальных нововведений.

Таков, напомню, взгляд на реформу с точки зрения предприятия — Энгельсского комбината химического волокна. «Впервые мы, начальники цехов, инженеры, бригадиры, рабочие, — оценивает те годы Владимир Кузьмич Гусев, — почувствовали, что стали единым коллективом, заинтересованным в результатах своего труда. У предприятия появились деньги и их начали считать. Появились совершенно новые вопросы: что делать с прибылью?»

Сегодня, понятно, так не спросят. А тогда понятие прибыли считалось чуждым социализму. В учебниках говорилось о том, что цель производства при социализме — не получение прибыли, а

удовлетворение потребностей народа.

В экономической среде было много споров об этом. Помнится, много шума наделала статья профессора Харьковского инженерно-экономического института Евсея Либермана. «План. Прибыль. Премия», опубликованная в «Правде» в 1962 году. Экономическая наука искала новые подходы к оценке деятельности предприятий. Свои предложения высказывали крупнейшие советские экономисты — Л. Канторович, В. Немчинов, В. Новожилов…

В декабрьском номере «Нового мира» за 1965 год вышла статья экономиста А. Бирмана «Мысли после пленума». После сентябрьского пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР. Хозяйственную реформу, провозглашенную на этих высоких собраниях, профессор Бирман назвал «третьей по значению за все сорок восемь лет существования Советского государства». Первой реформой он считал переход к новой экономической политике в 1921 году. Второй — изменение условий хозяйственной деятельности 1929–1932 годов, когда предприятие, а не трест, как было до этого, стало основным хозяйственным механизмом; коммерческий кредит с использованием векселей был заменен прямым банковским кредитованием; 86 видов платежей предприятий были сведены в основном к налогу с оборота и отчислениям от прибыли, безвозвратное финансирование капитальных вложений стало преобладающим.

Два подхода постоянно сталкивались в нашей экономике, коротко говоря, кнут и пряник. Во всех эшелонах власти, в партийных комитетах, директорском корпусе было много приверженцев командной экономики, хотя и они единогласно, как давно установилось в партии, проголосовали на сентябрьском пленуме за «усиление экономических стимулов производства, укрепление хозяйственного расчета и расширение самостоятельности предприятий». Крепка была система, которую уже в наши дни назвали командно-административной.

В воспоминаниях крупных хозяйственников рассыпаны десятки, сотни примеров «действенности» этой системы. Александр Павлович Ляшко, будущий председатель Совета Министров Украины, вспоминая начало 50-х годов (он в те годы работал на Ново-Краматорском машиностроительном заводе в Донбассе), пишет: «Директора находились под постоянным страхом быть не только снятыми с работы, но и привлеченными к уголовной ответственности. И это была не простая угроза… К сожалению, она приводилась в действие беспощадно, калеча жизнь одних людей в назидание другим, создавая нервозную

обстановку во всех эшелонах руководства». Вместо того чтобы создавать условия для работы, приезжали комиссии и громили, давили по всем линиям. Одну из таких комиссий, направленных в Донбасс из Киева, возглавлял секретарь ЦК Компартии Украины Демьян Коротченко. Директора говорили о нем так: «Приехал Дед с ножом и веревкой: кого резать, а кого вешать».

Такие деды могли вырвать из прорыва то или иное предприятие, преодолеть штурмом, угрозами («партбилет положишь») критическую ситуацию, но экономика страны больше не слушалась «ножа и веревки». В кругах экономистов, хозяйственников, да и не зашоренных партийных работников укреплялось понимание того, что и социалистическому способу производства присущи товарно-денежные отношения. Что и при социализме действует закон стоимости — и не «в преображенном» виде, как долго мусолилось. Что государственные социалистические предприятия (и кооперативные тем более) на стадии социализма выступают в качестве товаропроизводителей. Что на первый план выдвигаются экономические методы управления, и теперь воздействовать на коллективы предприятий и на каждого отдельного трудящегося государство будет через их интересы.

Итак, что делать с прибылью? На комбинате химических волокон, рассказывает Владимир Кузьмич Гусев, средства направили на приобретение новейшего оборудования, на научно-исследовательские работы и на социальные нужды. Комбинат фактически с нуля построил свой городок: современные дома (700 тысяч квадратных метров жилья), кинотеатр, семь магазинов, больницу, 12 детсадов, три профтехучилища, катки, оздоровительный лагерь… 1500 человек, высвободившихся в результате модернизации производства, прошли переобучение и получили новые специальности. Была отработана система материального стимулирования — она прямо зависела от объема реализации продукции, прибыли и уровня рентабельности. Предприятие, трудовой коллектив на деле стали самостоятельными.

Конечно, это касалось не только Энгельсского комбината. За первыми предприятиями, как за дивизиями прорыва, подтягивались другие.

За ходом советской реформы внимательно следили в США. Под эгидой экономической комиссии конгресса США даже вышло пятитомное исследование «Новые направления в советской экономике». Идеологи со Старой площади тут же роздали указания партийным газетам: дать господам отповедь! А сами книжки запрятали в спецхран.

…Май 1968 года — половина первой косыгинской пятилетки. Алексей Николаевич готовится выступить на большом экономическом совещании. По привычке обходится без стенографистки и без текстов, сработанных помощниками. Набрасывает тезисы выступления сам. Это подлинный документ, и потому я не буду его пересказывать, а приведу полностью. Чтобы Косыгин говорил с читателем без посредников.

«1. Передать приветствие ЦК и Совмина СССР.

2. Дать положительную оценку совещанию.

*3. Не беру на себя (*здесь и далее выделено А. Н. Косыгиным. *— В. А.) задачу ответить на все вопросы или подвести итоги дискуссии. Хочу выступить по отдельным вопросам, которые могут быть дискуссионными.*

4. Экономическая политика определена XXIII съездом партии и из нее мы исходим во всех вопросах развития народного хозяйства страны.

а) Итоги развития страны за 2 г. 4 месяца, т. е. почти за половину пятилетки, свидетельствуют, что мы в целом выполняем задачи, поставлен(ные) XXIII съездом партии. За 2 года в среднем промышленная) продукция увеличилась на 9,4 %. В этом году, очевидно, промышленность даст рост продукции на 9 %, т. е. за три года объем производства возрастет примерно на 1/3 общего объема производства к 1965 году. Это неплохо.

б) Есть основания считать, что задания 5-ки будут выполнены.

в) Высокие темпы дают энергетика, химия, металлургия, машиностроение. Имеет место сближение роста «А» и «Б» (производство средств производства и потребления. — В. А.).

г) Усилено внимание к вопросам технического прогресса и интенсификации производства. Достигнуты качественные изменения в техническом уровне, за этот счет подняли производительность труда и эффективность общественного производства.

д) Впервые, пожалуй, вопросы экономических исследований стали занимать важное народнохозяйственное значение. Начало внедрения и творческой работы с новой экономической реформой. Основная масса работников промышленности стала другими глазами — глазами творческих экономистов смотреть на процессы производства.

Это очень важный фактор нашего движения вперед.

Пожалуй, мы можем сказать, что только теперь у нас появились настоящие экономисты.

е) Экономическая реформа, принятая сентябрьским пленумом и XXIII съездом, является прогрессивным фактором, себя оправдала, но, как и другие крупные реформы, требует своего совершенств(ования) и над этим следует работать. Необходимо создать условия еще большей самостоятельности на заводах, фабриках, в главках, трестах и министерствах.

Мы будем над этим работать.

ж) Планированию — научную основу.

Требования к плану всегда были высокими. Однако подход к его составлению был различный, использовались в какой-то мере данные науки, статистика, экстраполяция, интуиция. А в порядке критики следует сказать, что научные разработки далеко не всегда являлись основой народнохоз(яйственного) плана.

Современная научно-техническая революция дает нам право сказать, что главным критерием для составления плана должно быть научно-техническое, экономическое основание.

План должен определять основные направления народного х(озяйст)ва, быть научно обоснованным, исходить из пропорционального развития х(озяйст)ва и отдельных отраслей, научно обоснованный районный разрез. План должен быть построен на материальных балансах. Сбалансированный план. Должно быть сбалансировано производство, потребление, денежное обращение.

План должен не сковывать инициативу, а, наоборот, обеспечивать ее расширение, дать простор творчеству. Это непростой вопрос.

Мы можем сказать, что отдельные руководители по-разному понимают план. Так, некоторые систематически требуют дополнительные права, а когда их даем, они их боятся, и просят принимать решения старого типа, с тем, чтобы за них прятаться и не быть ответственным. Это сила инерции прошлого».

Примечательно, что записка оканчивается именно этими словами. Инерция прошлого обладает огромной силой. Но пока она притаилась… Алексей Николаевич помечает в рабочем блокноте ближайшие задачи:

«а) Работа над планами 1969 и 1970 года.

б) Работа над пятилетним планом. 1971—75 г.».

В этом же мае Политбюро командирует Косыгина в Чехословакию. Среди тех, с кем планирует повидаться Косыгин, значится и Лубомир Штроугал, заместитель председателя правительства ЧССР.

«Ко мне пришли товарищи из Министерства внутренних дел и передали, что Косыгин был бы рад со мной встретиться», — рассказывает Штроугал в воспоминаниях о встречах с советским премьером, написанных по моей просьбе. Поразмыслив, Штроугал извинился перед Косыгиным за то, что не может принять его предложение. Чем объясняет он свое решение?

«Я рассуждал так: председатель правительства Олдржих Черник не только мой шеф, но и товарищ — мы разделяли программные и партийные установки. Но Черника к Косыгину почему-то не пригласили, а ехать одному я считал некорректно по отношению к Чернику. Конечно, Олдржиху об этом я даже не обмолвился».

Об этой не состоявшейся встрече в Карловых Варах Алексей Николаевич напомнил Штроугалу, когда в 1970 году они встретились с глазу на глаз.

«Лубомир Иосифович, — сказал он, — меня тогда, в 1968 году, очень огорчило то, что мы не встретились. Меня интересовала ваша экономическая реформа. Информация, которую мы получали о ней в СССР, не обязательно была цельной и объективной. Кое-что я не понимал и хотел попросить вас помочь разобраться. Правда, сейчас ситуация уже другая, но, несмотря на это, я думаю, что ряд тех идей имеет свое рациональное зерно и свою перспективу.

А что нас, и меня особенно, сдерживало, что вызвало у меня негативную реакцию, добавил Косыгин, это атмосфера вседозволенности, которую вы называли демократией. Когда все прошлое, включая то, что касалось СССР, отрицалось и высмеивалось. И мы в советском руководстве задавались вопросами, и я тоже, к чему все это приведет».

Этот разговор Штроугал воспринял как свидетельство того, что его собеседник симпатизирует определенным реформам, способен их оценить и понять. Но премьеру правительства ЧССР было ясно и другое: «Вся общественная атмосфера 1968 года, которую мы считали в определенной степени демократичной, отторгала Косыгина от высказываемых тогда идей. Он не мог дать им приоритет, дать возможность участия в дискуссии и реализации».

Но я немного забежал вперед. К тем событиям в

Чехословакии, августу 1968 года, влиянию «пражской весны» на ход реформ в Советском Союзе мы еще вернемся. А пока продолжим наш рассказ.

22 июля 1969 года с деловой почтой премьеру принесли письмо от министра химической промышленности В. Федорова. В конверте был снимок: Косыгин, Федоров и, как принято говорить, сопровождающие лица на шинном заводе.

«Уважаемый Алексей Николаевич! — писал министр. — Посылаю Вам, по-моему, интересную фотографию. Она говорит о том, что доверие и оптимизм всегда были надежными союзниками в решении любой проблемы, — а в данном случае проблемы шин, для решения которой Вы приложили немалый труд.

Уважающий Вас В. Федоров».

Косыгин ненадолго задержал взгляд на фотографии… Может быть, вспомнил, как вечно маялись с шинами, особенно на жатве… Теперь и это уже история.

Что там еще в почте? Записки по его поручениям, материалы к заседанию Президиума Совмина, обзор иностранной печати о реформе. Отложил для себя страничку с подчеркнутыми строками:

«Новая советская реформа пытается сочетать несочетаемое: расширение прав предприятий и восстановление централизованной системы управления. Конфликт между ними неизбежен, но пока трудно сказать, кто окажется победителем».

Парадоксы лучшей пятилетки

Восьмая пятилетка (1966–1970) вошла в советскую историю как одна из самых успешных. И это был, бесспорно, результат косыгинской реформы. Шестого апреля 1971 года Алексей Николаевич выступал с докладом на XXIV съезде КПСС. Он говорил о том, какой будет девятая пятилетка, подводил итоги восьмой. Не буду приводить много цифр, назову лишь несколько самых главных: национальный доход за годы восьмой пятилетки увеличился на 41 процент и составил (в ценах 1965 года) огромную сумму — 1 триллион 166 миллиардов рублей; в предыдущей пятилетке — 840 миллиардов рублей. В полтора раза увеличился объем промышленного производства — возникли десятки, сотни новых шахт, электростанций, заводов, и среди них Волжский автомобильный, тоже «крестник» Косыгина… Алексей

Николаевич, как вспоминают многие, кто видел его в те дни, был буквально окрылен. Он верил в реформу, выстраданную вместе с единомышленниками, и делал все, чтобы она становилась реальностью.

Из рассказа Владимира Кузьмича Гусева мы знаем, как сказалась экономическая реформа на жизни одного предприятия — Энгельсского комбината химических волокон. А вот общая оценка, которую Алексей Николаевич Косыгин привел в своем докладе на XXIV съезде КПСС:

> *«Промышленные предприятия в 1970 году отчислили в фонды развития 3,6 миллиарда рублей, в фонды социально-культурных мероприятий и жилищного строительства — 1,4 миллиарда рублей и в фонды материального поощрения — 4 миллиарда рублей. Всего в эти фонды отчислено 9 миллиардов рублей. Многие предприятия смогли за счет фондов провести большую работу по модернизации производства, улучшению жилищных условий рабочих и служащих, построить детские сады, ясли, культурные учреждения.*
>
> *В усилении материальной заинтересованности коллективов в совершенствовании производства возрастает роль фондов материального поощрения. Более четверти всего прироста средней заработной платы рабочих и служащих в промышленности в истекшей пятилетке достигнуто за счет средств этих фондов.*
>
> *На предприятиях, переведенных на новую систему, вошло в практику выплачивать трудящимся из фонда материального поощрения вознаграждение по итогам года с учетом непрерывного стажа работы, дисциплины, качества работы. Опыт показал, что такой порядок поощрения способствует росту производительности труда, снижению текучести кадров и укреплению дисциплины».*

Да, хрустящие стимулы вместе с моральными, оплеванными в постсоветской России, но признанными в США, Германии, Японии, исправно делали свое дело. Конечно, Косыгин не был бы Косыгиным, если бы ограничился только перечислением того, чего удалось добиться. Он яснее, чем кто-то другой, видел возможные ловушки на пути. И убежденно говорил в том же докладе, что социалистическому обществу не безразлично, за счет чего, каким путем и при каких условиях увеличивается прибыль: «Всякие попытки получать прибыль за счет обхода государственных цен или повышения их, нарушения

установленного ассортимента и стандартов являются антигосударственной практикой».

Такие попытки были, премьер знал о них — и не только по докладам, а по собственным наблюдениям. Алексей Николаевич частенько останавливал машину и на московских улицах, и в командировках заходил в магазин, смотрел, что есть на прилавках. Так однажды он заглянул и в столичный «Дом фарфора» на Ленинском проспекте; кстати, по его распоряжению в стране были построены 12 фарфоровых фабрик и открыта сеть фирменных магазинов. Цены в Московском «Доме фарфора» Косыгина, хорошо знавшего стоимость посуды, удивили. «Директор магазина уверял его, что все в порядке, но отец усомнился, — пишет в своих воспоминаниях Людмила Алексеевна Гвишиани-Косыгина, — и, приехав на работу, позвонил в Комитет народного контроля. После проверки выяснилось, что цены действительно были незаконно завышены».

Косыгин видел в ценах мощный рычаг экономического управления и считал, что им надо пользоваться умело и эффективно. Но слишком много рук тянулось к этому рычагу, снимая пенку. По настоянию всесильного Политбюро начали возвращать отмененные было плановые показатели, забирать в бюджет «свободные остатки прибыли». Госплан и группа крупных министерств выступали против того, чтобы выполнение плана засчитывалось лишь после удовлетворения всех заказов потребителей. Заработки росли, а товаров на прилавках не хватало. Косыгина упрекали в том, что прибыль, которой дали волю, ведет к инфляции. Предприятие зарабатывало прибыль, но все чаще могло использовать ее только на увеличение зарплаты, поскольку планы не предусматривали материальных ресурсов ни на строительство, ни на реконструкцию. Нужны были корректировки по ходу пятилетки, новые решения, которые дали бы заметную прибавку на рынке, потеснили дефицит. Вспомним: в те годы дефицитом было почти все — современная радиола и телевизор, мебель и автомашина…

Характерный эпизод припоминает Николай Григорьевич Егорычев. В начале 60-х годов, пишет он, на Президиуме ЦК решался вопрос о реконструкции Московского автозавода имени Ленинского комсомола и увеличении выпуска «Москвичей». Секретарь ЦК КПСС Фрол Романович Козлов, в то время второй человек в партийной иерархии, высказал мнение, что если бы у нас был тонкий стальной лист, мы стали бы выпускать больше комбайнов, а вот москвичи предлагают заниматься несерьезными делами. Косыгин и Микоян решительно возразили Козлову — народу надо давать не только водку, но и легковые автомобили,

холодильники, радиоаппаратуру и другую сложную технику; потребности людей быстро растут, и в их удовлетворении наша страна все более отстает от Запада.

Тогда, после жарких споров, решение было принято в пользу «Москвича». Инициатива и настойчивость Косыгина открыли дорогу «Жигулям» и «Ладам».

«…Алексей Николаевич возвратился из Италии, — вспоминает В. Н. Новиков, тогда зампред Совмина, курировавший строительство ВАЗа, — доложил на Политбюро о переговорах и через день, вызвав меня, спросил, как я смотрю на то, чтобы с помощью итальянцев построить завод легковых автомобилей. Я ответил, что идея очень хороша. Мы и в этой отрасли беспросветно отстали от других стран. Ведь линия Хрущева была на общественный транспорт, и поэтому производство легковых машин практически не развивалось.

Не было разработанной подходящей модели, специального оборудования для этих целей, и много лет ничего не строилось.

На Горьковском автозаводе выпуск составлял менее 100 тысяч машин в год, добивали устаревшее оборудование на объединении «Москвич» с его мизерным объемом производства, немного производили в Запорожье, около 20 машин делали для крупного начальства на заводе имени Лихачева в Москве — вот и все наши «успехи». В итоге производили ежегодно около 300 тысяч легковых автомашин, в то время как США перешагнули за шесть миллионов. Япония делала более трех миллионов машин в год, а мы топтались на месте».

Добавлю к словам зампреда Совета Министров СССР несколько цифр, которые встретились мне в сборнике «Внешняя торговля Советского Союза в послевоенные годы» — приложении к журналу «Внешняя торговля» № 11, 1965 год. Советский Союз экспортировал в 1964 году 44 487 автомобилей легковых, в том числе в промышленно развитые страны 8902. С грузовиками дело обстояло еще хуже. Экспорт за 1964 год 21 185 машин, в промышленно развитые страны — 584. Любопытны еще три цифры из этой же графы: в 1955 году СССР экспортировал в промышленно развитые страны 2457 грузовиков, в 1958 — 4 (четыре штуки — не тысячи, наверное, музеи купили), в 1960 — 37, в 1964-м — 584.

«…Решили, что я подготовлю проект соглашения с итальянцами, предусматривающий проектирование завода и разработку конструкции машины итальянской стороной с учетом наших дорожных условий. Кроме того, итальянцы примут на обучение и допустят к участию в проектировании наших специалистов. Строительство корпусов завода и жилого массива

выполнит советская сторона. Срок окончания всех работ, включая проектные, — примерно три с половиной года.

Все обсуждение этой крупнейшей проблемы, осуществление которой вместе с кооперированными поставками обошлось стране более чем в 3 миллиарда рублей, заняло у нас с Косыгиным около часа. Конечно, мы с Алексеем Николаевичем выработали только схему. Но если бы я обсуждал это с Устиновым, вопрос мог бы остаться нерешенным, хотя на дискуссии была бы потрачена как минимум неделя».

Владимир Николаевич Новиков объясняет это разницей в стиле работы Косыгина и Устинова. Косыгин, определив задачу, четко намечал пути ее решения, оставляя детали для специалистов. Дмитрий Федорович, напротив, рассмотрение даже простого вопроса растягивал на два-три часа. По свидетельству Новикова, Устинов ночью звонил директорам заводов, их заместителям, а нередко и начальникам цехов. В каждом вопросе он хотел разбираться до мелочей так, чтобы понимать его на уровне начальника цеха или среднего конструктора. Таков был метод его работы, который он перенес из министерства и в Совет Министров. Все это, естественно, приводило людей в нервозное состояние. Хрущев, конечно, в такие дела не вникал, но Косыгин считал, что такой стиль работы для решения государственных вопросов в правительственном аппарате не подходит.

Устинов переместился в ЦК, стал секретарем по военно-промышленным вопросам, позже его избрали членом Политбюро. По разным свидетельствам, секретарь ЦК, будущий маршал и министр обороны СССР «был не очень доброжелателен к Косыгину», позволял себе при Брежневе, явно рассчитывая на одобрение генсека, отпускать в домашнем кругу колкости в адрес Алексея Николаевича. Но на первых порах Брежнев это не поддерживал. Доброхоты, конечно же, докладывали об этом Косыгину, но он в такие разговоры предпочитал не втягиваться. Может быть, отсюда и шла его бросающаяся в глаза замкнутость в кремлевском, цековском кругу?

Он не переносил болтовни

— Многие пишут, что Косыгин был очень суровым, — обращаюсь я к Владимиру Кузьмичу Гусеву. — Вам он тоже запомнился таким?

— Я не стал бы писать такой портрет Алексея Николаевича. Признаюсь, не замечал, суровое у него лицо или нет. Меня увлекала его мысль.

— В 1976 году вас избрали первым секретарем Саратовского обкома партии…

— С этого времени я бывал у Косыгина каждый квартал. Приеду в Москву, побуду в ЦК и иду к премьеру решать вопросы.

В хозяйственных, партийных кругах к Косыгину относились с большим уважением. Да и во всем обществе у него был большой, настоящий авторитет. Это не сегодняшняя оценка, а того времени.

— И какие, например, вопросы вы решали у премьера?

— Развитие орошения, например. Саратовская область, как и наши соседние — Волгоградская, Оренбургская, засушливая. Три года из пяти — засуха. Косыгин относился к аграрному сектору с большой настороженностью. «Слушай, говорит, мы такие большие вложения направляем, а результата серьезного нет». Я возражаю: так нельзя относиться к сельскому хозяйству. Земли в Заволжье — хорошие, они дают урожаи твердых пшениц, это наше богатство. Вопрос в другом: что надо сделать, чтобы урожаи были устойчивыми? Наука и практика дают ответ: нужно развивать орошение. Косыгин поддержал нас и саратовское орошаемое поле стало самым большим в Советском Союзе — 534 тысячи гектаров. А началось развитие орошения при моем предшественнике, Алексее Ивановиче Шибаеве. Мы же подхватили, поставили на научную основу, убедили Косыгина — он ведь считался с дельными аргументами, прислушивался к собеседникам, если они, говоря казенно, владели вопросом.

При поддержке Алексея Николаевича мы за несколько лет открыли в Саратове сеть академических институтов. В те же 70-е годы развили химию полимеров. Создали микробиологическую промышленность, построили атомную станцию…

— Но если все это застой, что же тогда развитие?

— Спросите тех, кто наклеивает ярлыки на целую эпоху… Кстати, Косыгин не переносил общую болтовню, приблизительные рассуждения. Таких говорунов осаживал немедленно — корректно, но твердо.

Знаю по рассказам заместителей Косыгина, многих министров, что он не считал зазорным отказаться от своего предложения, не настаивал на нем ради ложно понимаемого авторитета. Убедительный пример — идея с перепрофилированием Камского автозавода, который еще строился, на выпуск тяжелых самосвалов. Премьеру возразил тогда В. Н. Новиков: «Это совершенно невероятный поворот, который затянет строительство по крайней мере еще года на три, если не больше». В итоге было принято решение о развитии производства тяжелых самосвалов в Белоруссии. «БелАЗы» и

«МАЗы» работают на российских рудниках и сегодня.

Вот так же Алексей Николаевич поддержал и саратовские предложения. Было принято постановление ЦК КПСС и Совмина, в котором говорилось о необходимости создать надежную кормовую базу на основе орошаемых земель.

— До этих работ Саратовская область производила около 40 тысяч тонн овощей в год, — продолжает В. К. Гусев. — Мы за три года создали 25 мощных овощных совхозов и собирали в год 400 тысяч тонн овощей. Области хватало и в Москву поставляли.

Поддержку у Косыгина было получить нелегко. Он проверял каждую цифру и все помнил. Многие собеседники Косыгина поражались его феноменальной памятью, отмечали редкостный талант устного счета. Впрочем, и незабвенный Корейко удивлял сослуживцев в «Геркулесе» своим быстрым и безошибочным счетом, и на концертных сценах немало мастеров умножения, деления и даже вычисления корней. Косыгинский талант был в другом: он видел влияние каких-нибудь отраслевых или региональных расчетов на всю экономику, мгновенно просчитывал последствия.

Помните историю с первой повестью Паустовского? Молодой писатель затерял рукопись и сел писать повесть заново. А когда написал, нашел пропажу — она завалилась за шкаф. В новом тексте другими были лишь два-три слова. Нечто подобное произошло и с Косыгиным. Он вышел к трибуне в Большом театре и вдруг обнаружил, что при нем нет очков для чтения. Забыл дома или в кабинете. Ни в зале, ни в президиуме никто ничего не заметил — Косыгин прочитал часовой доклад по памяти.

И еще одну черту, чисто косыгинскую, припоминает Гусев — это доверие, его веру в надежность тех, на кого, как считал Алексей Николаевич, он может положиться. Доверие, но не доверчивость. Доверчивость осталась там, в питерском далеке, где мальчугана поманила за собой молодая цыганка, чем-то напомнившая Алеше маму.

Министр геологии СССР (1975–1989) Евгений Александрович Козловский узнал Косыгина поближе, когда Алексею Николаевичу было уже за 70.

— Когда я приходил к нему с докладом о делах в отрасли, Косыгин сразу предупреждал: «Ты не перечисляй, что сегодня есть. Скажи, что будет завтра». Вот это по-моему, и есть государственный подход.

В отношении к людям Косыгина можно было бы назвать максималистом. Доверяет или нет. Середины, на мой взгляд, не было. Абсолютно. Если кого-то поймает на вранье, этот человек переставал для него существовать. Он не терпел таких вещей. И

очень внимательно следил за твоим продвижением, твоими делами.

Еще одна черта, которую ценили все, кто работал с Косыгиным, — его обязательность. Попробуйте сегодня созвониться с кем-нибудь из правительства. А у него всегда был включен телефон «АТС-2», не говоря уже о первой «вертушке». Никто никогда не мог позволить себе звонить не по делу. Если Косыгина нет, ответит помощник. Через какое-то время обязательно раздастся звонок:

«Косыгин. Что ты хотел?»

На столе, за которым работает мой собеседник, поверх горки бумаг, газет и книжек — два весьма потрепанных томика. Пока хозяин кабинета просит принести чай, я перелистываю их. В одном — протоколы допросов царских министров комиссией Временного правительства, другой — «Десять дней, которые потрясли мир», Джон Рид, издание двадцать пятого года.

Эта «находка» отодвигает заготовленные вопросы, с которыми я шел к заведующему кафедрой Московского государственного геологоразведочного университета, министру геологии СССР Евгению Козловскому.

— Евгений Александрович, признаюсь, не ожидал увидеть на столе геолога такие редкие исторические издания.

— А я признаюсь, что люблю копаться в источниках, которые помогают разобраться в том времени, которое меня сейчас больше всего интересует, — период Гражданской войны. Как все тогда начиналось? Почему разные силы не сумели найти общего языка и все превратилось в хаос? И в чем дело сейчас?

— Другая война, Великая Отечественная, для вас не только история, а частица собственной жизни.

— Война началась, когда мне было двенадцать лет. Мы жили в Белоруссии. В сорок первом году погиб отец, директор школы. Потом немцы расстреляли всех наших родных — дедушку, бабушку, тетю, брата, сестру. Дядю повесили — он в Рогачеве пытался взорвать молокозавод. Мама, ее до войны удостоили звания лучшей учительницы Белоруссии, скрывалась, поддерживая связь с партизанами, выполняла их задания.

Я с сестренкой попал в партизанскую зону… Убийственно тяжелые годы… Но, как ни странно, они мне очень многое дали в жизненном плане. Потом — военное училище, когда собрали опаленных войной юношей и дали нам общее образование. Это была политика, умная политика государства. Когда, окончив институт, я уехал на Дальний Восток, мог и топор в руки взять, и в морду при случае заехать, и заставить работать.

Я начал рабочим на разведке Горинского железорудного месторождения. Затем другая геологоразведочная экспедиция, у нее был № 50, девять поселков. Жили в них около пяти тысяч человек, больше трети — бывшие заключенные. О том, какая там была обстановка, скажет такая деталь: на домах никаких замков, только палочка в щеколде.

Вели геологический поиск, разведывали месторождения, строили поселки, мастерские, электростанции: посмотришь — вся сопка в огнях. Открыли шесть месторождений олова. По нашим следам поднялся город Солнечный, сейчас — Солнечный район Хабаровского края. Весь состав — молодой! Я в 33 года вместе с коллегами получил Ленинскую премию за эти открытия. А наша Комсомольская экспедиция — орден Трудового Красного Знамени.

— Вы стали министром после академика Сидоренко.

— У Александра Васильевича Сидоренко я работал заместителем. Когда меня утвердили министром, Сидоренко сказал о себе фразу, которую мог сказать только мужественный человек: «Я пробыл министром, но министром так и не стал. А почему? Я не пропахал в геологии так, как положено».

Геология, напомню, научно-производственная отрасль и в ней больше уважения не чисто ученому человеку, а производственнику. Я пришел в министерство, проработав на Дальнем Востоке тринадцать лет. Был начальником технического управления Министерства геологии России, директором института, заместителем союзного министра. В 75-м году, перед назначением меня пригласили к Косыгину. Он принял в своем кабинете в Кремле, очень сухо, сдержанно, больше для протокола.

«Наверное, я с тобой сейчас не буду говорить о деталях, тебе надо вникнуть в отрасль, хотя, чего вникать, ты в ней вырос».

До этой встречи я больше видел его на телеэкранах — лицо аскета, не совсем, скажу так, приятное впечатление. Может быть, это был выбранный образ? Потому что потом я видел его, когда мы анекдоты травили, и когда хохот стоял, и это был совершенно другой человек.

Он мог, например, на заседании Президиума Совета Министров СССР вдруг спросить: «Слушай, а по Подкаменной Тунгуске сейчас перевалы можно пройти прямо?» — «Кто из нас по перевалам ходит, Алексей Николаевич?» — «А я забыл, что вы сейчас на вертолетах, самолетах летаете». Он проходил эти пути на лошади, когда работал в Сибири, проходил по Подкаменной Тунгуске по перевалам и рад был бросить эту деталь на публику. Публика сразу соображала, народ-то мудрый сидел. Я чувствовал: он не выпускал меня из поля зрения, хотел разобраться во мне.

А при первой встрече Косыгин, казалось, думал об одном: «Откуда он взялся? Кто его тащит?»

Такие вопросы в ту пору, когда по городам и весям гуляли присказки о «мохнатой руке», без которой не пробиться, были вполне понятны. Тем более что предложение назначить министром геологии Козловского пришло со Старой площади, из ЦК КПСС. Была система подготовки и отбора кадров, высмеянная и выброшенная за последние годы, по делу-то ее следовало бы изучить. И закрыть дорогу в правительство, министерства совершенно случайным людям. Ошибки, конечно, случались и раньше, от них никто не застрахован, но их было куда меньше, чем сейчас. «Прохиндеев тогда отлавливали, как блох в подушке», — заметил по этому поводу Козловский. Грубовато, но точно.

— Перед моими глазами прошли три созыва правительства Союза, — продолжает Евгений Александрович. — И сегодня мне не в чем упрекнуть министров, вместе с которыми работал почти пятнадцать лет. С кем-то, случалось, ругался, спорил, выпивал — не без этого. Среди нас не было ни одного человека, который не прошел бы огромную жизненную школу.

Сегодня косыгинских министров, даже самых знаменитых, таких, как Славский, Кортунов, Ломако, страна забыла. Между тем каждый из них — действительно уникальная личность. И при этом в их биографиях много общего, что дает возможность хотя бы штрихами набросать коллективный портрет косыгинского правительства.

Возраст. Министрами чаще всего становились примерно в 50 лет. Два-три года до «полтинника» или позже. Конечно, в этой возрастной шеренге выделялись старейшины. Иван Павлович Архипов, зампред правительства, еще в сорок третьем, в 36 лет, стал заместителем наркома цветной металлургии, а начинал он после института на Днепродзержинском металлургическом заводе, где работал в те годы и Брежнев. Ефим Павлович Славский, атомный министр, с 1957 года возглавлял Министерство среднего машиностроения СССР. Легендарный человек! Комиссар эскадрона и полка в Первой конной армии, он после Гражданской войны стал инженером, директором завода, одним из создателей ядерного щита. Трижды Герой Социалистического Труда, девять орденов Ленина… Петр Фадеевич Ломако, кстати, ровесник Косыгина, рабфаковец, инженер, в 31 год директор большого завода, а затем замнаркома и нарком цветной металлургии… Он был заместителем Председателя Совета Министров СССР (Хрущева), председателем

Госплана, в 1965-м опять возглавил отрасль.

Образование. Разумеется, у всех как минимум высшее. Не много, но есть кандидаты и доктора наук.

Их первая работа: сменный механик, мастер, помощник мастера, прораб, фрезеровщик, инженер-конструктор, монтажник, электромонтер, котельщик, помощник начальника участка, токарь, бригадир, кочегар…

А вот с какой должности будущего министра приглашали или переводили в Москву: начальник морского пароходства, директор механического завода, генеральный директор производственного объединения, начальник главка, директор научно-исследовательского института… Понятно, между первой работой и нынешней лежали годы профессионального становления. В Москве к ним прибавлялось еще несколько лет (от трех-четырех до восьми-десяти) в должности зама или первого зама министра. Прав был Козловский: огромная жизненная школа за плечами этих людей. Оттого и вели они свои отрасли уверенно и масштабно! Отдавались работе. И сгорали до срока, как тот же Алексей Кириллович Кортунов, Герой Советского Союза, человек, с именем которого связано становление нашей газовой промышленности.

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА

Они борются за ясные для них цели

Весна в Праге, по-моему, самая лучшая пора. Уже не коптят печи, к которым всю зиму грузчики таскали мешки с брикетами бурого угля. Распустилась сирень — «шерик» по-чешски. Загадочно воркуют горлицы. И еще далека душная жара, когда весь город, кто не укатил к морям, ищет спасения в парках. Впрочем, та весна, о которой я сейчас пишу, не имеет отношения к временам года. Это политический термин, как и та *оттепель,* слово, которым Илья Эренбург обозначил первые послесталинские годы.

Пражская весна 1968 года началась задолго до календарной, а закончилась 21 августа того же шестьдесят восьмого года, когда в Чехословакию вошли войска государств Варшавского договора.

Какую позицию отстаивал в тех событиях Алексей Николаевич Косыгин? С какими взглядами соглашался? Против чего выступал?

В мае, как я уже писал, он побывал в Чехословакии. Официально говорилось, что советский премьер приехал на недельку отдохнуть в Карловых Варах. Даже внучку с собой захватил. Но Танечка деда почти не видела, сама бродила под каштанами, на которых за день вспыхнули белые свечи, собирала лепестки магнолии — их было так много, что тротуар казался розовым. У Алексея Николаевича были сплошные встречи и переговоры. Не нашлось даже свободного часа, чтобы подняться к серне, взбежавшей некогда на скалу — там они фотографировались с Клавочкой, приехав в первый раз к знаменитым источникам — и еще выше, откуда смотрит на красные крыши и ниточку реки Петр Великий. В этот раз для прогулок времени совсем не оставалось.

Читая совсекретные посольские депеши, встречаясь с советскими дипломатами, чехословацкими товарищами, он старался разобраться в сути явлений. Что же происходит в стране, которая так полюбилась ему с первых встреч?

Ход событий в Чехословакии с нарастающей тревогой обсуждали лидеры стран Варшавского договора. Сохранился рабочий блокнот Косыгина с записями, сделанными на одной из таких разборок. Как и другие материалы из его архива, они публикуются впервые.

«т. Гомулка.

1) В Дрездене единая точка зрения на события в Чехословакии.

2) Письма были посланы разные. Есть разные взгляды и «нюансы».

В письме ПОРП не полностью изложены все вопросы. Сейчас мы изложи(ли) полностью:

1) В Чехословакии идет мирный процесс перехода от социали(стической) Чехословакии в буржуазную республику. Процесс в начальном периоде.

2) КПЧ отходит от принципов марксизма-ленинизма в партию социал-демокр. типа. Этот процесс продвинулся довольно далеко. Это наиболее важный фактор.

В Чехословакии новое явление… переход от социализма к неокапитализму. Мы очень поверхностно подходим к понятию процесса контрреволюции. Процесс перехода происходит не в классическом виде…

Эти силы выступают под лозунгом демократического социализма — его формируют внешние и внутренние силы. Идет процесс реформации — буржуазной…

т. Кадар.

Информация о встрече с т. Дубчеком и Черником…

Говорят, что они хотели бы встретиться с КПСС.

Чехи хотели двухсторонними встречами сорвать многосторонние.

* * *

Оценка венгерских товарищей: идет процесс ревизии марксизма по пути Югославии… Они за поддержку прогрессивных сил, но как им помочь, пока не ясно.

По мнению Кадара. Требует обстановка решительного выступления со стороны КПЧ.

т. Ульбрихт.

Не согласен с оценкой т. Кадара. Следующей страной будет Венгрия.

Существует (угроза) террора.

Предложения:

1. Письмо (открытое) 4 соседних партий к ЦК, парламенту и народу. Резкое, с оценкой, отметить вмешательство извне…

2. Если потребуют словаки поддержки, то у них

провести маневры.

т. Живков.

Согласен с т. Гомулкой и Ульбрихтом. Не можем согласиться с т. Кадаром. Необходима военная помощь…»

Последние строки в этой записи такие: *«Нужно переговоры изменять. Что мы должны делать?»* Это вопрос себе. Дат на страницах совсем маленького, в ладонь, блокнотика нет. Временные рамки можно определить по тексту: после встречи на высшем уровне в Дрездене, но до решения о вводе войск, принятого 20 августа. Косыгин до самого последнего момента был против военного вмешательства. Как и Брежнев. Но их оппоненты оказались сильнее.

19 июля 1968 года Политбюро ЦК КПСС рассматривало предложение Брежнева и Косыгина о проведении двусторонних переговоров руководства СССР и ЧССР. Председатель КГБ Андропов резко выступил против.

«Я считаю, — говорил Андропов, — что в практическом плане эта встреча мало что даст, и в связи с этим вы зря, Алексей Николаевич, наступаете на меня. Они сейчас борются за свою шкуру и борются с остервенением. Правые во главе с Дубчеком стоят твердо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Все идет против нас». На этот выпад Косыгин ответил так: «Я хотел бы также ответить т. Андропову, я на вас не наступаю, наоборот наступаете вы. На мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, за то, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию» *(Независимая газета, 14 декабря 2000 г.)*.

Встреча, которую предложили Брежнев и Косыгин, все же состоялась — в Чиерне-над-Тисой, первой пограничной станции на чехословацкой, теперь словацкой стороне. Впервые в советской истории чуть ли не все Политбюро отправилось за рубеж. Да еще в июле на встречу с Брежневым прилетали Дубчек, первый секретарь ЦК КПЧ и председатель правительства Черник.

Как пишет в своей книге «Без скидок на обстоятельства» Валентин Фалин, «из этой встречи Брежнев вынес впечатление, что в Праге дело близится к развязке. Черник, ведший в разговоре главную партию с чехословацкой стороны, раскрыл план кадровых обновлений и перестановок, которые были равнозначны сквозной чистке партийного и государственного руководства».

Вечером 20 августа в зале заседаний секретариата ЦК КПСС вожди принимали решение о вводе войск в Чехословакию. Военным приказы уже отданы…

Фалин вспоминает слова президента ЧССР Людвика Свободы, боевого генерала, который в годы Великой Отечественной войны создал первую иностранную часть Красной армии — отдельный Чехословацкий корпус. Чехи и словаки вместе с советскими воинами мужественно сражались за освобождение Украины, штурмовали Карпаты, с победой вернулись на Родину. «Ни при каких условиях не вводить в дело войска, — убеждал своих советских товарищей Свобода. — Что угодно, только не войска; интервенция перечеркнет симпатии народа к России».

Не прислушались. Потому что веровали только в одно право — право силы.

Кому-то придется поежиться

Дальше мы перелистаем стенограммы переговоров — Брежнева, Косыгина, Подгорного с Людвиком Свободой; Брежнева, Косыгина, Подгорного с Дубчеком и Черником, а также — отдельно с председателем Федерального собрания Чехословакии Смрковским, членами президиума ЦК КПЧ Шпачеком и Шимоном.

Валентин Фалин оставил впечатляющую картинку этих переговоров.

«По запотевшим, как окна в бане, лицам советских и чехословацких дискутантов, время от времени проскакивающих мимо нас в приемной, видно, что в зале заседаний Политбюро в Кремле жарко. Объявляется перерыв. Он очень нужен не столько для того, чтобы проветрить помещения, сколько для переключения регистров в настроениях. Самое неприятное друг другу сказано. Теперь надо искать себя в будущем…

Второй акт сидения завершается согласием чехословаков на совместный протокол. Имелся ли у гостей, если слово «гость» уместно, выбор? Высказывание Б. Н. Пономарева: «Если вы не подпишете сегодня, то сделаете это через неделю. Если не через эту неделю, то следующую. Если не через следующую, то через месяц», — что-то значило».

«Гостем» в этой компании можно было назвать лишь Свободу. 23 августа президента встретили в аэропорту Внуково-2 со всеми почестями. В открытой машине рядом с ним помахивали москвичам Брежнев, Подгорный, Косыгин. Президент ЧССР еще не знал о судьбе первого секретаря ЦК КПЧ Дубчека,

председателя правительства Черника, других товарищей, которых накануне советские десантники арестовали в Праге. И потому он сразу же спросил Брежнева: «Где Дубчек сейчас находится?» — «Жив, здоров», — утешил главу дружеского государства Леонид Ильич. Начальник секретариата президента ЧССР Клусак спрашивает о Чернике, Смрковском, Шпачеке, Цисарже.

«Брежнев. Цисаржа у нас нет, он в Чехословакии.

Клусак. У кого?

Подгорный. У нас его нет, мы его не трогали. Есть такая категория людей, которые, когда чувствуют за собой, что кошка сало чужое съела, они прячутся…

Брежнев. Цисаржа нет, это мы по-честному говорим.

Подгорный. Шпачек у нас…

Клусак. Может быть, пригласить Кригеля и Шпачека, чтобы они тоже участвовали?

Брежнев. Не надо. Они будут жить на даче. Живут на даче — и пусть живут.

Клусак. Они могут сами поставить этот вопрос.

Косыгин. Поставят — мы им ответим.

Брежнев. Неужели Чехословакия будет бороться за Кригеля, если приехала такая делегация?

Клусак. Их нужно будет освободить.

Подгорный. Давайте считать, что пока их у нас нет.

Брежнев. А через некоторое время они приедут.

Подгорный. Они не арестованы у нас». (РГАНИ. Ф. 89.Оп. 38. Л. 1, 9, 17.)

Кригель, о котором так пренебрежительно отозвался Леонид Ильич, — член президиума ЦК КПЧ.

К переговорам присоединяется Густав Гусак, в то время первый секретарь ЦК компартии Словакии, будущий президент ЧССР, первый секретарь ЦК КПЧ. В нынешней Чехии, в современной Словакии его считают чуть ли не предателем национальных интересов. Явно несправедливые обвинения. Он перед своими державными собеседниками не прогибался. Говорил по-словацки, хотя хорошо знал русский.

«Гусак. Руководство словацкой партии и правительство Чехословакии поручили мне прежде всего потребовать, о чем уже говорил наш президент т. Свобода, освободить арестованных руководителей и создать возможность для нормальной деятельности партийных и государственных органов.

Во-вторых, нужно было бы, чтобы эти — и государственные и партийные органы могли проводить деятельность в Чехословакии. В настоящий момент это еще невозможно. Сейчас

заняты правительственные здания. Не работает телефонная связь. Нависла угроза над снабжением и производством. Короче говоря, сейчас в Чехословакии нет условий для нормальной работы правительства и других органов» *(там же. Л. 38–39)*.

В тот же день, 23 августа, Брежнев, Косыгин, Подгорный и Воронов, Председатель Совмина РСФСР, встречаются с Дубчеком. И здесь чуть ли не половина беседы об арестантах.

«Брежнев. Как чувствует себя т. Черник?

Дубчек. Плохо, как и все.

Подгорный. Здоровье плохое или настроение?

Дубчек. Тяжело…»

Через некоторое время Дубчек спрашивает, приедет ли Черник.

«Брежнев. Да, сейчас приедет.

Дубчек. А Смрковский?

Брежнев. Часа через два. Все живы, все здоровы, находятся в доме отдыха.

Дубчек. У меня такое состояние — солдаты, все время под ружьем, 7 часов не мог из машины выйти, с двух сторон с автоматами, бронемашины. Вы думаете, легко это?

Брежнев. Имелась в виду безопасность.

Косыгин. На этом можно разжечь вопрос. А вопроса тут никакого нет. Я приехал в Карловы Вары и вы мне дали пять человек охраны. Я не волновался. Наоборот, я был им благодарен.

Дубчек. Тов. Косыгин, это сравнивать нельзя. Вас охраняли добровольно, а здесь насильно. Но давайте это не затрагивать» *(там же. Л. 62, 88–89)*.

Признаюсь, в этой перепалке я на стороне Александра Дубчека. Действительно, Алексей Николаевич выбрал неудачное сравнение. Такой была обстановка на переговорах. Теперь — одним-двумя штрихами о представлениях наших переговорщиков. Все трое говорят с руководителями *независимого* государства как со своими вассалами из какой-нибудь захолустной провинции. Вот Брежнев вспоминает письмо 99 рабочих одного из пражских заводов, которое было опубликовано в советской «Правде». В нем говорилось о том, что социализму в Чехословакии угрожают правые силы, друзей Советского Союза преследуют. Да, и это было. Против авторов письма в Чехословакии развернулась настоящая травля. Брежнев на встрече со Свободой цитирует Цисаржа, секретаря ЦК КПЧ:

«Я поражен, я потрясен: как эти рабочие-предатели могли обратиться с таким письмом в иностранное государство?» — И дальше Леонид Ильич добавляет от себя: «Мы уже стали для вас иностранцами…»

Из той же стенограммы:

«Гусак. Вчера перед зданием ЦК собралась толпа людей, которые требовали сообщить им, где находятся т.т. Дубчек и Черник.

Брежнев. Почему только Дубчек и Черник? В Словакии есть Центральный Комитет и есть секретарь этого комитета т. Биляк. Почему не идет речь и о нем? Никто не может дать нам объяснений, почему он не избран первым секретарем ЦК Словакии, почему не избраны Пиллер или Индра и целый ряд других товарищей. Кто может объяснить нам все это?»

Стенограммы трех встреч огромны — за сотню страниц. Косыгин, как видно из текста, не отделывается репликами. Подчас он даже поправляет Брежнева, берет в этой напряженной полемике инициативу на себя. Вот он говорит о том, что движение против социализма и Советского Союза «не устраивает рабочий класс Чехословакии. Рабочий класс Чехословакии на заводах и фабриках работает спокойно: никаких забастовок нет, никаких рабочих демонстраций. Есть бородатые мальчишки. С одной стороны, вы на них махали руками, а сегодня они нажимают свои действия. Вчера солдата убили из автомата, эти мальчишки превращаются в силу.

Брежнев. Решили свои жертвы терпеть, но недолго.

Косыгин. Что сейчас требуется? Сейчас требуется не такая точка зрения обтекаемая, что, видите, мы приедем, люди нам скажут и соответственно с этим мы будем выступать. Вы не можете сказать: вот вы приедете и куда вас понесет в этой стихии, а если понесет вас к явной реакции… Значит, вы не можете так ставить вопрос, что мы приедем, скажем народу. Вы во главе, вы должны повести народ. Есть Компартия, поэтому вы не можете так поставить вопрос, как поставили сейчас. Вы должны приехать с готовой программой. Эта программа у вас есть…

Январский пленум, совещание в Братиславе, в Чиерне- над-Тисой — вот ваша программа.

Брежнев. Даже программа действий, которую надо подправить… Алексей Николаевич сказал Чернику, что он получил указание переводить…

Косыгин. Нет, здесь такая картина. У вас есть текущие счета в Лондоне. У вас есть там вклады в фунтах стерлингов и в немецких марках. Вчера поступило сообщение, что вы потребовали снять с вашего счета 3.600 (пропущено: тысяч. — *В. А.)* фунтов стерлингов — это столько-то миллионов долларов и 13 миллионов западных марок. В общей сложности около 15 миллионов долларов, но не в качестве платежей, а перевести их в другие частные английские банки. Раньше никогда таких

операций не производилось. У нас это вызвало сомнение, нет ли тут желания скрыть от нас, куда эти деньги пойдут. Эти деньги могут пойти на разные вещи. В общей сложности было снято 50 процентов свободной валюты, вложенной вами, но сняты эти деньги были не на платежи, а просто были поставлены в частный банк.

Брежнев. Мы вчера тов. Свободе сказали об этом. Все может быть. Вот такова ситуация.

Косыгин (переговоры со Свободой). Можно различно оценивать обстановку, которая сейчас происходит. Но эта обстановка не вызвана нашими действиями. Она вызвана действиями неправильного руководства чехословацкой стороны, в частности т. Дубчека. Я должен сказать, что он должен признать свою ответственность за эти события. Никто не будет брать на себя ответственность за это дело. А эта ответственность целиком и полностью должна лежать на Дуб- чеке, который руководил всей парторганизацией и фактически всем государством. Поэтому он и должен взять на себя ответственность…

…Мы видели, что контрреволюция процветала, действия приобретали контрреволюционный характер, направленность против социалистических завоеваний, против социалистического содружества и против Советского Союза. В этих условиях Советский Союз не мог терпеть такого положения, имея под руками Чехословакию — социалистическую страну, с которой вместе боролся. Мы не считали возможным, чтобы она встала на путь капитализма. А к этому шло развитие.

Правильный наш анализ или нет? Мы считаем, что наш анализ был на 100 процентов правильным. Мы не ошиблись в анализе событий. Мы убеждены, что если бы не было ввода войск, события шли чередом, прогрессивные силы были бы сметены либо до съезда или во время съезда (КПЧ. — *В. А.).* Во главе стала та группа, которая сейчас фигурирует в качестве руководства страной в виде нового Президиума ЦК партии. Мы, конечно, не можем согласиться с этим съездом (так называемым «высочанским» съездом КПЧ, названным по району Праги, где перед вводом войск Варшавского договора собралась часть делегатов. — *В. А.),* с этим Президиумом, с наличием враждебной пропаганды. Мы не можем согласиться с враждебными действиями против социалистического содружества и Советского Союза. Мы не можем на это пойти. Поэтому мы должны найти такое решение, которое было бы приемлемо для вас и для нас. Но имейте в виду, что мы вовсе не собираемся одни работать над этим решением. Вы все несете ответственность за это дело…

Гусак. После встреч в Чиерне и Братиславе, когда я говорил с

т.т. Дубчеком и Черником, я видел, что они понимают эту опасность у нас… Но я видел, что руководители продолжают линию сохранения дружбы, поддерживают ее, дружбу с Советским Союзом и другими братскими странами, наблюдал также тенденцию последовательного, постепенного избавления от этой правой ориентации.

Я лично думаю, что в данной обстановке советские товарищи переоценили, преувеличили эту опасность. Но мы тоже коммунисты, я участвую в этом движении с 16 лет, почти сорок лет уже, и у нас, у тех, кто участвовал в коммунистическом движении, совершенно одно и то же — быть членом партии и быть другом Советского Союза…

…Я скажу открыто, что такое впечатление создается, хотя мы и избегаем этого выражения, что речь идет об оккупации. Я говорю это очень откровенно. И это вынуждает нас, чехов и словаков, коммунистов действительно искать политическое решение — как выйти из этого положения.

Существуют действительно только две возможности: или тоталитарное управление в оккупированной Чехословакии или же такое политическое соглашение, которое создает условия для нормальной работы правительства, партии и национальных органов Чехословакии.

В этом отношении я искренне приветствую заявления т.т. Брежнева и Косыгина, и не только в интересах жизни наших народов — чехов и словаков, — но также и во имя международного положения Советского Союза, которое близко также и нам, чехословакам…

Я вполне понимаю, что советские товарищи хотят получить определенные гарантии в том, что Чехословакия будет развиваться не вне рамок социалистического лагеря, что там будет ликвидирована антикоммунистическая, антисоветская пропаганда, и, возможно, что это будет связано с некоторыми персональными изменениями. Я думаю, что этого можно было бы достичь и без военного вмешательства» *(РГАНИ. Ф. 89. Оп. 38. Д. 57. Л. 33–35, 37–40)*.

И еще несколько строк из диалога Александра Дубчека и Алексея Косыгина.

«*Дубчек.* Что мог бы я сделать, не будучи перед лицом партии и народа двуликим?

Косыгин. Мы не ставим вопрос о том, чтобы вы потеряли лицо. Одновременно с этим это не только просьба, это — ваша обязанность. Вы отвечаете за Чехословакию. Это ваша обязанность — думать. А кто за вас будет думать? Были ошибки? Были ошибки. Нужно выйти из положения. Ищите выход,

думайте, создайте соответствующий план, который был бы приемлемым для нас, пяти партий, и для вас. Не считайте, что нужен план, который устраивал бы только вас. Мы должны сказать всю правду».

Не знаю, был ли оправдан такой жесткий разговор с Александром Дубчеком, первым секретарем ЦК Компартии Чехословакии, совершенно душевно разбитым в те дни. Он, вознесенный у себя на родине в творцы «социализма с человеческим лицом», был буквально раздавлен. Собеседники толкуют с ним о политической ситуации, спрашивают, что он хотел бы предложить, а у него перед глазами арест: «…вошли ваши люди с автоматами, вырвали телефоны и все. С тех пор ни с кем не было контакта, и мы не знаем, что случилось. Я встретился с т. Черником, он говорит, что тоже ничего не знает, потому что его взяли таким же образом, как и меня. Был он в подвале вместе с остальными, пока не разобрались. Так мы попали сюда!» *(там же. Л. 73)*.

Брежнев предложил не толковать это сообщение, оно, мол, не поможет делу. Кто знает, может и стоило как раз потолковать…

На два десятка лет Александр Дубчек ушел в политическую тень, работал экономистом в одном из словацких лесхозов. В политику его вернула «бархатная революция». Дуб- чека избрали председателем Федерального собрания Чехословакии. На Советский Союз, страну, в которой он рос, зла не держал. Погиб он в автомобильной катастрофе по дороге из Праги в свою родную Братиславу.

Олдржих Черник еще какое-то время оставался во главе правительства. Поздней осенью того 1968 года он прилетел в Москву. Накануне отъезда сказал об этом Штроугалу: «Звонил мне Алексей, пригласил на недельку отдохнуть».

И вот что было дальше.

«Черника устроили на одной из правительственных дач, — вспоминал Л. Штроугал, — и Косыгин с ним ежедневно на протяжении целой недели встречался. Вернувшись в Прагу, Олдржих подробно рассказал мне о московских впечатлениях. Одним из главных вопросов в беседах с Косыгиным был зондаж о высшем эшелоне власти в Чехословакии. Речь шла о самых высших постах. Черник уже в то время считал, что с Дубчеком дело решительно не пойдет, и называл в качестве первого секретаря Гусака, приводя при этом достаточно убедительные аргументы. Гусак, напоминал Черник своему собеседнику, словак, а словацкий вопрос в 1967–1968 годах был в ЧССР очень острым. Он девять или десять лет просидел в тюрьме по несправедливым обвинениям, это человек, в чьих политических способностях

никто не сомневается. Свою собственную кандидатуру Черник, чем подчеркнуто интересовался Косыгин, Олда исключил. Собственно об этом он даже говорил на пленуме ЦК КПЧ в апреле 1969 года, когда Гусака избрали первым секретарем. Черник тогда выступил и объяснил, почему он поддерживает кандидатуру Гусака.

Но больше всего Косыгина интересовали стратегические проблемы, реформы, в которых остро нуждалась социалистическая система и которые были крайне важны для ее дальнейшего развития. Алексей Николаевич расспрашивал о наших представлениях, как мы собираемся поднимать экономику.

В свое время один венгерский философ послал Яношу Кадару, первому секретарю ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, письмо в 40 страниц о необходимости считаться с экономическими законами. Косыгин говорил, что мы — он подразумевал социалистическую систему — об этом так же думаем, но идеологи мешают сдвинуть воз экономики с места. Я убежден, замечал он, что отношения стоимости мы должны приводить в движение, хотя и не имеем пока цельного представления, к чему это может привести.

Сегодня мы это называем законами рынка. Косыгин тогда говорил Чернику, что эти вопросы нам надо разработать, и не только теоретически, но и с привлечением людей, которые знают народное хозяйство, понять, как использовать экономические стимулы, чтобы развитие не пошло по непредсказуемому пути, чтобы предотвратить хаос.

Еще Косыгин боролся за самостоятельность предприятий, повышение их собственной роли в управлении. Он критиковал ситуацию, когда директор не может принимать решения по вопросам, за которые несет ответственность. Или почему тот, кто хозяйствует плохо, получает такие же инвестиции, как и тот, кто управляется успешно. Поощрение лучших вообще от результатов их работы не зависит, говорил Косыгин. В этом плане он обсуждал с Черником и экономическую политику, в частности, то, что предпочтение отдается партийным критериям. По словам Черника, Косыгин ему сказал: «То, что ценятся другие качества, а не способности вести предприятие, — это неверная политика. Поэтому у нас много неквалифицированных руководителей и других начальников, а все это сказывается на результатах всего народного хозяйства».

Итак, беседы Косыгина с Черником на исходе 1968 года свидетельствовали о том, что советский премьер склоняется к определенным реформам в экономике. Но эти шаги должны быть продуманы, особенно с учетом того, как это скажется на всем

обществе. Политические последствия экономических реформ были неясны, и это сдерживало Косыгина. «Опыт Чехословакии, — замечал Штроугал, — с одной стороны, его настраивал позитивно, а с другой — немного пугал».

Реформы попали в холодные руки

В очередной раз Штроугал, уже председатель правительства ЧССР, встретился с Косыгиным в Москве, на XXIV съезде КПСС. В перерыве, после доклада Брежнева, два премьера, чехословацкий и польский, обменивались первыми впечатлениями. К ним подошел Косыгин.

— Теперь мы знаем, что вы будете делать в экономике, — сказал ему Ярошевич.

Косыгин был в хорошем настроении, улыбался и спросил Штроугала, что думает об этом Лубомир Иосифович.

— Мне эта программа нравится, — ответил председатель правительства ЧССР, — но вот какими будут шаги, действия, затрагивающие фундаментальные проблемы?

Отвечая ему, Косыгин говорил, что такие шаги готовятся, в докладе Брежнева они предусмотрены.

Прошел год и два, а почти все, что было намечено, оставалось на бумаге.

— Алексей, вы такие перспективные вещи задумывали, — сказал как-то Косыгину чехословацкий премьер. Они были вдвоем, прогуливались в парке правительственной резиденции в Варшаве перед началом сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

И в этот раз, по словам Штроугала, Алексей Николаевич словно распахнул сердце.

— Мы были с глазу на глаз, и Косыгин, такой, казалось мне, сдержанный человек, вдруг небывало остро для него раскритиковал отношение к экономической реформе. «Ничего не осталось, — горько сказал он. — Все рухнуло. Все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят».

— Прогуливались мы с Косыгиным примерно полчаса, — продолжает Л. Штроугал. — Алексей Николаевич очень критично оценивал деятельность руководства КПСС, хотя ни одного имени, в том числе и Брежнева, не назвал. «Реформу торпедируют, людей, с которыми я разрабатывал материалы для съезда, уже отстранили, а призвали совсем других. И я уже ничего не жду», — с горечью сказал он.

Советская экономика упорно не хотела становиться просто экономикой, подчиняться законам экономического развития. Слова о всемерном развертывании товарно-денежных отношений лишь сотрясали воздух. Штроугалу вспоминаются встречи с Николаем Байбаковым, в то время председателем Госплана.

— Николай Константинович — очень серьезный человек, решительный сторонник плановой системы. Он нефтяник, а нефть черпали и продавали полной мерой. Байбаков усмехнулся над тем, что провозглашают на съездах. Он задавал вполне логичные вопросы, но сам же давал на них негативные ответы: «Это не пойдет».

Здесь уместно привести оценку самого Байбакова. Как он пишет в своей книге «От Сталина до Ельцина», реформа провалилась потому, что не было «поддержки со стороны большинства членов Политбюро». По воспоминаниям Байбакова, на одном из заседаний в Кремле, когда обсуждалась концепция реформы, Н. В. Подгорный, Председатель Президиума Верховного Совета СССР и большой любитель игры в бильярд, «со свойственной ему грубоватостью и недоверчивостью произнес:

— На кой черт нам реформа? Мы плохо развиваемся, что ли?

Возражения Косыгина о том, что все валовые методы исчерпаны, что надо поднять в коллективах интерес к результатам труда, у партийных коллег премьера энтузиазма не вызвали».

Однажды во время очередного визита в СССР в программе Штроугала оставалась свободной вторая половина дня. Предполагалось, что его примет Брежнев. Но вместо него появился Косыгин: «У Леонида Ильича очень много работы, он передает извинения за то, что не может вас принять». И тут же Косыгин добавил: «Возможно, встрече помешали какие-то причины из прошлого». Как считает Штроугал, Брежнев не мог простить ему один эпизод. Речь идет о встрече у президента ЧССР Свободы вечером 22 августа 1968 года (на второй день после ввода в Чехословакию советских войск. — *В. А.)*.

«Я пришел на совещание к президенту по его приглашению, когда совещание уже шло, — рассказывает Штроугал. — Выступал Пиллер, в то время член президиума ЦК КПЧ. Когда я вошел, он говорил, что советский посол в Праге Червоненко и советская сторона предлагают создать в Чехословакии временное правительство. Пиллер говорил, что сейчас в Праге правительства нет, нужно организовать временное правительство во главе с президентом. Когда Свобода дал мне слово, я возразил: правительство есть, сейчас оно проводит свое заседание и нет никаких причин лепить вместо него временную контору.

Если действительно по инициативе советской стороны собирались придумать рабоче-крестьянское правительство, то я ее сорвал. Между нами говоря, президент Свобода не знал в те минуты, что делать. А когда я сказал, что правительство действует, он приободрился: «Да, правительство у нас есть. И я не буду без участия ведущих конституционных представителей принимать решения об изменениях в правительстве…»

Больше к теме о рабоче-крестьянском правительстве не возвращались.

Свидетельства Л. Штроугала записал мой давний товарищ, замечательный чешский журналист Зденек Горжени. Читая их, сопоставляя со стенограммами встреч в Кремле, конечно же, замечаешь разницу в позиции Косыгина. На переговорах он играет по общим, бесспорно, предварительно оговоренным правилам. Командная тройка сыграна. Роли определены. Требования Косыгина жестки, подчас даже угрожающи. «Кому-то придется поежиться», — бросает он Дубчеку. И совсем другой политик предстает из воспоминаний Штроугала. Этот человек и до августа шестьдесят восьмого года, и после августа не похож на тех, кто, уверовав в некие истины, вовсе не знает сомнений. Напротив, он открыт мыслям и чувствам собеседника, готов прислушаться к его доводам, даже просит совета.

Меньше всего Алексей Николаевич ожидал, что его реформу погубит пражская весна в ее кремлевском восприятии. Но именно так и случилось. Как на войне, когда артиллерия бьет по своим…

ТОЛЬКО ОДИН ГОД

«Дорогие товарищи, дорогие друзья!

Через несколько минут мы вступим в новый, 1973 год. В эти волнующие минуты мы обращаем свой взор к пройденному пути, ко всему, что памятно и дорого сердцу каждого советского человека.

Мы прожили с вами особенный, знаменательный для нашей страны год. В истории, в памяти народной он останется как год великого праздника — 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик — дружной, братской семьи наших народов…

В эти торжественные минуты встречи Нового года мы желаем вам, дорогие товарищи, крепкого здоровья, новых достижений в труде, учебе и творчестве.

Большого счастья и добрых успехов всем, кто встает на трудовую вахту 1973 года в заводских цехах и на стройках, на колхозных и совхозных фермах, в научных лабораториях, кто несет большую вахту на рубежах нашей Родины.

Сейчас куранты возвестят о наступлении 1973 года. Пусть же новый год принесет успехи и счастье каждому советскому человеку!..»

(Из новогоднего поздравления советскому народу ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, с которым 31 декабря 1972 года выступил по радио и телевидению А. Н. Косыгин.)

Для того чтобы полнее представить масштабы дел, которыми занимался Косыгин, я хотел выбрать один год из его шестнадцати предсовминовских лет. Можно было взять любой из них; новогоднее косыгинское обращение подсказало: *семьдесят третий.* Это начало года; завершение его — в записной книжке Алексея Николаевича, датированной последними днями декабря.

Уже десятого января Косыгин с группой министров вылетел в Тюмень. В областном центре московские гости задержались ненадолго. Их программа — Самотлор, Медвежье, Нижневартовск, Надым, Сургут.

Из Тюменской области перелет в Оренбург. И опять главные встречи и обсуждения не в областных кабинетах, а на строительной площадке газовых заводов. Затем — Башкирия,

трасса строительства нефтепровода Усть-Балык — Курган — Уфа — Альметьевск. (О том, что происходило здесь, позже расскажет Юрий Петрович Баталин.)

Восемь дней командировки — от среды до среды. Суббота и воскресенье, конечно, не выходные. Сам маршрут говорит о том, что было самым главным тогда для Председателя Совета Министров — нефть, газ, энергетика. Эти отрасли — под его личным контролем. Поручения министрам и помощникам; совещания (20 февраля, к примеру, собрали нефтяников), обсуждения на президиуме Совмина, личные звонки в Оренбург, Сургут, Уфу…

…Несколько месяцев знатоки со Старой площади изучают, как легкая промышленность СССР выполняет «решения ЦК КПСС об улучшении качества и ассортимента обуви, швейных и трикотажных изделий». Этакий косвенный упрек Косыгину, словно Совмин сам не мог разобраться. Но кому-то очень хотелось напомнить Председателю Совета Министров о том, что есть в отечестве недреманное око, которое следит даже за тапочками.

14 марта Косыгин в Иране — открытие Исфаганского металлургического завода. Второго апреля — официальный визит в Швецию, четвертого июня — сессия Совета Экономической Взаимопомощи в Праге, второго июля — визит в Австрию, 25 сентября — в Югославию. И тут же — в Египет, где вспыхнула война с Израилем — ее называют октябрьской.

Каждая из этих поездок заслуживает отдельного рассказа, а сейчас я лишь штрихами, по записным книжкам Алексея Николаевича Косыгина, обозначу, как ответственно и творчески он подходил к международным встречам, переговорам. В Праге, на сессии СЭВ Председатель Совета Министров СССР предлагает «совместными усилиями решать крупные народнохозяйственные проблемы». Одна из них — выпуск оборудования для атомной энергетики: «Этот заказ на многие годы, т. к. очевидно, что это проблема многих и многих лет». Кому по силам такие заказы? Косыгин считает, что это могут быть «полностью добровольные» международные объединения».

Это — Прага. В этом же блокнотике его записи о переговорах в Австрии, предложения о новых формах торговли, экономического сотрудничества. Например, «развитие энергоемких предприятий у нас, с тем чтобы продукция этих предприятий длительный период гарантированно продавалась тем, кто принимал участие в их создании».

Отдельная записная книжка — Югославия, 25–29 августа, переговоры с председателем Союзного исполнительного веча Д.

Биедичем, встреча на Бриони с И. Броз Тито. В этих записях весь комплекс советско-югославских отношений: политика, экономика, культура; вопросы европейской безопасности, политика неприсоединившихся государств…

25 августа в Белграде, в Парке дружбы, там, где Сава обнимается с Дунаем, Алексей Николаевич посадил в землю тоненькое деревце. «Мы хотели бы, — написал он в книге почетных гостей, — чтобы это молодое дерево долгие годы росло и цвело в этом замечательном парке как живой символ советско-югославской дружбы».

Кто бы мог подумать тогда, что над этим парком, полным детворы, над всем Белградом натовские самолеты и ракеты обрушат небо? И белградцы встанут плечом к плечу на мостах, чтобы защитить их своими жизнями, своей наивной верой в разум и добро…

…Седьмого октября в Москву прилетает премьер-министр Японии Какуэй Танака. В аэропорту Внуково-2 его встречает Алексей Николаевич Косыгин. В его записной книжке — набросок возможных совместных проектов, в том числе в зоне строительства Байкало-Амурской магистрали (призыв на БАМ прозвучит в следующем, 1974 году); ссылка на книгу японского коллеги.

«Танака в своей книге считает, что рост валового национального продукта и доходов населения прямо пропорционален в промышленности, транспорте, торговле и обслуживании к росту городов и обратно пропорционален к росту населения, занятого в сельском хозяйстве».

Комментируя эту мысль, Косыгин пишет: *«Очевидно, это одна из главных причин достаточного количества продуктов в мире». И дальше: «Взять справки объема инвестиций на душу населения у нас, в США, Японии, ФРГ, Франции, Италии».*

Переговоры премьер-министров восьмого и девятого октября, как писали тогда газеты, были деловыми и конструктивными. В записной книжке Косыгина пометки о разработке газа и нефти на Сахалине, трубопроводе на Хоккайдо, якутском газе и коксующихся углях… Подчеркнуто: *«Заключить генеральный контракт между соответствующими организациями». С* этой строчки начинается история города Нерюнгри в Якутии, откуда эшелоны с углем пойдут в порт Восточный, который еще строится близ Находки, и дальше в Японию…

Есть в этой записной книжке и такая пометка:

> *«Премьер Танака просит записать: обе стороны согласились вести переговоры о мирном договоре с*

указанием передачи 4-х островов».

Свой ответ Алексей Николаевич не приводит. Японцы и так хорошо знают его позицию; территориального вопроса в отношениях СССР и Японии не существует, у Советского Союза, России нет лишних островов.

…15 октября Косыгин принимает нового премьер-министра Дании Анкера Йоргенсена. Гость уезжает в большую поездку по стране — Самарканд, Волгоград, Киев, Ленинград; с подачи советского посла в Дании Н. Егорычева, который подружился с ним, когда Йоргенсен возглавлял профсоюз неквалифицированных рабочих, его принимают на высшем уровне. А Косыгин, отменяя запланированные встречи, вылетает в Каир. Накануне газеты опубликовали заявление Советского правительства: «На Ближнем Востоке в результате отсутствия политического урегулирования снова вспыхнули военные действия, которые влекут за собой человеческие жертвы, бедствия и разрушения». Двенадцатого октября в сирийском порту Тартус израильские ракетные катера потопили теплоход «Илья Мечников», который вез оборудование для ГЭС на Евфрате. Израильские самолеты бомбили Дамаск (бомбы попали и в советский культурный центр), Порт- Саид, Каир… Брежнев попросил Косыгина вылететь в Каир: «Алексей, ты знал Насера, знаком с Садатом…»

«16/X. Каир.

Ответ Киссинджера.

Предлагает прекратить огонь прежде, чем что-либо начинать.

США дают гарантии, если будет прекращен огонь.

Переговоры под руководством Генерального секретаря ООН».

Это первая запись в египетском блокноте Косыгина. Дальше — переговоры с Садатом, тезисы письма Киссинджера и нашего письма Никсону, снова переговоры с Садатом…

Как и прежде, здесь Косыгина сопровождал Вадим Алексеевич Кирпиченко, «наш человек в Каире», резидент внешней разведки. После утомительных переговоров, докладов в Москву и шифровок, уже поздно вечером Косыгин гулял по парку дворца Кубба, где он жил. Политика во время этих прогулок уходила на второй план. Однажды, совсем неожиданно для собеседника Алексей Николаевич заговорил о том, что несколько лет назад потерял жену, что она была очень образованной и доброй женщиной, настоящим другом. И от этих откровений, сделанных,

по существу, незнакомому человеку, замечает Кирпиченко, мне стало как-то тоскливо. «Я вдруг почувствовал, что он очень одинок, что ему надо выговориться, что невмоготу хранить в себе свои тяжелые мысли. Очевидно, предположение о его душевном одиночестве было верным: к тому времени прошло уже семь лет после смерти жены, а говорил он об этом так, будто эта невосполнимая утрата была совсем недавно, чуть ли не на днях».

Год большой страны и год премьера и человека подходил к концу. В кругу повседневных дел почти не замеченной прошла информация Госкомстата о том, что девятого августа 1973 года население СССР достигло 250 миллионов человек. А к началу года было — 248,6. Прибавка за семь месяцев — почти полтора миллиона. Тогда, в разгар «застоя» это казалось в порядке вещей. У большой политики есть ведь и семейный счет. Как и сейчас, когда каждый год Россия теряет 750–800 тысяч человек.

А теперь, когда мы представили крупным планом год Косыгина, посмотрим подробнее, как он занимался экономикой, отраслями. Лучше всего это сделать на примере одной отрасли — его родной текстильной, или, скажем, станкостроения, или газовой индустрии. Характернее всего для этого времени — газовая промышленность. Именно на газовый Север полетел Предсовмина в свою первую командировку в 1973 году. Надо ли говорить, что его маршруты случайными никогда не были?

Немного истории

…До Великой Отечественной войны газовой промышленности в Советском Союзе по существу не было. В 1940 году СССР добыл 3,2 млрд. кубометров газа, а США — 77. В 24 раза больше. Об этом напомнил Алексей Николаевич Косыгин, выступая с лекцией в Институте общественных наук 3 июля 1964 года.

Крупный шаг в развитии газовой промышленности был сделан в годы Великой Отечественной войны и сразу после нее. В дни ожесточенных боев в Сталинграде, у предгорий Кавказа Совнарком СССР принял решение о строительстве газопровода от Елшанского месторождения до Саратовской электростанции. 28 октября 1942 года котельная городской электростанции перешла на природный газ. Оборонные заводы города получили надежный источник энергии.

Сентябрь 1943 года. Освобожден Донбасс. Фронт катится к Днепру. А на востоке вступил в строй газопровод Бугуруслан — Куйбышев, ныне Самара. Изыскания по 160-километровой трассе

были проведены еще в предвоенные годы — прокладка газопровода планировалась на конец третьей пятилетки, прерванной войной.

Историки, краеведы разузнали множество интереснейших подробностей о той военной стройке. Вот, к примеру, такая деталь. Не было труб диаметром 300 мм. Их в прямом смысле пришлось добывать из-под земли. Было решено разобрать только что уложенный нефтепровод Избербаш — Махачкала. Трубы в спешном порядке демонтировали, резали на десятиметровые секции и перевозили в район строительства. По приказу наркома нефтяной промышленности СССР И. Седина (через год его сменит Н. Байбаков) стройке было выделено 500 ломов, 1500 кирок — о технике можно было только мечтать. На бугурусланском участке работал один-единственный маломощный экскаватор. Сохранилась фотография, сделанная в те дни на трассе, недалеко от Бугуруслана. С помощью ручных воротов, как ведро в колодец, трубы на веревках опускают в траншею. Чуть поодаль стоит верблюд, запряженный в телегу. Взнуздали его, конечно, не для экзотики, не по прихоти заезжего фотомастера. Трубы, изоляционные материалы, электроды и другие грузы для стройки со станций везли на трассу в основном на лошадях, быках, верблюдах.

За тридцать километров до Куйбышева закончились стальные трубы. И тогда по предложению начальника Главнефтегаза Ю. Боксермана и инженера И. Бородина руководители стройки приняли рискованное решение (прецедентов не было!) — на конечном участке трассы уложить асбоцементные трубы. Их изготовил Воскресенский завод под Москвой. Расчет оказался точным. 15 сентября 1943 года на восточной окраине Куйбышева вспыхнул факел — газ Бугуруслана пришел к Волге. Первый в стране крупный газопровод вступил в строй, началась регулярная подача газа на предприятия Куйбышева. Проложенная в 1942–1943 годах подземная газовая магистраль действовала долго и обеспечивала дешевым топливом большой город еще и в послевоенные годы.

В сентябре 1944 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял решение о строительстве магистрального газопровода Саратов — Москва. Страна восстанавливала угольные шахты, осваивала новые нефтяные месторождения, планировала построить в РСФСР в 1945 году 28 торфобрикетных заводов, о чем председатель Совнаркома республики говорил на сессии Верховного Совета СССР. И одновременно закладывала первое фундаментальное звено новой для Союза отрасли индустрии — газовой.

…Шестого ноября 1945 года председатель Мосгорисполкома Попов направил письмо «товарищу Берия Л. П., копию — Главснаблес при СНК СССР — тов. Лопухову Е. И.». Вообще-то он знал, что Главснаблес подчиняется Косыгину, но, видимо, хотел перестраховаться у всемогущего Лаврентия Павловича, который, помимо прочего, возглавлял и Оперативное бюро СНК.

«Постановлением ГОКО от 18 августа 1945 г. Главснаблес при Совнаркоме СССР был обязан поставить Исполкому Московского Совета для строительства газовых сетей в сентябре с. г. 2 тыс. кбм круглого леса и 10 тыс. кбм пиломатериалов, в том числе из Ленинградского лесного порта 6 тыс. кбм и из Архангельска (порт Бакарица) 3.700 кбм.

Главснаблес (т. Лопухов) постановление ГОКО не выполнил и ничего до сих пор не отгрузил, чем поставил в крайне тяжелое положение строительство газовых сетей в Москве.

Исполком Московского Совета просит Вас обязать Главснаблес (т. Лопухова) отгрузить Мосгазстрою в октябре с. г. все запланированное постановлением ГОКО количество материалов».

Восьмого октября письмо поступило к Берия. На следующий день он адресовал его по назначению.

«Тов. Косыгину А. Н.

Прошу разобраться и принять меры. Строительство газопровода нужно лесом обеспечить».

И подпись красным карандашом: Л. Берия.

На этом же письме еще одна пометка: «Т. Лопухову, т. Щербакову. Срочно подготовить. А. Косыгин. 11.X.45».

Задержек с лесом больше не было.

В декабре того же сорок пятого был подготовлен план газификации Саратова. Председатель горисполкома Шишкин и секретарь горкома партии Киселев обратились к Косыгину с просьбой рассмотреть этот план. На их телеграмму ответил Горчаков: «Товарищ Косыгин разрешил Вам выехать город Москву».

В июле 1946-го природный газ пришел в квартиры москвичей.

Эту дату принято считать началом газовой промышленности России, хотя в Саратове голубые горелки зажглись раньше, чем в Москве.

Косыгина всегда интересовало все новое в науке и технике. Зная об этом, коллеги, министры, ученые присылали ему свои новые работы, справочники. В его переписке сохранилось множество названий, столько, что удивляешься широте интересов этого человека. «Вы интересовались технологией изготовления

тиокола. Направляю короткую справку», — писал Косыгину в июле 1943 года зам. наркома резиновой промышленности А. Явич. Зачем-то понадобилась ему информация об этом, как говорят химики, резините. Тогда же отложились в его памяти материалы о новых технологиях в лесной индустрии, истории газовой промышленности.

…Еще три с половиной века назад ни в одном языке мира не было даже слова такого *газ*. Это понятие ввел в семнадцатом веке голландский ученый, врач и теософ-мистик Ван Гельмонт, предположительно от греческого «хаос». Оно определяло вещество, в отличие от твердых и жидких тел, способное распространяться по всему доступному ему пространству (в обычных условиях) без скачкообразного изменения своих свойств. Биографический словарь Брокгауза и Ефрона, отмечая приоритет Ван Гельмонта, добавляет несколько любопытных деталей.

Он родился в Брюсселе в 1678 году. Изучал медицину, в частности хирургию, много путешествовал, занимался химией, изучал кабалистические и мистические сочинения, а открытие сделал, как видим, вполне материалистическое. Правда, ему не удалось осуществить заветную мечту всей жизни — найти химическим путем средства от всех болезней. Но кто бросит за это камень в ученого XVII века, когда и в XXI век, в третье тысячелетие человечество тянет за собой шлейф неизлечимых болезней, старых и новых?!

С половины XVIII века начинается систематическое изучение газов, а затем постепенно формируется газовая промышленность. К концу XIX века, по авторитетному утверждению того же словаря, она достигла «громадных размеров».

В самом деле, для такого вывода были веские основания. К концу 70-х годов XIX века в США насчитывалось 971 газовое общество, в Канаде — 47. Подавляющее большинство из них эксплуатировали каменноугольный газ, 6 — природный. Первую же газовую скважину США начали эксплуатировать в 1870 году — вблизи Блумфильда, штат Нью-Йорк. В Великобритании на исходе XIX века действовали 594 газовых завода, а длина газопроводов составляла 35 150 километров.

А что же в нашем родном Отечестве? И оно старалось поспеть за прогрессом. Примечательную деталь отметил во втором томе «Мертвых душ» Николай Васильевич Гоголь.

Напомню: над этой книгой он работал больше десяти лет, с 1840 по 1852 год. Один из вариантов рукописи сжег в 1845-м, другие — за десять дней до смерти, в феврале 1852-го. До нас дошли лишь разрозненные тетради. В одной из них читаем слова действительного статского советника, племянник которого решил

уехать из Петербурга в деревню.

«— Но все же… Как же так запропастить себя в деревню? Какое же общество может быть между мужичьем? Здесь все- таки попадется навстречу генерал, князь. Пройдешь и сам мимо какого-нибудь… там… ну, и газовое освещение, промышленная Европа; а ведь там, что ни попадется — все это или мужик, или баба. За что ж так, за что ж себя осудить на невежество и на всю жизнь свою?»

Однако промышленная Европа не торопилась в Россию. К концу XIX века — 180 газовых заводов, 40 из них употребляют каменный уголь, 6 — дерево, остальные — нефтяные остатки или нефть. Специалисты рассчитали, сколько газа потреблялось тогда в год на одного жителя в крупнейших городах мира. Вот эти данные: Лондон — 276 куб. м, Брюссель — 111, Париж — 108, Берлин — 86, Вена — 70, Варшава — 27,4, Петербург — 20,2. «Вся газовая промышленность России по своим размерам меньше газовой промышленности одного Берлина», — заключал автор сравнительного исследования.

В силу самых разных причин это положение сохранялось довольно долго.

«Газовая промышленность у нас слабо развита, несмотря на большие возможности ее развития», — отмечал в 1932 году академик И. М. Губкин на Всесоюзном совещании Госплана СССР по размещению производительных сил на вторую пятилетку. Эти планы живо обсуждала и вузовская молодежь, будущие командиры производства, те, кому в годы второй пятилетки предстояло, как и сокурсникам Косыгина, прийти на производство. Осваивать новые автозаводы, химические комбинаты, шахты, текстильные фабрики, промыслы…

Соединенные Штаты в те годы уже добывали по 50 млрд. кубометров природного газа. Советский Союз вышел на эти рубежи в начале 60-х годов. Вот такая была дистанция, и это тоже нужно знать, чтобы по достоинству оценить все, что сделали люди, создавшие отечественную газовую промышленность — организаторы производства и рабочие, инженеры и ученые.

Приведу еще несколько цифр из лекции А. Н. Косыгина. Он говорил, что СССР уже добывает в год (напомню: это идет 1964-й) 90 миллиардов. Так сокращался разрыв. «…в настоящее время разведаны колоссальные запасы в Тюменской области. Открытые запасы нефти и газа обеспечивают нашей стране огромные возможности развития энергетики».

«Помогите сварщикам»

Через 20–25 лет, прошедших с того испепеляющего лета, когда природный газ «привели» в Москву, Россия стала одной из ведущих газовых держав.

По дилетантским представлениям, а они сильны и сейчас, добыча газа — совсем простое дело: сунул трубу в землю и качай себе доллары. Между тем это одно из сложнейших производств, немыслимых без качественной металлургии, развитого машиностроения, современной научной базы…

Сразу после Великой Отечественной войны правительство Союза поручило Институту электросварки Академии наук Украины разработать технологию сварки для строительства газопровода Дашава — Киев — Брянск — Москва. Эту работу возглавил академик Евгений Оскарович Патон, именем которого позже был назван знаменитый институт. Ученые предложили вести автоматическую сварку под флюсом. Были разработаны три варианта организации сборочно-сварочных операций на трассе газопровода, создано специальное оборудование.

«Впервые в мировой практике, — рассказывает академик Борис Евгеньевич Патон, директор Института электросварки имени Е. О. Патона Национальной академии наук Украины, — в широких масштабах на полустационарных базах была применена сварка под флюсом плетей из двух-трех труб, которые потом вручную сваривались на монтаже. Такая технология и сейчас является одной из основных при сооружении магистральных трубопроводов. Постепенно к ней пришли и зарубежные фирмы».

Ученые вместе с производственниками создавали трубные стали, страна осваивала свое трубное производство и, когда правительство Аденауэра объявило бойкот на поставку в Советский Союз труб большого диаметра, трубы на трассу поставил Челябинский трубопрокатный завод.

Большое значение созданию новой техники для строительства сверхмощных газопроводов, в частности для сварки труб диаметром 1420 мм, придавал А. Н. Косыгин. Вот как вспоминает об этом в письме, адресованном мне, академик Б. Е. Патон.

«Алексей Николаевич выезжал в Западную Сибирь, был там и зимой, изучал месторождения нефти и газа, их освоение. Перед одним из пленумов ЦК КПСС он вернулся из Сибири. Мне посчастливилось встретить его в фойе и попросить принять меня для доклада по проекту постановления СМ СССР о развитии сварочной науки и техники на предстоящую пятилетку, а такие постановления неизменно принимались на каждую пятилетку и почти всегда выполнялись. Алексей Николаевич сразу же согласился, но сказал, что и у него есть просьба. Во время

разговора в кабинете А. Н. с горечью сказал, что видел, в каких тяжелых условиях работают сварщики, сваривая так называемые неповоротные стыки магистрального газопровода на морозе в 40–50 градусов. Сварщик лежит на спине и варит в таком положении стык трубы почти полутораметрового диаметра. Вот, говорит Алексей Николаевич, нужно им помочь, облегчить условия их работы. Я прошу вас подумать и разработать такую машину-автомат, которая избавит сварщиков от этого изнурительного труда.

Посмотрел на меня и добавил:

— Если не получится, мы на вас в обиде не будем. Ведь понимаем, что это очень сложная задача, но постарайтесь.

Я сказал, что будем искать и работать. И, действительно, удалось создать машину контактной сварки стыков таких труб. Машина передвигалась внутри трубопровода, была поэтому всепогодной, а производительность труда возросла на порядок, т. е. в 10 раз. Такие машины и сегодня работают на строительствах трубопроводов, лицензия продана в США. Это один из эпизодов в многогранной, замечательной жизни и деятельности Алексея Николаевича. Но он свидетельствует о его подлинной заботе о человеке, об условиях его труда и здоровья.

Замечательный государственный деятель и человек! Выдающийся экономист, финансист, организатор промышленности. Именно таким он сохранился в моей памяти.

Это был интеллигентный, образованный человек, чуждый интригам, карьеризму, борьбе за власть во имя власти. Алексей Николаевич видел нараставшие трудности в нашей экономике, стремился их устранить. Именно этому была посвящена его реформа. К сожалению, ему не дали возможности развить и завершить эти планы.

Он любил и понимал науку, живо интересовался проблемами научно-технического прогресса. Я имел возможность видеть Алексея Николаевича во время неоднократных совещаний с учеными Академии наук СССР. Он глубоко понимал значение фундаментальной науки, ее роль в создании новой техники и технологии. Он привлекал ученых к работе в Совете Министров СССР, внимательно изучал их экспертные оценки планов и программ развития экономики.

Мне была поручена экспертиза планов развития черной металлургии. С этой целью мы создали рабочую группу, которая несколько лет плодотворно работала. Стремились не к безудержному наращиванию производства стали, а к повышению ее качественных показателей, к экономии ресурсов. Алексей Николаевич ценил это.

В годы своего руководства Советом Министров СССР он глубоко понимал значение топливно-энергетического комплекса для страны, необходимость его быстрого и интенсивного развития. Вместе со своим верным соратником, председателем Госплана СССР Николаем Константиновичем Байбаковым, с привлечением крупных ученых они разработали грандиозный план развития нефтегазового комплекса в Западной Сибири. Именно эта дальновидная политика позволила СССР развивать свою экономику. Именно она и сейчас позволяет России быть гигантским экспортером нефти и газа в западные страны».

Ученым нужны не жертвы, а истина

Ныне трубопроводный транспорт, начало которому положил научный и инженерный талант Дмитрия Ивановича Менделеева, стал составной частью транспортной системы страны. По трубам ежегодно перекачиваются миллионы тонн нефти, нефтепродуктов, миллиарды кубов природного газа. Становление этой системы шло с большими сложностями. Газовики старших поколений хорошо помнят, как осенью 1952 года взорвался газопровод близ Брянска. Министр нефтяной промышленности Н. Байбаков доложил о ЧП Сталину. На рапорте министра Сталин написал: «*Создать комиссию, виновных наказать*». Правительственную комиссию возглавил заместитель Председателя Совмина СССР И. Ф. Тевосян. Технической комиссией руководил вице-президент АН СССР И. П. Бардин. Комиссия заседала в Кремле в кабинете Тевосяна, а напротив был кабинет Берия. Ученым, писал позже академик Б. Е. Патон, нужны были не жертвы, а объективная истина: *«У членов технической комиссии хватило мужества признать, что злого умысла в случившемся не было. Требовались более надежные трубы».*

Эта тревога сопровождала всю историю отечественного трубопроводного транспорта. На строительстве нефтепровода Нижневартовск — Куйбышев диаметром 1220 мм, вспоминал Юрий Петрович Баталин, «количество порывов по вине изготовителей труб превзошло все допустимые пределы». Строители обратились за помощью в Совмин. «С помощью Алексея Николаевича Косыгина в конце концов удалось несколько поправить дела у главного поставщика — Челябинского трубопрокатного завода». Но это кардинально не решало проблему. Опуская технические подробности, скажу, что для основательного повышения качества труб требовались дефицитные легирующие добавки, которые шли исключительно

на оборонные цели. Вопрос о повышении качества строительства трубопроводов вынесли на совещание у премьера. Баталин, первый замминистра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, предложил организовать производство отечественных труб с легирующими добавками. На него обрушился один из старейших министров, сталинский нарком Петр Фадеевич Ломако. Ему уже было за семьдесят, за плечами три с половиной десятка лет наркомовско-министерского стажа:

— Мальчишка, несет околесицу!..

Алексей Николаевич никому не позволял так вести себя. Сделал одно замечание, второе. Ломако не унимался. Он вообще заводной мужик был. Рассказывают, в сорок втором году в Казахстане за три месяца построили молибденовый рудник «Восточный Коунрад». Этот рудник, затерянный в Балхашской степи, давал во время войны больше половины всего молибдена, добываемого в нашей стране, металла, без которого беззащитна армия. Ветераны рудника помнят, как Ломако, прилетев к ним, пригласил на сцену молодого стахановца, Литвинова, поднял паренька на плечи и крикнул: «Слава лучшему помощнику фронта!» И зал ответил громовым: «Ура!»

…Не обращая внимания на Косыгина, министр продолжал:

— Мальчишка, молоко на губах не обсохло, учиться надо!

— Хамству и грубости ни у вас, ни у кого бы то ни было еще учиться не намерен, — отрезал Баталин. — К чертям собачьим таких учителей!

Косыгин отчитал и «учителя», и «ученика».

Баталин закончил свое выступление, сел на место. Кто- то из соседей-министров прошептал: «Правильно ты старика одернул, но учти: потом еще и друзьями станете».

Так и вышло. «Мы действительно наладили с Петром Фадеевичем неплохие деловые отношения, — вспоминает Юрий Петрович Баталин. — Ломако быстро вникал в суть дела, принимал обоснованные решения и умел держать слово».

Словом, строители трубопроводов и металлурги «вопрос решили». Получили трубы, пригодные для экстремальных условий Крайнего Севера. Правда, через несколько лет пришлось еще раз вернуться к этой теме. В 1975 году на нефтепроводах случилось выше 150, а на газопроводах более 60 крупных аварий. В газетах о них тогда не писали. Шестого июля 1976 года секретариат ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О повышении надежности и эффективности нефтепроводов и газопроводов».

Пройдут годы, и люди вспомнят

6 апреля 1971 года, XXIV съезд партии. С докладом «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 годы» выступает Председатель Совета Министров СССР Косыгин.

Алексей Николаевич говорил о том, что в значительной мере прогрессивные изменения в промышленности определяются также расширением ее сырьевой базы, открытием новых месторождений газа, нефти, руд черных и цветных металлов, алмазов и других полезных ископаемых. К тому времени разведанные запасы газа превышали 16 триллионов кубических метров, из них более 13 триллионов составил прирост запасов, открытых за минувшее пятилетие, за 65— 70-е годы. За те же пять лет доля нефти и газа в топливном балансе страны поднялась до 60 процентов против 51 в 1965 году. Была создана крупнейшая база нефти и газа на востоке страны. Косыгин напомнил: еще недавно нефть доставлялась в Сибирь с Запада, а теперь из Сибири часть нефти идет и на запад, и на восток. За восьмую пятилетку были построены нефте- и газопроводы общей протяженностью 35,6 тысячи километров.

Все эти новые места — Самотлор, Нефтеюганск, Надым, Уренгой и другие для него не были лишь точкой на карте, как для иных отяжелевших госчинов. Прилетев на Самотлор, он вместе со свитой (Б. Е. Щербина, В. Э. Дымшиц, П. С. Непорожний и другие) добирается даже до буровых.

Николаю Константиновичу Байбакову запомнился забавный эпизод. Их вертолет приземлился неподалеку от разведочной буровой. Идти предстояло метров двести — навстречу морозному ветру. Пока дошли, обморозились. «Взглянув на Алексея Николаевича, я увидел белое пятно на его щеке и посоветовал растереть его снегом, — вспоминает Николай Константинович. — Он в свою очередь посмотрел на меня и пальцем показал на мои белые уши. Смеясь и морщась, мы растерлись снегом. Уши мне жгло, как кипятком. За обедом в столовой мы продолжали посматривать друг на друга, улыбаясь, указывая: он мне — на уши, я ему — на щеку, которые в тепле из белых стали огненно-красными. До чего доверчиво и открыто смеялся Алексей Николаевич, что невольно думалось: «Какой хороший человек рядом!»

И другой эпизод, который запомнился Владимиру Георгиевичу Чирскову, последнему министру строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Советского Союза. Он рассказал о нем в сентябре 2002 года, когда ветераны Миннефтегазстроя собрались, чтобы по-семейному отметить 30-летие со дня создания своего уже десяток лет не существующего

ведомства. Этому министерству было отмерено всего 18 лет — от начала девятой пятилетки до конца разрушительной перестройки. Всего 18 лет, но сколько же было сделано за эти годы!

Владимир Георгиевич вспомнил, как в 1976 году Косыгин, прилетев в Тюменскую область, побывал на одной из компрессорных станций недалеко от Надыма. Поднявшись на площадку, он сказал: «Пройдут годы, люди будут анализировать и говорить, как вы могли в тундре строить такие предприятия в такие сроки!»

Могли. Потому что их объединяла большая цель, и слова о Родине, патриотизме для них не были пустой фразой. 72-й год — Медвежье, 78-й год — Уренгой, 86-й — Ямбург — крупнейшие в мире газовые месторождения. А нефтяные гиганты! Самотлор, Федоровка, Холмогоры — 15–20 нефтяных месторождений вводили в строй…

И горький факт: за последние десять лет не сделано даже столько, сколько раньше делали за полгода.

А за десятую пятилетку предстояло сделать еще больше, чем за девятую. Добывать 480–500 млн. тонн нефти — прирост 131–151 млн. тонн. Добычу газа предполагалось поднять до 300–320 млрд. куб. метров (прирост 102–122 млрд. куб. метров); угля до 685–695 млн. тонн (прирост 61–71 млн. тонн).

Началась программа строительства атомных станций, рассчитанная на 10–12 лет. Уже была создана объединенная энергосистема европейской части страны и на ватманах появлялись контуры единой энергосистемы СССР. И Единой системы газоснабжения. 75 процентов всего прироста добычи нефти планировалось получить на новых крупнейших месторождениях Тюмени и Мангышлака.

К тому времени после многочисленных перетрясок в народном хозяйстве стало заметно отставание газового и нефтяного строительства. По предложению Косыгина и Байбакова эту отрасль предложили взять под свое крыло министру газовой промышленности СССР Алексею Кирилловичу Кортунову. Как вспоминал позже Юрий Петрович Баталин, двенадцать управляющих строительными трестами предварительно, перед встречей в Москве, собрались в Альметьевске, советовались, какие вопросы ставить перед центром. В Москве их приняли в ЦК КПСС. Говорили о роли строителей в стране — без них невозможно никакое продвижение вперед: «Рассчитываем на вас, товарищи!»

Открытия геологов в Западной Сибири были настолько огромными, что изменялись сами представления о стратегических направлениях развития общества. Мощная нефтяная и газовая промышленность могла стать основой

экономического и социального развития страны.

О тех масштабных, фантастических открытиях написаны книги, сняты фильмы, сложены песни. Напомню лишь несколько штрихов — по рассказам Юрия Петровича Баталина.

— Решение о начале освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири было принято в начале 60-х годов. До этого на протяжении многих лет вокруг перспектив нового нефтеносного района шли долгие дискуссии. Однажды к председателю Госплана России приехали Александр Константинович Протазанов, в то время первый секретарь Тюменского промышленного обкома партии (были такие, инициатива дорогого Никиты Сергеевича Хрущева), и Геннадий Павлович Богомяков, руководитель одной из крупных геологических научно-исследовательских организаций. Гости предложили организовать в Тюмени добычу нефти, предлагая добывать примерно 10–15 миллионов тонн в год.

Председатель Госплана вызвал своего заместителя, который ведал вопросами нефтепереработки. Тот с порога, не посмотрев на разложенные на столе геологические карты, заявил, что «огромные запасы нефти и газа, о которых много говорят тюменцы, не более чем плод провинциального и больного воображения». И заключил: «Надо прекратить дурить всем головы и заняться своими делами».

Протазанов, конечно, вспыхнул и говорит Богомякову: «Геннадий, забирай все бумаги. Мы думали, что пришли в советский государственный орган, а оказывается, это бюрократический царский приказ столетней давности. Нам здесь делать нечего».

Председатель Госплана оказался человеком более разумным. Он предложил послушать аргументы гостей, и в конце концов были подготовлены документы о начале работ в Западной Сибири. К тому времени старые районы нефтедобычи — Азербайджан, Татария, Башкирия — уже не могли обеспечить страну топливом. Надвигалась катастрофа. Лучше других это понимали Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, председатель Госплана Союза Николай Константинович Байбаков, министр газовой промышленности Алексей Кириллович Кортунов. Выход Советского Союза на первое место в мире по добыче нефти и газа и на второе — по общей протяженности трубопроводов — не только свидетельство трудового подвига всей страны, но и личная заслуга выдающихся организаторов народного хозяйства. Кстати, задел, созданный тогда усилиями всего народа, держит на плаву экономику России и сейчас. Жаль лишь, что этим богатством владеют немногие.

…К новым масштабам в начале 70-х годов строители Мингазпрома были не совсем готовы. Как же быть?

Одни предлагали развивать строительный блок в рамках Мингазпрома, но при этом возникали противоречия между нефтяниками и газовиками. Другие предлагали разделить строителей между нефтяным и газовым министерствами.

— Были даже близки к тому, чтобы разделить, — вспоминает Юрий Петрович Баталин, — но легко разделить нефтепромысловые и газопромысловые службы, а как разделить организации трубопроводного строительства, которые в то время определяли темпы развития экономики страны? И вот по инициативе Алексея Николаевича Косыгина и Николая Константиновича Байбакова было решено создать отдельное министерство, самостоятельную отрасль — строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Юрию Петровичу Баталину запомнилось высказывание Косыгина. Для того чтобы освоить Западную Сибирь, обеспечить высокие темпы развития нефтяной и газовой промышленности, надо решить два вопроса, — говорил он, — обеспечить материальные ресурсы: прежде всего трубы и металл, и развить мощности строительных организаций.

Министр газовой промышленности Союза Саит Атаевич Оруджев, очень уважаемый в отрасли человек, с заметной обидой однажды спросил Косыгина: почему же, подчеркивая значимость ТЭКа, он назначил своим заместителем не топливника? Отвечая, Косыгин говорил об этих двух ресурсах — материалах и кадрах. Председатель Госснаба ведает всеми ресурсами, он направит их на развитие топливно-энергетического комплекса. И он, Дымшиц, строитель, понимает значение строительства. Решение оказалось очень удачным.

А первым министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности по настоянию Косыгина был назначен Алексей Кириллович Кортунов. До этого он возглавлял Мингазпром, а еще раньше — Главгаз при Совете Министров. Главгаз удалось организовать и отстоять в те вихревые месяцы, когда Никита Сергеевич разгонял министерства, а министров рассылал по совнархозам. Создание Главгаза, межрегиональной специализированной структуры Юрий Петрович Баталин называет чудом. «Чего это стоило в момент «коронования» территориального принципа в управлении народным хозяйством, — пишет он, — знали, наверное, только Кортунов, его сподвижники Н. К. Байбаков и, конечно же, главный инициатор решения Алексей Николаевич Косыгин».

Что ценил Косыгин в Кортунове?

С Алексеем Кирилловичем мне встретиться не довелось. Правда, заочно мы были немного знакомы — «Комсомолка», в которой я тогда работал, часто писала о комсомольских стройках, а их в его отрасли было, пожалуй, больше, чем в любой другой. Планируя праздничный, октябрьский номер газеты, я предложил рассказать в нем и о Кортунове, министре строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Советского Союза. Встретился с Алексеем Кирилловичем совсем молодой тогда стажер «Комсомольской правды» Олег Жадан, тоже уже покойный.

Его материал вышел 6 ноября 1973 года. Случилось так, что это было последнее интервью Кортунова…

Тот давний номер «Комсомольской правды» я увидел, когда пришел поговорить с дочерью министра, Светланой Алексеевной. Она бережно хранит все, что связано с памятью отца — фотографии, газетные и журнальные вырезки, письма друзей, записные книжки… До самых последних минут она была рядом с отцом. На всю жизнь врезались его слова, их Кортунов повторял, теряя сознание: «Достойно жил и надо достойно умереть».

Вместе со Светланой Алексеевной мы разбирали семейный архив, чтобы с помощью документов полнее представить читателям ее отца.

— У Кортуновых была большая семья, много детей, а в живых остались шестеро. Их выходила мать, казачка. Отец Алексея Кирилловича был смазчиком на железной дороге, туда же пришел и он. И всегда гордился тем, что самостоятельную жизнь начал в 15 лет, поступив в Новочеркасскую профтехническую школу. Потом была железная дорога, без отрыва от производства помощник машиниста паровоза поступает в институт. Молодого инженера приглашают в Москву, во Всесоюзный научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации. Он закончил аспирантуру, но диссертацию защитить не успел: вместо диплома кандидата технических наук попросил комсомольскую путевку на «Азовсталь». Кортунов всегда гордился своей комсомольской домной. Из Мариуполя его направили в Подмосковье — строить новый ЦАГИ.

Здесь Алексея Кирилловича застала война. С таких объектов на фронт не призывали — броня. Но Кортунов добился отправки в армию. После краткосрочных курсов его назначают начальником инженерной службы 134-й стрелковой дивизии. С сентября 1942 года он командир 629-го стрелкового полка этой же дивизии.

…На плацдарм за Вислой командир 629-го полка переправился вместе с передовым отрядом. И в самый критический момент боя вызвал огонь на себя. Из того боя он вышел Героем Советского Союза.

— Как вы думаете, Алексей Кириллович, может ли руководитель рисковать? — спросил в том памятном интервью Олег Жадан у министра. — Есть ли у него право на это?

— Риск… — повторил министр. — Риск важен в любом деле. Но риск осмысленный, основанный на глубоком знании обстановки.

— А какой риск был там, под деревней Люциме?

— Мы могли рисковать своими жизнями, но не плацдармом, не делом, которое нам поручено. Мои бойцы окопались настолько хорошо, насколько это было возможно в условиях непрерывного боя. Подумайте сами — был ли этот риск безрассудным? Но вы спрашиваете о риске в мирное время. Я не представляю себе хорошего руководителя, если у него не хватает мужества защищать свои позиции.

Или, добавлю к словам министра, признавать свои ошибки.

…В погоне за сроками на трассе газопровода Бухара — Урал строители понаделали много брака. Комитет народного контроля (КНК) СССР провел проверку и выяснил, что «в актах о приемке участков газопровода отмечалось высокое качество работ». Руководители Мингазпрома утверждали эти документы. Между тем на ряде «участков вопреки проекту вовсе не проводилась изоляция труб, катодные станции, снижающие влияние блуждающих токов, не строили».

О результатах проверки КНК доложил правительству. «Незамедлительно последовала реакция А. Н. Косыгина: вопрос был включен первым пунктом в повестку очередного заседания Президиума Совмина», — вспоминал зампред КНК Владимир Иванович Залужный. Ответ держали Кортунов, министры черной металлургии, химической промышленности, строители… Алексей Кириллович оправданий не искал. Не прикрывался чужими просчетами и недоработками.

К 1968 году Советский Союз вышел на первое место в мире по промышленным запасам газа. Деятельно создавалась Единая система газоснабжения, которая и сегодня служит России. В эту систему вложены мысль и воля Кортунова, его соратников, его преемников — Динкова, Оруджева, Черномырдина, Вяхирева, Баталина, вложен труд поколений.

Маршрут выбирает инженерная совесть

Новая отрасль — строительство предприятий нефтяной и газовой промышленности — формировалась и крепла на ходу. Алексей Николаевич Косыгин при всей своей огромной занятости не упускал ее из вида. Тем более что министр тяжело болел, а первый зам, Юрий Петрович Баталин, был назначен лишь недавно.

В цепкой памяти Баталина — шесть визитов премьера в Тюменскую область.

— Правда, официальное слово *визит* здесь совсем не подходит, это были деловые, рабочие командировки. В пяти поездках я был непосредственно в сопровождении, при этом в одной из них, в 1973 году, оказался главным действующим лицом. Я работал заместителем министра газовой промышленности и возглавлял строительство нефтепровода Усть-Балык — Курган — Альметьевск.

— Он строился по поручению Косыгина?

— Да. Алексей Николаевич придавал этому нефтепроводу огромное значение. Огромное! Почему? По плану по этому нефтепроводу в 1973 году должно было быть поставлено 18 млн. тонн нефти. Ввод нефтепровода в строй был предусмотрен в июне, и вот за полгода надо было перекачать 18 млн. тонн нефти. Без этих 18 миллионов тонн весь топливный баланс развалился бы. Задача была — ввести обязательно.

А силенок у Мингазпрома было маловато. Мы задержались на строительстве в Средней Азии, на других объектах. И с большим запозданием сосредоточили силы на нефтепроводе.

На нефтепроводах, да вообще в Западной Сибири основные работы можно вести в зимний период. Это парадокс, конечно. Всегда у строителей основной сезон — лето. А в Сибири — это зима. Часть зимы мы прошли в четверть силы — зима уже на исходе. Алексей Николаевич, приехав к нам в январе 73-го, застал строителей у разбитого корыта.

В ту зиму сильнейшие холода начались с конца декабря. Недели три или четыре температура была минус 50 градусов, даже минус 55. А мы пробовали работать. И угробили технику. Свыше тысячи единиц техники на морозе угробили. Ломались, как стекло, стрелы, гусеницы, выходили из строя двигатели.

Я все это доложил Косыгину: положение чрезвычайное. Выслушав меня, Косыгин спокойно спросил: «А вы не сгущаете краски?» Я отвечаю: «Алексей Николаевич, мне очень тяжело говорить это, потому что я в определенной мере виноват, заставлял людей работать при таких низких температурах. Зимний сезон у нас — основной, терять его никак нельзя». Алексей Николаевич что-то пометил в своем блокнотике и сказал,

что ресурсы еще можно изыскать. А важнее этой стройки в стране нынче ничего нет. После этого я подписал приказ по министерству, запрещающий работать при температуре ниже 35 градусов. По закону было разрешено до 40, но учитывая, что техника не очень надежная, мы запретили работать при температуре ниже 35 градусов.

— Помнится, и на БАМе я видел, как «летела» техника. Машин в северном исполнении тогда явно не хватало.

— Как не хватает и сейчас. А тогда, воспользовавшись приездом премьера и его спутников, я организовал показ строительной техники, на которой мы работали. Другого такого случая могло не представиться. А перевод строительных машин на новый качественный уровень, жизненно необходимый в условиях трубопроводного строительства на Крайнем Севере, не терпел отлагательств…

Случай же, но совершенно иного свойства, сыграл злую шутку в моей судьбе…

Случилось так, что в день показа техники температура воздуха колебалась между 45 и 50 градусами мороза. Алексей Николаевич с виду одевался в тюменской командировке довольно легко, и я, не желая ударить лицом в грязь перед высоким гостем, годившимся мне в отцы, и будучи уверенным в своей закаленности, сменил свой трассовый «костюм» (унты, полушубок, толстый свитер и т. д.) на наряд, близкий к «руководящему»… Правда, о гагачьем мехе и других утеплителях я тогда не знал. Сначала пришлось ждать прилета вертолета с гостями… Естественно, ждал на морозе… Потом более часа водил гостей по импровизированной выставке строительных машин и механизмов… Затем пошли проводы… В общем почти день на морозе и, считай, по северным меркам раздетым…

В связи с хроническим недосыпанием и постоянной переработкой на трассе и в штабе мороз, как говорится, достал свою жертву. Куда там тело? Душа заледенела. Хотел «заледеневшую душу» отогреть в бане, да баня сама промерзла… Пришлось согревать душу послетрассовым «пуншем» (водка пополам с горячим чаем)… Не помогло… В гостинице, где я жил, попытался принять ванну, но… отказало центральное отопление. А с помощью электрических рефлекторов душу не согреешь. На следующий день летал по объектам на вертолете и несколько раз докладывал о результатах Алексею Николаевичу… И, естественно, был в постоянном напряжении. Вечером полетел в Тюмень на собрание актива, на котором с докладом выступал А. Н. Косыгин. Вот во время доклада-то и кинуло меня в жар…

На ужин в резиденции Косыгина я уже не попал…

Температура 39,5… Врачи три дня ее сбивали… На четвертый сбили, и я вновь отправился на трассу. И снова режим дня ненормированный — 16–18 часов в сутки. А вскоре опять высокая температура, уколы, трасса, высокая температура, аспирин, баня, трасса… Закончилось все это больницей.

Добавлю к словам Баталина. Эта пятимесячная «командировка» в больницу закрыла ему в то время дорогу в министры. Косыгин, собираясь назначить его министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, попросил медицинское заключение. Начальник Четвертого главка Минздрава Чазов ответил, что на активной, напряженной работе Баталина использовать нельзя. Выходит, и академики ошибаются.

Продолжаем разговор с Баталиным.

— Какое чисто человеческое впечатление оставил у вас Косыгин?

— До этого я был раза два с министром на заседаниях Совета Министров, но там ничего особенного для себя не отметил. А вот здесь увидел: Косыгин по фотографиям, по телевидению производил впечатление больного, угрюмого человека. Вблизи впечатление было совсем другое. Из аэропорта его обычно сразу везли в гостиницу обкома, там и ужин был. В Тюменской области рыбы много: сосьвенская селедка, нельма малосольная, муксун малосоленый, осетрина, стерлядь — на столе, понятно, все стояло. Он любил рыбу с картошкой. Выпивал три рюмки коньяка, не больше, причем с удовольствием. Потом разговоры за столом… Я посмотрел: когда он начинает говорить, улыбается, если слышит шутку — сразу преображается, черты лица разглаживаются. Улыбается. Очень мягкое, доброе выражение лица. Отзывался на шутку и сам рассказывал к случаю смешные истории. Это на меня огромное впечатление произвело.

— Но вот нефтяная кладовая оскудела. Нужны были новые решения…

— Освоение нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири — проект глобальный и по затратам, и по эффекту в экономике. Нужна была поддержка на самом высоком уровне, в то время — Генерального секретаря ЦК КПСС. До поры до времени все шло на полумерах, а полумеры снижают и эффект.

Ясно было: надо что-то делать. Или в разы увеличивать капиталовложения в добычу нефти, на что экономика страны уже не была способна. Или браться за газ. Здесь тоже требовались большие капиталовложения, огромное количество труб, которых мы не производили, надо было покупать за рубежом. Много вопросов возникало, но и эффект ожидался огромный. Поэтому,

естественно, надо было всей мощью и авторитетом государства браться, чтобы все дудели в одну дуду. А Брежнев на это не реагировал. Председатель Госплана Байбаков, министры Оруджев (газовая промышленность), Щербина (строительство предприятий нефтяной и газовой промышленности) постоянно собирались, обсуждали проблемы и настойчиво предлагали: принять решение ЦК и Совета Министров об ускоренном развитии газовой промышленности. И вот тогда Борис Евдокимович Щербина, преемник Кортунова, новый министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, используя свои связи в ЦК, предложил подготовить лично для Брежнева записку о развитии добычи газа в Западной Сибири. Рабочий вариант этой записки Щербина поручил подготовить мне: в какие сроки мы могли бы выйти на добычу в год триллиона кубометров газа, что для этого надо и т. д. Три обстоятельства были решающими: ресурсная база, капиталовложения и возможности строителей.

Месяца полтора мы готовили расчеты и пришли к выводу: Советский Союз может выйти на триллион кубометров добычи газа примерно в 1992–1993 годах. Естественно, соображали, что Брежневу длинных записок нельзя давать. Надо сжато и емко обозначить горизонты, масштабы, в то же время польстить его самолюбию, что он, вроде, у истоков этого процесса находится. Сказать, когда можно начать добычу и что это стране даст.

Я составил первый вариант этой бумаги, она заняла две странички машинописного текста. Постарался дать мотивировку, определить масштабы капиталовложений, какой эффект получит народное хозяйство, сколько надо труб. Он все-таки металлург и это понимал. Словом, в документе была цельность, логическая стройность, определены ресурсы. Щербина посмотрел: в принципе годится. Сжал этот вариант в страницу и от руки написал записку. Почему от руки, понятно: доверительная записка, никто, мол, кроме адресата, в дело не посвящен.

А дело действительно государственного масштаба: экономика испытывает сложнейшие проблемы, а необходимые ресурсы для ее развития, в том числе и для социальной сферы, можно получить только за счет развития газовой промышленности — это наиболее эффективная отдача. В той записке мы привели пример: новые комплексы, включая промыслы и газопроводы от объектов в центр страны, окупались за полтора-два года.

Особо подчеркну: окупались внутри страны, без учета экспорта.

Словом, в те годы у страны не было более эффективной программы: Советский Союз обеспечивал себя топливными ресурсами, мог резко увеличить поставки газа в Европу, укрепить

деловые связи.

Записку, которую подписал Щербина, близкий его товарищ из аппарата ЦК КПСС отвез Брежневу в Крым. Там ее отпечатали и без подписи передали Леониду Ильичу — как справку. И на этой справке на следующий день появилось поручение Брежнева: поддержать и т. д.

И действительно, вскоре вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров об ускоренном развитии газовой промышленности. Эти положения вошли в пятилетний план 1981–1986 годов, который принимался уже без Косыгина. Это была пятилетка ускоренного развития газовой промышленности. За пять лет прирост добычи газа составил 220 млрд. кубометров. Один из годов дал максимальный прирост — 54 млрд. кубометров!

— Юрий Петрович, выходит, вы со своей запиской обошли Косыгина?

— Я бы так не сказан. Алексей Николаевич был в курсе всех наших шагов. Его информировал Байбаков: «Алексей Николаевич, как вы смотрите, чтобы записку Брежневу передать?» Председателя правительства и в самом деле обходить нельзя. После этого Щербина действовал смело. А потом Оруджев все время просил его вывести на такой же контакт с Брежневым. Но Щербина свои каналы не открывал. А выполнение постановления ЦК и Совмина, конечно, возглавил Косыгин.

Тогда же для меня стал проясняться весь трагизм положения А. Н. Косыгина в брежневском руководстве… Алексей Николаевич, являющийся для меня и сегодня образцом государственного деятеля, был намного квалифицированней, опытней и умней всех остальных членов Политбюро. Он с начала 60-х годов остро ощущал надвигающийся экономический кризис и предпринимал все возможные меры для его предотвращения. К сожалению, даже глава правительства не все мог сделать.

— Иногда Косыгина осуждают за то, что он не ушел со своего поста.

— Но как можно было хлопнуть дверью, когда только его авторитет еще кое-как сдерживал маразм брежневского клана? Для Алексея Николаевича на первом месте всегда были государственные интересы.

— Юрий Петрович, вспомним о крупных проектах, которые вызывали конфликты. Скажем, северный и южный варианты магистрального газопровода от Медвежьего газового месторождения в центр страны.

— Это месторождение было открыто в 1967 году и по сей день служит России. Начальные запасы — полтора триллиона

кубометров. При обсуждении маршрута будущего магистрального газопровода столкнулись два альтернативных варианта. Первый — идти вдоль «мертвой» железной дороги до Салехарда через Урал, по территории Коми, дальше на Торжок и в центр страны — в Белоруссию и на Москву; второй — пустить газопровод с южным отклонением. Выходить к «живой» железной дороге, вдоль нее в северные районы Свердловской области, через Урал, затем по территории Удмуртии и Татарстана в центр страны.

Это действительно был серьезный конфликт. Тем более что на северном варианте настаивал Кортунов, наш министр, человек, к которому я относился и отношусь с огромным уважением.

Он, увлекающийся человек, буквально каждой клеткой был настроен на северный вариант. Я к тому времени серьезные трассы газопроводов еще не строил, но как строитель представление о них имел. И представлял, что это очень уязвимая, с точки зрения эксплуатации, штука. Построить можно, а эксплуатировать потом будет сложно. Я пытался приводить доводы не столько по части строительства, потому что сразу меня обвинили бы: личные интересы отстаиваю; сколько с точки зрения эксплуатации: надежна ли она? Мне отвечали: если строители не будут гнать брак, все пройдет нормально. Я возражал, но в общем старался не лезть вперед, тем более что этой стройкой занимался другой заместитель министра. Я занимался наземным строительством, но инженерная совесть не позволяла молчать.

Если человек получил инженерное образование, много занимался инженерной деятельностью, то в дальнейшем у него вырабатывается понимание сути технических ситуаций, процессов, происходящих с конструкцией, зданием, с каким-то сооружением. И складывается представление, правильно идет процесс или неправильно.

Если правильно, ты спокоен. По каким-то неуловимым характеристикам видишь, что все идет нормально. Если же нет, могут возникнуть осложнения в работе конструкции, сооружения, случится авария, а это недопустимо. Твоя инженерная совесть, твои профессиональные навыки не могут допустить того, чтобы ты не остановил эти процессы, не заставил делать иначе, исправить.

На одном из совещаний в сентябре 1971 года, в ответ на резкую реплику министра в мой адрес я попросил у Алексея Кирилловича Кортунова разрешения еще раз облететь на вертолете северный маршрут газопровода, а после облета окончательно убедился в своей правоте… После возвращения и доклада министру нас обоих срочно вызвали «на ковер» к

Косыгину. У него шло обсуждение вариантов проекта газопровода из Медвежьего. Спрашивали, кто и что думает. Я, понятно, не высовывался… А Ефремов Михаил Тимофеевич, заместитель Косыгина и куратор топливно-энергетического комплекса, которому я искренне симпатизировал за умение быстро схватывать самую суть любой проблемы и находить верные решения, зная, что в конфликтных ситуациях я излишней активности не проявляю, но и мнения своего скрывать не стану, взял да поднял меня для ответа…

Я выступил, привел свои доводы, и в результате остановились на южном варианте…

Из-за этой истории Кортунов с Ефремовым «разошлись, как в море корабли», а в наших с Алексеем Кирилловичем отношениях температура упала до уровня самого холодного месяца в районе Медвежьего месторождения, правда, на время. Алексей Кириллович был очень эмоциональным человеком, но все-таки разум в нем брал верх над чувствами. В канун Дня Победы в 1973 году он представил меня на утверждение в должности первого заместителя министра, которое поддержал Алексей Николаевич Косыгин. Восьмого мая меня с трассы вызвали в Москву и, конечно, в тот же день я поехал к Кортунову в больницу. Он подробно обо всем расспрашивал… Словом, лед растаял. А вскоре я и сам попал в ту же больницу и заглядывал к Алексею Кирилловичу чуть ли не каждый день: он из палаты уже не выходил.

Такие обстоятельства иногда ломают самые сильные характеры. Из неведомых тайников поднимаются испепеляющие душу чувства: почему молодые остаются, а я ухожу? В довершение всех бед у Кортунова умерла жена, ухаживавшая за ним, как за ребенком. Все заботы об отце взяла на себя дочь. Очень горько складывалась жизнь у сыновей… Алексей Кириллович до самых последних дней с редким мужеством держал свой жизненный плацдарм.

— С Косыгиным можно было спорить? Он принимал возражения?

— Отвечая на этот вопрос, вспомню историю с проектом нефтепровода на Дальний Восток. В конце 1972-го — начале 1973 года между Советским Союзом и Японией было подписано предварительное межправительственное соглашение о поставке в Японию 40 миллионов тонн тюменской нефти. Не знаю до сих пор, кто был инициатором этого соглашения, но оно было абсолютно нереальным. Страна не имела такого излишка нефти, а если бы и имела — как подать эти миллионы тонн из Западной Сибири в Японию? Нам предложили наметить возможную трассу

до бухты Находка или Ольга. По предварительным расчетам получалось: необходимо 5 миллиардов рублей и 4–5 лет.

На совещании у Косыгина я, вопреки общему мнению, привел возражения. Мои оценки прозвучали словно гром с ясного неба. И началось: «цифры взяты с потолка», «по молодости Баталин не понимает, что к чему», «это — торги, а не государственная оценка», «строители играют в ведомственные игры»… Это еще самые «мягкие» заключения! Алексей Николаевич, также расстроившись, до резких слов не унизился, но был мною страшно недоволен. Он был сдержанный человек. Поэтому сказал, что Баталин — молодой, опыта у него в руководстве министерством нет, мыслить по- государственному пока не научился. Дал две или три недели и поручил мне вместе с представителями нефтяников и Госплана еще раз проверить все расчеты.

Я послал на трассу несколько групп производственников, сотрудников проектных институтов, которые поехали по районам. Там есть заболоченные места и горы. Я не сразу осознал, что нужно было ставить специальные устройства, чтобы гасить давление: гидравлический удар — и разорвет трубы. Нужны были станции понижения давления. Группы посмотрели все на месте, сделали прикидку. И уже по вторичной прикидке я подходил к проекту более осознанно. Каждый день, с утра до вечера, все варианты смотрели. На следующем совещании я Алексею Николаевичу сказал, что мы разобрались. Он провел тогда несколько совещаний, причем собирались мы не только в Кремле — у геологов, нефтяников, транспортников. В итоге Алексей Николаевич сам пришел к убеждению, что строить нефтепровод не надо. Нефтепровод в отличие, скажем, от машиностроительного завода перепрофилировать невозможно. Он призван качать нефть. И если вдруг возникнут форс-мажорные обстоятельства (не будет нефти, стихийные бедствия, международные осложнения и т. п.), то 5–6 миллиардов рублей и результаты труда сотен тысяч людей пойдут прахом. На одном из совещаний, которые проходили уже более спокойно, впервые прозвучала идея сооружения Байкало-Амурской магистрали с тем, чтобы вывести к ней нефтепровод из Тюменской области, поставлять дальше нефть в цистернах. Железная дорога могла обеспечить транспорт нефти в объеме 20–25 миллионов тонн в год. Совещания у Косыгина и заседания правительства подтвердили перспективность такого варианта. Будущая дорога виделась, конечно, не только «нефтяной». Она становилась новым центром освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока.

— Вернемся к «мертвой» дороге, которая разделила живых…

— Ее строили при Сталине и бросили сразу после его смерти, за полтора-два года до завершения железки. И людей, получилось, угробили, и дела не сделали. В то время на дрезине можно было проехать по всей дороге. Лишь в отдельных местах дрезину приходилось переносить.

Эта дорога известна как 502-я стройка. А с Игарки шла 501-я. На каждой из них было по 50 тысяч заключенных…

Достроить ее можно было за полтора года, и была бы дорога на Игарку, Норильск. И в этом случае началось бы масштабное освоение Севера, страна сберегла бы многие миллиарды рублей. Полноценных, а вовсе не деревянных. Конечно, лагеря надо было закрывать, но для того, чтобы достроить дорогу, можно было найти другие решения.

Над «мертвой» дорогой от Надыма до Медвежьего и дальше в сторону Уренгоя мы летели с Косыгиным в 1973 году. В вертолете еще были Лалаянц, заместитель председателя Госплана, Дымшиц, председатель Госплана Байбаков, министры Щербина, Оруджев.

Часть «сталинской дороги», которую восстановили строители, помогла освоить Надым и Медвежье. Была идея — дать жизнь всей «мертвой» дороге. Вертолет летел над трассой, и я рассказывал премьеру, что здесь было, что можно сделать, восстановив дорогу.

Мы сидели с Косыгиным у одного иллюминатора, и я показывал: «Вот здесь ровная местность, почти нет пересечений». — «А от Надыма к Салехарду?» — «Там сплошные пересечения. Огромное количество речек, ручьев… Если проложить трубопровод, здесь вечная мерзлота и размывы, мы не сможем обеспечить устойчивое положение газопровода».

На Медвежьем месторождении, у первой установки, которую ввели в 72-м году, вертолет приземлился. Во время этой поездки Косыгин планировал посмотреть газовый север. И обязательно хотел побывать на промысле.

Когда летели над трассой, Косыгин ответил на мое предложение: «В чем же вопрос? Раз вы считаете, что надо восстанавливать дорогу, восстанавливайте». — «Очень важно, чтобы Вы убедились, что это надо делать». «Считайте, что я убедился». — «Но этого мало. Рельсы надо, шпалы надо, крепления, стрелочные переводы. Надо, чтобы это все в планах было». — «Понятно. Хорошо, хорошо».

И мы эту дорогу восстановили, потом продолжили ее до Уренгоя, а это позволило на 3–4 года приблизить пуск Уренгойского месторождения. Минтрансстрой пришел железной дорогой к Уренгою позже. А иначе как? От Надыма до Уренгоя 250 километров! На такое расстояние перевезти миллионы тонн

грузов было бы невозможно. За короткий зимний период это было сделать нельзя. Восстановили дорогу: Алексей Николаевич дал толчок.

— Юрий Петрович, освоение Западной Сибири было бы невозможно без блочной технологии. Это ваша разработка. Вас поддержали Дымшиц, Щербина, Косыгин.

— Прилетели мы на Медвежье, поехали на первую установку, которую мы там ввели. Для тех, кто не бывал на промыслах, надо пояснить, что газоприемный пункт — это по сути целый завод.

Там было много блочных комплектов. У нас там все хорошо, чисто, аккуратно. У Косыгина верх похвалы было: «Чистенько, чистенько!» Были еще Дымшиц и Щербина. Они меня пропустили вперед. Я докладываю Алексею Николаевичу, а они идут сзади. Прошли по одному цеху, другому. Он обо всем расспрашивает, интересуется. Я хорошо знал технологию, все ему рассказывал.

— Сколько же времени ушло на строительство? — спросил Косыгин. Я ответил, что установку начали монтировать в декабре 1971 года и ввели в эксплуатацию 8 апреля 1972 года.

— Как?! — удивился он.

Я отвечаю, что мы ввели объект в строй за четыре с половиной месяца. В 5,8 раза быстрее нормативного срока. И при этом от сметной стоимости объекта сэкономили более чем 19 процентов.

Остановились. Косыгин подождал, пока подойдут Дымшиц и Щербина, и говорит: «Товарищ Баталин утверждает, что все эти цеха построены за четыре с половиной месяца».

«Да-да, Алексей Николаевич!» — ответили в голос Щербина и Дымшиц.

Косыгин головой покачал: «Да, удивительно!»

С его стороны, конечно, было не очень тактично ставить под сомнение мои слова. Он, видимо, это почувствовал и сказал: «Давайте поподробнее расскажите, как вы этого добились». Тогда с энтузиазмом я начал рассказывать про комплектно-блочный метод. Он сказал: «Надо же развивать этот метод!» Я ответил: «Да, Алексей Николаевич, надо развивать, идеология у нас такая-то».

«А как в принципе развивать?» — спросил Косыгин. Я ответил, что надо развивать это направление как систему и применять много новейших достижений, организационных, технических, управленческих. Потому что потребность будет огромная, и эта система должна быть саморегулируемой. Он спрашивает: «А за чем же дело стало?» Я сказал, что у нас есть задумки создать нового типа систему, структуру, с большими правами, чем сегодня. С правами главка, позволяющими самим формировать штатное расписание, иметь большую свободу в

использовании финансовых ресурсов. Это должно быть совершенно иное структурное подразделение — без лишних звеньев. Надо совместить промышленный и строительный баланс. Не наделять подразделения, которые внизу, полной хозяйственной самостоятельностью, иметь подразделения, а не самостоятельные финансово-экономические структуры.

Алексей Николаевич слушал очень внимательно, много раз просил уточнить то или иное положение, объяснить, почему надо поступать так, а не иначе. Особенно его заинтересовали предложения о том, что организации должны специализироваться не по видам работ и не по видам строительства, а по этапам производственного процесса. Точнее, по этапам производственно-технологического процесса. Это относится не только к строительству трубопроводов, но и ЛЭП, дорог…

«За чем же дело стало?» — повторил Косыгин.

Я сказал, что мы отступаем от существующих норм. Поэтому было бы желательно, чтобы вышло постановление или распоряжение Совета Министров о создании такой структуры с предоставлением ей необходимых прав. Он обещал поддержку. И действительно поддержал.

Три пятилетки можно назвать косыгинскими. Самая успешная восьмая, 1965–1970 годы дали прирост экономического потенциала примерно в полтора раза… Но из-за искусственных ограничений более чем двукратное увеличение прибыли в народном хозяйстве за период с 1965 по 1970 год не было использовано ни на техническое обновление предприятий, ни на повышение реальных доходов работников. Экономическая реформа принесла трудовым коллективам огромные средства, но не дала реальных возможностей их рационального использования. Этим «усечением» Брежнев и его стареющее окружение угробили смысл косыгинских реформ.

Затем страну выручали нефтедоллары. В 1970 году добыча тюменской нефти составляла 31 миллион тонн, через пять лет — 148 миллионов, а через десять — 313. По расчетам академика Аганбегяна, нефтяники обеспечили прирост национального дохода за пять лет в объеме 110 миллиардов рублей. По курсу тех лет это примерно столько же долларов.

Алексей Николаевич Косыгин лично занимался Западной Сибирью, занимался с большой энергией, душевным настроем, что помогло стране быть на уровне. Но постепенно крупные нефтяные месторождения в Западной Сибири истощились, пошли мелкие. Чтобы приращивать добычу, требовалось в несколько раз больше капиталовложений. Нефтяники требовали все больше средств, труб, металла, оборудования… Правда, потом

оказывалось, что, несмотря на ожесточенные споры, нефтяники планы все же перевыполняли. И в ЦК партии, в Совмине, да и у Алексея Николаевича сложилось мнение, что резервы у них есть.

Вспоминаю большое совещание нефтяников в Кремле. Министром нефтяной промышленности был Мальцев. Он резко возражал Косыгину и был прав по сути, но, как мне кажется, это можно было сделать тактичнее. Косыгин отложил тогда совещание, предложил «послушать вопрос через несколько дней». Через несколько дней все повторилось! Премьер говорит, что объемы добычи должны быть больше, нефтяники категорически возражают.

Среди участников этого совещания был главный геолог Новосибирского геологического управления Николай Петрович Запивалов, ныне доктор геолого-минералогических наук, профессор Новосибирского университета, первооткрыватель ряда нефтяных, газовых и других месторождений в Западной Сибири. Ему запомнилась «глубокая профессиональная ориентация Косыгина в вопросах разведки и подготовки запасов. Он сам активно участвовал в оживленной дискуссии по вопросам качественного испытания скважин». Очень характерное замечание.

— Косыгин, как вы пишете в своей книге, звонил вам даже на дачу — в субботу, воскресенье.

— Он лучше всех понимал, что для развития нефтяной и газовой промышленности необходимо строительство, создание новых мощностей. Поэтому и уделял огромное внимание Миннефтегазстрою, живо интересовался нашими делами. Премьер знал, что Кортунов, на котором все держалось раньше, тяжело болеет и на работу не выйдет, его замещает молодой для такого поста человек, надо поддержать его, помочь. Ни в коем случае не допустить провала.

— Звонки Косыгина были сугубо официальными? Или он спрашивал и о чем-то личном?

— Он был мягким и доброжелательным человеком, по тональности все сразу понятно: «Расскажите, что у вас происходит. Какие сложности?» Выслушает: «Я поручения дал. Связывайтесь с Владимиром Николаевичем». Это его помощник Соколовский. «Если что-то не будет получаться, не стесняйтесь, сразу ставьте его в известность».

Память у него была прекрасная, скажешь: тогда-то то-то введем в строй. Он никогда не забывал. Это навыки управленца: вспоминает, дает понять, что тебя внимательно слушают и помнят, что ты обещал. Один-другой факт назвал — человек уже знает, что надо быть аккуратным, непременно выполнять

обещанное.

Косыгина отличала весьма редкая для сегодняшних руководителей черта — внимание к делам подчиненных. Бывало, либо я ему звонил, когда не мог решить какой-либо вопрос в Госплане или Госснабе, либо он сам, либо кто-нибудь из его подчиненных выходил на телефонную связь в случае долгого отсутствия просьб с моей стороны… Звонишь, и тебя без проволочек соединяют с главой правительства, докладываешь, просишь помощи… А если его нет, секретари твою просьбу подробно запишут и доложат при первой возможности. И тут же звонок от Косыгина, а следом либо он сам, либо его помощники сообщают: «Даны такие-то поручения тем-то и тем-то, доводите с ними дело до конца»…

— Юрий Петрович, что, на ваш взгляд, Косыгин вынес из тех лет, когда работал со Сталиным, Вознесенским?

— Прежде всею — предметность. А предметность — это и необходимость деталей. Без предметного осмысления невозможно по-настоящему оценить ситуацию, чтобы уверенно решать, что еще предпринять, не надеясь на доклады, обещания, программы, которые тебе дают. Он умел через детали оценивать суть дела и получать реальное представление, как процесс может пойти, какие результаты могут быть. Приведу такой пример: Косыгин очень тщательно готовился к заседаниям Совета Министров, особенно когда рассматривались серьезные проблемы. В аппарате Совмина были подобраны очень хорошие профессионалы — лесники, металлурги, цветники, химики, нефтяники…

Когда готовилось постановление ЦК, правительства о каком-то комплексе, отрасли, Алексей Николаевич тщательно работал с проектами решений, несколько раз собирал аппарат — самых низовых работников, которые этой темой занимались… Не приглашал больших руководителей, а встречался с теми, кто профессионально занимался этой темой. Ему докладывали суть, потом — по этапам, по блокам. Он во все детально вникал. Причем приучил, чтобы говорили откровенно. Если у тебя свое мнение, приводи аргументы, а не просто высказывай сомнение — этого он терпеть не мог! Если нет аргументов — то не суйся!

Словом, он всегда был прекрасно подготовлен к заседанию правительства. Министры знали это и боялись его вопросов, не смели врать, потому что он, основательно вникнув в дело, мог быстро вывести их на чистую воду. Обсуждение на правительстве было предметным и сущностным. Причем это не значило, что он приходил на обсуждение вопроса с загодя принятым решением. Иной раз получалось так, что на правительстве принимались другие решения, а не те, что были подготовлены. Или

председатель правительства откладывал рассмотрение вопроса. «Давайте еще дополнительно послушаем», — обычно говорил Косыгин.

Встречи с Алексеем Николаевичем очень много дали мне как управленцу. Это хорошая школа: как рассматривать вопросы и формировать правильное решение, как его обосновать, аргументировать, как проводить обсуждение, чтобы не допустить ошибки. Это большая школа, особенно для производственника, у которого многое зависит от быстроты реакции.

Меня часто обвиняли в том, что я принимаю скоропалительные решения. Никогда я такие решения не принимал, предварительно не проработав варианты. И Косыгин не навязывал свое мнение. Он выслушивал всех, а потом подводил итог, имея в виду, что всегда кто-то из выступающих выскажет то, о чем ты думаешь. Он говорил: вот это, на мой взгляд, правильное предложение, давайте возьмем за основу предложение товарища Иванова. Это он часто делал. А его любимое выражение знаете?

— Пока нет.

— «Неужели у нас сообразиловки не хватит решить эту проблему?»

И вот еще что обращало внимание в стиле работы Косыгина. Многие руководители, секретари, члены Политбюро часто оперировали какими-то общеполитическими штампами, общими определениями. У Косыгина этого не было — разве когда это вызывалось естественным ходом мысли или в официальном выступлении. А так все по делу. Почти всегда в сухом остатке.

…Я благодарен судьбе за то, что она одарила меня встречами, совместной работой с такими выдающимися руководителями народного хозяйства, настоящими талантами, как Алексей Николаевич Косыгин, Алексей Кириллович Кортунов, Владимир Иванович Долгих, Вениамин Эммануилович Дымшиц…

К вопросу о яйцах

Все, кто работал с Косыгиным, кому довелось готовить материалы к заседанию Совмина, президиума, непременно вспоминают знаменитый «предбанник». Так окрестили не какое-то помещение, а процедуру, которая предшествовала самому заседанию.

«Алексей Николаевич приглашал в свой кабинет всех специалистов, которые принимали участие в подготовке того или иного вопроса, — вспоминает Николай Андреевич Дергачев,

четверть века проработавший в группе финансов, кредита, денежного обращения и цен Управления делами Совета Министров. — Мы рассаживались по обе стороны длинного стола. Косыгин предлагал высказать свои замечания или предложения, если таковые есть, а сам начинал читать проект постановления или распоряжения Совмина СССР.

Постоянным посетителем «предбанника» стал — по должности — и новый помощник Председателя Совета Министров СССР Игорь Игнатьевич Простяков. Ему запомнилось, как точно премьер отличал знание от полузнания, от желания пустить пыль в глаза.

— Вы это точно знаете? — переспрашивал он.

— Я должен уточнить, — случалось, отвечали ему, и это воспринималось как должное.

— Пожалуйста, уточните и доложите.

Это была повседневная работа государственного деятеля. Косыгин проигрывал все варианты. Он не любил, не принимал одношаговых решений, они обычно ведут в тупик».

Кто-то может сказать о «предбаннике», что это — перестраховка, ведь решение принимает Совет Министров… Нет, это не перестраховка, но стиль, продиктованный чувствами долга и высочайшей ответственности. Косыгин неоднократно напоминал, что если ошибется директор предприятия, его ошибка может обойтись государству в тысячи рублей, ошибка министра в миллионы, пишет Н. Байбаков. Оплошность же председателя Госплана или Совмина будет стоить миллиарды.

И Дергачев, и Простяков, и многие их коллеги подтверждают наблюдение Баталина: решения, которые принимались на заседаниях Президиума Совмина СССР, далеко не всегда совпадали с теми, которые вносились на рассмотрение.

«Мы не были, как сейчас принято говорить, чиновниками, слепыми исполнителями», — замечает Н. Дергачев. Точно так же могут сказать многие другие люди, которым посчастливилось пройти школу Косыгина. Аппарат, в адрес которого по ходу перестройки и после выплеснуто столько грязи, в Совмине СССР был блестящей командой профессионалов. Уровень в ней задавал премьер.

«К докладу на заседании, которое ведет Алексей Николаевич, я готовлюсь Как к защите диссертации», — признался как-то министр строительства предприятий тяжелой индустрии Николай Васильевич Голдин, один из самых известных строителей — за его плечами были крупнейшие металлургические заводы, в том числе Бхилаи в Индии, КамАЗ и другие гиганты. Примерно так же вспоминают о своих докладах у Косыгина Казанец, Братченко,

Козловский.

На одном из заседаний правительства среди множества других вопросов рассматривалось положение в птицеводстве: бой яиц возрос до 30 процентов.

«Мой вопрос пятый или шестой, — рассказывает Евгений Александрович Козловский. — Я сижу в третьем ряду, почти перед глазами Косыгина, читаю свои бумаги, краем уха ловлю: Краснодарская птицефабрика, бой… Он заметил, что я не слушаю, и вдруг говорит: «А Козловский здесь? Что ты думаешь по этому вопросу?» Я рот раскрыл и не пойму, какое я отношение имею к яйцам. Но из положения надо выходить. Говорю: «Алексей Николаевич, а с чего вы решили, что я самый крупный специалист по яйцам?» Тут, конечно, все грохнули, а я сообразил: а-а, известкового материала не хватает. И говорю: «Известкового материала не хватает?» — «Ну, сообразил, наконец. Можешь ответить?» — «Могу ответить, когда переговорю с Кубанью». Связался со своими в Краснодаре. Действительно, не хватает кальция. Есть месторождения? Есть. Доложил Косыгину: месторождение есть, буровые станки направлены. Известковый материал на птицефабриках будет.

«Ну, спасибо крупному специалисту по яйцам».

Смотреть вперед

Да, с яйцами разобрались быстро. Только в Совмине еще долго улыбались, встречая Козловского. Если бы таким простым был каждый бой…

Завершался 1973 год. Свой поздний отпуск Алексей Николаевич решил провести в Пицунде. Ему полюбился этот уникальный уголок Абхазии, где горы сливаются с морем, а приторный запах водорослей растворяется в легком дыхании знаменитых пицундских сосен, пришедших из немыслимой дали тысячелетий. Волны глухо переговаривались с соснами. Под их вечный диалог хорошо думалось. Вечером Алексей Николаевич открыл блокнот, захваченный из Москвы.

«Пицунда. 17/XII—1973.

Рассмотреть перспективы энергетики. Нефть — газ. Взаимозаменяемые цены. Эффективность их реализации на внешнем рынке. Сравнить:

1000 м^3 газа

1 тонна нефти

цена

Взять расходы на энергетику и химию газа — нефти. Сравнить к-во продукции и тепла из 1 тонны нефти и 1 тонны газа. Газ себе. Нефть на экспорт. Сделать расчет.

2) Вопросы составления пятилетнего плана — районы, республики, эффективность вложения средств в отдаленные районы.

3) Приступить министрам к расчетам плана на 1975 г. с тем, чтобы в марте-апреле можно было обменяться мнениями.

4) Создать комиссию по вопросам топливно-энергетического баланса. В широком плане».

Следующая запись через неделю.

«25/XII.

Вопросы реорганизации:

1) Объединение как основная форма вместо предприятия.

Дать поручение об объединении. (Расширить права.)

2) Вопросы министерств, форма объединения вместо главков. (Расширить права.)

3) Вопросы планирования.

а) Госплан и его задачи.

б) Ответственность Госплана за правильные пропорции и сбалансированность. Укрепление роли сводного отдела.

в) Вопросы строительства и проектирования. Установить, что следует исправить в принятых решениях по строительству».

Косыгин во всех своих блокнотах обычно писал на одной стороне листка и здесь за третьим пунктом, как положено, шел четвертый. Но, видно, позже у него появилось еще одно соображение и он сделал пометку на страничке слева:

*«За. Как увязать предложения с мест с общим планом. План СНИЗУ (*выделено А. Н. Косыгиным. — *В. А.).*

4) Вопросы потерь и взаимозаменяемости.

5) Переработка сырья… Наши возможности на ближайшую пятилетку.

6) Вопросы тяжелых работ и их механизация. (Пример электропогрузчики.)

7) Вопросы качества. В широком понятии. Пример: вес станков и штуки.

Вопросы ширпотреба.

8) Роль и ответствен(ность) министра в сбыте ширпотреба.

9) Вопросы экспорта.

10) Вопросы, связан(ные) со строительством предприятий по сделкам на условиях компенсации вырабатываемой продукцией.

11) Предложения с мест».

Даже по этим беглым записям можно представить, что занимало на исходе 1973 года, решающего года пятилетки по терминологии тех лет, Алексея Николаевича Косыгина. Кстати, в Пицунду он прилетел сразу после пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета. На высоких собраниях обсуждались проекты Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1974 год и госбюджета. Как водится, все в основном одобрили… Не буду строить догадки, почему в записной книжке премьера нет по горячим следам никаких пометок на этот счет, возможно, они в других бумагах. Или он уже смотрел дальше.

Под занавес года пришла добрая весточка из Западной Сибири. Тюменские нефтяники впервые вышли на суточную добычу в 285 тысяч тонн. Западная Сибирь стала самым крупным нефтяным районом страны. На следующий, 1974 год была обозначена планка — 115 миллионов тонн. Может быть, эти цифры дали толчок размышлениям Косыгина о нефти и газе, которыми началась его отпускная записная книжка?

Рассказ об одном годе премьера был бы неполон без упоминания о том, что, занимаясь повседневными делами в правительстве, он деятельно исполнял свой *урок* (одно из его любимых слов) в Политбюро. Не отбывал повинность, не подлаживался под чье-то мнение, а отстаивал собственную позицию — последовательно и достойно. Замечательный пример привел в одной из наших бесед Анатолий Иванович Лукьянов, ныне депутат Госдумы.

— Косыгин постоянно чувствовал сопротивление, скажем так, днепропетровской группировки. Я видел эти столкновения на Политбюро. Чаще всего они возникали в отношениях с Подгорным, Кириленко, гораздо реже — с Сусловым. А Брежнев как бы отходил в сторонку. Особенно активничал Кириленко, который претендовал на то, что он знает хорошо производство, но эрудит это был своеобразный. Как-то, выступая против того, что говорил Косыгин, Кириленко сказал буквально так: «Вы же хотите вогнать нашу живую советскую действительность, хозяйство наше

в проскурово ложе».

Косыгин помолчал, а потом говорит: «Бедный Прокруст, он не знал своего точного имени и основ планового ведения хозяйства». И пошел докладывать дальше. Так же спокойно и сдержанно.

Можно полагать, это не единственный его отлуп грубому невежеству, которое Чехов в одном из писем Суворину назвал матерью всех российских зол.

На одном из заседаний Политбюро (20 марта 1973 г.) рассматривался болезненно острый для того времени вопрос о еврейской эмиграции. Готовился визит Брежнева в США, а вся американская пресса полоскала советские власти из-за того, что с эмигрантов брали денежки за учебу. Вот рабочая запись хода обсуждения в Политбюро. Дискуссия идет не столько о законе, сколько о том, как обойти его и повлиять на общественное мнение в Штатах.

«Брежнев. Закон не надо отменять. Мы условились не менять закона. Но на данном этапе, когда сионисты разожгли кампанию вокруг поправки Джексона и вокруг законопроекта о предоставлении нам режима, надо отпускать. Дело не в режиме, им надо вообще поссорить Советский Союз с Америкой. Есть группа республиканцев, которая поставила целью сорвать улучшение отношений Советского Союза с США. Никсон — за, администрация — за, а многие сенаторы против только из-за того, что у нас с евреев взимают плату (за обучение в вузах. — *В. А.)*.

Косыгин. А кого мы не хотим выпускать, мы не должны выпускать.

Андропов. С понедельника едут не 600 человек, а полторы тысячи.

Брежнев. Отпусти 500 второстепенных лиц, а не академиков. Пусть они говорят, что с них ничего не взяли. Возьмите пару инженеров с высшим образованием, не имеющих никакого отношения к секретам, например, из пищевой промышленности — пусть едут. Но не с оборонной промышленности. Пускай и инженеры едут бесплатно. Это временный тактический маневр.

Щелоков. Леонид Ильич, я еще хотел сказать, что может быть в связи с тем, что опубликованы данные о желающих возвратиться, использовать их здесь для пропаганды по телевидению, в печати и т. д.

Андропов. Было такое поручение, вчера мы получили телеграмму. 10 семей мы возвращаем.

Косыгин. Наш народ очень плохо реагирует на возвращение. Говорят, раз уехали, то их обратно не принимать» *(Вестник архива Президента Российской Федерации. 1996. № 1. С. 157)*.

Дискуссия продолжается. И эмиграция продолжается. Причем не только еврейская.

Одним из самых крупных событий культурной жизни Ленинграда в 1973 году стала выставка художника Василия Коноваленко в Русском музее. Люди с ночи занимали очередь, чтобы увидеть его скульптурки из самоцветов. За рубежом Василия Васильевича часто называют «вторым Фаберже». А я бы сказал, что он первый в своем искусстве. Он не повторял знаменитого мастера, а, как каждый большой талант, шел своей дорогой. На рубеже 40— 50-х годов Коноваленко становится известным как театральный художник. Из Донецка его приглашают в Ленинград. В Кировском (Мариинском) театре он работает с Григоровичем и Вирсаладзе. А в 1957 году оставляет театр ради камня.

Выставку в Русском музее помог организовать Сергей Михалков. Как рассказывала в одном из интервью Анна Коноваленко, жена художника, Сергей Владимирович, «которому очень нравились Васины работы, отвел нас в Совмин, где было принято решение организовать в Ленинграде персональную выставку работ Коноваленко». Затем ее перевезли в Москву, где по распоряжению Косыгина собирались создать Школу камнерезного искусства.

А тем временем в Ленинграде на художника завели уголовное дело. Его обвиняли в «занятии запрещенным кустарным промыслом с использованием посторонней рабочей силы и с целью дальнейшей продажи за рубеж» — по этой статье светило от четырех до восьми лет тюрьмы. Дело попало к Генеральному прокурору СССР Руденко. И было закрыто «за полным отсутствием состава преступления». «Более карикатурного дела, — добавил Руденко, — не помню со времен сталинских чисток».

Коноваленко стал главным художником Министерства геологии, продолжил заниматься своими камнями, но творить ему становилось все трудней. Худсовет Министерства культуры пришел к такому выводу: «Идейное содержание работ художника Коноваленко искажает образ советского и русского человека. А потому не рекомендуется их рассмотрение в Советском Союзе и за рубежом». Так фельдфебели от искусства вытолкнули из страны еще одного выдающегося творца. В 1981 году Василий Васильевич Коноваленко эмигрировал в Америку.

И еще один документ из того же 1973 года — письмо Арама Хачатуряна.

«Дорогой Алексей Николаевич!

Ваше письмо растрогало меня до слез. Не могу найти слов, чтобы в полной мере выразить Вам свою благодарность. Тепло и внимание, которое неизменно исходит от Вас, всегда грело и радовало меня.

Сейчас Ваше письмо самое лучшее лекарство для меня, ибо я еще нахожусь в загородной больнице.

Конечно, я хотел бы взглянуть на Вас и лично поблагодарить.

Как Вы себя чувствуете, дорогой Алексей Николаевич, как Ваше здоровье?

Вся наша семья и я с Ниной Владимировной бесконечно благодарны Вам за Ваше участие в моем лечении, за Ваш умный совет лечиться в загородной больнице.

Сейчас я чувствую себя хорошо. В конце месяца, надеюсь, меня отпустят домой, где я, наконец, начну работать.

Примите наш привет, дорогой Алексей Николаевич, нашу большую благодарность за Вашу доброту и внимание.

С глубоким уважением

Арам Хачатурян

12 июня 1973 г.».

ПОДПИСЬ ПРЕМЬЕРА

Эту подпись я видел под самыми разными бумагами. Сжатую до двух букв — АК — под текущими поручениями, резолюциями. На деловой почте, записках-сопроводиловках встречалось: А. Кос — и завиток. И наконец, под правительственным решением, документом государственного масштаба — тщательно и четко: А. Косыгин. На глазах Николая Константиновича Байбакова не раз появлялась именно такая полная подпись.

Из нескольких примеров, которые вспомнились Байбакову, когда он говорил, как осмотрительно Косыгин принимал крупные решения, выбираю один. Это нашумевшая история с выпуском кормового белка на нефтеперерабатывающем заводе в городе Кириши Ленинградской области. Во второй половине 80-х годов, когда в печати стало посвободнее, страна услышала о массовых протестах горожан. Люди, защищая свое право на жизнь, требовали остановить завод, который травит их. В конце концов производство кормового белка в Киришах и на других предприятиях было остановлено. Жаль, что Алексей Николаевич не мог уже узнать об этом, убедиться в своей правоте.

«В начале 70-х годов, — вспоминал Н. К. Байбаков, — я получил указание ЦК КПСС подготовить проект совместного постановления ЦК и Совмина о широкой программе производства искусственного белка из парафинов нефти (БВК) для животноводства и птицеводства. Как известно, проблема обеспечения кормами, обогащенными искусственными белками, еще окончательно не решена. Несбалансированность кормов по белку и аминокислотам приводит к тому, что ежегодно перерасходуются миллионы тонн зерна, а время откорма возрастает на 30–40 процентов. А ведь увеличение продуктов питания, содержащих полноценный белок, должно базироваться на развитом птицеводстве и скотоводстве.

Проблема БВК была известна, так как опытно-промышленное производство его было организовано еще в 1965 г. Кормовой белок из парафинов нефти прошел медико-биологические испытания как кормовая добавка для домашних животных, птиц, рыб, пушных зверей, и в результате было признано целесообразным наладить его выпуск. Министерства, которые должны были создать мощности по производству БВК, представили свои предложения. Академия наук и Минздрав СССР доложили о безвредности его использования. На основании этих данных Госплан подготовил проект постановления.

Все члены Политбюро ЦК КПСС, кроме Алексея Николаевича,

высказались за проект. Косыгин счел его преждевременным. По его мнению, БВК из нефтяных парафинов все-таки не прошел всестороннего испытания, досконально не установлена его безвредность и для подведения итогов этой работы потребуется не один год. Несмотря на выступления президента Академии наук СССР А. П. Александрова и министра здравоохранения Б. В. Петровского, которые утверждали, что БВК уже апробирован на нескольких поколениях животных и птиц и при этом не выявлено никаких отрицательных последствий, Алексей Николаевич все же остался при своем мнении.

Председатель Совета Министров против, Политбюро — за. Решение принято. Началось строительство цехов для выпуска кормового белка. В мясных рядах, несмотря на обещания скорого изобилия, граждане больших перемен не увидели. А вот в ветерке, который тянул с заводов, быстро почувствовали что-то нехорошее. Посыпались жалобы на плохое самочувствие, бронхиальную астму, аллергию. Болели взрослые и — чаще — дети. Прав оказался Косыгин в своих опасениях».

На «Уралмаш» можно положиться

Другой пример — когда Алексей Николаевич всей силой своего авторитета поддержал металлургов и машиностроителей, которые первыми в мире создали и освоили установки непрерывной разливки стали (УНРС). Эти события на памяти Николая Ивановича Рыжкова и Серафима Васильевича Колпакова, инженеров Божьей милостью, лауреатов Государственной премии за те самые установки, на которых сегодня разливает сталь вся мировая металлургия.

Серафим Колпаков вскоре после Великой Отечественной войны пошел следом за старшим братом в Липецкий горно-металлургический техникум — стипендия была подспорьем в большой семье, оставшейся без отца. Потом в его биографии был старый уральский завод в Аше, городке, спеленутом горами, предложение пойти помощником мастера.

— Что я, за ним буду тенью ходить? Он мне своих знаний все равно не отдаст. Лучше я на всех участках поработаю бригадиром.

Эта привычка — до всего дойти своей головой, во всем разобраться самому сопровождает его и помогает на всех житейских этапах. В конвертерном цехе Новолипецкого комбината инженер Колпаков начал с мастера, хотя по стажу работы и записям в трудовой книжке другой на его месте

претендовал бы на ступеньку повыше. Став директором крупного завода, не постеснялся лично разобраться в документах, которые сопровождали железнодорожные вагоны, пройти по всей транспортной цепочке, чуть ли не по каждому километру железных дорог предприятия. Его знания — убежденность эксперта, кругозор профессионала, а не дилетанта, которых столько приклеилось к нашей промышленности. Потому-то так внимательно прислушиваются к замечаниям доктора технических наук Колпакова в Госдуме, Совете Федерации. По его рекомендации законопроект о реформах железнодорожного транспорта был отправлен на доработку.

— У нас есть прекрасные примеры из жизни нашего общества, особенно при Алексее Николаевиче Косыгине, — говорил Колпаков на парламентских слушаниях в Госдуме. — Серьезные государственные проблемы тогда сначала экспериментально «обкатывались» в отдельных регионах, и только после этого принималось решение.

Разумеется, ссылка на Председателя Совета Министров СССР не была случайной. Колпакову посчастливилось познакомиться с Косыгиным еще в бытность заместителем начальника кислородно-конвертерного комплекса. Алексей Николаевич по своей давней привычке присматривался к подрастающим индустриальным кадрам и оценил в Колпакове незаурядный инженерный талант, умение организовать людей на большое дело.

Серафим Васильевич пишет о своих встречах с Косыгиным воспоминания, несколько страниц с очень интересными эпизодами передал мне. Конечно, самое заметное место в них занимают события, связанные с освоением установок непрерывной разливки стали — нашего, отечественного изобретения. Опытную установку построили на «Уралмаше», а первый в мире промышленный комплекс — в Липецке. Продавали лицензии за рубеж, да не в Африку, а в Японию. Косыгин, не доверяясь чужим впечатлениям и справкам, непосредственно интересовался этой тематикой, не раз приезжал в Липецк.

В первый приезд Алексея Николаевича перестраховщики, желая сделать, как лучше, оконфузились. Директор, ожидая премьера, приказал остановить проведение серийных плавок, чтобы показать гостю весь цикл. Но гость задержался на два часа. За это время чугун потерял температуру, конвертер остыл и, когда премьер приехал, то увидел… аварийную разливку. За попытку устроить показуху Косыгин резко отчитал директора завода. Вскоре ему пришлось менять место работы.

…Конвертерный цех и установку непрерывной разливки

собирались строить и в Донбассе, на заводе «Азовсталь». В ту пору такие масштабные решения рассматривались на Политбюро ЦК КПСС. Именно сюда и обратился с возражениями директор «Азовстали», человек в отрасли весьма авторитетный. Наши установки, мол, негодные, следует купить западные. Косыгин позвонил Колпакову:

— Ваше мнение, Серафим Васильевич?

— Я очень уважаю товарища Лепорского, — ответил Колпаков премьеру, — но он здесь ни разу не был и не видел, как работают наши установки. На каких основаниях он делает вывод, не могу сказать.

— Действительно ни разу не был? — переспросил Косыгин. — Вы мне интересную мысль подали.

Косыгин и Колпаков беседовали утром. А вечером того же дня в Липецк пожаловал гость — директор «Азовстали» Лепорский. Установка ему очень понравилась. В общем, на «Азовстали» начали строить комплекс с нашим оборудованием, а купить на Западе по совету Колпакова решили современный прокатный стан — в этом деле наша металлургия действительно отставала. Как оказалось, в систему управления западными станами были заложены элементы от ракет «Першинг», а в нашем отечестве двойные технологии хранились под двойными замками.

Но еще раньше машиностроителям и металлургам пришлось мучительно долго убеждать оппонентов из ЦК КПСС, Минчермета, да и правительства, где куратором металлургии значился Н. Тихонов. Довод был один — «Уралмаш» не имеет опыта изготовления такой техники, а Запад уже отработал свою конструкцию.

— Пока у нас шли многочисленные дискуссии, — вспоминает Н. И. Рыжков, — на Западе уже были созданы и работали подобные машины. Произошло то, что часто бывало в нашей истории: наши идеи вернулись к нам же из-за рубежа. Время шло, уже возводился цех, а какие машины там будут установлены — не ясно. Постепенно вопрос дошел до правительства страны, а затем и до его председателя А. Н. Косыгина.

Однажды утром в моем, уже директорском кабинете раздался по ВЧ звонок. Звонил Косыгин:

«На заседании Президиума правительства будет рассматриваться вопрос о закупке за рубежом пяти установок для Новолипецкого завода. Мне доложили, что вы против. Так ли это?»

«Да, — отвечаю я. — Мы против. Уже несколько лет у нас работает опытная установка, лицензия продана в Японию. Наши конструкторы тщательно отслеживают, что делается на Западе в

этом отношении. Мы готовы изготовить это оборудование».

«Вопрос серьезный и ответственный, — говорит Алексей Николаевич, — это ведь крупнейший цех в стране, а не ваша опытная установка. Прошу сегодня обсудить еще раз эту проблему с вашими специалистами и завтра доложить мне окончательное решение».

Я собрал ведущих специалистов, руководителей завода, рассказал о разговоре с Председателем Совета Министров СССР. Мнение у всех нас было одно — держаться до конца. Трудная была для меня наступившая ночь. Не подведем ли?

Утром позвонил Косыгину. Быстро соединили. Доложил ему о нашем решении. Реакция его была спокойной:

«Рассмотрим мы ваше мнение на Президиуме, но не забудьте об огромнейшей ответственности».

«На «Уралмаш» можно положиться», — сказал я и попросил принять меня, чтобы решить насущные проблемы завода.

«Вам позвонят, — ответил Косыгин. — Готовьтесь».

Через несколько дней мы узнали: принято решение об изготовлении четырех установок на «Уралмаше» и закупке одной — для «подстраховки» в ФРГ. Из секретариата Косыгина сообщили о дате встречи у премьера. Мы подготовили два блока вопросов: реконструкция «Уралмаша» и социальная сфера. Многие рабочие прославленного завода все еще жили в бараках, хотя после войны прошло уже почти три десятка лет.

…Когда я вошел в кабинет Председателя Совета Министров СССР (здесь через десять лет предстояло работать и мне), Косыгин спросил меня в упор:

«Решение правительства вы знаете. Но при личной встрече объясните мне мотивы вашего поведения. Ведь ответственность вы взяли на себя огромнейшую. Может быть, было бы лучше купить все установки за рубежом, вы бы их тщательно изучили и с уверенностью изготовляли в дальнейшем для других металлургических заводов? Кроме того, вы ведь знаете, что сейчас все постоянно стремятся что-то купить за рубежом, а вы занимаете совсем противоположную позицию».

«Алексей Николаевич, — ответил я, — если страна намерена всегда покупать это оборудование за рубежом, тогда такое решение было бы правильным, но не верьте тем, кто говорит, что можно механически скопировать машину, и она навсегда будет передовой. Поверьте мне, машиностроителю, что каждая машина совершенствуется только в процессе производства, а не слепого копирования».

Впереди были годы невзгод и радостей. Как все новое, установки, кроме преимуществ, имели и недостатки. Шло

тяжелое освоение новейшей технологии. Мои старые «оппоненты» не упустили возможности основательно «попинать» меня, уже первого заместителя министра. Бока намяли мне основательно, но я каждый раз заявлял Косыгину, что это временные трудности. Так оно и произошло. Установки заработали стабильно и работают по сию пору, а «подстраховочную» из ФРГ доводили до ума на «Уралмаше».

На той памятной для Николая Ивановича Рыжкова встрече премьер внимательно рассмотрел перспективы завода. Поддержал предложения, которые дали «Уралмашу» второе дыхание. Дошла очередь до второго вопроса — жилье. Генеральный директор разложил на столе фотографии: вот в таких бараках бедствуют уралмашевцы. Уезжал Рыжков с решением премьера: до конца года, а лето уже перевалило за экватор, построить для «Уралмаша» стоквартирный дом.

С той встречи Рыжков вынес впечатление, которое после, когда он уже работал в Москве, бывал на заседаниях правительства, только окрепло:

— У Косыгина была изумительная способность слушать людей. Он воспринимал разные взгляды, оценивал их как человек государственного мышления.

Вопросы из записной книжки

Вместе с Николаем Ивановичем мы листали записные книжки Косыгина. В них, особенно в последних, не раз встречаются пометки о развитии топливно-энергетического комплекса. Вот к примеру, записи из блокнота за 1974 год:

> *«Передача газа или переработка на месте? Уголь — переработка на месте или перевозка по железной дороге? Вопросы энергетики в районе газа?»*

— Алексей Николаевич, как видно из этих записей, размышлял о стратегических направлениях развития экономики, — комментирует Рыжков. — Не на все эти вопросы удалось тогда найти ответы. Когда я стал Председателем правительства, мне пришлось столкнуться, наряду с другими, и с этими задачками.

Если говорить о газе: передача или переработка на месте? После тщательного анализа мы пришли к выводу: эффективнее, выгоднее перерабатывать природный газ на месте, извлекать компоненты для производства целой гаммы изделий и только после этого — передача.

Я до сих пор считаю, что была сделана огромнейшая ошибка, когда в конце 80-х — начале 90-х годов под давлением дилетантов были заброшены проекты по переработке газа. Уверен, Россия еще вернется к этим проектам, вспомнит о Канско-Ачинском топливно-энергетическом комплексе (КАТЭК), да и о других проектах, задуманных Косыгиным.

Восклицательных знаков в записных книжках Косыгина нет. А вот вопросительных много — и это характерно для человека, который знает цену своему решению, своей подписи. Проверили новацию, испытали на практике — тогда можно и решать. Так было, например, с реорганизацией системы материально-технического снабжения, на чем настаивали многие производственники. Прежняя, когда из Центра распределялся каждый гвоздь, стала анахронизмом. Предлагалось создать территориальные органы материально-технического снабжения. Новую структуру Косыгин обсуждал с директорами, которых приглашал к себе. Среди них был и Колпаков. Сначала провели эксперимент в Ленинграде — он продолжался год. И только после этого, оценив результаты, приступили к созданию территориальных органов по стране. Начальник территориального УМТС нес персональную ответственность перед государством за работу промышленных предприятий наравне с директорами заводов.

— Через три месяца Косыгин вновь собрал нас, хозяйственников и снабженцев, — вспоминает Серафим Васильевич. — Оценили, как идет работа по-новому, наметили, как двигаться дальше. Вот это государственный подход.

…Однажды в нашей стране, где время от времени что-нибудь попадало в дефицит, с прилавков вдруг смели электролампочки. Люди приносили на работу перегоревшие лампочки, а целые выкручивали. Косыгин вызвал министра электротехнической промышленности А. Антонова. По мнению министра, для ликвидации дефицита следовало срочно построить четыре электроламповых завода. Алексей Николаевич попросил объяснить: что же все-таки произошло? Как оказалось, министр распорядился устанавливать в лампы нить накаливания строго по расчету, как это делается на Западе.

— У нас ведь качество электричества постоянно отклонялось, — комментирует ситуацию Колпаков (он был участником того совещания). — Лампочки при этом быстро перегорали. Алексей Николаевич сделал серьезное внушение министру и приказал немедленно восстановить ранее действующую длину нити. Так быстро ликвидировали один дефицит.

…Дошла очередь до строительства в Липецке второго кислородно-конвертерного комплекса. Собралось большое совещание. Вел его Косыгин. Министры, начальники главков, директора машиностроительных заводов. О ходе строительства докладывал Колпаков. В отделении непрерывной разливки стали еще не было половины фундаментов. После доклада и выступлений строителей, монтажников Косыгин спросил Колпакова, когда же будет первая плавка.

«Если «Уралмаш», Николай Иванович Рыжков, — ответил он, — обеспечит поставку оборудования в полном объеме не позже сентября, разольем первую плавку 15 декабря».

— Алексей Николаевич распорядился записать это обязательство в протокол, а мне сказал, чтобы я 15 декабря позвонил ему, — вспоминает о тех днях мой собеседник. — Кстати, двумя годами ранее по его команде в моем кабинете установили связь ВЧ.

Министр строительства предприятий тяжелой индустрии Н. Голдин предложил назначить Колпакова ответственным за пуск комплекса.

«Как вы, Серафим Васильевич?» — спросил Косыгин.

«Готов принять это назначение при одном условии».

«Каком же?» — оторвался премьер от своей записной книжки.

«Если все присутствующие выполнят поручения правительства».

«Я в этом не сомневаюсь, — добавил Косыгин. — Если будут срывать, звоните мне в любое время».

— Пришлось звонить? — спрашиваю Колпакова, почти уверенный в ответе.

— Нет, — отвечает Серафим Васильевич. — Мне не пришлось прибегать к помощи Косыгина.

Как много говорит этот эпизод, достойный хрестоматий по науке управления! Поручение правительства не может быть не выполнено — премьер уверен в этом. Он знает людей, которым оно передано, и уверен в них. Но, при необходимости, напоминает, спросит.

По-разному называли эту систему управления. Превозносили и отвергали. А лучше бы изучали, извлекая то, что полезно и сегодня.

Ректор Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна Виктор Егорович Романов увлеченно занимается льном. Он — разработчик Федеральной программы «Развитие льняного комплекса России». Как же она выполняется?

— К сожалению, программы, связанные с развитием реального сектора экономики, нынешним властям мало

интересны, — отвечает мой собеседник. И, помолчав, продолжает: Текстильная отрасль в России практически погибла. Между тем в советское время она давала в бюджет до 20 процентов с лишним. А сейчас, может быть, один. Почти все текстильные предприятия Петербурга в ходе приватизации перепрофилированы. Жизнь теплится лишь на немногих предприятиях. Помните, реформаторы типа Гайдара заявляли, что нам текстильная промышленность не нужна? Мировой рынок, мол, и так переполнен? Их не интересовали занятость населения, решение многих других социальных вопросов… Пока «челноки» возят одежду — она доступна для среднего человека. А в элитный магазин зайдешь, там костюмы за 500–600 долларов.

— Что бы сказал Косыгин об этом?

— Алексей Николаевич такого бы не допустил. Это самое главное. Он смотрел в корень. И даже в те времена, которые сейчас осуждаются, он мыслил как государственный человек. Мыслил и действовал.

Приведу два документа из косыгинского архива, чтобы показать, в каких условиях формировался он как управленец большого масштаба.

«Товарищу Косыгину А. Н.

Решением Оперативного Бюро Совнаркома СССР от 11 сентября 1945 г. Вам было поручено в семидесятидневный срок переработать и представить в Оперативное Бюро СНК СССР:

1. Проект Постановления об увеличении заготовок леса в бассейне р. Камы.

2. Проект Постановления об организации предприятий Наркомлеса в Восточной Пруссии.

Несмотря на то, что сроки истекли, Вами до сих пор эти поручения не выполнены.

Прошу ускорить представление в Оперативное Бюро Совнаркома СССР предложений по указанным вопросам.

Л. Берия»

(ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 18. Л. 102).

Лаврентий Павлович размашисто расписался синим карандашом. Сбоку пометка: *«Доложено. 29. IX. 1945. АК».*

В июне сорок пятого года к В. М. Молотову обратились ученые: бедствуют геологические кафедры МГУ. Вячеслав Михайлович отправляет письмо Косыгину: *«Надо помочь».* Следом еще одно — о помещении для педиатрического института: *«Надо*

обязательно поддержать проф. Сперанского и его работу, обеспечить ему условия. Результаты прошу сообщить. 26. VIII. 45. В. Молотов». Вдогонку запрос из секретариата первого заместителя Председателя Совнаркома: «Прошу сообщить для доклада т. Молотову В. М. Ваше решение по письмам, посланным Вам…» И опять на письме короткая пометка: *«Выполнено. АК».*

Только два документа, а их в аккуратных папках косыгинского секретариата — сотни и тысячи. К некоторым из них мы еще вернемся, а пока продолжим разговор с Колпаковым.

— Ну и как, Серафим Васильевич, сдержали слово, данное премьеру?

— Да, сдержали! Я мог докладывать об этом Косыгину, но вначале положено позвонить первому секретарю обкома — он находился в Москве — и министру. Павлов, секретарь Липецкого обкома, обрадовался доброй вести, а вот министр меня огорошил.

— А зачем ты спешил с первой плавкой? Кому это надо? — услышал Колпаков от Ивана Павловича Казанца. — Теперь останешься один с недоделками. Ко мне по этому поводу больше не звони! — И бросил трубку.

Сдержался директор. Преодолевая себя, сказал, что министр благодарит всех за ударный труд. И снова заказал Москву — приемную премьера, чтобы доложить, как распорядился Косыгин, о том, что поручение правительства выполнено.

— Алексей Николаевич подробно интересовался всем, в том числе деталями плавки и разливки. Наш разговор продолжался более получаса, — вспоминает Колпаков. — Косыгин тепло поблагодарил меня и всех заводчан, строителей, монтажников, просил передать слова его благодарности рабочим.

А утром на Колпакова обрушился министр: зачем, мол, звонил Косыгину? Разговор с Иваном Павловичем был такой, что пришлось его прервать на полуслове. Через несколько минут он, правда, перезвонил, и разговор продолжился спокойнее. Оказывается, после доклада Колпакова Алексей Николаевич решил уточнить некоторые подробности у Казанца, но министр мало что мог добавить.

Когда Колпакова назначили директором Новолипецкого завода, там одновременно велось строительство многих объектов. Его предшественник А. Лихорадов, став заместителем министра по капитальному строительству, вычеркнул из пускового комплекса агломерационных лент (это внушительные сооружения) два вагоноопрокидывателя. От возражений и зам, и министр отмахивались. Колпаков позвонил Косыгину. Через два дня (!) премьер назначил совещание, на которое пригласили министра и его заместителя.

— После моей информации, — рассказывает Серафим Васильевич, — Косыгин спросил, можно ли обойтись без вагоноопрокидывателей.

— Нельзя! — ответил я. — Мощность всех агрегатов увязана и каждый ротор может переработать не более трех миллионов тонн. Тогда, глядя на Казанца, он спросил: почему министр не реагирует на абсурдное решение заместителя? И приказал немедленно восстановить в проекте вычеркнутые агрегаты.

Сегодня индустрия по существу обезглавлена. На верху управленческой пирамиды российской металлургии — департамент по инновациям и инвестициям в металлургию, в котором сталеваров, прокатчиков, знатоков рудного дела или производства цветных металлов не найдешь и днем с огнем.

Хорошо, изменились правила игры. Но специалисты, профессионалы все равно нужны. За рубежом действуют авторитетные отраслевые сообщества. (Например, в Японии — Союз стали и сплавов и Ассоциация экспортеров стали.) У нас — благодаря таким профессионалам, как Колпаков, появился Международный союз металлургов. Его учредители — более 140 предприятий из России и других стран. МСМ со знанием дела разрабатывает перспективы российской экономики, меры государственной поддержки металлургии России. Точно так же действуют машиностроители, текстильщики, трудовые коллективы предприятий оборонно-промышленного комплекса, горняки… А все вместе они объединились в Российский союз товаропроизводителей, который возглавляет Николай Иванович Рыжков, депутат Государственной Думы. С этим союзом считаются государственные органы, законодатели, он авторитетен в отраслях и на предприятиях. РСТ установил ежегодную премию имени Косыгина. Ее лауреатами уже стали десятки крупных организаторов промышленности.

ЛЮСЯ

Единственная дочь Клавдии и Алексея Косыгиных, Людмила, родилась в Киренске четвертого ноября 1928 года. Дома ее звали Люсей, иногда — грубовато-ласково — Люськой. Когда она сама стала мамой, дети, Алешка и Танечка, называли ее мамой-Люкой.

Люди со стороны часто замечали: «Люся вся в папу!» Да, дочка Косыгиных удалась в отца. И внешне — у нее были такие же редкостной голубизны глаза. И главное — складом характера, независимым, сдержанным, если не сказать замкнутым. «Она даже мне многое не рассказывала, — говорит Татьяна Джерменовна. — А когда я с чем-то не соглашалась, мама отвечала: «Ты потом поймешь, что я была права».

И когда пришло это потом?

— Когда ее не стало. Может быть, потому, что стала старше. Или со временем поняла, что многие ее оценки явлений, событий, людей и их поступков были точными… Понимаете, каждая семья — это свой мир. И не обязательно держать в нем окна настежь… Я хорошо помню, как ценил погоду в доме Алексей Николаевич, как оберегала очаг Клавдия Андреевна. Разумеется, перед глазами и отношения моих родителей… Мама была очень требовательным человеком. Случалось, и Алексей Николаевич говорил ей: «Помягче, помягче бери!»

Один ребенок в семье, к тому же привилегированной, нередко вырастает капризным и избалованным. Семейные хроники знают множество таких неудавшихся судеб. Люся была не из этого ряда. И здесь надо отдать должное женской половине косыгинского дома: Клавдии Андреевне, ее маме, Евдокии Прохоровне, пережившей свою дочь, и няне, Анне Николаевне Кузаковой. Она растила Люсю, потом Алешу и Таню, успела понянчить внуков Людмилы Алексеевны. Няня в доме Косыгиных, а потом Гвишиани-Косыгиных была не прислугой, не наемной работницей, а настоящим членом семьи.

Косыгины познакомились с ней еще в Сибири, когда Аннушка по-соседски помогала молодым да зеленым родителям. Она выросла в большой семье и умела все: пеленать дитя и сварить кашку, успокоить малыша, когда никто не знал, как справиться с плачем, укутать так, что никакой мороз не пугал.

Косыгины уезжали из Киренска зимой. Просто сказать: зима, мороз. Но посмотрите ради интереса на карту: почти тысяча километров к северу от Иркутска. Минус сорок градусов не исключение, а норма. От Лены и в мае несет стужей.

— Вы же заморозите дитя, — рассудительно сказала

Аннушка, когда узнала, что Косыгины собираются в Новосибирск — Алексея Николаевича переводили в Сибкрайсоюз заведующим плановым отделом. — Давайте, я с вами до станции доеду — это же неделя пути.

Некому уже рассказать о том путешествии, можно только представить сибирский тракт, тройку всю в пару и сани, закрытые шубами…

Доехали вчетвером до станции. Вчетвером сели и в поезд. Так вошла в семью Косыгиных Аннушка Кузакова. Вошла на всю жизнь.

Анна Николаевна могла поворчать и на Косыгина, когда он, возвращаясь с работы, иногда забывал разуться: «Куда идешь, Алексей Николаич? Я же только что убралась».

Своего родного города Люся Косыгина совершенно не помнила. Не раз собиралась побывать там, но дорога выпадала в другие края и страны. Она побывала с отцом в Лондоне и Нью-Йорке, это были официальные визиты, королевские приемы, встреча в английском парламенте и штаб- квартире ООН. Пресса отмечала, как элегантно одета мадам Гвишиани-Косыгина, как хорош ее английский. А до Киренска Людмила Алексеевна добралась уже после смерти отца. Татьяне запомнилось, с какой охотой ее мама собиралась в эту поездку и с какими яркими впечатлениями вернулась. Она словно увидела деревянный Киренск глазами родных, еще таких молодых. Киренский краеведческий музей по инициативе председателя горсовета Анны Ивановны Лебедевой начал тогда собирать материалы о жизни Косыгина. Людмила Алексеевна отправила землякам целый контейнер.

По протоколу в Лондоне Косыгина должна была сопровождать супруга. Но Клавдия Андреевна уже не вставала. Пришлось ехать дочери.

— Я помню, как перед визитом в Лондон мама поехала в Дом моделей на Кузнецком мосту, — рассказывает Татьяна Джерменовна, — и купила там вечернее платье. На самом деле платье было простое, но у нее была такая прекрасная фигура, что платье, сшитое на манекенщиц, сразу же ей подошло. Она умела носить вещи. Шуба из ондатры показалась англичанам собольей. А всего-то секретов: стройная фигура и уметь подать себя. В отличие от бабушки, которой на все случаи хватало одной броши, мама любила украшения. Конечно, ее сережки, кулоны сегодня кажутся весьма скромными. Но на ней и простые сережки выглядели очень достойно.

Позволю себе добавить: как и на дочери.

Сохранились фотографии: прием в Вестминстерском дворце,

прием в Букингемском дворце — Косыгин, королева Великобритании Елизавета II, Людмила Гвишиани-Косыгина, принц Филипп герцог Эдинбургский. Людмила Алексеевна не потерялась на фоне королевы.

Обратите внимание на дату этого визита: февраль 1967 года. Клавдия Андреевна уже тяжело больна. Поговорить с женой, с мамой Алексей Николаевич и Люся могут только поздним вечером, когда завершается официальная программа, в которой все расписано по минутам. Но в Москве уже глубокая ночь. Остается утро, пока не спустились к завтраку, пока не закрутился очередной день визита, пока не набежала пресса. Ни единым жестом ни Косыгин, ни его дочь не выдали, как они волнуются за то, что происходит дома. И только его голос мог дрогнуть, когда трубку брала жена: «Клавочка, ну как ты?»

Вернувшись в Москву, Алексей Николаевич и Людмила Алексеевна поспешили в больницу в Кунцево с английскими снимками и подарками. Как гордилась мужем и дочерью Клавдия Андреевна!

— Она обожала мою маму, папу — приняла его сразу, — продолжает свой рассказ о родных Татьяна. — Так же, как и деда Леша.

Кстати, Косыгин приглашал в официальные визиты и внучку. Сдержанные финны, увидев Татьяну, отвели ее снимкам чуть ли не целый номер популярного журнала. Так и писали: с советским премьером приехала его внучка-красавица.

Семью Косыгин считал святым понятием. Когда на семейном празднике он не видел кого-то из близких, то по- мальчишески обижался:

— А где Татьяна? Почему нет Алеши?

И ребята приучились планировать посиделки с друзьями только после семейных встреч. При жизни Клавдии Андреевны за стол в Архангельском собирались все — от бабушек до внуков. Этот порядок Косыгин сохранил и без нее.

— Мама, если сравнивать ее с Клавдией Андреевной, была человеком другого склада, — говорит Татьяна Джерменовна. — Для бабушки самым главным был дом. Она, широко образованный, эрудированный человек, могла состояться и как инженер, экономист или педагог, но дом, семья в ее глазах стали безусловным приоритетом. А мама формировалась в другое время, когда женщины, хорошо это или нет, во всем стремились сравняться с мужчинами. Она, как и бабушка, хорошо училась, закончила школу с золотой медалью, затем МГИМО. Ее диссертация и книга о русско- американских отношениях получили высокую оценку в научных кругах, независимо от

имени автора. На протяжении ряда лет мама руководила Государственной библиотекой иностранной литературы.

Первенец Людмилы Алексеевны в детстве много болел. Конечно, больше всех доставалось маме-студентке. Но помогала бабушка, хлопотала няня. Постепенно Алеша окреп, гонял с ребятами шайбу, а повзрослев, нашел себя в математике. Алексей Николаевич откровенно гордился внуком, считал: этот дар от него. Алексей Джерменович стал доктором физико-математических наук, избран членом-корреспондентом Национальной академии наук Украины, ведет курс в одном из университетов Парижа, а больше всех городов любит свою Москву.

Няня по характеру не была строгой, беспредельно любила детей и, когда детвора уж слишком шалила, пускала в ход главную угрозу: «Я сейчас Люсе позвоню». После этого на час или два в доме воцарялась тишина. Но дети есть дети, а Таня растет задиристой девчонкой: обидно ей, что брат корпит над тетрадками, а на нее — ноль внимания. Ну что ж… Она подбирается к чернильце, и по тетрадным страницам расплывается густое фиолетовое пятно…

Вечером мама-Люка наводила порядок:

— Татьяна, марш в туалет, а ты, Алеша, в ванную.

Отсидка длилась полчаса, час, а то и больше. Сердобольная Аннушка покашливала, но Людмила Алексеевна не уступала. С детей спрашивала строго.

— Я неплохо училась, но случались срывы, — вспоминает Татьяна Джерменовна. — Учительница английского языка звонила маме, когда я вместо привычной пятерки съезжала на четверку: «А Тане надо подтянуться». Я панически боялась таких звонков.

…Когда простились с Клавдией Андреевной, Косыгин сказал, что хозяйкой дома теперь будет Люся:

— И так будет до конца моей жизни.

Ей предстояло жить теперь на две семьи. Сын уже стал первокурсником. Вытягивалась дочка, ребята заглядываются. Муж. Своя работа. И все, что связано с Алексеем Николаевичем.

Близкие друзья записали несколько свидетельств о жизни Людмилы Алексеевны. Одно из них — праздничный ужин после защиты кандидатской диссертации.

— К концу празднества в зале появился и Алексей Николаевич, — вспоминал академик Ойзерман. — Он отметил, что на столе есть все, что только можно пожелать: красная рыба, салями, отличный шашлык, хорошие вина. И добавил: «Не ожидал я, что в ресторане небольшого поселка можно

рассчитывать на такой хороший ассортимент продуктов». Людмила Алексеевна как истинная дочь своей матери не без иронии заметила:

— А ты не подумал, папа, что директор ресторана знал, для кого заказан ужин? Вероятно, он понимал, что и сам Косыгин придет в ресторан. И если ты действительно хочешь узнать, каково же на самом деле меню подмосковного ресторана, надо прийти туда неожиданно.

Другой эпизод связан с юбилеем Людмилы Алексеевны. Ее пятидесятилетие отмечали на даче в Архангельском. Собрались самые близкие. Первое слово — Алексею Николаевичу. Как запомнилось Татьяне Федоровой, Косыгин, волнуясь, заговорил о Клавдии Андреевне. Было очень тихо, все понимали, что значит для него, когда в золотой юбилей дочери рядом нет самого любимого и родного человека — жены и матери. Поздравив Люсю с юбилеем и орденом Дружбы народов, которым она была награждена, он расправил плечи и улыбнулся:

— А как здорово, друзья, что Люся у меня директор библиотеки! Какая хорошая работа! Вот пойду на пенсию, обязательно стану работать в библиотеке, буду сидеть и книжки почитывать.

А Люся ему:

— Ну-у, пап, я что же, по-твоему, только и делаю, что читаю?

— Не знаю, не знаю, как там ты, но это здорово, когда можно спокойно посидеть, отдохнуть за книгами.

В последние годы с Людмилой Алексеевной остались все ее давние друзья: тетя Валя — Валентина Семеновна Хетагурова, Шолоховы, семья Николая Ивановича Цыбина, начальника правительственного авиаотряда при Хрущеве, Рафаил Борисович Ванников, сын знаменитого наркома боеприпасов, и его жена Елена Михайловна, Юрий Александрович Василевский, сын маршала, и его жена Вера Борисовна, генерал Сергей Васильевич Капалкин и Ольга Семеновна Тимошенко… Генерал воевал во Вьетнаме, вернулся — это врезалось в память Тане — совсем седым. Заглядывали сокурсники из МГИМО. Особенно дороги были весточки из Вешенской.

«Вешенская, 17.II.89 г.

Здравствуй, Люсенька, родная!

Получили твою поздравительную открытку. Трогательно очень, теплом повеяло. Я хорошо понимаю, каково тебе, с твоим характером, темпераментом сидеть в 4-х стенах, да еще при таких страданиях… Милая моя, Люся, я так часто думаю о тебе. Как же так? Добрые,

умные, честные люди, как ты, как мой и твой отцы, обречены были так страдать, а всякая нечисть живет теперь и процветает, пожиная плоды не на ими засеянном поле? Где же высшая справедливость? Есть ли она вообще?

Долго не писала, т. к. усиленно «штудировала» опусы Р. Медведева (народного депутата!!!) о моем отце; отрывки напечатаны в журнале «Вопросы литературы» № 8 за этот год, а 2 книги изданы за рубежом и еще не переведены. Изданы не ранее, не позднее, как в 1975 г. — совместный с А. Солженицыным «подарок» отцу к его 70-летию…

Опять старая, петая и перепетая песня: «Кто написал «Тихий Дон»?! Сколько же можно выискивать «авторов» и «соавторов», и трепать доброе имя человека, теперь уже ушедшего от нас?! Разве недостаточно той травли, что он пережил по этому же мерзкому поводу в начале 30-х гг.? Кажется всё, уже и ЭВМ доказала, что никто, кроме Шолохова, из всех «предлагаемых авторов» не писал «Тихий Дон». Нет, опять пачкотня… Я хотела отвечать, но во-первых, это надо спорить построчно, а во-вторых «народному депутату» — зеленая улица. А я дважды пыталась ответить на явные измышления, ни разу меня не напечатали. Так что полная свобода слова для тех, кто в трудные времена отсиделся «за бугром», тявкая оттуда, а полная безгласность для тех, кто все перенес вместе со своей страной. Теперь явились зарубежные вояжеры — и они «герои и мученики». Где же правда?..

Пока живу «при маме», но она уже так слаба, что страшно за нее: очень слабеет сердце… Конечно, возраст, но сдает она что-то слишком быстро. Надо мне поехать полечиться — не могу ее оставить одну…

Не хочется думать о завтрашнем дне. А так необходимо было бы сейчас работать и в моральном, и в материальном плане! Ну что такое пенсия 115 р.?! Сбережения за эти 7 лет, что я на пенсии, сама понимаешь, растаяли, как дым. Да Бог с ним, с этим «завтра»! Думаю, все же удастся поехать по путевке в Кисловодск в середине декабря. Вот в конце ноября все выяснится… Тогда где-то в начале декабря буду в Москве.

Милая моя, хорошая! Чем бы тебя порадовать? Что тебе привезти из домашнего? Может быть, каймаку? Или из солки что-нибудь, чтобы запахло Вешенской, той

неповторимостью, когда мы были здесь с тобой?

Сегодня у нас хмурится погода, а до этого стояло на редкость долгое, солнечное «бабье лето». Несмотря на разного рода неприятности, о которых я выше писала, я душой как- то окрепла, отдохнула… Сегодня падает снежок и тает, слякотно и неуютно. Деревья все голые, жалкие. Единственное удовольствие — чтение. Читаю очень много, т. к. ничем другим заниматься не могу. К сожалению, гулять приходится мало — много времени уходит на маму. А там, смотришь — уже темно…

К сожалению, не могу ни вязать, ни шить. Швейной машинки здесь нет, нитки для вязания взяла, но их оказалось мало, да и вообще больше нет и в продаже нет даже на рынке. Остается чтение, мой всегдашний утешитель.

Такие вот грустные мысли посещают, но я в такие минуты вспоминаю тебя, моя милая, родная, хорошая, мужественная, и мне просто становится стыдно, что я тебе всё это пишу. Имею ли я право на что-то жаловаться? Нет! Я просто знаю, что ты тоже обо мне думаешь, может быть, хочешь знать, как мне живется? Поэтому и пишу, словно говорю с тобой.

Мне так не хватает общения с тобой! Как хочется, чтобы все твои болячки оказались дурным сном! Как хочу встретить тебя, обнять, поцеловать!

Люсенька, родная, если бы я могла хоть чем-то, хоть немного тебе помочь, чем-то порадовать. Скажи, чем?

Мы с мамой крепко тебя обнимаем, целуем, желаем всего того, что ты сама себе желаешь!

Будь такой, как ты есть, а ты — человек редкостный, прекрасный! За это тебя любим верно и нежно.

Твои Мария Петровна и Светлана Шолоховы».

Собираясь в больницу, Людмила Алексеевна позвала дочь и передала ей косыгинские рукописи, блокноты, документы:

— Забери, Танечка, это к себе.

Она знала, что ее мужу не до этих бумаг, а у Татьяны во всем порядок. Дочь сохранит.

«Уверена, что не существует людей, которые жили бы без какой-то своей внутренней, присущей именно им убежденности, — писала в своих воспоминаниях об отце Людмила Алексеевна. — Мне представляется, что Алексей Николаевич Косыгин в этом отношении был счастливым человеком, ибо он последовательно в течение всей жизни работал

с полной и искренней верой в то, что его деятельность на любом уровне вливается в общее дело укрепления и процветания нашей страны».

Этими словами можно сказать и о дочери Алексея Николаевича и Клавдии Андреевны — Людмиле Алексеевне Косыгиной.

«СПОРЬ СО МНОЙ, ВОЗРАЖАЙ!»

Рабочие рукавицы и национальный доход

Четвертого ноября 1978 года Алексей Николаевич Косыгин выступал с докладом на торжественном заседании, посвященном 61-й годовщине Октябрьской революции. Кремлевский дворец съездов, собравший чуть ли не всю союзную элиту, блистал золотыми звездами и бриллиантами. Престарелые вожди в президиуме героически боролись с дремой. Как было принято, в первых строках Косыгин отвесил ритуальный поклон Леониду Ильичу Брежневу, отметив его «выдающиеся заслуги в творческой разработке и в осуществлении всей нашей внутренней и внешней политики».

Пережидая аплодисменты, посмотрел в зал. Лица с трибуны различались плохо, но ему показалось, что он увидел, как чуть кивнула Люся: «Мы здесь, папа». Пришли Люся и Джерри, Татьяна и Алексей. Для них это не самый интересный вечер, но деда надо уважить.

Председатель Совета Министров СССР говорил о самом главном, что сделано в стране за годы советской власти: созданы высокоразвитый производственный потенциал, современный научно-технический потенциал, подготовлены собственные квалифицированные кадры; коренным образом изменилось положение страны в системе мировых хозяйственных связей; формируется новый, в корне отличный от буржуазного образ жизни.

Часовой доклад — приличная нагрузка и для тех, кто помоложе, а Косыгин приближался к 75. Но он держался молодцом, говорил, полагаясь на память, не часто заглядывая в текст, над которым так хорошо потрудился Игорь Простяков, новый помощник, со своей командой.

— Всей своей деятельностью, всем строем партийной жизни, стилем своей работы партия утверждает все новое и передовое, к чему идет и что воплощает в жизнь советское общество. Идеология партии, идеология рабочего класса стала идеологией всего народа…

Пройдет всего пять лет, и в 1983 году Юрий Владимирович Андропов, сменивший Брежнева, скажет, что мы не знаем общество, в котором живем. Как же так получилось? Почему это общество, вроде бы описанное, просвеченное, изученное со всех сторон, вдруг превратилось в некую терра инкогнита,

неизвестную землю? Что такого скрывала в себе система, что было неизвестно даже человеку, который полтора десятка лет возглавлял КГБ и, конечно, знал все о скрытых процессах, которые могли взорвать общество? Ответ, думается, заключен в самих словах Андропова: мы не знаем. Кто эти *мы?* Полагаю, власть, система управления: политическая, государственная, экономическая. Отсюда политтрескотня, которая прикрывала реальные и все обостряющиеся проблемы.

В закрытой аудитории Косыгин прямо о них говорил.

Вот, к примеру, стенограмма доклада Косыгина на партийном собрании парторганизации Управления делами Совмина СССР 22 марта 1976 года. Доклад хранит в своем домашнем архиве Петр Леонтьевич Куранов. Первую страницу, отдавая мне документ — вот что значит партийная бдительность, — на всякий случай оторвал.

Начиналась десятая пятилетка. Только что XXV съезд КПСС принял «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы». Косыгин напоминает главную задачу десятой пятилетки: дальнейший подъем материального и культурного уровня жизни советских людей на основе обеспечения всестороннего прогресса экономики, ее комплексного и сбалансированного развития. А дальше — очень подробно о проблемах, которых становится все больше. Об огромных резервах «для увеличения продовольственных ресурсов и роста национального дохода». Косыгин любил в своих выступлениях проводить конкретные примеры: «…Фактически мы ведь только около 60 процентов добываемой рыбы используем на выработку пищевой продукции. Остальная ее часть идет на всевозможные другие цели, в результате чего огромное количество белка, которое имеется в рыбе, на производство пищевой продукции не используется. Одна из причин этого — отставание технической базы по переработке рыбы, которая развивается медленнее, чем добыча рыбы».

Еще примеры: очень плохо мы используем также обезжиренное молоко (обрат); сахар — первые 2–3 месяца сахарная промышленность получает из свеклы 12–13 процентов сахара, а начиная с января — 10,8 и даже 6 процентов. «Потери происходят в связи с теми диспропорциями, которые существуют между объемами производства свеклы и мощностями сахарных заводов».

Разные отрасли, а проблемы одинаковые. Косыгин призывает работников правительственного аппарата последовательно устранять ведомственный подход.

«Я бы сказал, что это относится не только к рядовым работникам аппарата Совета Министров, но и к ряду очень ответственных товарищей. Аппарат Совета Министров — это, так сказать, сводный отдел во всем народном хозяйстве, который все должен делать, исходя из общегосударственных, а не ведомственных задач, и вступать, когда это необходимо, в конфликт с теми, кто пытается протащить в каких бы то ни было документах ведомственные интересы во вред интересам общегосударственным».

Все правильно — от борьбы с потерями до новых задач в планировании, сочетании отраслевого и территориального планирования и управления. Но листаешь другие выступления, речи, доклады премьера, его заместителей, секретарей ЦК и встречаешь похожие примеры. В сельском хозяйстве нет сбалансированности между поголовьем скота и кормовыми ресурсами, в строительстве — разрыв между капитальными вложениями и мощностями строительных организаций.

Из записных книжек Косыгина

Вопросы плана на 1976—80 гг.

Необходимо изыскать возможности роста национального дохода…

За счет структуры капиталовложений по отраслям.

2) Недостаточное совершенствование отраслевой структуры производства, неполной мобилизации имеющихся материальных и трудовых ресурсов.

3) Производительность общественного труда. (Национальный доход в расчете на одного занятого в сфере материального производства.)

Фондоотдача.

Материалоемкость продукции.

Записная книжка, 1976 год

Пленум 25/X—76 г.

Косыгин записывает предложения из выступлений первых секретарей ЦК компартий республик — Щербицкий (Украина), Кунаев (Казахстан), Киселев (Белоруссия), Алиев (Азербайджан) и других.

«Полтавская область.

Не хватает тракторов типа «Беларусь».

Нужен ввод 200 т. га орошаемых земель.

3) Развить орошение в Черноземье — орошение самое дешевое. Нужно развивать малое орошение. 250 млн. руб. нужно для орошения».

И дальше Алексей Николаевич помечает для себя: «Подготовить решение о малой мелиорации. Дополнительно оросить 2–3 млн. га».

* * *

Принять руководство Сибирского отделения А(кадемии) Наук.

Сварка взрывом.

Вопросы комплексной программы.

Записная книжка, 1977 год

Мясо. Аргентина. С поставкой в течение 1977 г. 50.000 тонн по цене 960 руб.

Блочное без костей

Австралия. Баранина. Цена не менее 611 руб. тонна.

В Европе мяса нет.

Уругвай. 10–15 т.т. Говядина. Цена 680–690 руб.

Н. Зеландия. 30 т.т. Цена баранины — 650 руб.; говядины — 690 руб.

* * *

ВОПРОСЫ МПС

1) Героическая борьба работников жел(езно)дор(ожного) транспорта. ЦК и правительство высоко это ценят.

2) За последние 10–15 лет проделана большая работа. Электрификация, перевод на дизельную тягу. Автоматизация управления в широком смысле.

3) Изменились условия труда. Паровоз ушел в прошлое.

Тяжелые рельсы — термически обработаны.

Тяжеловесные поезда.

Ввод новых вокзалов.

4) Мы все знаем и высоко ценим эту огромную работу, проделанную работниками жел(езно)дор(ожного) транспорта.

5) Изменения в транспорте. План перевозок и

народное х(озяйст)во, его потребности не полностью увязаны. Нет комплексного районного планирования, а, как известно, транспорт — это основа производства. Его нельзя рассматривать изолированно.

Два вопроса: текущие и перспективные.

а) Текущие вопросы:

Поднять погрузку. Сейчас, в эту зиму, необходимо поднять четкость работы жел. — дор. транспорта: погрузку, разгрузку, равномерность работы в течение всех дней недели и четкость работы в течение суток.

Это, конечно, вопрос не только жел(езных) дор(ог), но и всего народного х(озяйст)ва.

Это первое, что нужно сделать, иначе зима будет трудной. Топливо на пределе. Лес не везут. Свекла, картофель, зерно.

Отдельно: рассмотреть порядок выделения фондов??

б) Вопрос перспективы

Взять на период 5, а может быть отдельные вопросы на 10 лет (БАМ).

Где будут проходить новые магистрали? Увязать с грузопот(оками) и развитием экономики отдельных районов.

11/1-1977 г.

Экономическая реформа.

Атомная энергетика.

Уполномочен. по Олимпийским играм.

* * *

Т. Бондаренко (первый секретарь Ростовского обкома партии. — *В. А.)*.

Дать проект решения по 1 очереди Атоммаша. Поручено т. Новикову В. Н.

Это — будни премьера. Человека, который досконально знал не только всю экономику страны, отрасли, но и регионы, едва ли не все предприятия. В воспоминаниях людей, встречавшихся с Косыгиным, много таких примеров. Анатолий Иванович Лукьянов рассказывал мне, как ему довелось беседовать с премьером о проблемах Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината.

В Верховный Совет поступило письмо с просьбой передать его лично Косыгину. Алексей Николаевич, читая письмо, обратил внимание на приведенные в нем цифры.

— И тут же, — рассказывает Лукьянов, — по памяти, не заглядывая ни в какие бумаги, не обращаясь к помощникам, назвал другие цифры, более полные. Я видел, что он представляет себе этот комбинат, знает о нем все. Косыгин дал поручение заняться вопросами, поставленными в письме, своему заместителю Владимиру Николаевичу Новикову и министру цветной металлургии Ломако.

В разговоре Лукьянов заметил, что он знает те места — и Тырныауз, и Баксан — бывал там в альпинистских походах.

Косыгин живо отозвался.

— Значит, вы альпинист? А мы там ходили с Кекконеном. Шли через Клухорский перевал. — Алексей Николаевич любил встречать не кабинетных людей, тех, кто знал разные края и места, повидал их собственными глазами. Лукьянов оказался из этой близкой ему породы, они вспомнили и кавказские перевалы, и казахстанские — там незадолго до одного из маршрутов Косыгина и Кекконена сель выдавил горное озеро. Словом, вывод у них был общим: надо знать свою страну. Лукьянову запомнилось, как Косыгин сослался на любимое выражение Ворошилова: «Ходить — это жить». Маршал до глубокой старости, говорят, в день проходил не меньше десяти километров.

Арбатские высотки-книжки знакомы всей стране. А знаете, что вначале здесь собирались построить жилые корпуса? Конечно, для жилья район не самый удобный — шумная магистраль, днем и ночью выхлопы… Между тем министерства были разбросаны по всей Москве. Министру угольной промышленности отвели кабинет в одной из контор, где еще недавно принимали клиентов следователи МВД. На что Борис Федорович Братченко бит жизнью, но и он поеживался, когда за тонкой перегородкой грохотал лифт. Кого, думалось, он уносил некогда в подвалы Лубянки?

Косыгин предложил часть «книжек» на проспекте Калинина (ныне Новый Арбат) отдать министерствам. Самыми первыми свою высотку получили шахтеры.

— Ну, как устроились «на-гора»? — спросил Алексей Николаевич министра.

— Отсюда, Алексей Николаевич, с тринадцатого этажа все шахты видны, — в тон Косыгину ответил Братченко.

Они были знакомы со времени работы Косыгина в Госплане. Братченко возглавлял там отдел угольной промышленности. Их первую встречу он помнит и сегодня в свои 90 лет.

— Косыгин расспрашивал меня, где я работал, почему в сорок третьем не остался в аппарате Совнаркома, а вернулся на Дон. А я отвечал, что в сорок втором сам взрывал свою шахту имени

«Комсомольской правды» и сам хотел ее восстановить после освобождения. Алексей Николаевич очень внимательно слушал и произвел на меня хорошее впечатление, — говорит Борис Федорович, словно вглядываясь в прошлое. — И знаете, что мне больше всего понравилось? Его спокойствие! До этого все начальники, с которыми я работал, были шумливыми, нервными, крикливыми. А тут человек говорит обычным голосом, но так, что невольно к нему прислушиваешься.

Для Бориса Федоровича эта деталь особенно важна, так как сам он не терпел ни крика, ни ненормативной лексики. Когда управляющий трестом «Ростовуголь» однажды выдал ему по принятой на рудниках формуле, начальник шахты Братченко спокойно — наверно, только внешне — сказал: «Прошу со мной так не разговаривать». Подействовало. Через пару лет Бориса Федоровича провожали в Караганду, следом летела негласная рекомендация: «Учтите, он никогда не ругается матом. И при нем не ругаются».

Братченко бывал с премьером в Донбассе, Караганде, Воркуте. Вместе с Косыгиным они спускались в шахту, забирались в лаву. Затем, как положено, горняцкая банька, мочалка, чтоб смыть угольную пыль, обед — причем в общей, рабочей столовой.

— В Донецке, — рассказывает Борис Федорович, — накрыли большой стол для гостей. В сторонке закусывала братва.

— А это кто там? — спросил Косыгин. Ему объяснили: шахтеры после смены, ребята из общежития.

— Приглашайте их сюда! — распорядился премьер. И посадил парней рядом с собой. Расспрашивал, как живется, работается… Это был не показной интерес, но естественный жест, Косыгин никогда не играл на публику, ему не надо было возвращаться в народ — он всегда оставался с ним.

У Теодора Ойзермана при первой встрече с Косыгиным непроизвольно вырвалось:

— Вы совсем не похожи на свои портреты! Я понимаю серьезность, даже суровость выражения лица, присущую нашим государственным деятелям. Но народ хочет видеть и их добрые улыбки.

Косыгин засмеялся, а затем просто сказал:

— Я никогда не задумывался над тем, как выгляжу со стороны, но об этом, пожалуй, стоит подумать. Мне вовсе не хотелось бы выглядеть человеком, лишенным естественных человеческих качеств.

…В Норильске Алексей Николаевич поднялся к монтажникам. Парень перепоясан монтажным поясом, настоящий богатырь, открытое русское лицо.

— Ну как живешь?

— Нормально.

— Я у вас в магазинах посмотрел — двадцать названий рыбы. Это же фосфор, — продолжил Косыгин. Монтажник слушал-слушал и вдруг говорит:

— Алексей Николаевич, на хрена мне фосфор? Я что, светиться сюда приехал? — И достал из-за пояса свои рукавицы. Грубый брезент. Одинаковые, что у монтажника, что у шахтера. Косыгин задержал на них взгляд, но тогда больше ничего не сказал. Только в самолете, как рассказывает свидетель этого разговора Евгений Александрович Козловский, все смеялся: «Ну и молодец, врезал мне с этим фосфором».

Нашла свое продолжение и тема рабочих рукавиц. После одного из заседаний Президиума Совмина Косыгин попросил остаться министра легкой промышленности СССР Н. Тарасова и его коллег из других министерств. Помощник Алексея Николаевича положил перед ним перчатки — темного цвета с матерчатым верхом и немного больше обычных. Один из очевидцев этой сценки записал слова Косыгина:

«Посмотрите внимательно. Эти перчатки выпускают за рубежом специально для строителей-монтажников. Они очень удобны для работы — эластичны, мягки и прочны. По данным строительных фирм, использование таких перчаток со всеми пальцами позволяет существенно сократить травматизм и намного повысить производительность труда рабочих».

Демонстрация монтажных перчаток закончилась деловым поручением: наладить их производство у нас, если потребуется помощь, доложить лично ему, Косыгину.

Чем болела экономика

…Когда Косыгин позвонил министру угольной промышленности СССР, Борис Федорович Братченко вел коллегию. Разумеется, его тут же позвали из зала коллегии. Он поднялся в свой кабинет, взял трубку первой «вертушки». Алексей Николаевич сказал, что вместе с замами обсуждает перспективы угольной промышленности и хотел бы послушать мнение министра и ряда руководителей, приглашенных с мест: «А потом продолжите коллегию».

Братченко пригласил с собой первого заместителя Графова, министра угольной промышленности Украины Худосовцева, руководителей крупнейших комбинатов — Романова (Кузбасс), Тарадайко (Донбасс), Щадова (Восточная Сибирь), еще

нескольких товарищей.

В кабинете Косыгина были его замы — Дымшиц, Лесечко, Мартынов… Косыгин попросил Братченко рассказать о положении в отрасли. Потом задавал вопросы его спутникам.

— Алексей Николаевич всех очень внимательно слушал, — вспоминает Михаил Иванович Щадов, — никого не перебивал. Вопросы и он, и его заместители задавали по существу дела, интересовались проблемами: и нынешними, и перспективными. До этого Щадов видел премьера в Иркутске. Там все судачили, как обкомовские начальники, приехав поутру в гостиницу, не застали Председателя Совета Министров. А он, ускользнув даже от охраны, походил по набережной Ангары. «Наш мужик», — подумал тогда Щадов.

Дошла очередь до угольной промышленности Восточной Сибири. Косыгин задал несколько вопросов о добыче, послушал ответы Щадова и вдруг потребовал объяснить, почему он дает «такой плохой уголь».

— Я был в Братске, видел, какой дым валит из труб электростанции.

Щадов не растерялся:

— Энергетики не научились сжигать черемховский уголь. У нас его японцы покупают и говорят, что жечь такой уголь все равно, что червонцы сжигать.

Все рассмеялись.

— Вы в Сибири всю жизнь живете? — поинтересовался премьер.

— Он у нас коренной сибиряк, — поспешил представить начальника комбината Братченко. — Добывал слюду, теперь — уголь. Всю Восточную Сибирь прошел.

Настроение Косыгина заметно переменилось. Редко оказывался в этом кабинете человек, который мог бы напомнить ему о местах, по которым бродила его юность. Он спрашивал о Киренске, Бодайбо — сильно ли они изменились? Кого из давних знакомых Косыгина знает Щадов? Видно, этот диалог растрогал Алексея Николаевича и он сам спросил, не надо ли помочь комбинату. Щадов тут же перечислил: нужны бульдозеры, тяжелые самосвалы…

— А еще что? — спрашивал премьер.

После короткой паузы, продолжавшейся, кажется, вечность, Щадов вспомнил: 400 квартир стоят без сантехники, а очередь на жилье огромная. Косыгин что-то пометил в блокноте. На следующий день Михаил Иванович собрался улетать в Иркутск. И вдруг — звонок из приемной Косыгина:

— Алексей Николаевич приглашает вас к себе.

Щадов в мельчайших подробностях помнит ту встречу. Косыгин усадил его, предложил чаю и сказал:

— Даю все, о чем говорили вчера. А к вам вот какой вопрос. Сможет увеличить «Востсибуголь» добычу? Прибавит за два года два миллиона тонн?

— По миллиону тонн в год прибавлю, можете не сомневаться.

— Когда добавите миллион, доложите. А теперь идите к Дымшицу, он вас ждет…

По нарядам с красной полосой техника шла вне очереди. Никогда в жизни Щадов не чувствовал себя таким счастливым и богатым. Запасные бульдозеры поставил на специально подготовленную площадку, обнес забором — ключ с собой носил.

Три года девятой пятилетки выдались засушливыми — 1972, 1974, 1975. Обострилось положение в легкой и пищевой промышленности, горели планы розничного товарооборота, но колоссальные средства по-прежнему вкладывались в вооружения, чтобы добиться ядерного паритета с США. В Госплане страны ситуацию определили так: «Страна стала жить не по средствам».

«Сдвиги в ассортименте все чаще стали проявляться на тех предприятиях легкой и пищевой промышленности, которым дали право самостоятельно планировать свою работу и вести хозрасчет, — вспоминает Н. К. Байбаков. — Часть прибыли увеличивалась не за счет роста эффективности производства и ресурсосбережения, а, как выяснилось, путем скрытого повышения цен на выпускаемые товары. Этот так называемый «ассортиментный хор» не учитывался в индексах ЦСУ СССР и осуществлялся ведомственным путем в обход Госплана.

Доложил мне об этом явлении начальник сводного отдела В. П. Воробьев. По его поручению этой проблемой занималась Галушкина Нина Андреевна. Когда-то она работала на производстве, затем в министерстве, была знакома с крупнейшими учеными в области пищевой индустрии. Нина Андреевна поехала на места, побывала в различных научно-исследовательских институтах, на заводах и фабриках и на основе собранного уникального материала сделала подробнейший анализ. Ее расчеты показывали, что примерно половина средств от товарооборота достигалась за счет ухудшения качества и скрытого повышения цен.

Долго и подробно мы обсуждали с Воробьевым этот вопрос, пока не пришли к заключению, что руководство страны должно знать о сложившемся положении.

— Подготовьте обстоятельный доклад! — попросил я Воробьева.

Пока готовился доклад, я ушел в отпуск. Отдыхал в доме отдыха «Сосны» под Москвой. Руководить Госпланом остался мой первый заместитель Виктор Дмитриевич Лебедев, высокообразованный инженер-экономист. Накануне ухода в отпуск я обсудил с ближайшими сотрудниками результаты анализа ситуации и дал указание В. Д. Лебедеву представить в правительство подготовленные Госпланом предложения по развитию экономики.

На закрытое заседание Президиума Совета Министров, кроме Лебедева, вызвали начальника сводного отдела Воробьева. Позвонили в «Сосны» и сказали, чтобы я тоже прибыл.

Когда Лебедев вышел на трибуну и начал зачитывать свой доклад, в котором давалась нелицеприятная оценка характера развития народного хозяйства в девятой пятилетке, Косыгин стал нервничать.

— Почему мы должны слушать Лебедева? — Недовольно хмурясь, непривычно резким тоном спросил он. — Ведь Байбаков не видел этот документ.

Я возразил, что видел этот документ и много раз, к тому же обсуждал его.

— Но ты же не подписал его? — Все еще не желая верить тяжелому смыслу доклада, как бы с надеждой обратился Косыгин ко мне.

— Я в отпуске, но с содержанием доклада согласен…

Впервые я видел, как Косыгин пытается увернуться от неприятной правды, которую невесть как и почему родило само время.

Косыгин тщательно просматривал экземпляр доклада. По всему было видно: неприятно ему читать информацию о негативных процессах в легкой и пищевой промышленности.

Нелегко было докладывать обо всем этом Лебедеву, хотя он был тверд в доказательствах и читал доклад ровным голосом. Косыгин, вздохнув, отодвинул от себя печатный экземпляр и резким тоном запретил Лебедеву продолжать доклад.

Интересна и показательна судьба этого документа. Доклад был размножен и роздан всем заместителям Косыгина, а затем, буквально на следующий день, экземпляры были у них изъяты и уничтожены. Никаких решений по докладу не принималось».

Таким запомнился эпизод Николаю Константиновичу Байбакову.

Размышляя о причинах такой реакции премьера, он пишет о том, что для Косыгина и его заместителей правда оказалась неожиданной и неприемлемой, так как противоречила всем их представлениям о социалистической экономике, которая не

может «болеть» и не соответствовать привычным представлениям. Думаю, это поверхностный вывод. О болезнях социалистической экономики Косыгин знал не меньше Байбакова и, как видно из воспоминаний многих хозяйственников, ученых, политиков (В. Новиков, Л. Штроугал, Д. Гвишиани и других), откровенно обсуждал их. Причина его тревоги, по-моему, в другом. Девятую пятилетку вслед за восьмой Брежнев объявил самой лучшей. Партийный аппарат прибирал к рукам всю власть, в том числе и в экономике. (Когда-то Хрущев хотел, чтобы ЦК занимался только политикой. В 1954 году руководители Узбекистана направили в ЦК КПСС и Совет Министров СССР записку с предложениями о развитии сельского хозяйства республики. Затем Н. Мухитдинов позвонил в ЦК и спросил, получили ли предложения. В ответ услышал: «Получили. Ими будет заниматься Совет Министров, поскольку ЦК теперь хозяйственными вопросами не занимается». Увы, очень скоро ЦК снова замкнул на себя все. Структура Центрального Комитета все больше напоминала Всесоюзный хозяйственный штаб, а не орган политической партии. Обычными для обсуждений в ЦК становились чисто производственные вопросы.)

Косыгина редко видели вспылившим. Джермену Михайловичу Гвишиани запомнилось два-три таких случая. Один из них был связан с отказом Политбюро обсуждать проблемы развития страны и связанные с этим принципиальные трудности формирования очередного пятилетнего плана. Может быть, со своим докладом Байбаков ломился в стену, которую — Косыгин уже знал — не пробить?

«На кого я повышаю голос?!»

Алексей Николаевич, по многим наблюдениям, медленно сходился с новыми людьми, привыкал — до сердечной привязанности — к тем, с кем работал годами, успев оценить их деловые и человеческие качества. И они, его немногочисленные помощники, отвечали тем же.

Четырнадцать лет — сначала помощником, а потом руководителем секретариата — с ним работал Борис Терентьевич Бацанов.

— Осенью 1974 года, — вспоминает он, — Алексей Николаевич предложил мне, младшему по стажу и по возрасту стать начальником его секретариата. С одной стороны, это было повышением по должности, с другой — означало, что я попадаю в каждодневный бумажный и телефонный круговорот с минимумом

творческой работы. Рассуждать было некогда, я попросил тайм-аут до утра.

На следующее утро Бацанов сообщил Косыгину о своем согласии и попросил сохранить за ним обязанности помощника по внешнеполитическим вопросам.

— Его ответной реакцией я был просто ошарашен, — продолжает Борис Терентьевич. — Он подошел ко мне, обнял и поцеловал. Такого не было ни до, ни после того, ни в моменты радости, ни печали. И сегодня, вспоминая прошлое, уже с почтительного расстояния, я могу сказать, что этот спонтанный жест стал для меня самой большой наградой.

20 января 1978 года у Косыгина появился новый помощник, Игорь Простяков. До этого он работал в Госплане — руководил подотделом балансов народного хозяйства. Поработал на производстве, в научно-исследовательском институте. Однажды, по срочной просьбе из аппарата премьера, подготовил свой вариант выступления Косыгина. Текст понравился. Алексей Николаевич даже поручил немедленно выдать автору путевку в совминовский санаторий «Сосны».

Новый помощник был ровно в два раза моложе премьера. Но и к нему, как и ко всем другим, Алексей Николаевич обращался только на «вы». И лишь спустя полгода, присмотревшись, оценив, допустил в свой ближайший круг и перешел на товарищеское «ты».

— Что выделяет Косыгина среди других крупных руководителей? — размышляет Игорь Простяков. — Многие из больших начальников, и прежних, и нынешних, любят, чтобы им заглядывали в рот, ловили каждое слово. — Косыгин же был совсем другим. Вот пример, который врезался в память. Алексей Николаевич вызвал меня и поручил посмотреть план на следующий год, который поступил от Байбакова из Госплана: «Через три дня встретимся и обсудим вместе».

Через три дня вызывает. Мы в кабинете вдвоем. Он в торце большого стола, я справа от него, и так мы увлеклись, что постепенно перешли на повышенные тона, доказывая каждый свою правоту.

В это мгновение в сознании Простякова сработал какой- то импульс: «На кого я повышаю голос?!» Он осекся и даже отпрянул. Косыгин тонко уловил, что произошло в душе молодого собеседника, и моментально отозвался:

— Только не это! Ты мой помощник. Спорь со мной, возражай, доказывай, если считаешь по-другому, а поддакивать мне не надо. Я не обязательно со всеми твоими доводами соглашусь, но на тебе я проверяю свои выводы.

И еще один эпизод запомнился Простякову. Рабочий день давно закончился, но премьер не уезжал. Сидели по своим кабинетам и помощники. В девять вечера Простякова пригласили к Косыгину.

— Ты почему сидишь?

— Алексей Николаевич, вы же еще на работе.

— На то, что я задержался, не обращай внимания. Ты задал себе урок на сегодня, и, если его выполнил, можешь быть свободным. А если я задержался, это не значит, что и ты должен сидеть здесь.

Однажды Простяков доложил премьеру, что у него сейчас будет «эфиопский посол», а сам уехал в Подмосковье, куда собирался и Косыгин. Через пару часов подъехал Алексей Николаевич. После рабочей программы, когда настало время обеда, Косыгин пригласил помощника к своему столу и сказал, что хотел бы поднять тост за него.

«Он мне сказал, что будет посол Эфиопии, а я смотрю: входит белый человек».

Простяков растроганно вспоминает ту сценку.

— Понимаете, не отчитал, не упрекнул, а пошутил, да еще поднял тост. Алексей Николаевич не часто улыбался, это правда. Но у него, мне кажется, светилась душа.

Еще одно интересное наблюдение Простякова — оно совпадает с оценками Рыжкова, Лукьянова, Братченко и других. Косыгин просчитывал и прорабатывал многие варианты решений. Принимая, скажем, постановление по черной металлургии, он знал, как оно скажется на легкой промышленности и других отраслях.

…На одном из заседаний Совмина обсуждалась программа развития атомной энергетики. Почему, спросил Косыгин, предлагается именно такая схема размещения блоков? Почему здесь планируется «восьмисотка», а там «тысячник»? Задал и другие вопросы и предложил вернуться к обсуждению через две недели. Через две недели разработчики представили новую схему, которая без потерь в мощностях подешевела на 2,3 миллиарда рублей.

…Когда верстался бюджет на 1979 год, финансисты предложили поднять цены на бензин. Возразил Косыгин:

«Нельзя этого делать. Мы и так берем с потребителя высокую цену за машину. Что же, будем с этих людей еще брать и за бензин?!»

Пролетели-прошумели годы. Молодой помощник прошел многие ступеньки деловой карьеры, общался с разными премьерами, министрами, может теперь сравнивать:

— Я не встречал человека более крупного, чем Косыгин, по своим знаниям, опыту, государственному таланту, — говорит Простяков. — И, помолчав, добавляет: — Не встречал и такого душевного.

…Прилетели во Внуково. Все спешат к своим лимузинам. Простякова ждет «Волга».

«Садись ко мне в машину», — предлагает Косыгин.

…С пачкой срочных документов Простяков приезжает на дачу. Косыгин читает бумаги, подписывает. Появляется Татьяна. Бумаги отложены. Алексей Николаевич улыбается.

«Давай я тебя познакомлю с внучкой», — говорит Простякову так, словно бы делится с ним своей радостью.

— Дед был великолепный! — заключает Игорь Игнатьевич нашу беседу. — Ему говорили: вы потихонечку входите в работу, а он в первый же день после инфаркта часов до восьми сидел. В больнице на Мичуринском врач советовал: идите по маленькому кругу. Нет, возражал, пойду по большому. Быстрее окрепну. Он не щадил себя в работе. Выражение «берегите себя!» не для него. Не для Косыгина.

«НАРОД ТАКИХ ВЕЩЕЙ НЕ ПРОЩАЕТ»

Афганистан, 1979

Восьмого декабря 1979 года Брежнев, Суслов, Андропов, Громыко и Устинов приняли решение ввести в ДРА контингент советских войск — 75–80 тысяч человек. Десятого «малое Политбюро» собралось еще раз. Пригласили начальника Генштаба Николая Огаркова. Он выступил против ввода войск, заявив, что 75 тысяч задачи не решат. Министр обороны маршал Устинов осадил его: «Вы что, будете учить Политбюро? Вам надлежит только выполнять приказания».

Еще через два дня Политбюро ЦК КПСС (уже не «малое») утвердило решение о вводе войск. 25 декабря части 40-й армии перешли границу с Афганистаном. Началась афганская война.

На протоколе заседания Политбюро нет подписи одного Косыгина.

А что же предшествовало войне? Неужели она была неизбежной? Какую позицию отстаивал Алексей Николаевич Косыгин? Ответ на эти вопросы дают документы, хранившиеся до самых последних лет под грифом «Совершенно секретно». Среди них — «Запись беседы А. Н. Косыгина, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова, Б. Н. Пономарева с Н. М. Тараки 20 марта 1979 года». Над заголовком — штамп: «Особая папка. Совершенно секретно». Пометка: «Разослано членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС». И еще одна: «Подлежит возврату в ЦК КПСС». Этот документ хранится в Российском государственном архиве новейшей истории.

Накануне встречи с Тараки три дня, с 17 по 19 марта 1979 года, Политбюро ЦК КПСС обсуждало просьбу властей Афганистана ввести в страну советские войска. Тогда Политбюро решило: оказать ДРА военно-техническую, материальную помощь, но войска не вводить. «Мы не можем пойти на такой риск», — сказал Косыгин. Его поддержали Андропов и Громыко. С Председателем Совета Министров согласился Брежнев.

И вот встреча с афганским лидером. Ведет ее Косыгин. Его спутники — Громыко, Устинов, Пономарев — бросили лишь несколько реплик. Право, поучительно следить за мыслью Косыгина, его аргументацией — это урок, который дал большой дипломат, политик и государственный деятель мирового

масштаба.

«Мы можем одолеть врага политическими средствами»

Запись беседы А. Н. Косыгина, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова, Б. Н. Пономарева с Н. М. Тараки 20 марта 1979 года:

«А. Н. Косыгин. Политбюро поручило нам обсудить с вами все вопросы, по которым вы считаете нужным обменяться мнениями. Как я уже говорил вам, на 18–18.30 запланирована ваша встреча с Л. И. Брежневым.

Мы вначале предполагали предоставить вам первому слово, но поскольку с вашей стороны уже ставился один важный вопрос, то я хотел бы сначала изложить наше мнение. А затем мы со всем вниманием выслушаем вас.

Прежде всего мне хотелось бы подчеркнуть, что дружба между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан не является конъюнктурной, продиктованной какими-то временными соображениями, а рассчитана на века. Мы оказывали и будем оказывать вам помощь в борьбе со всеми врагами, которые выступают против вас в настоящее время, и против тех врагов, с которыми вам, возможно, придется столкнуться в будущем.

Мы внимательно обсуждали положение дел, создавшееся в вашей стране, искали такие пути оказания вам помощи, которые в наилучшей степени отвечали бы интересам нашей дружбы и вашим отношениям с другими странами. Пути решения возникших у вас проблем могут быть разными, но наилучшим из них является путь, который сохранил бы авторитет вашего правительства в народе, не испортил бы отношений Афганистана с соседними государствами, не нанес бы ущерба международному престижу вашей страны. Нельзя допускать того, чтобы дело выглядело таким образом, будто бы вы не смогли сами справиться со своими собственными проблемами и пригласили на помощь иностранные войска. Хотел бы привести пример Вьетнама. Вьетнамский народ выдержал тяжелую войну с США и сейчас борется с китайской агрессией, но никто не может обвинить вьетнамцев в том, что они использовали иностранные войска. Вьетнамцы сами мужественно защищают свою родину от агрессивных посягательств. Мы считаем, что у вас в стране есть достаточно сил, чтобы противостоять вылазкам контрреволюции. Их надо только по-настоящему объединить, создать новые воинские формирования. По телефону мы говорили с вами о том, что к созданию новых воинских частей нужно приступить уже

сейчас с учетом того, что какое-то время потребуется на их обучение и подготовку. Но и в данный момент вы располагаете достаточными силами для того, чтобы справиться с создавшейся ситуацией. Нужно только вести дело правильно. Взять хотя бы пример с Гератом. Казалось, что все рушится, что противник прочно обосновался там, что город превращен в центр контрреволюции. Но когда вы за это дело взялись по-настоящему, вы сумели овладеть положением. Только что мы получили сообщение о том, что сегодня, в 11 часов утра военный городок в Герате, где дислоцируется мятежная часть 17-й пехотной дивизии, после авиационных бомбовых ударов захвачен батальоном десантников, поддержанных танками, прибывшими из Кандагара. Верные правительству войска закрепляют и развивают успех.

Свои же задачи на нынешнем этапе мы видим в том, чтобы охранять вас от всяких возможных международных осложнений. Мы будем вам оказывать помощь всеми возможными средствами — поставлять вооружение, боеприпасы, направлять людей, которые могут быть вам полезными в обеспечении руководства военными и хозяйственными делами страны, специалистов для обучения вашего военного персонала обращению с самыми современными видами оружия и боевой техники, которые мы вам направляем. Ввод же наших войск на территорию Афганистана сразу же возбудит международную общественность, повлечет за собой резко отрицательные многоплановые последствия. Это по существу будет конфликт не только с империалистическими странами, но и конфликт с собственным народом. Наши общие враги только и ждут того момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска. Это им даст предлог для ввода на афганскую территорию враждебных вам вооруженных формирований. Хочу еще раз подчеркнуть, что вопрос о вводе войск рассматривался нами со всех сторон, мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу о том, что если ввести войска, то обстановка в вашей стране не только не улучшится, а наоборот, осложнится. Нельзя не видеть, что нашим войскам пришлось бы бороться не только с внешним агрессором, но и с какой-то частью вашего народа. А народ таких вещей не прощает. Кроме того, как только наши войска пересекут границу, Китай и все другие агрессоры получат реабилитацию.

Мы пришли к выводу, что на данном этапе наилучшими, с точки зрения оказания вам наиболее эффективной поддержки, будут методы нашего политического воздействия на соседние страны, и предоставления большой и разносторонней помощи. Таким путем мы достигнем гораздо большего, чем вводом наших

войск. Мы глубоко убеждены, что политическими средствами, которые предпринимаются и с нашей, и с вашей стороны, мы можем одолеть врага. Мы уже беседовали с вами о том, что Афганистану следовало бы наладить хорошие отношения с Ираном, Пакистаном и Индией с тем, чтобы лишить их любых предлогов для вмешательства в ваши дела. Что касается нас, то сегодня мы направляем два документа руководителям Ирана и Пакистана, в которых со всей серьезностью говорим, чтобы они не вмешивались в дела Афганистана. Мы этот шаг предпринимаем сами, не втягивая вас в это дело. Вот, в основном, соображения, которые мы хотели откровенно, по-товарищески изложить вам.

Н. М. Тараки. Очень признателен вам за обстоятельное изложение позиции советского руководства по вопросу, который я хотел обсудить. Я тоже говорю прямо, откровенно, как ваш друг. Мы, в Афганистане также считаем, что возникающие проблемы должны в первую очередь решаться политическими средствами и что военные акции должны носить вспомогательный характер. В политическом плане мы предприняли ряд мер и убедились, что большинство народа остается на нашей стороне. После моего выступления по радио с разъяснением характера гератских событий в ряде городов страны в течение только одного дня состоялось 102 демонстрации, участники которых несли лозунги с осуждением Хомейни и его приспешников. Это убедило нас в том, что наши внутренние противники не столь уж многочисленны. Обрадовали нас и сообщения о том, что часть войск, принимавших участие в мятеже, сложила оружие.

Со своей стороны также хочу подчеркнуть, что отношения между нашими странами — это не просто обычные межгосударственные отношения. Они базируются на классовой основе, на общности идеологии и политики. В нашей стране, как и у вас, власть принадлежит рабочему классу и крестьянству, которые вырвали ее из рук аристократии и феодалов. Наша революция вызвала злобную реакцию со стороны наших классовых врагов. Проводимые нами революционные преобразования — освобождение крестьян от долговой зависимости, от помещиков и феодалов, наделение землей безземельных крестьян и другие мероприятия — укрепили авторитет нашего правительства среди афганского народа, нашли положительный отклик среди народов Пакистана и Ирана. Это напугало реакционные силы этих стран, которые активизировали свои подрывные действия против нашей страны, усилили клеветническую пропаганду, стали засылать на нашу территорию террористические банды. Свою пропаганду против нас они начинали с того, что объявили нас отступниками от ислама.

Затем стали обвинять нас во всех других смертных грехах. Пакистанская пропаганда извращала принятые нами меры по социальному освобождению женщин, которым мы обеспечили достойное положение в обществе. Когда же мы приступили к земельной реформе, правящие круги Пакистана, увидев, что она оказывает революционизирующее влияние на пакистанский народ, перешли к политике саботажа и подрывных действий против нас. Правителей Пакистана очень напугало, что по всей стране у них прокатились демонстрации, выступавшие под лозунгами «Да здравствует Демократическая Республика Афганистан!», «Да здравствует Тараки!». На нашу территорию стали засылаться не только «братья-мусульмане», бежавшие из Афганистана после революции, но и целые воинские подразделения, переодетые в афганскую военную форму, которые занимаются диверсиями и саботажем. После моего визита в Советский Союз и подписания очень важного Договора между нашими странами американские империалисты и другие реакционеры сильно озлобились на Демократическую Республику Афганистан. Они поняли, что Афганистан окончательно потерян для Запада. Средства массовой информации США, Пакистана и Ирана распространяли всякого рода клеветнические материалы, в которых поносили нас. В тесной дружбе Афганистана с Советским Союзом кроется главная причина антиафганской деятельности империалистов и реакционеров.

Мы сегодня говорили с вами о том, что Афганистану следовало бы поддерживать хорошие отношения с Пакистаном, Ираном и Индией. Этого будет трудно достичь, так как ни Иран, ни особенно Пакистан не хотят дружбы с нами.

А. Н. Косыгин. Вот только что получено заявление Зия-уль-Хака, в котором он говорит о том, что события в Афганистане являются внутренним делом этой страны и что Пакистан не будет в них вмешиваться. В этом заявлении говорится также, что пакистанское правительство будет предоставлять лишь гуманитарную помощь 35 тыс. беженцев из Афганистана, но до тех пор, пока их деятельность не станет наносить ущерба отношениям Пакистана с Афганистаном.

Н. М. Тараки. Они только говорят о гуманизме, а сами создают лагеря для подготовки диверсантов против нас.

А. Н. Косыгин. Не думайте, конечно, что мы настолько наивны, чтобы полностью принимать на веру слова Зия-уль-Хака, но как бы там ни было, заявление сделано, и оно обязывает.

Б. Н. Пономарев. По-видимому, это заявление Зия-уль-Хака является реакцией Пакистана на статью в газете «Правда».

А. Н. Косыгин. Понятно, что пакистанцы забеспокоились. Они

почувствовали, что не только вы, но и мы оказываем на них нажим.

Н. М. Тараки. «Правда» очень своевременно опубликовала статью с осуждением происков против ДРА. Эта статья произвела глубокое впечатление на наших соседей. Я, конечно, согласен с вами в том, что необходимо принимать меры политического воздействия и что война — очень рискованная вещь. Было бы излишним подробно останавливаться на вопросе о том, почему пакистанцы, иранцы, американцы и китайцы ведут против нас подрывную деятельность. Я хочу лишь подчеркнуть, что мы были и останемся вашими друзьями, что мы никогда не будем ни с кем так близки, как с вами. Мы учились и учимся у Ленина. Мы хорошо знаем ленинские указания о том, как строить свои отношения с соседними государствами. Мы стремимся к хорошим отношениям с соседями, но нам мешают американцы, которые занимаются нагнетанием напряженности, подрывной деятельностью против прогрессивных государств. Они проводили такую политику против молодой Советской республики в прошлом, и ведут ее сейчас против Кубы, Эфиопии, Мозамбика, Южного Йемена. Мы противостоим этим происка м, делаем все, чтобы править страной не силой оружия, а завоевывать авторитет в народе революционно-демократическими преобразованиями в интересах трудового народа. На эти цели мы уже израсходовали 200 млрд. афгани. Народ это чувствует и понимает, кто его друг, а кто — враг. Увидев, что пропаганда против нашего правительства не находит в афганском народе широкого отклика, духовники изменили тактику и стали кричать о том, что Афганистан стал просоветским, прокоммунистическим, что в стране находятся 10 тыс. советских людей, которые, мол, всем заправляют в Афганистане.

Резюмируя изложенное, хотел бы сказать, что нас беспокоит возможность засылки инфильтрантов из Ирана и Пакистана, хотя, конечно, ваше обращение к руководителям Пакистана и Ирана будет очень полезным, окажет на них отрезвляющее воздействие.

А. Н. Косыгин. Вот еще есть новости. Иранское правительство отдало распоряжение о том, чтобы все иностранные рабочие покинули страну к 21 апреля, а иностранные специалисты выехали из Ирана к 21 июня. Что касается специалистов, которые, как отмечается в заявлении, представляют особую ценность для иранской экономики, то вопрос об их отъезде будет решаться индивидуально, в каждом конкретном случае.

Н. М. Тараки. Эта оговорка, скорее всего, сделана для американцев. У нас есть сведения, что иранское правительство уже вернуло в страну американских специалистов, занимавшихся

там сборкой вертолетов.

А. Н. Косыгин. Да, мы тоже слышали об этом, но наших специалистов в Иране, возможно, больше, чем американских. Если встанет вопрос об отъезде наших специалистов, то у иранцев не сможет функционировать крупный металлургический завод, остановятся другие важные предприятия. А сколько афганцев находится на заработках в Иране?

Н. М. Тараки. Их не менее 200 тыс. Они выехали в Иран 5–6 лет тому назад, еще при режиме Дауда и даже раньше. Если их будут высылать, то под видом афганских рабочих к нам будут засылаться диверсанты, так как очень трудно определить по внешнему виду, кто является иранцем, а кто афганцем. Мне хотелось бы затронуть вопрос о нуждах афганской армии. Мы бы хотели получить бронированные вертолеты, дополнительное количество бронетранспортеров и боевых машин пехоты, а также современные средства связи. Если будет изыскана возможность направления персонала для их обслуживания, то это было бы очень большой помощью нам.

Д. Ф. Устинов. Речь, видимо, идет о вертолетах Ми-24, которые имеют пуленепробиваемую броню. Таких вертолетов вам будет поставлено 6 штук в течение июня-июля и еще 6 штук в четвертом квартале этого года. Может быть, нам удастся приблизить сроки поставок.

Н. М. Тараки. Мы очень нуждаемся в таких вертолетах, и было бы хорошо, если бы они поступили вместе с пилотами.

А. Н. Косыгин. Мы, конечно, можем направить специалистов, которые обслуживали бы эти вертолеты на аэродроме, но, конечно, не боевые экипажи. Мы уже говорили с вами по этому вопросу.

Д. Ф. Устинов. Вам нужно готовить своих пилотов. У нас обучаются ваши офицеры, и мы можем ускорить их выпуск.

Н. М. Тараки. А может быть, нам взять вертолетчиков из Ханоя или из какой-либо другой страны, например Кубы?

А. Н. Косыгин. Как я уже говорил ранее, мы много помогали и помогаем Вьетнаму, но вьетнамцы никогда не ставили вопроса о направлении им наших вертолетчиков. Они сами говорили нам, что им нужны только технические специалисты, а боевые экипажи они сформируют из своих людей. У нас учится 400 чел. афганских офицеров, их список у вас имеется. Отберите нужных вам людей, и мы можем ускорить подготовку, выпустить их досрочно.

Н. М. Тараки. Мы бы очень хотели, чтобы поставка вертолетов была ускорена. В них есть очень большая нужда.

А. Н. Косыгин. Мы дополнительно рассмотрим вашу просьбу, и если удастся, мы ускорим поставку вертолетов.

Д. Ф. Устинов. Но вы должны одновременно позаботиться и о пилотах для этих вертолетов.

Н. М. Тараки. Конечно, мы сделаем это. Если мы не найдем их у себя, то поищем в других странах. Мир большой. Если вы не согласитесь на это, то мы будем искать пилотов среди афганцев, обучающихся у вас, но нам нужны преданные люди, а среди афганских офицеров, которые были направлены на учебу в Советский Союз раньше, есть много «братьев-мусульман» и прокитайцев.

А. Н. Косыгин. Конечно, вам нужно разобраться с людьми, которые обучаются у нас. Братьев-мусульман мы можем вообще отправить обратно, а из числа тех людей, которым вы доверяете, мы можем сделать досрочные выпуски.

Д. Ф. Устинов. В этом году заканчивают учебу 190 афганских офицеров, среди которых 16 чел. летчиков и 13 чел. вертолетчиков. Через главного военного советника в Афганистане генерала Горелова мы передадим вам список выпускников по специальностям. Вы сами сможете произвести отбор нужных вам людей.

Н. М. Тараки. Хорошо. Мы сделаем это. Однако трудность заключается в том, что мы не знаем людей, принадлежащих к контрреволюционным группировкам, поименно. Нам лишь известно, что при Дауде в Советский Союз засылались члены организации «Братья-мусульмане» и прокитайской группировки «Шоалее Джавид». Мы постараемся разобраться.

А. Н. Косыгин. Вы, видимо, ставите вопросы о поставках военной техники с учетом того решения, о котором мы сообщили в Кабуле вчера вечером? В этом решении речь идет о крупных военных поставках, о поставках 100 тыс. т пшеницы, о повышении цены на афганский природный газ с 24 до 37 долл. за 1000 $м^3$. Успели ли вы ознакомиться с этим документом?

Н. М. Тараки. Нет. Мне, видимо, не успели о нем доложить.

А. Н. Косыгин. Скорее всего, этот документ поступил в Кабул перед вашим вылетом в Москву. Вот о каких решениях в этом документе говорится. В марте с. г. вам будет дополнительно и безвозмездно поставлены 33 шт. БМП-1, 5 шт. Ми-25, 8 шт. Ми-8Т, а также 50 шт. БТР-60 пб, 25 шт. бронированных разведавтомобилей, 50 шт. противосамолетных установок на подвижных средствах, зенитная установка «Стрела». 18 марта к вам уже направлено 4 вертолета Ми-8, 21 марта поступит еще 4 вертолета. Все это вам предоставляется безвозмездно.

Н. М. Тараки. Благодарю за такую большую помощь. В Кабуле я более подробно ознакомлюсь с этим документом. Сейчас мне хотелось бы сказать, что 100 тыс. т пшеницы нам недостаточно.

Этой осенью мы не сможем собрать полного урожая: помещики, у которых отбирается земля, не засеяли ее, а в ряде мест посевы уничтожены.

А. Н. Косыгин. 100 тыс. т пшеницы вам будут поставляться по мере того, как вы сможете ее принимать на границе и завозить в страну. У вас, очевидно, будут трудности с транспортировкой пшеницы, исходя из того, что, как нам говорили специалисты-транспортники, ваши перевалочные пункты смогут обработать только 15 тыс. т пшеницы в месяц. Пока эти 100 тыс. т будут перерабатываться, мы будем думать, что можно будет сделать в дальнейшем.

Н. М. Тараки. Раньше Пакистан обещал продать нам 200 тыс. т, но потом отказался от своего обещания. Отказалась также и Турция от поставки 70 тыс. тонн. Нам, по крайней мере, нужно сейчас еще 300 тыс. т пшеницы.

А. Н. Косыгин. Если вы были готовы платить за пакистанскую пшеницу, то, очевидно, у вас есть деньги? Мы можем купить для вас пшеницу у американцев и осуществить ее поставку в Афганистан. Например, 200 тыс. т пшеницы обойдутся в 25 млн. руб. (40 млн. долларов).

Н. М. Тараки. Нам будет трудно найти такую сумму.

А. Н. Косыгин. Найдите столько, сколько можете, и мы на эту сумму закупим для вас пшеницу.

Н. М. Тараки. Если нам не удастся изыскать средства, то мы будем просить вас помочь нам с пшеницей. Мы хотели бы также получить отсрочку платежей по вашим кредитам и процентам на них. Наш военный бюджет спланирован с надеждой на то, что такая отсрочка будет предоставлена.

А. Я. Косыгин. Безвозмездной поставкой военной техники мы уже оказали существенную помощь вашему военному бюджету. Мы дополнительно подумаем о том, чтобы предоставить вам некоторую отсрочку платежей по кредитам. Мы рассмотрим вопрос и сообщим, что можно будет сделать в этом направлении.

Н. *М. Тараки.* Мы нуждаемся также в мощной радиостанции, которая позволила бы нам вести пропаганду на весь мир. Наша радиостанция маломощная. В то время как любое клеветническое заявление какого-нибудь религиозника разносится по всему миру западными органами массовой пропаганды, голос нашей радиостанции почти не слышен.

Б. Я. Пономарев. Со своей стороны мы принимаем энергичные меры по пропаганде успехов ДРА и даем решительный отпор вашим врагам. О статье в «Правде» уже говорилось. В сегодняшнем ее номере опубликовано ваше выступление. Оно будет передано по радио на Иран, Пакистан и другие страны.

Таким образом мы помогаем компенсировать недостаточную мощность вашей радиостанции.

Н. *М. Тараки.* Ваша пропагандистская поддержка для нас очень ценна, но мы хотели бы, чтобы весь мир слышал наш собственный голос. И поэтому просим вас оказать помощь в строительстве радиостанции мощностью в 1000 кВт.

А. Н. Косыгин. Мы изучим этот вопрос, посоветуемся со специалистами, но, насколько мне известно, строительство радиостанции требует значительного времени.

Б. Я. Пономарев. Мы направляем в группу ваших партийных советников специалиста по пропаганде. Вы можете высказать ему свои соображения о том, как обеспечить через соцстраны большую пропагандистскую поддержку.

Д. Ф. Устинов. В связи с дополнительными поставками военной техники, видимо, возникает необходимость в дополнительном направлении в Афганистан военных специалистов и советников.

Я. М. Тараки. Если вы считаете, что такая потребность существует, то мы, конечно, примем их. А не разрешите ли вы все-таки использовать нам пилотов и танкистов из других социалистических стран?

А. Н. Косыгин. Когда мы говорим о наших военных специалистах, мы имеем в виду техников, которые обслуживают военную технику. Я не могу понять, почему возникает вопрос о пилотах и танкистах. Этот вопрос для нас совершенно неожиданный. И я думаю, что соцстраны вряд ли пойдут на это. Вопрос о направлении людей, которые сели бы в ваши танки и стреляли в ваших людей — это очень острый политический вопрос.

Я. М. Тараки. Мы посмотрим, как мы можем использовать тех афганских военных, которые были направлены к вам на учебу раньше. Может быть, мы попросим вас принять на обучение тех людей, которых мы подберем сами.

Д. Ф. Устинов. Мы, конечно, примем их на обучение.

А. Я. Косыгин. Подводя итоги состоявшейся беседы, можно констатировать, что за нами остается вопрос об оказании вам помощи в строительстве мощной радиостанции. Стоит также вопрос об ускорении поставки военной техники. Вы, как мы понимаем, будете подбирать пилотов для вертолетов из числа офицеров, получивших подготовку у нас. Если у вас возникнут какие-либо другие просьбы и пожелания, то вы можете сообщить о них через совпосла и главного военного советника. Мы будем их внимательно рассматривать и соответствующим образом реагировать.

Мы также договорились о проведении политических мер в защиту ДРА от империалистов и происков реакционеров. Мы будем продолжать оказывать политическое воздействие на них. Наша печать также будет оказывать постоянную поддержку ДРА.

Нам представляется важным, чтобы у себя в стране вы работали над расширением социальной опоры режима, привлекали на свою сторону народ, не допускали того, чтобы между правительством и народом возникало отчуждение. И, наконец, последнее. Не для обсуждения, а в порядке пожелания мне бы хотелось высказать соображение о необходимости очень осторожного и бережного подхода к своим кадрам. Кадры нужно беречь, иметь к ним индивидуальный подход. Всесторонне и хорошо разобраться с каждым человеком, прежде чем вешать на них какой-либо ярлык.

Я. М. Тараки. Идет ли речь об офицерах и генералах?

А. Я. Косыгин. И об офицерах, и о генералах, и о политических деятелях. Но повторяю, я говорю это не для дискуссии, а лишь выражаю наше пожелание.

Я. М. Тараки. В целом мы стараемся бережно относиться к нашим кадрам. Однако гератские события показали нам, что в нашу среду проникли «братья-мусульмане», а на тех, кто действительно с нами, мы ярлыков не вешаем.

А. Я. Косыгин. Мы не предъявляем к вам никаких претензий. Мы просто говорим о том, что ошибки в кадровой политике очень дорого обходятся. Мы это испытали на себе. При Сталине, вы знаете, многие наши офицеры сидели в тюрьмах. А когда разразилась война, Сталин вынужден был направить их на фронт. Эти люди показали себя подлинными героями. Многие из них выросли до крупных военачальников. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, но мы хотим высказать наше мнение насчет необходимости бережного отношения к кадрам.

Н. М. Тараки. Насколько я понял из состоявшейся беседы, вы предоставляете и будете предоставлять нам помощь, но вы не гарантируете нас против агрессии.

А. Н. Косыгин. В такой плоскости мы с вами вопроса не обсуждали. Мы говорили о данном этапе, о том, что сейчас наиболее эффективными являются средства политической защиты вашей страны. Вы не должны понимать нас так, как будто бы мы оставляем вас на произвол судьбы.

Н. М. Тараки. Существуют три вида поддержки — политическая, экономическая и военная. Два вида помощи вы нам уже оказываете, а как вы поступите, если на нашу территорию будет совершено нападение извне?

А. Н. Косыгин. Если будет иметь место вооруженное

вторжение на вашу территорию, это будет совершенно иная ситуация. А сейчас мы делаем все для того, чтобы такого вторжения не было. И я думаю, что это нам удастся достичь.

Н. М. Тараки. Я ставлю этот вопрос потому, что Китай настойчиво подталкивает пакистанцев против нас.

А. Н. Косыгин. Когда имеет место агрессия, то возникает совершенно иная ситуация. Китайцы убедились в этом на примере Вьетнама и теперь, образно говоря, кусают себе локти. Что касается Афганистана, то мы приняли ряд мер для того, чтобы оградить его от агрессии. Я уже говорил, что мы направили соответствующее послание президенту Пакистана, Хомейни и премьер-министру Ирана.

Н. М. Тараки. Члены нашего Политбюро знают о моей поездке в Москву. По возвращении в Кабул я должен буду доложить им о результатах наших бесед. Должен ли я сказать им, что Советский Союз будет оказывать ДРА только политическую поддержку и другую помощь?

А. Н. Косыгин. Да, и политическую поддержку, и большую помощь по линии военных и других поставок. Это решение нашего Политбюро. Об этом вам скажет и Л. И. Брежнев на встрече с вами, которая начнется через 10 мин. Я думаю, что вы возвратитесь в Афганистан уверенным в нашей поддержке, уверенным в своих действиях.

Н. М. Тараки выражает большое удовлетворение состоявшейся беседой, благодарит за большую помощь, которая оказывается Афганистану в переживаемый им критический момент».

Афганская война — давно уже перевернутая страница истории. Но споры о ней все продолжаются. Среди аргументов в пользу вторжения называется и такой: в Афганистан собирались вводить войска американцы, а мы их опередили на два часа. И что? Где теперь, в начале XXI века, американские базы? В Афганистане, Ташкенте, Бишкеке.

Алексей Николаевич Косыгин свою позицию не изменил. Изменило Политбюро, начав войну с народом.

ПО КАРТЕ КОМАНДИРОВОК

Если провести по карте Советского Союза (никогда не скажу, не напишу: бывшего, потому что государства бывшими не бывают, они уходят в историю со своим временем; ведь не говорят же: бывшая Австро-Венгрия, бывшая Чехословакия), так вот, если провести по карте Союза ССР все маршруты Косыгина-премьера… она скроется за густой сетью стрелок, пересекающих страну во всех направлениях. Стрелки пройдут от Москвы к столичным городам и вахтовым поселкам, крупным индустриальным центрам и селам…

Проведем стрелки от Москвы к Ленинграду (много раз). На Сахалин и Магадан, в Западную Сибирь, где, кроме Тюмени и Томска, пометим всю нефтяную и газовую провинцию — Сургут, Нижневартовск, Надым, Уренгой, Ямбург, Пангоды, о которых многие столичные жители, привычно пользуясь северным газом, даже не слышали; а затем продолжим — Иваново, Липецк и Душанбе, ныне столица суверенного Таджикистана, Кострома, Курск, Вологда, Фрунзе — нынешний Бишкек, Киргизия, Кишинев, Минск, Рига, Ташкент, Якутск. Красноярск, а отсюда — в молодые города и поселки Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса: Бородино, Дубинино, Шарыпово; и дальше на Север, в Норильск; не забудем про Воркуту и Сыктывкар, Оренбург и Уфу, Иркутск, Братск, Караганду, Донбасс, Кузбасс…

Разумеется, излишне говорить, что каждый раз маршрут тщательно выбирался, премьер старался побывать там, где его взгляд особенно нужен. Наконец, многие республики, края, области просто хотели заполучить к себе на день-другой влиятельного человека, рассчитывая, что на месте удастся «решить вопрос», пробить финансирование какого-нибудь проекта. Со многими гостями из Москвы этот номер проходил — только не с Косыгиным.

Золото

У него была трогательная тяга к местам, где проходила юность. Приехав в Новосибирск, Алексей Николаевич, выбрав свободную минуту, зашел в давно знакомое здание. Вместо таблички «Сибкрайсоюз» у входа значилось: «Новосибирский облпотребсоюз», а все остальное было таким же. Широкая щербатая лестница, комната, где у окна посадили молодого

техника-кооператора из Ленинграда… Косыгин постоял у окна, вместе со спутниками прошел между многоэтажек к рубленому дому, где когда-то жил. Его поймет каждый, кто возвращался через годы в места своей юности, узнавал и не узнавал за новостройками свою школу, улицу, по которой гонял с друзьями мяч… На этих тропках размягчается душа… Вот в таком настроении был в Новосибирске и Алексей Николаевич Косыгин. После ряда встреч — беседа в обкоме партии.

Участник этой встречи М. Алферов выразительно описал, как Косыгину один за другим были предложены четыре проекта: строительства второго моста через Обь, перевода пригородных колхозов в совхозы, перебазирования военных складов… Все вроде по делу, все нужно, но ни один проект новосибирцы не подкрепили расчетами.

«Вопрос не проработан, — заключил Косыгин дискуссию о строительстве моста. — Прежде дайте обоснование, расчеты его стоимости, а потом уже ставьте вопрос о строительстве».

Такими же были выводы премьера еще по двум ходатайствам. Четвертый пункт — строительство комбината безалкогольных напитков, очень нужного городу. Обком просит четыре миллиона рублей.

«Сколько вы будете строить такой завод?» — обратился премьер к начальнику «Главновосибирскстроя» П. Масленникову.

Посмотрев на первого секретаря, Масленников замялся.

«Вы смотрите на меня, я вас спрашиваю, а не секретаря. Сколько же вы будете строить комбинат?» — повторил вопрос Косыгин.

«Четыре года», — последовал ответ.

«Нет, так не пойдет. Если сможете построить за два года, ваш вопрос рассмотрим в Совмине». — Алексей Николаевич взял записку обкома партии и написал в уголке: «Рассмотреть на заседании Совмина СССР». Совет Министров эту просьбу поддержал.

Прошло несколько лет. В Москву с творческим отчетом собрался Новосибирский театр оперы и балета. Секретарь обкома М. Алферов позвонил в приемную: можно ли встретиться с Косыгиным на пять минут, передать приглашение? Помощник тут же перезвонил, назначил время.

«Я сказал несколько слов о театре. Передал приглашение и собрался уйти, но Алексей Николаевич стал расспрашивать, как живут новосибирцы, как идет строительство комбината безалкогольных напитков. Такого вопроса я не ожидал, ведь после встречи в обкоме прошло несколько лет. О том, что у Косыгина редкостная память, я слышал и раньше, но сейчас понял, что дело

не столько в памяти, сколько в характерном для этого человека чувстве высочайшей ответственности.

— Оборудование получено, но корпуса еще не готовы, — ответил я.

— Когда же будут готовы?

К сожалению, я не мог его порадовать. Стройка затягивалась», — завершает свой рассказ М. Алферов.

На карте косыгинских командировок выделяется Западная Сибирь. Председатель Совмина лично занимался этим регионом, его топливно-энергетическим комплексом, который держал на плаву всю экономику. Кстати, Брежнев, можно сказать, здесь не бывал. Только однажды по пути на Дальний Восток стареющий генсек сделал остановку в Тюмени. Поезд постоял минут тридцать. На перрон пригласили местных начальников. Леонид Ильич вышел из вагона. Несколько общих слов и «вагончик» тронулся дальше.

Сталин в последние годы ездил только на Юг. Хрущев облетел весь мир. Но Брежнев-то ездил много, но вот в этот регион ни разу не собрался! По мнению Юрия Петровича Баталина, это очень красноречивый факт.

— Значение региона ясно? Ясно! Почему же не был? Ревность к Косыгину. Косыгин едва ли не каждый год здесь бывал. И встречали его невероятно тепло.

Прилетая в республику, край или область, Алексей Николаевич не засиживался в апартаментах. Помните, как в Донбассе Ляшко вытаскивал на шахту и завод Подгорного, в то время первого секретаря ЦК Компартии Украины, будущего Председателя Президиума Верховного Совета СССР, который не мог оторваться от бильярдного стола. Косыгин, рассказывают, тоже любил погонять шары — на даче, в воскресенье. В командировках же работал чуть ли не круглые сутки, на месте принимал решения.

Можно хронологически выстроить все поездки А. Н. Косыгина по Советскому Союзу (зарубежные — отдельная тема). Но лучше попробуем собрать самое памятное из них.

Это поможет полнее представить его отношение к делу; мы увидим и то, что запомнилось спутникам премьера, людям, с которыми он встречался в этих командировках длиной в шестнадцать лет. А вернее — в сорок, если брать все его годы в правительстве, ведь он часто выезжал на места и как зампред Совнаркома, а затем Совмина, вспомним хотя бы его послевоенные хлопковые маршруты.

В командировку Алексей Николаевич, как правило, брал новую записную книжку, кстати, весьма удобную. На этих

блокнотах в мягком, кожаном переплете не указаны ни цена, ни фабрика-изготовитель. Видно, их делали на каком-то кремлевском производстве или по спецзаказу. Хороша бумага!

Откроем записную книжку, на первой странице которой 10 марта 1974 года. Алексей Николаевич сделал пометку:

«Поездка в Якутск, Магадан.

«1. Совещание в Карамкене с геологической экспедицией.

2. Нужны заводы для оснащения экспедиций в Магадан. Есть раб(очая) сила.

3. Чтобы поднять разведку, которая отстает, нужно оснащение, т. е. поднять производительность труда.

Совещание 12.III—1974.

г. Магадан.

Россыпи. По рассказам геологов, есть 1200 тонн. Эти россыпи сложные.

17 экспедиций. 4,5 т геологов.

Компрессоры, электростанции. Тракторы, машины большой проходимости. Ударно-канатные станки. 1–2 трактора — 21 партия на россыпном золоте.

* * *

Россыпи. План прироста.

Нужно сделать расчеты, где грань содержания золота для возможной добычи золота.

* * *

Коренные месторождения.

Нужно переходить к ним.

Серебро. Дукат — 20.000 тонн.

Золото — 30 тонн. Можно брать 1.500 тонн серебра.

Олово

200.000 тонн на балансе. 78.000 т утверждено. К концу 1975 г. будем иметь 300.000 т олова».

И дальше такие же подробные расчеты по вольфраму, ртути, снова об олове — «в морских песках на глубинах до 20 м».

По ходу совещания Косыгин делает пометки, которые выльются затем в точные пункты решений. «Строительство

жилья в поселках геологоразведчиков». «Карамкен + Дукат. Увеличить вложения. Дать транспорт и оборудование. Предприятия не достроены. Разведка отстает от добычи. Разработать тип предприятия для мелких месторождений. Нет запчастей к тракторам-бульдозерам Челябинского завода».

И здесь же, между строками о бульдозерах, запчастях, лимитах, Косыгин записывает то, что его волнует больше всего, над чем думает неотступно:

> *«Вопросы энергетики главные для X пятилетки. Энергетика развития на 1980—90 гг. не проработана».*

Затем на совещании выступают иркутские геологи. Косыгин делает пометки о запасах золота в Бодайбо, об открытых там месторождениях апатита, железной руды и тут же строки о быте: «Дать автобусы 30 шт. в Бодайбо. Овощи, яйцо, молоко свое. Школа плохая».

> *«Сухой Лог (100 км от Бодайбо). Запасы 390 (т.) не утверждены. Считают, что всего может быть до 1000 тонн».*

Это месторождение, как и многие другие, в наше время привлекло к себе внимание «деловых» людей.

И снова Косыгин возвращается к энергетике.

> *«Самое важное.*
>
> *Энергетика. В целом очень напряжена. Рост в год 10 млн. кВт/часов. Необходимы Богучаны + новую станцию + Назаровская станция. Дефицит в Сибири закроется только в 1982 году.*
>
> *Линия передач от Усть-Илима до Иркутска».*

Так и чередуются на всех 15 страницах этой записной книжки, заполненных аккуратным почерком Косыгина (выделяются размашистая Л и П с черточкой наверху, как у Сталина), суждения глобального характера и заботы геологов.

> *«Золото.*
>
> *Т. Десяткин.* (Эту фамилию в рабочем дневнике Косыгина я встречу еще раз — 16 февраля 1979 г. премьер принял генерального директора объединения «Якутзолото» Т. Г. Десяткина.)
>
> *1 «катерпиллер» заменяет 6 наших Т-100.*
>
> *100 тракторов высвободят 2500 человек.*

Запасы уменьшаются, добыча обгоняет запасы.

100 катерпиллеров дадут в 2,5 м(есяца) 4 тонны золота. Жилье. Электроэнергия на Севере. Нужно дать 2 плавучих станции по 25 т. м».

А после этого в третий раз за два дня Алексей Николаевич крупно пишет: *«Энергетика».*

Затем еще одна запись, которая не может не обратить на себя внимание:

«1. Необходимо подготовить решение о покупке хлеба в период складывающейся наиболее выгодной конъюнктуры.

2. Использовать остатки средств для этой цели».

Хлеб

Как рассказывал мне помощник Косыгина Игорь Игнатьевич Простяков, ныне первый заместитель полпреда Президента РФ в Сибирском федеральном округе, хлеб и валюту Алексей Николаевич всегда держал под личным контролем.

Это видно и по другим записным книжкам. Вот одна из них, к сожалению, без даты.

«Хлеб (дать ответ по хлебу ГДР и Чех(ословакии)».

Через страницу: *«Дать цифру хлеба ГДР и ЧССР. СЭВ. Хлеб. (*Подчеркнуто Косыгиным. — *В. А.)*

Еще через страницу: *«ХЛЕБ. Проверить баланс и какие возможности…»*

…В феврале 1947 года Сталин собрал пленум ЦК ВКП(б). После страшной засухи 1946 года надо было решать, как спасти страну от голода. На улицах тогда развешивали бодрые плакаты — великий вождь вдохновенно глядит на зеленеющие посадки: «И засуху победим!» Победили, мол, немца, справимся и с засухой.

Но на сталинских пленумах, как правило, занимались делом. Кубань в 1946-м собрала 65 миллионов пудов хлеба (миллион тонн с довеском), могла бы собрать и больше, но — «край почти не получил тракторов и сельскохозяйственных машин, не получает и сейчас».

Выступал секретарь Курского обкома партии Доронин. Говорит о засухе, которая все выжгла, и что раньше люди бы по миру пошли. А вот сейчас…

«Достаточно было после решения усилить напряжение,

поднять ответственность партийных организаций за дела в борьбе с засухой, как это сразу сказалось на результатах нашей работы…»

«А как с засыпкой семян?» — перебивает бодрячка Сталин.

«Доронин. С засыпкой семян дела обстоят следующим образом. Мы на момент отчета имели 224 тысячи центнеров, за это время мы засыпали еще 20 тысяч центнеров.

Голоса. А процентов?

Доронин. Двадцать семь…» И после коротенькой паузы сказал, как доставались те выжженные колоски: *«Все яровые культуры мы даже не могли косить, мы их вытеребли руками» (РГАНИ, Ф.2. Оп.1. Д. 2. Л. 8–9).*

Накануне этого пленума Алексей Николаевич Косыгин, оставаясь заместителем Председателя Совета Министров СССР (Сталина), был утвержден председателем Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете Министров. Те первые два послевоенных года были, пожалуй, такими же трудными, как и военные. Правда, не приходили больше «похоронки» с войны. Но снова, как в двадцать первом, как в тридцать третьем, убивал голод. Человек, у которого украли карточки на хлеб, отняли только что полученный паек, был обречен. В сорок седьмом засуха, сухмень вновь охватила Поволжье, Украину, центральные области России, Восточную Европу…

Сталин распорядился помочь странам народной демократии. В Чехословакии в сорок седьмом году каждая вторая буханка хлеба выпекалась из советского зерна.

(Не забудем, правда, и о другом. В 1922 году, когда от голода вымирали Поволжье и Украина, Чехословакия приняла на себя «прокормление» 25 деревень — 15 тысяч населения в Самарской губернии и 25 тысяч на Украине. Два эшелона с продовольствием, одеждой и семенным материалом были отправлены исключительно на средства чехословацких легионеров. В Чехословакию из голодающих губерний России перевезли 600 детей. В Государственном центральном архиве Чешской Республики я листал списки с именами этих ребятишек — через несколько лет их, спасенных от голода, окрепших, отправляли домой.)

Того зерна, что «вытеребли руками», у нас не хватало даже на скудные карточки. Из областей, республик одна за другой шли шифровки о наступающем голоде. Не знаю, вспоминал ли Косыгин, читая эти документы, о спасенном им в блокаду ленинградском мальчике, но то, что он заново переживал ленинградскую трагедию, бесспорно. Нет, нельзя, чтоб это повторилось.

«Алексей Николаевич пригласил стенографистку, — вспоминает А. Болдырев, — продиктовал короткую записку Сталину, подписал ее и, договорившись о приеме, отправился к нему, захватив телеграммы.

Воспользовавшись его отсутствием, я вошел в кабинет и стал раскладывать на столе материалы для предстоящего заседания. Неожиданно быстро возвратился Косыгин. Лицо его было покрыто красными пятнами, руки дрожали. Бросив на стол свою записку и пачку телеграмм, Алексей Николаевич резко, с неожиданной откровенностью произнес:

— Он отказал. Сказал, что не верит паникерам и не намерен разбазаривать резервы».

Это одно из немногих свидетельств, которое выразительно представляет и хозяина самого главного кремлевского кабинета, и его посетителя. Конечно, Алексей Николаевич рассчитывал на поддержку Сталина, наверное, даже был уверен, что Иосиф Виссарионович поможет. Не помог…

Через год ситуация повторилась. За первые две недели февраля 1948 года Совет Министров СССР получил 73 обращения из республик, краев, областей с просьбами срочно выделить муку. Что делает Косыгин с этими телеграммами и письмами? Откладывает, наученный горьким опытом? Мол, не в моих силах… Нет! Направляет докладную записку Молотову.

> *«По сообщению многих секретарей обкомов и крайкомов ВКП(б) и председателей обл(край)исполкомов, во многих городах и рабочих поселках из-за недостаточных рыночных фондов на хлеб торговля хлебом производится в течение 3–4 часов в день.*
>
> *В связи с тем, что фонды муки, выделенные на февраль 1948 г., полностью реализованы и за 15 дней февраля против установленного лимита перерасходовано 22,7 тыс. тонн муки (продано 482,7 тыс. тонн вместо 460 тыс. тонн по плану), удовлетворить ходатайства областей, краев и республик не представляется возможным.*
>
> *Ходатайство Министерства торговли СССР о выделении дополнительных фондов хлеба было отклонено.*
>
> *Прошу Вас обсудить на Бюро Совета Министров СССР предлагаемый проект постановления о восстановлении с марта 1948 г. рыночных фондов хлеба в размере 1 600 тысяч тонн (в зерновом исчислении), т. е. выделить дополнительно в марте 1948 г. 100 тысяч тонн*

хлеба.

А. Косыгин».

(ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 43. Л. 113)

На письме пометка: послано 19.11.48. Молотов проект постановления поддержал. Сталин — тоже. В магазины незамедлительно повезли муку…

Прошло шестнадцать лет, и Косыгин перебрался в сталинский кабинет. Разные решения приходилось ему здесь принимать. Популярные и не очень. Приходилось отправлять в отставку тех, кто путал свой карман с государственным, кому большая ноша оказалась не по силам. На одном из заседаний Президиума Совета Министров Косыгин услышал такое заявление:

— Алексей Николаевич, если не будет угля, я остановлю завод.

Председатель Совмина отозвался мгновенно:

— Остановить завод вы можете, но пускать его будет другой министр.

О такой тишине, которая установилась тогда в зале, говорят: слышно, как муха пролетела.

Еще один эпизод из этой серии. На совещании в Томске, в котором участвует Косыгин, выступает известный ученый. Переходит от карты к карте, от одной схемы к другой: «Вот у нас фонтан здесь, здесь…» Алексей Николаевич спрашивает, что думает о предложениях томичей министр геологии Козловский.

— А что я могу думать, если он показывает на фонтаны в Новосибирской области. При чем здесь Томская?

Больше этот человек при Косыгине фонтаны не пускал. Да, премьер мог быть жестким, но ни одно его решение не было жестоким, как то, сталинское, о хлебе сорок седьмого года.

Сделать города удобными для человека

Не окажись в ту минуту в косыгинском кабинете Болдырев, мы не узнали бы об этом эпизоде, примечательном и для Сталина, и для Косыгина, их отношения к людям. Одному все они казались винтиками, другой воспринимал их как своих близких и родных — соседей с Петроградской стороны, сокурсников, товарищей с фабрики. В стране знали эту сторону косыгинского характера.

В конце 40-х — начале 50-х годов на имя Косыгина каждый

месяц приходило по две-три тысячи писем. Ни одно не оставалось без ответа — такой порядок был принят во всех ведомствах. Но из секретариата Косыгина многие письма уходили с его личными пометками и поручениями: разобраться, обязательно помочь, доложить…

Усть-Ижорской средней школе, в Ленинградской области, вернули пришкольный участок, на котором некий деляга уже начал планировать свою усадьбу… Отправила дочурку в пионерлагерь санитарка Садовникова, потерявшая в войну мужа и сына… Получила надомную работу Нина Ильинична Белокриницкая и, сообщая Косыгину о том, что теперь сумеет «содержать своих трех сыновей», подписалась на листочке, вырванном из тетради: «Ваша доброжелательница».

Эти житейские истории хранят архивы. А сколько похожих сюжетов знают только участники событий! Разговорились как-то со старым знакомым, инженером-испытателем космических аппаратов Юрием Зарецким. Узнав о том, что я пишу о Косыгине, он попросил обязательно упомянуть, как Алексей Николаевич поддержал конструкторов.

…24 декабря 1970 года «Луна-16» доставила на Землю образцы лунного грунта. Выдающееся достижение! Посыпались награды, премии, а обещанные десять квартир в Моссовете «зажали». «Вот если бы вы земными делами занимались», — сказали там генеральному конструктору КБ им. Лавочкина Георгию Николаевичу Бабакину. Бабакин попросил Косыгина принять его. Рассказал о планах КБ и, конечно, о квартирах, о том, что талантливые инженеры, великолепные конструкторы маются в диких условиях: кто с семьей снимает угол, кто живет в коммуналке или общежитии…

— Вскоре мы получили десять квартир, — говорит Юра Зарецкий и перечисляет всех новоселов тех лет: Александр Николаевич Дятлов, специалист по радиосистеме лунных аппаратов, Виктор Николаевич Сморкачев, руководитель полета, Валерий Гаврилович Сумцов, специалист по системе управления…

Косыгин понимал заботы отдельного человека и видел проблемы, волнующие всех. Деятельно ими занимался. А это и характеризует государственного деятеля, который, в отличие от политика, думает не о следующих выборах, а о следующем поколении.

Из записной книжки Косыгина (без даты).

«а) Районы БАМ должны сохранять и облагораживать окружающую среду.

б) Сохранить чистую воду, которой много в этих районах.

в) Строить культурно и красиво. Поселки и города сделать удобными для человека.

г) Решать комплексно жилищное строительство без бараков и времянок.

д) Рассмотреть быстрое строительство в монолите, т. к. высокая сейсмика.

е) Рассмотреть всю магистраль и будущее как одно целое. Для этого одновременно со строительством БАМа должно быть положено начало составления комплексного проекта этого района (не ведомственного, а государственного), а затем дать ведомствам».

Зимой 1976 года Косыгин полетел в большую поездку: Оренбург — Тюмень — Красноярск — Норильск. После совещания в обкоме партии хозяева повезли столичных гостей ужинать, а министра геологии СССР Козловского забыли в гостинице. При нем был чемоданчик со стратегическими данными, который он не мог нигде оставлять — только сдавать сотрудникам КГБ под расписку. Через некоторое время вбегает запыхавшийся секретарь Оренбургского обкома:

— Алексей Николаевич ждет вас.

— Надо было раньше чекиста прислать, чтобы принять чемоданчик, я не могу его оставить в гостинице. Извините, не могу поехать. Так и скажите Косыгину.

Перелетели в Тюмень. Здесь несколько человек выступили неудачно. Вечером, за ужином премьер спрашивает (я смягчаю вопрос, замечает Козловский):

— Ну что, всех своих чудаков показали?

Я отвечаю:

— Не всех, еще министры остались.

— Что ж, завтра начнем с министров.

…В Красноярском крае Косыгин не успевал обстоятельно, так, как он сам хотел, осмотреть Ачинский глиноземный завод. Задание Козловскому:

— Полетишь на Ачинский завод.

— Это же не мой завод, Ломако обидится.

— Ничего, лети, завтра утром мне расскажешь. А я поеду на разрезы.

На угольные разрезы премьер полетел вместе с председателем Госплана Байбаковым и заместителем министра угольной промышленности Щадовым, одним из самых крупных в стране специалистов по открытым горным работам. На базе

богатейших — в сотни метров — угольных пластов здесь собирались построить мощные электростанции, «выжимать» из угля, как в Южной Африке, жидкое топливо, передавать энергию в европейскую часть страны. В общем, это было начало Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, сегодня распроданного и погубленного.

Вертолет премьера приземлился недалеко от Назаровского разреза. Под ногами — огромная чаша, окаймленная отвалами. Щадов показал на новый экскаватор: «Хорошая машина, сто на сто». — «Что это означает?» — «Ковш сто кубов, стрела сто метров».

Косыгин присмотрелся: экскаватор высыпает породу на промежуточную площадку, оттуда пять машин поменьше перекидывают ее наверх. «Почему такая нерациональная технология?» Щадов объяснил, что даже у этой мощной техники не хватает параметров, чтобы сразу формировать отвал. «А в Америке?» — «Там делают экскаватор под конкретные условия, а у нас сначала собирают машину, а потом думают, где ее использовать. Здесь хорошо работал бы экскаватор с ковшом на 80 кубов и стрелой на 120 метров». — «Машину можем посмотреть?»

Посмотрели. «Сколько весит?» — «Одиннадцать тысяч тонн». — «А в Америке?» — «Там легче, там сталь другая, качественная. У них ковши легче, двадцать кубов на этом выигрывают. Легче канаты».

Вместе с Косыгиным и Щадовым на железную махину взбирался Байбаков. «Николай, как же так? Неужели мы не можем дать для горного машиностроения качественный металл?»

Косыгин продолжал пытать Щадова: «На каком уровне находятся наши экскаваторы в мире?» — «Конструктивно самые лучшие, если бы дали нормальную сталь, наши машины покупали бы во всем мире».

…Дошла очередь до Ачинска, где министр Козловский всю ночь вникал в алюминиевые дела. Косыгин шел за Козловским и директором по технологической цепочке. Когда обход завершился, улыбнулся Евгению Александровичу: «Ну что, всю ночь прошлялся? Вот и хорошо». И начался серьезный разговор о проблемах комбината.

…Как положено, по итогам поездки — большое совещание в крайкоме партии. Местные начальники говорят о дерзновенных планах. Косыгин задает вопрос:

— Где возьмете кадры?

— В деревне.

— В ваших деревнях я не увидел ни одного нового дома, ни

одной новой крыши, значит, деревни умирают. А вы еще рассчитываете на них.

…В Норильске после напряженного дня вся московская команда собралась на ужин. Премьер поднял рюмку:

— Хочу выпить за Козловского и в его лице за геологов.

Евгений Александрович встал, хотел было подойти к Косыгину.

— Сиди, сиди, — остановил его Косыгин. — У меня зять — грузин. По ритуалу я должен к тебе подойти.

Выпили за здоровье геологов, поговорили — опять же о делах.

— Я что-то устал, — сказал Алексей Николаевич, — пойду отдохну, а вы еще посидите, у министров нелегкая работа, не мне вам об этом говорить.

— Ты же знаешь, Алексей Николаевич, — отозвался Ломако, — я свою бочку давно выпил.

— Непорожний поможет.

Но министр энергетики сослался на язву. Тогда Косыгин перевел стрелку на самого молодого, Козловского.

— А я один не привык.

— Я тебе начальника охраны оставлю, он покажет, как это делать.

Посмеялись и разошлись.

Утром. — возвращение в Москву. Помощники Алексея Николаевича готовят протоколы, шлифуют документы.

Косыгин и в полете, как правило, смотрел бумаги.

— Алексей Николаевич, у вас время есть? — спросил Козловский.

— А что?

— Хочу рассказать о делах в геологии. О добром мы уже рассказали, а обстановка тяжелая. С жильем трудно. Есть вариант, как это поправить. Западная Сибирь не осваивает средства. Деньги пропадут. А они по капитальным вложениям обеспечены материалами. Разрешите мне снять миллиард и направить на улучшение жилищных условий геологов.

— Давай поговорим о другом, — отвечает Косыгин. — Расскажи, что делается с добычей золота в ЮАР.

Козловский подробно рассказал.

А теперь о нефти в США.

Снова последовал детальный ответ.

Очередной вопрос по медным месторождениям Канады. Министр открывает чемоданчик, достает карту, начинает рассказывать.

— Вот сейчас я твой чемоданчик понял, — заметил,

дослушав, Косыгин. И после небольшой паузы: — Теперь давай твои вопросы обсудим.

Козловский обосновал свои предложения.

— Молодец, что ты поднял эту тему, — отозвался Косыгин. — Я скажу Байбакову…

Через два дня звонок Козловскому от председателя Госплана Союза: «Подъезжай, будем решать».

— Мы очень резко поправили в отрасли дела с жильем, — подводит итог той сибирской командировки Евгений Александрович Козловский.

Как «отдыхал» премьер

Такими были служебные поездки Алексея Николаевича Косыгина. А неслужебные, личные, когда, получив отпуск, он отправлялся на юг, на Валдай, или в «Волжский утес» — санаторий неподалеку от Тольятти? Премьер и в отпуске оставался премьером.

В Харькове поезд Москва — Кисловодск останавливается на 15 минут. У вагона, в котором ехал Косыгин, высокого гостя встретил начальник Южной железной дороги Николай Семенович Конарев.

«Глава правительства предложил начальнику дороги пройтись по перрону, — писал в «Правде» журналист Анатолий Сафонов. — Косыгин просто засыпал его вопросами. Как дела в городе и как живет народ? Какое настроение у людей? Сколько стоит на рынке килограмм вишни? Какой ожидается урожай зерновых и свеклы? Сколько дорога оставила в резерв вагонов для перевозки зерна нового урожая? Сколько заготовили хлебных щитов для крытых вагонов? Какие объекты в городе, области, на дороге будут введены в эксплуатацию в этом году? Какое финансовое положение на дороге? Как идет перевод тяги поездов с паровозной на тепловозную и электровозную?

Такой плотной, такой конкретной, такой деловой беседы Конарев еще ни с кем из руководителей подобного ранга не имел, хотя по долгу службы и своей высокой должности встречался со многими руководителями».

Напомню: Косыгин ехал в отпуск. Впрочем, для него отпуск был такой же работой, разве что без заседаний в Совмине или ЦК.

В другой раз, снова почему-то в Харькове, Косыгина «подстерег» бригадир строителей из Мурманска Сериков. Рассказал о бригадном подряде, которому не дают хода чинуши. С той памятной встречи отношение к бригадному подряду

изменилось. Сериков построил множество домов, в своей школе передового опыта воспитал тысячи бригадиров.

В поездах, командировках Косыгин открывал для себя людей, которых потом вел по жизни. В каждой отрасли, в каждой области или республике у него были такие крестники.

«А что думает по этому поводу Наймушин?» — с этим неожиданным вопросом обратился Косыгин к коллегам на заседании Президиума Совета Министров, который рассматривал перспективы развития Братского лесопромышленного комплекса. В ходе обсуждения высказывалось много спорных, подчас абсолютно противоположных предложений. Общий подход так и не находился. Вот тогда Алексей Николаевич и вспомнил о Наймушине, руководителе «Братскгэсстроя», одном из самых известных в те годы строителей. Ответа на свой вопрос премьер не дождался и, как вспоминает Владимир Иванович Залужный, предложил «рассмотрение вопроса по Братскому комплексу прекратить и продолжить в другой раз с участием товарища Наймушина».

Это было точное решение. Опыт Наймушина помог детально отработать генеральный план строительства лесопромышленного комплекса, развития Братска.

Конечно, это не единственный пример такого рода. Многие другие остались только в протоколах или забылись, потому что никто в свое время их не записал, не рассказал. Но некоторые аналогичные истории достоверно известны и заслуживают того, чтобы вспомнить о них.

В июле-августе 1979 года (с десятого по десятое) Алексей Николаевич «отдыхал» в Пицунде. Без кавычек о таком отдыхе в самом деле не скажешь. На второй же день премьера повезли на Гагринский рыбозавод; потом на строительство Ингурской ГЭС, в чайный совхоз; колхозы Абашского района, колхозы и совхозы Гудаутского района; в Чиатуру, «город грузинского марганца». В Чиатуре Косыгин осмотрел марганцевый рудник, потолковал с горняками, провел совещание со специалистами. Председателя Совета Министров страны, как положено, сопровождал первый секретарь ЦК компартии республики Шеварднадзе, организатор «отдыха»; были местные начальники, партийные и хозяйственные, в том числе министр строительства Грузинской ССР Нодари Медзмариашвили. Он-то и рассказал нашему общему другу Николаю Гончарову, писателю и журналисту, любопытную историю, которой Николай Ефремович охотно поделился со мной.

Из Чиатуры Косыгин поехал в одной машине с Шеварднадзе и Медзмариашвили. Министра посадили впереди, рядом с водителем, так что Нодари пришлось всю дорогу вертеть головой,

отвечая на вопросы Косыгина. За разговором он и не заметил, как машину внезапно окутал густой мрак, который с трудом пробивали фары. Косыгин обеспокоенно спросил, что случилось. Шеварднадзе объяснил: здесь, у Зестафонского завода ферросплавов, всегда так. От ядовитых выбросов страдают и рабочие, и горожане, и жители соседних районов, куда ветер доносит смог.

Возможно, Эдуард Амвросиевич специально выбрал такой маршрут, рассчитывая обратить внимание премьера на экологические проблемы этого промышленного района. Мол, увидит своими глазами, пусть и из машины, потом легче будет просить средства на реконструкцию. Шеварднадзе плохо знал Косыгина. Алексей Николаевич потребовал немедленно свернуть к заводу. Там, не заходя в контору, а только попросив найти директора, направился в плавильный цех. Пролеты были окутаны клубами пыли, дыма и гари.

— Как же вы здесь работаете? — удивленно воскликнул премьер, обращаясь к плавильщикам. — Покажите кто-нибудь установки пылеулавливания и фильтрации воздуха.

В допотопном хозяйстве их просто не оказалось. Тем временем доложили: директора на месте нет, уехал на охоту. Шеварднадзе, похоже, уже жалел о своей затее, предлагал ехать дальше, но Косыгин предложил пройтись по заводу. Зашли в рабочие бытовки, столовую, медпункт, баню. Премьер все больше мрачнел. Все здесь свидетельствовало о многолетнем глубоком безразличии начальства к своему делу.

После Зестафони «отдых» продолжился в цехах Кутаисского автозавода и на шахтах в Ткварчели…

Вернувшись в Москву, Косыгин распорядился оперативно разработать план обновления Зестафонского завода, подобрать нового директора. Деньги на реконструкцию, валюту на приобретение современных систем очистки выделил Совмин СССР. А вести стройку пришлось Нодари Медзмариашвили, человеку, который прошел свои университеты в Донбассе, где мы когда-то впервые встретились. За год с небольшим завод перешел на новую технологию.

Нодари в очередной раз приехал в Зестафони, когда там пускали цех пылеулавливания с английскими фильтрами. Завод работал на полную мощность. Над заводскими трубами в чистом небе едва угадывались прозрачные дымки. Новый директор Гурам Кашакашвили крепко пожал руку министру. А на следующий день он неожиданно позвонил Нодари в Тбилиси:

— Ты знаешь, дорогой, собрались у проходной люди, волнуются: «Вы что — остановили завод?» Что мне им сказать от

тебя лично?

— Скажи, чтобы хорошенько поливали розы… И вспоминали Алексея Николаевича Косыгина.

Можно набрать десятки таких сюжетов — за каждым из них будет дело: новые фабрики в городах, ориентированных прежде только на мужской труд — в Южноуральске и Шахтах, Усть-Каменогорске и дальневосточном Артеме; новая техника, облегчающая условия труда, и даже уникальный исторический музей.

О крепости-герое Бресте известно всем. Многие, возможно, бывали там, на месте ожесточенных боев, где окруженный гарнизон летом сорок первого года, когда фронт откатился далеко на восток, держал героическую оборону и не сдавался. Но есть в Белоруссии еще один музей, «Берестье». Это древняя славянская крепость, белорусская Троя. Ее открыл белорусский археолог, профессор Петр Федорович Лысенко, а спас — Алексей Николаевич Косыгин. Над уникальными раскопками надо было срочно поднять крышу, для этого требовалось найти полтора миллиона рублей. Но никто в Белоруссии этих денег для музея не давал.

Ранней зимой 1975 года Лысенко оказался в Пицунде. В это время, писала позже «Литературная газета», там отдыхал «знаменитый и, может быть, самый человечный из кремлевских владык — Алексей Николаевич Косыгин. Его фигуру можно было увидеть у моря, на берегу которого звенели длинными иглами пинии и шелестели покрытые снегом кипарисы.

Лысенко понял, *что* это его последний шанс, и храбро отправился к Косыгину».

Вообще-то насчет храбрости коллега немного преувеличил. Гражданам, отдыхавшим в Пицунде, Кисловодске или на Волге, вовсе не надо было прорываться к своему премьеру. Он не отгораживался от людей и потому предпочитал не виллы за высокими заборами, недоступные для простых смертных, а общие корпуса. Часто отпускники, узнав Косыгина, подходили поздороваться, просили разрешения вместе сфотографироваться, иногда обращались с какими-то просьбами. Охрана Косыгина, его референты давно привыкли к этой манере и не оттесняли людей.

За день до отъезда из Пицунды археолог Лысенко получил ответ: решение вопроса поручено председателю Совмина Белоруссии Т. Я. Киселеву и министру культуры СССР П. Н. Демичеву. Так было спасено Берестье, открыт уникальный музей, в котором с тех пор побывало свыше двух с половиной миллионов посетителей.

Кардиограмма показала острое заболевание

15 августа 1979 года Алексей Николаевич вышел после отпуска на работу. В этот же день он провел заседание Президиума Совета Министров, вечером готовился к Политбюро. Что в отпуске, что после — для него все дни были *труженические,* отданные работе на общую пользу. Рассмотрение проектов плана на 1980 год — эта тема повторяется на каждом заседании — с подробным анализом по министерствам и республикам; отдельными пунктами — программа строительства АЭС на 1981–1985 годы и на период до 1990 года и о развитии мощностей по производству оборудования и материалов для этих электростанций; об утверждении технического проекта на строительство Богучанской гидроэлектростанции на реке Ангаре (после перестройки она стала недостройкой); встречи с министрами, учеными, руководителями республик и областей; переговоры, совещания о развитии угольной промышленности Украины и Кузбасса…

Десятого сентября Косыгин прилетел с официальным визитом в столицу Эфиопии Аддис-Абебу. Переговоры с председателем Временного военного административного совета и Совета Министров Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом, положенные по такому случаю высокие слова об успешном развитии сотрудничества во всех областях. Это — официально. А неофициально, на встрече в советском посольстве, Косыгин говорит откровенно:

«Мы с Эфиопией работаем в одном направлении — мы продаем или строим, а отсюда к нам пока не поступает ничего. Нам надо найти все-таки какие-то возможности. Эфиопия очень большая страна и, очевидно, здесь есть много полезных ископаемых, которыми они могли бы торговать, товарооборот организовать. Но эти вопросы следует хорошо продумать, и вам тоже». (Цитируется по «Дневнику работы Алексея Николаевича Косыгина (1979 год)».)

Семнадцатого сентября Косыгин вернулся в Москву, а на следующий день его принял Брежнев. «В 11 час. 45 мин. Алексей Николаевич был у Л. И. Брежнева, — говорится в том же «Дневнике», — информировал, в частности, Л. И. Брежнева о результатах поездки в Эфиопию и Южный Йемен».

Эта была едва ли не единственная за год встреча с глазу на глаз генсека и премьера. Разумеется, они встречались на Политбюро, совещаниях, но прием у Брежнева в «Дневнике» зафиксирован только один. Два-три раза говорили по телефону. Чаще других из ЦК Косыгину звонил Суслов. По количеству

звонков Председателю Совмина второй человек на Старой площади — абсолютный рекордсмен.

17 октября Косыгин провожал в аэропорт президента Сирийской Арабской Республики Хафеза Асада — между ними после памятного дипломатического курьеза сложились очень добрые отношения. Дальше цитирую уже известный нам «Дневник».

«Из аэропорта Алексей Николаевич, почувствовав недомогание, поехал на дачу. Из машины он позвонил Б. Т. Бацанову и сказал, что сегодня на работе не будет, так как чувствует себя неважно.

На даче он жаловался на боли в области лопатки. Думали, что его продуло. Приезжал А. Н. Прохоров, предлагал сделать электрокардиограмму, но Алексей Николаевич отказался. Боли продолжались, и в конце концов Алексей Николаевич решил поехать в больницу на Мичуринском проспекте. По пути в больницу боли еще усилились, и находившийся с ним в машине Е. С. Карасев предложил Алексею Николаевичу таблетку валидола. После этого стало полегче. Алексей Николаевич сам вышел из машины, поднялся на лифте на пятый этаж, прошел до своей палаты, где уже находились врачи. Ему немедленно сделали кардиограмму, которая показала острое заболевание».

Инфаркт вывел Косыгина из строя почти на три месяца.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Хроника

Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС, принятое 21 октября 1980 года.

О т. Косыгине А. Н.

Освободить т. Косыгина А. Н. от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС по состоянию здоровья и в связи с его просьбой.

Секретарь ЦК.

(РГАНИ. Ф.5. Оп.3. Д.534. Л. 127.)

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Освободить тов. Косыгина Алексея Николаевича от обязанностей Председателя Совета Министров СССР по его просьбе.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. Брежнев,

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе

Москва, Кремль, 23 октября 1980 г.

(Социалистическая индустрия, 24 октября 1980 г.)

«Давай, подлесок, действуй!»

Наступил 1980 год. Тот самый, в котором Никита Сергеевич Хрущев, неистовый мечтатель, обещал нынешнему поколению советских людей (сказано в 1961-м) наступление коммунизма. Мне в шестьдесят первом было 25 и эти двадцать лет до счастливого рубежа казались такими же далекими, как Звездный Воз в небе Украины — севернее это созвездие называют Стожарами. Теперь после назначенного срока прошло еще почти четверть века, мой воз доезжает с ярмарки, и то светлое будущее,

которое обещал нам лысый дядька, большой любитель охоты, рыбалки, свиной «ковбасы» и всевозможных переустройств, осталось только в анекдотах. Даже сын его обосновался в Америке, которую нам следовало догнать и перегнать. Но не зря ведь в то время водители грузовиков любили писать на заднем борту: «Не уверен — не обгоняй!» Глас народа.

В одной из откровенных бесед с академиком Ойзерманом Алексей Николаевич Косыгин рассказал, как писались планы коммунистического строительства. Теодор Ильич спросил своего собеседника:

— Разве запланированные новой Программой КПСС цифровые характеристики наших будущих достижений принимались без обсуждения в правительстве, без вашего личного участия?

Алексей Николаевич сказал, что ему вообще неизвестно, каким образом составлялся набор этих показателей в окончательном виде, который весьма расходился с предварительными данными и плановыми наметками специалистов.

— Откуда же взялись эти окончательные показатели, эти грандиозные цифры? — искал истину сбитый с толку философ, потягивая свою любимую «Белую лошадь». Премьерская щедрость давала время для поиска. Таял лед в стакане с виски, «Белая лошадь» угодила под стол, но дело не прояснялось. Как за 20 лет увеличить уровень промышленного производства не менее чем в шесть раз и «оставить далеко позади нынешний объем промышленности производства США»?

Алексей Николаевич ответил выразительно: усмехнулся и поднял указательный палец к потолку.

Восьмидесятый год я встречал в Праге — работал собственным корреспондентом «Комсомольской правды». Накануне праздника или сразу после него, сейчас не помню, в Прагу залетел мой давний приятель, писатель Юра Додолев. Когда-то короткое время он был собкором «Комсомолки» в Донбассе, там мы и познакомились, а в Праге как раз выходила на чешском его новая книга. Как водится между собкорами и даже почти земляками, мы хорошо посидели в корпункте, потом я провожал его через пустынную Летну, огромную площадь над Влтавой, к гостинице, потом он провожал меня. Вспоминаю сейчас об этой встрече потому, что всю дорогу мы спорили, что будет с Советским Союзом. Юра доказывал, что СССР исчерпал свой век, а я отводил ему по крайней мере не меньше, чем династии Романовых. То есть триста с хвостиком. Прав, как выяснилось через десяток лет, оказался мой ночной собеседник.

Накануне этого Нового года советские войска вошли в Афганистан, но «похоронок» оттуда еще не было. Чередой накатывались юбилеи вождей. Константину Викторовичу Русакову (был такой секретарь ЦК КПСС) стукнуло 70 — получите звездочку Героя Социалистического Труда. Еще одному небожителю, Пономареву — 75. Борису Николаевичу достался орден Октябрьской Революции.

По заведенному распорядку началась подготовка к выборам в Верховные Советы союзных республик. Сплошной разгул демократии — о черных технологиях нам еще неизвестно, только тошнит от политхолуйства.

В Москве, в Бауманском избирательном округе выдвигают Брежнева, среди кандидатов — Косыгин, Андропов, Пельше, Суслов, Черненко, Кузнецов, Пономарев… Самому младшему из этого списка, Андропову, 66, самому старшему, Кузнецову, заместителю Брежнева в Президиуме Верховного Совета, — 79. На что они рассчитывают, собираясь еще четыре года представлять интересы народа? На какой чудесный эликсир?

Вот фрагмент одного выступления на собрании в Бауманском избирательном округе: «Яркая жизнь, многогранная целеустремленная деятельность товарища Леонида Ильича Брежнева — образец самоотверженного служения нашей социалистической Родине. Называя его кандидатом в депутаты, мы тем самым выражаем глубокую благодарность Леониду Ильичу за неустанную заботу о благе и счастье советских людей, горячую поддержку и полное одобрение мудрой, прозорливой политики родной Коммунистической партии Советского Союза».

И так далее, и тому подобное. Через пару дней московский первый секретарь Гришин вручает Брежневу удостоверение кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР, а потом, конечно, и удостоверение депутата. Окруженцы выискивали малейший повод, чтобы засветиться возле генсека и вместе с ним попасть на первые полосы газет, мелькнуть на телеэкране.

21 февраля в Большом театре с представителями трудящихся Фрунзенского избирательного округа встречается Алексей Николаевич Косыгин. Он размышляет о долговременной программе развития отраслей топливно-энергетического комплекса, говорит о необходимости сочетать территориальное и отраслевое управления, развивать территориально-производственные комплексы…

В начале апреля Брежнев отправился отдохнуть на юг. Из Москвы он улетел на самолете, а обратно следовал поездом, кое-где останавливаясь.

«По пути следования товарищ Л. И. Брежнев сделал

остановки в городах Ростове-на-Дону, Иловайске (Донецкая область), Харькове и Курске, — порадовал народ ТАСС. — Он имел беседы с членами бюро партийных организаций по выполнению народнохозяйственных планов и социалистических обязательств завершающего года пятилетки. Шел деловой разговор о ходе весенне-полевых работ. В беседах принял участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко».

Так видел события официозный ТАСС и по-другому, понятно, не мог. А вот как велись эти «деловые разговоры» на самом деле? Рассказываю со слов очевидца.

В Харьков поклониться Леониду Ильичу съехалась вся украинская элита. Прогуливается генсек по перрону, а навстречу Константин Устинович Черненко с молодым человеком. «Это кто, Костя?» — поинтересовался Брежнев. — «Мой племянник, Леонид Ильич». Разминулись. Через три-четыре минуты опять встречаются. «Это кто, Костя?» — «Мой племянник, Леонид Ильич», — невозмутимо отвечает Черненко. Больше, говорят, племяш из вагона не показывался.

По именам лидеров называют исторические эпохи. Например, хрущевская оттепель, горбачевская перестройка… Известны и другие определения: николаевская Россия, Екатерининский век… Не будем углубляться в седую историю, но одну-две страницы перелистаем. Вот что писал о самом начале XVI века историк С. Соловьев: «…в характере человека, воссевшего на престол Рюриковичей, заключалась возможность начала Смуты, но продолжение ее и сильное развитие условливались другими обстоятельствами: болезнь перекинулась и сильно развилась в общественном теле, потому что это тело заключало в себе много дурных соков».

Характер человека у каждого свой, со своими достоинствами и недостатками. Но одно дело неуживчивый характер в простом общении, другое — скверный характер монарха или генсека-президента. У М. С. Горбачева обнаружился именно такой характер. Он сталкивал людей, копил — и не прощал — обиды. Мстил тем, «кто когда-либо перечил ему или аргументированно отстаивал свое мнение, — написал в своей книге «Падение пьедестала» его ближайший помощник Валерий Болдин. — Не говорю уж о тех, кто вольно или невольно обижал его или, по его мнению, унизил. Тогда этому человеку хода уже не было».

Но к тем, от кого зависела его судьба, «курортный» секретарь относился иначе. На Ставрополье, в Минводы приезжали-прилетали-прибывали и члены Политбюро, и секретари ЦК. И к каждому Горбачев искал подход. Он умел, когда нужно, понравиться, умно порассуждать. С одним посидеть за рюмочкой

доброго коньяка, с другим, любителем пеших прогулок, как Косыгин, вместе потопать. Как-то в середине 70-х Михаил Сергеевич пробросил Андропову, который отдыхал на Кавказе, давно заготовленную фразу:

— Нельзя Политбюро ЦК формировать только из людей преклонного возраста. У хорошего леса всегда должен быть подлесок.

Андропову льстивый образ с намеком понравился. И когда Горбачева — не без его помощи — избрали в Политбюро, Юрий Владимирович, поздравляя коллегу, вспомнил эту присказку:

— Ну что, «подлесок», давай действуй!

В кольце интриг

По многим свидетельствам, Брежнев, чувствуя, что не может уже вести дела, сам начинал говорить о своей отставке. Но соратники, опасаясь за собственные кресла, убеждали его остаться на посту. Конечно, всем было ясно, что скоро генсеку понадобится замена. Кто это будет? Слишком шустрых — Полянского, Шелепина, Шелеста — уже отодвинули. Росло влияние Андропова, после смерти Суслова он стал вторым секретарем ЦК. «Вместе с тем поддержку находил и Косыгин, но он был неприемлем для большинства руководителей ЦК», — замечает Болдин.

Большая интрига развернулась вокруг Григория Васильевича Романова, первого секретаря Ленинградского обкома партии. В те месяцы, когда уже всем в стране и даже верхушке ЦК стало ясно, что с чередой похорон генсеков пора кончать, что на смену Черненко должен прийти человек другого поколения, по городам и весям вдруг пополз слушок. Его можно было услышать в больших кабинетах и в приемных, в очередях и в случайном разговоре с попутчиками: «А вы слыхали, какую свадьбу закатил Романов дочери в Ленинграде? Взял царский хрусталь из Эрмитажа!» Через какое-то время выяснилось, что свадьба была очень скромной, всего двенадцать гостей, вместе с виновниками события, посудой обошлись своей, но для политической карьеры Григория Романова это уже не имело никакого значения. Горбачев, став генсеком, правда, перевел его в Москву, сделал секретарем ЦК, но это уже был не соперник…

У Горбачева с первых же его шагов на Старой площади не складывались отношения с Советом Министров, Госпланом, где не воспринимали дилетантов. Рассказывают, вскоре после избрания секретарем ЦК он приехал в Совмин на одно из

совещаний и долго, путано выступал. К тому времени ЦК, точнее — аппарат, замыкал на себя все, даже чисто хозяйственные проблемы. К примеру, в июне 1980 года ЦК рассмотрел вопрос «О работе министерств металлургии, машиностроения и строительства по повышению качества металлопродукции, эффективности использования металла на основе внедрения малоотходных технологий в свете требований ноябрьского (1979 года) Пленума ЦК КПСС». Чисто хозяйственная тема, над которой Совмин и так работал. Но политпризывов, указаний было мало. Следовало искать экономические решения. А вот к ним-то партноменклатура не была готова.

Листаю страницы центральных газет за 1980 год — «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду», «Социалистическую индустрию»…

Косыгин принимает участие в переговорах с канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом и министром иностранных дел Гансом-Дитрихом Геншером — они прилетели в Москву. Переговоры с руководителями Социалистической Республики Вьетнам. В Варшаве проходит очередная сессия СЭВ. Косыгин говорит о необходимости «учитывать объективные факторы изменения мировой энергетической и сырьевой обстановки: закономерность возрастания затрат и сырья, невозобновляемость этих ресурсов». Председатель Советского правительства обещает сохранить в 1981–1985 годах «поставки нефти в страны СЭВ на высоком уровне, достигнутом в 1980 году» и за пятилетие довести их почти до 400 миллионов тонн. От имени СССР подписывает соглашение о международной специализации и кооперировании в разработке и производстве средств вычислительной техники.

До конца сентября на всех официальных снимках Косыгин рядом с Брежневым. Они ведут переговоры с зарубежными делегациями, открывают Олимпийские игры — Косыгин 18 июля выступает на приеме в Кремлевском дворце съездов, Брежнев 19-го — в Лужниках.

А немногим ранее, в июне, пленум ЦК КПСС принял решение о созыве XXVI съезда партии. Назначена дата — 23 февраля 1981 года. Утверждены повестка съезда и докладчики: товарищ Л. И. Брежнев, отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики; товарищ А. Н. Косыгин, «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы». Об этой пятилетке, одиннадцатой, Косыгин думал с большой тревогой и в те же летние месяцы начал делать первые наброски к своему докладу.

Знал ли он о комбинации, которая плелась за его спиной? Ее особенно и не скрывали. Его первый зам все чаще

демонстрировал свою близость к Самому.

Тридцать первого августа из Алма-Аты в Москву вернулся Брежнев. Традиционный для того времени снимок у трапа самолета: Брежнев, Черненко, Суслов, Кириленко, Гришин, Устинов и, конечно же, Тихонов. Даже по газетной фотографии видно, как он обрадован. Чем? Неужели только встречей с дорогим Ильичом?

В начале октября Косыгин вновь заболел. Теперь в официальных публикациях следом за Брежневым называют Н. А. Тихонова — члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

— Когда Косыгин был в больнице, — вспоминает П. Л. Куранов, в то время заведовавший отделом в Управлении делами Совета Министров СССР, — управляющий делами Совмина М. С. Смиртюков и я докладывали Тихонову некоторые вопросы плана. По одному из них было затруднительно с ходу принять решение, и Смиртюков предложил посоветоваться с Алексеем Николаевичем. Тихонов с явным неудовольствием бросил: «Ну зачем мы будем обращаться к больному человеку?»

Урну заложил Тихонов

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 18 декабря на 77-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Косыгин Алексей Николаевич.

Центральный Комитет КПСС

Президиум Верховного Совета СССР

Совет Министров СССР

(Труд, 21 декабря 1980 г.)

23 декабря 1980 года на Красной площади хоронили Алексея Николаевича Косыгина. Проститься с ним, следом за Брежневым, пришли вожди помельче. Череда венков, урна на артиллерийском лафете… Кремлевская стена считалась самой высшей посмертной

наградой. Правда, родных Косыгина, его дочь, внуков, о месте похорон никто не спрашивал. Приняли решение — и точка!

— А если бы спросили?

— Если бы спросили, — отвечает Татьяна Джерменовна, внучка Косыгина, — то мы бы посоветовали похоронить Алексея Николаевича на Новодевичьем, рядом с Клавдией Андреевной, его женой. Деда Леша и бабушка при жизни были неразлучны.

«…Светлая память об Алексее Николаевиче Косыгине, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, навсегда сохранится в наших сердцах», — отбарабанил дежурные слова Николай Тихонов, новый председатель правительства. И заложил урну с косыгинским прахом в нишу Кремлевской стены. Отдавая последний долг капитану запаса Косыгину, по Красной площади прошли воинские подразделения. Вскинули руки к папахам генералы и маршалы.

Со стороны все выглядело пристойно. Но только со стороны. Потому что все — и пригорюнившиеся вожди на Мавзолее, которым виделась своя ниша, и те, кто был далеко от Москвы и ее Красной площади, знали: Косыгин умер пять дней назад. 18 декабря «Голос Америки», а за ним Би-би-си и другие голоса, из тех, что тогда любили слушать на Руси, передали: в Москве скончался Алексей Николаевич Косыгин, Председатель Совета Министров СССР с октября 1964-го по октябрь 1980-го. Шестнадцать лет он был вторым человеком в стране. Но советские средства массовой информации молчали: 19 декабря — день рождения генсека, печальная новость может омрачить настроение Брежневу, подпортить всенародный праздник.

Торжества удались. Широкую грудь Леонида Ильича украсил еще один орден — на этот раз Октябрьской Революции, второй по счету. А сколько всего собрал он орденов и медалей, не знали даже партийные летописцы. Только в том, 1980 году дорогого Ильича осчастливили своей высшей наградой братья-эфиопы, коммерсанты порадовали международной премией «Золотой Меркурий», а превзошли всех инженеры человеческих душ. Писатели присудили коллеге Брежневу Ленинскую премию по литературе за книги «Малая Земля», «Возрождение» и «Целина». Сочинили их журналисты с хорошими перьями, рассказали о больших этапах в истории страны, о многих людях, достойных признания за свой подвиг в годы войны, за свой труд, но, но…

«Можно смело сказать, что по популярности, по влиянию на читательские массы, на их сознание книги Леонида Ильича не имеют себе равных», — вещал, вручая литератору престижную награду, председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства

и архитектуры писатель Георгий Мокеевич Марков. Леонид Ильич, поблагодарив за высокую награду, скромно заметил: «Данная премия — литературная. Я, как вы знаете, не литератор, а партработник…» А партработнику положено, мол, выступать в печати, он всегда готов. И принял награду за книги, написанные чужими перьями. Случайно или нет, но отчеты об этом эпохальном событии появились в газетах ПЕРВОГО апреля.

Тот веселый день, День смеха остался далеко позади.

День рождения Брежнева — 19-го, но кремлевские поздравления, вопреки старому русскому обычаю, прошли накануне, 18-го. Михаил Андреевич Суслов вновь оказался впереди, как на юбилее Хрущева. Сказал, что этот праздник — общий для всех нас, многих миллионов людей в нашей стране и за рубежом…

Никто из них не позвонил в тот день дочери Косыгина, внуку и внучке. И только 22 декабря, когда шло официальное прощание, «руководители Коммунистической партии и Советского государства выразили родным и близким А. Н. Косыгина глубокие соболезнования».

Для прощания с Алексеем Николаевичем выделили четыре часа. И — просчитались. К Центральному Дому Советской Армии шли и шли десятки тысяч людей. Истекло отведенное время, по очереди, которая от площади Коммуны уходила к Самотеке, пронеслось: закрывают! Но когда зашумели возмущенные голоса, в ЦК решили не злить народ. Печальный ритуал продолжили…

Тихонов поправил урну и отошел с чувством исполненного долга. О чем он думал в эти минуты? Сожалел ли, что за все время болезни Косыгина не заехал к нему в больницу, поскупился на два-три добрых слова на сессии Верховного Совета, когда освобождали Косыгина от должности и утверждали его, Тихонова, не ответил на записку с поздравлениями, не позвонил? «Впрочем, как звонить! — утешил себя Тихонов. — Не по городскому же телефону».

Сразу после отставки у Косыгина в больнице сняли охрану, отобрали служебный ЗИЛ, отрезали правительственную связь.

…В один из декабрьских дней Анатолия Сергеевича Болдырева, министра промышленности строительных материалов РСФСР, на пороге приемной встретила секретарша. Удивленно сказала: только что *по городскому телефону* — она выделила эти слова — звонил Алексей Николаевич, оставил номер…

«Я вошел в кабинет и сразу же набрал номер, — вспоминает А С. Болдырев. — Трубку взял Алексей Николаевич, поздоровался, сказал, что находится в больнице — забарахлило сердце… Часа через два я уже был у него в больнице на Мичуринском

проспекте.

Тогда я еще не знал, что Алексей Николаевич освобожден от работы и всех должностей, и у меня было много недоуменных вопросов: почему у Косыгина сняли «вертушку», почему такое равнодушие проявляют к его болезни члены Политбюро и Президиума Совета Министров, почему перестали присылать ему закрытые материалы, в том числе так называемый белый ТАСС? Все это я хотел выяснить, однако по ходу беседы понял, что спрашивать об этом не следует.

Алексей Николаевич говорил о непростых взаимоотношениях, сложившихся у него в последние годы с руководителями страны, потере у них интереса к реформе, о том, что важные для страны решения принимаются теперь без совета с ним. В палату несколько раз заглядывал врач и, как мне показалось, проявлял некоторое беспокойство.

Это была моя последняя встреча с Алексеем Николаевичем».

Как пишет Анатолий Сергеевич, эта встреча произошла 10 декабря 1980 года. Видимо, он ошибся, потому что к этому времени, безусловно, знал, что Алексей Николаевич освобожден от работы. Министр — не таежный отшельник, читал газеты, слушал радио, смотрел телевизор. И, конечно, знал, что премьером еще в октябре стал Тихонов. Скорее всего в дате — описка или корректорская ошибка, но главное не это. Главное в том, кому звонил в свои последние дни Алексей Николаевич Косыгин по *городскому* телефону, кто звонил ему. Звонили, понятно, родные — дочь и зять, внуки, приезжали каждый день. Захаживал министр энергетики Непорожний — таких встреч остро не хватало Косыгину. Проезжал по Мичуринскому министр геологии Евгений Козловский, увидел из машины Косыгина, захотел остановиться и не остановился, не подошел, за что корит себя до сих пор. «Спешил на коллегию, думал, зайду в другой раз. А другого раза не представилось… Черт бы с ней, той коллегией, мог поручить заму…»

Среди немногих, кто бывал у Косыгина-пенсионера, — Татьяна Викторовна Федорова, давний друг семьи. Я не раз встречался с ней в Метрострое, она рассказывала о себе, своих коллегах, но ни разу даже не упомянула, что дружна с Косыгиными.

«Последний раз я видела Алексея Николаевича, — вспоминает Т. Федорова, — в декабре 1980 года. Звонит мне Люся:

— Танечка, вы не хотели бы завтра поехать со мной в больницу, навестить папу?

— Конечно, хочу, — отвечаю я.

На следующий день, а это было воскресенье, она заехала за мной, и через пятнадцать минут мы были на Ленинских горах, у недавно построенной клинической больницы на Ленинском проспекте. Он нас уже ждал, даже спустился в вестибюль. Встреча была очень сердечной. Обнялись, расцеловались. Правда, вначале, как мне показалось, он был чуточку смущен — ведь я впервые видела его свободным от всех дел — пенсионером… Но это было лишь мимолетное замешательство. Потом он весело спросил:

— Ну, девчонки, будем чай пить или гулять пойдем?

На улице морозец, градусов десять-пятнадцать, и мы в один голос: «Пошли гулять». Отправились. С одной стороны Люся, с другой я, а он в середине. Позади нас шел врач, у него была сумка с красным крестом. Гуляли долго. Настроение чудное, веселились, шутили. Я никогда не видела Алексея Николаевича таким раскованным, умиротворенным. На прощание я подарила ему маленькую шахтерскую лампочку с буквой «М». Он поблагодарил и сказал:

— Знаешь, Татьяна, я с этой лампой буду по вечерам гулять.

Выглядел он тогда превосходно — посвежел, даже немного округлился, морщинки на лице разгладились. Такие светлые, веселые глаза. И ничто не предвещало беды…»

Союзник беды — одиночество. Поздними, бесконечно долгими вечерами Алексей Николаевич глядел в больничное окно, к которому за теплом тянулись замерзшие ветки. Какие-то тени пробегали по окну… Старому человеку в палате припомнился он сам — в его два с небольшим года. Или отцовские впечатления слились с более поздними детскими?

Отец привел всю семью на Смоленское православное кладбище к могиле матери. Было зябко. На длинные волосы священника, поверх черного одеяния, падали и не таяли снежинки. Павел, Маруся и Алеша держали свечки, прикрывая их ладошками от ветра. Священник торопливо дочитывал молитву, помахивая кадилом. А потом перекрестил всех по отдельности и громко сказал, глядя почему-то на Алешу: «Уповай на Господа и делай добро; живи на земле и храни истину». Казалось, навсегда ушла та картинка из памяти, а вот надо же — вернулась…

Он просыпался, как всегда, рано, тщательно брился. Потом долго листал журналы и думал, что старость — это когда молчит телефон. Когда лодку уж больше не столкнешь на воду.

…В летние дни, когда выпадало свободное время, Алексей Николаевич любил оседлать свою спортивную лодку- одиночку и погонять по Москве-реке. Эта привязанность сохранилась у него еще со студенческих лет в Ленинграде, с начала 30-х годов, когда

он с однокурсниками выходил размяться на Неву. Вот и в тот летний день, 1976 года, когда случилось несчастье на даче в Архангельском, Косыгин собирался проплыть на лодке. Привычно закрепил ноги (позже это спасло его) и отчалил от мостков.

Несмотря на годы — премьеру шел уже 73-й — он был в хорошей форме. По-прежнему много ходил, даже под дождем (в Кисловодске одну из троп до сих пор называют косыгинской); во время отпуска на море заплывал подальше, два-три часа в воде считал нормой; не стеснялся выйти на волейбольную площадку, на каток… И вообще, по свидетельству его лечащего врача Анатолия Николаевича Прохорова, Косыгин был физически крепким, здоровым, спортивного склада человеком.

Следом за косыгинской лодкой-одиночкой отчалили охранники. Доктору запомнилось, как Алексей Николаевич подтрунивал над ними: «Смотрите-ка, молодые, крепкие ребята, гребут — все в поту и в мыле, но никак не могут угнаться за мной. Я-то ведь уже в годах». А через несколько минут, совершенно неожиданно для тех, кто плыл во второй лодке и смотрел с берега, косыгинская одиночка перевернулась. Алексей Николаевич потерял сознание и ушел под воду…

«До самого последнего момента я все помнил, — рассказывал он позже доктору Прохорову. — Вот самолет летит — вижу. Шум доносится — слышу, а потом вдруг шум исчез. Я еще успел подумать — почему самолет вижу, а шума нет? И все — дальше ничего не помню».

Тот день в мельчайших подробностях помнит внучка Косыгина, Татьяна Джерменовна.

— Я как раз прилетела из отпуска и поехала на дачу в Архангельское к Алексею Николаевичу, — рассказывала она мне. — Ждали его после лодочной прогулки к чаю и вдруг внизу, у реки, шум. суета: «Косыгин захлебнулся!» Спас его один из охранников — Николай Егоров. Вызвали «Скорую» и рванули в Красногорск — там ближайшая больница, точнее, госпиталь. Военные врачи вытаскивали Алексея Николаевича с того света, спасибо им.

Можно представить, что переживала совсем молоденькая девушка, когда видела своего деда Лешу без сознания. Вокруг него хлопотали доктора, а самый близкий ему человек, дочь, еще ничего о несчастье не знала — она с мужем отдыхала в Юрмале. Таня позвонила маме, рассказала, что произошло. Людмила Алексеевна и Джермен Михайлович прилетели ближайшим рейсом. Косыгина уже перевели в кремлевскую больницу, он постепенно приходил в себя и, как запомнилось Татьяне, все называл какие-то цифры. Хозяйственные расчеты не оставляли

его даже в те дни.

Выйдя из больницы, Алексей Николаевич пригласил своих спасителей на обед. Он старался держаться бодро, но было видно: ЧП не прошло бесследно… Несмотря на это, премьер работал в прежнем режиме. Осенью 1979 года, как зафиксировано в рабочем дневнике Косыгина, его догнал сильный инфаркт. После двух месяцев больницы и санатория он вернулся в свой кабинет в Кремле.

«Однажды, обдумав и подписав какой-то документ по здравоохранению, Косыгин странно посмотрел на меня долгим взглядом и начал беседу на неожиданную тему, — вспоминает Николай Константинович Байбаков. — Он любил иногда поговорить на отвлеченные темы, вероятно, чтобы снять напряжение. На сей раз после длительной паузы он вдруг спросил:

— Скажи, а ты был на том свете?

Мне стало чуть-чуть жутковато, и я ответил, что не был, да и не хотел бы там оказаться.

— А я там был, — с грустноватой ноткой отозвался Алексей Николаевич и, глядя перед собой отрешенно, добавил:

— Там очень неуютно…»

Почти о таком же мистическом эпизоде рассказывал мне Петр Леонтьевич Куранов:

— Секретариат Косыгина долгие годы возглавлял Алексей Кузьмич Горчаков. До войны мы оба жили в Щелково, там близко познакомились и подружились. В отличие от своего шефа, всегда подтянутого и стройного, Горчаков был от природы полным человеком. То ли в шутку, то ли всерьез Алексей Николаевич не раз говорил ему: «Мне неловко ходить рядом с тобой». Горчаков мне признавался, что старается сбросить вес, но не может. Он погиб в автомобильной катастрофе, возвращаясь с работы на дачу по Успенскому шоссе. Лобовое столкновение… Косыгин приехал на поминки к своему тезке.

Прошло несколько месяцев после похорон. По звонку Косыгина в его кабинет вошла одна из сотрудниц секретариата.

— Позовите ко мне Горчакова, — сказал Косыгин. И только увидев, как переменилось лицо женщины, спохватился: — Извините. Можете быть свободны.

Можно представить, как, обрастая «подробностями», клубились такие эпизоды по курилкам и кабинетам совминовского корпуса в Кремле, вырывались за кремлевские стены. Смерть Косыгина, уверен Байбаков, была ускорена и внешними факторами, обострением отношений с Брежневым, Черненко, Тихоновым.

— Знаешь, Владимир, — сказал как-то Косыгин своему заместителю Владимиру Николаевичу Новикову, — меня эти «украинцы» все равно сожрут.

«Украинцами» он называл Брежнева и Тихонова, давних приятелей по Днепропетровску. «Сжирали» премьера они планомерно, хотя генсек отлично знал, что Председатель Совмина никогда не проявлял интереса к руководящей партийной деятельности.

«Роковую роль, на мой взгляд, в ухудшении отношений между Брежневым и Косыгиным сыграл Н. А. Тихонов, — утверждает Новиков. — С 1974 года Брежнев начал болеть, уже через год недуг стал резко прогрессировать. У него явно развивалась подозрительность, и Тихонов умело направлял ее против Косыгина, стремился вбить клин между ними. Это ему удалось, и с 1975-го их взаимоотношения стали ухудшаться. Тихонов без конца докладывал Брежневу о тех или иных, большей частью надуманных ошибках Алексея Николаевича. В оппозицию Косыгину он стремился втянуть и остальных его заместителей. Например, мне он говорил:

— Знаешь, ведь мы в Совмине простые пешки, даже не имеем права подписать незначительное распоряжение. Вся власть у председателя и его заместителя Дымшица, который располагает материальными ресурсами.

Я не соглашался, говорил, что у меня власти хватает. Я подписываю протоколы совещаний, которые провожу, и не знаю случая, чтобы их не исполняли. Из-за того, что я всегда поддерживал Алексея Николаевича, у меня обострились отношения с Тихоновым».

Деликатнейший человек Борис Федорович Братченко высказался с шахтерской прямотой: «Тихонов подло относился к Косыгину и ускорил его отставку».

…Четвертого октября в автомобильной катастрофе под Минском погиб Петр Миронович Машеров, первый секретарь ЦК компартии Белоруссии. Под некрологом, опубликованным 7 октября, подписи всех членов Политбюро. Здесь в последний раз в одной «связке» после А. П. Кириленко и перед Д. А. Кунаевым появилось имя Косыгина.

В это время после второго инфаркта Алексей Николаевич лежал в клинике на Мичуринском проспекте. «Для всех подобных больных вероятность летального исхода достаточно высока, а у него, после двух тяжелейших инфарктов миокарда, это могло случиться в любой момент, — рассказывал доктор Прохоров. — Но ведь все индивидуально, и мы предпринимали усилия, чтобы уменьшить эту вероятность. Понемногу он стал поправляться, ему

были даже разрешены прогулки по территории больницы».

Вам надо подать в отставку

Постепенно Косыгин возвращался к делам. Как всегда, очень внимательно смотрел газеты. Подчеркнул заметку о праздновании в Хельсинки 80-летия Урхо Кекконена, президента Финляндии. Их связывали давние, очень добрые отношения. Поздравлять Кекконена Москва послала Василия Кузнецова, в то время первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Урхо Кекконен «просил делегацию передать сердечные поздравления Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину, всем советским руководителям». Эти несколько строк в официальной тассовской заметке не смел вычеркнуть ни один редактор — они согрели последние дни Косыгина.

И вдруг, вместо обычного совминовского курьера — их Прохоров знал в лицо — прикатил гонец из ЦК КПСС. После этого визита, как заметил Анатолий Николаевич, настроение его пациента круто изменилось. Оказалось, что Алексею Николаевичу предложили подать заявление об отставке.

На этот счет есть разные свидетельства. Джермен Михайлович Гвишиани рассказывал, что Косыгину позвонил Черненко.

«— Алексей Николаевич, вы все болеете, есть мнение, что вам надо подать в отставку.

— А почему Леонид Ильич мне об этом не скажет?

— Да он сам болеет…»

На Косыгина давили со всех сторон. Начальник Четвертого, кремлевского, управления Минздрава Чазов чуть ли не ежедневно умолял дочь Косыгина и ее мужа:

— Уговорите Алексея Николаевича, ему надо уйти.

В конце концов Косыгин написал заявление об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. «Мы с женой присутствовали при этом, — замечает Джермен Гвишиани. — Заявление было кратким, в нем ничего не говорилось о членстве в Политбюро».

Зная характер Косыгина, можно сказать, что он не держался за должность. Возможно, еще надеялся преподать своим соратникам моральный урок, пробудить в них чувства элементарной порядочности. Сам он в свое время дал такой урок министру путей сообщения И. Г. Павловскому. Этот эпизод запомнился Владимиру Николаевичу Новикову, свидетелю того телефонного разговора с Павловским.

«— Алексей Николаевич, разрешите представить документ об освобождении от работы и отправке на пенсию товарища Гундобина?

Нам было известно, что как первый заместитель Николай Алексеевич Гундобин большую часть времени работал практически за министра и вел всю работу по МПС. В тот момент он лежал с инфарктом после гибели сына. Алексей Николаевич, выслушав министра, резко ответил:

— Товарищ Павловский, а как бы вы реагировали, если бы во время пребывания в больнице вас сняли с работы?

И положил трубку».

Возможно, министра этот разговор чему-то научил. А вот партийные иерархи, которые так любили толковать о коммунистической нравственности, были далеки от простейших норм человеческой морали.

— Правильно ли я поступил? — спросил Косыгин доктора Прохорова, которого, к счастью, оставили пока при нем.

— Конечно, Алексей Николаевич, — успокоил его врач.

21 октября 1980-го прошел пленум ЦК КПСС.

…Перечитываю листки спецбумаги с водяными знаками — КПСС.

> *«Тов. Брежнев Л. И. внес на рассмотрение Пленума ЦК предложение Политбюро ЦК КПСС по организационным вопросам.*
>
> *Пленум ЦК рассмотрел предложения Политбюро ЦК КПСС и единогласно их принял.*
>
> *Пленум перевел секретаря ЦК КПСС т. Горбачева М. С. из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС.*
>
> *Пленум избрал члена ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии т. Киселева Т. Я. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 534. Л. 130).*

О Косыгине здесь не говорится. Может быть, потому что у вершителей судеб не было еще его заявления? Оттого и приписка карандашом: «Страница заменена в связи с внесением уточнений. Тов. Черненко К. У. доложено. М. Соломенцев. 17.XI.80».

22 октября газеты напечатали информационное сообщение о пленуме. Читатели узнали о новых партдолжностях Горбачева М. С. и Киселева Т. Я. И ничего — о Косыгине, хотя решение освободить его от обязанностей члена Политбюро было принято.

В тот же день, 21 октября, Президиум Верховного Совета СССР «рассмотрел вопросы, связанные с проведением четвертой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва». Утвердил

повестку дня и, как писалось в газетах, порядок работы сессии высшего органа государственной власти страны. За казенной формулой скрывались перемены на самом верху.

22 октября заседал Президиум Совмина. Куранов сидел рядом с Нуриевым, заместителем Председателя Совета Министров СССР. Вдруг в зал вошел помощник Тихонова и, подойдя к шефу, что-то прошептал ему на ухо. Тихонов объявил перерыв и вышел. Вернулся через несколько минут весь сияющий.

«Ну, все ясно», — шепнул Зия Нуриев Куранову. — «Что ясно?» — «Косыгина ушли».

23 октября на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей выступил Леонид Ильич Брежнев, встреченный, как водится, «продолжительными аплодисментами». Он сказал, что 22 октября 1980 года в Центральный Комитет КПСС поступило письмо Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

Цитирую газетный отчет:

> *«В этом письме тов. Косыгин А. Н. глубоко и сердечно благодарит Центральный Комитет партии, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, Верховный Совет СССР и Совет Министров СССР за оказывавшееся ему многие годы доверие быть на посту члена Политбюро ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.*
>
> *Далее в письме тов. Косыгина А. Н. выражается твердая уверенность в том, что советский народ, сплоченный вокруг Коммунистической партии, Политбюро ЦК во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым, добьется новых больших свершений во имя торжества коммунизма…»*

Депутаты не подозревали, что им читают наскоро сочиненную фальшивку. Об этой истории знали только трое: Брежнев, Черненко и Лукьянов, в ту пору начальник секретариата Президиума Верховного Совета СССР. Анатолий Иванович по давней, хорошей привычке, сохранившейся и ныне, расписывал каждый день.

— Вот сейчас я открою страничку за четверг, 23 октября 1980 года, — говорит он мне, листая блокнот, — и мы с вами увидим, что происходило в тот день.

Двенадцатый этаж Государственной Думы. За окном небольшого, углового кабинета депутата Лукьянова — московские крыши.

«10 ч. Второе заседание Совета Национальностей.

Прения по плану и бюджету.

10.30. Работа с Черненко над материалами, связанными с просьбой Косыгина об освобождении его с поста Председателя Совета Министров СССР.

12 ч. Беседа по этому вопросу между Брежневым и Черненко.

13 ч. Доработка всех документов в связи с рассмотрением вопроса о назначении нового председателя Совета Министров СССР».

Что же стоит за этими строками? Включаю диктофон, слушаем неторопливый, обстоятельный рассказ Анатолия Ивановича Лукьянова.

«На сессию Верховного Совета из ЦК принесли письмо Косыгина. Ко мне подошел Черненко: «Пойдем в комнату отдыха, надо переделать письмо». Это было, как мне запомнилось, не коротенькое письмо. В нем были поставлены вопросы обновления кадров, старения кадров, надо, мол, чтобы пришла молодежь. Очень кратко было сказано, что он благодарит Центральный Комитет партии и Верховный Совет за доверие… Черненко передал слова Брежнева о том, что письмо надо переделать, и сам настаивал на этом. По крайней мере, убрать что-то.

Эта работа шла при мне. Я сопротивлялся, говорил, что этого нельзя делать. Черненко здесь же, на обратной стороне повестки дня, переделывал письмо Косыгина. И все, что касалось возраста, обновления кадров, убрал.

Потом пришлось подходить к Брежневу. Брежнев посмотрел и еще раз сказал: переделать. Только после этого он выступил.

Поскольку нас было двое и доказать что-нибудь в такой ситуации трудно, я и захватил свои записи…

Брежнев зачитывал это все между 13 и 14 часами. Вот что значит иногда дневник».

Итак, Брежнев предложил «удовлетворить просьбу тов. Косыгина А. Н. об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Министров СССР». И назначить Председателем Совета Министров СССР члена Политбюро ЦК КПСС Николая Александровича Тихонова. Депутаты послушно проголосовали «за».

В своем коротеньком, минуты на две, выступлении Тихонов исхитрился дважды заверить дорогого Леонида Ильича в том, что оправдает высокое доверие. Горько читать эти страницы. Ни у Брежнева, ни у Тихонова не хватило такта хотя бы поблагодарить Косыгина за сорок лет его работы в правительстве. Отмолчалась четвертая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва.

Впервые за шесть с лишним десятков лет Косыгин почувствовал себя совершенно свободным человеком. Как в детстве, когда отец уходил на завод, а они, ребята, целый день были предоставлены сами себе.

Попросил зятя, Джермена Михайловича Гвишиани, наиграть на пианино и записать на магнитофон свои любимые мотивы. Эту пленку со старыми русскими песнями, довоенными и современными мелодиями «он слушал чуть ли не каждый день, до самого конца она лежала на его столике».

В ночь на 18 декабря, рассказывала Федорова, ей приснился Косыгин, хотя раньше она никогда не видела его во сне: «…вижу его лицо с легкой улыбкой. Черный костюм, белая рубашка, прифранченный такой».

Утром она позвонила Людмиле Алексеевне: «Как Алексей Николаевич себя чувствует?» — «Все хорошо. Я сейчас к нему еду».

Она каждый день приезжала к 11. А в тот день опоздала на несколько роковых минут.

«…В то утро, 18 декабря 1980 года, — вспоминал доктор Прохоров, — предстоял обычный врачебный обход — мы просто должны были его осмотреть. Алексей Николаевич сидел на постели. Он посмотрел на нас, улыбнулся и вдруг — завалился. Возникла внезапная острая коронарная недостаточность с остановкой сердца. Здесь же у кровати был установлен дефибриллятор, другая аппаратура. Через несколько секунд мы приступили к реанимации. Однако, увы, запустить сердце так и не удалось…»

ТАТЬЯНА

На высоком откосе задержались, не успев сбежать в долину, сосны. Между ними, далеко внизу, лениво изогнулась Москва-река. На том берегу зеленеет поле, за ним лес, сливающийся в синей дали с горизонтом. А на этом состязаются в волшебстве, как писал Пушкин, циркуль зодчего, палитра и резец. Волшебство природы и рук человеческих — это и есть музей-заповедник «Архангельское», некогда парадная резиденция князей Голицыных и Юсуповых.

В 30-е годы минувшего века по соседству с прославленной усадьбой на крутогорье разместили десяток наркомовских дач. Первая от входа досталась Косыгиным. Возвращаясь с работы, Алексей Николаевич обычно выходил из машины километра за три от дачи, там, где сейчас остановка автобуса «Липовая аллея», и дальше шел пешком…

— Если было еще не поздно, мы с братом Лешей выбегали ему навстречу, — тихо говорит Татьяна. Она и сейчас любит заглянуть в «Архангельское», не спеша пройти по аллеям, над которыми дремлют вековые липы. Они помнят быстрые шаги деда Леши, его горделивую радость, когда встречались знакомые: «А это мои внуки!» Впервые без деда Татьяна подходит к их даче, давно уже чужой.

Властно посигналил «мерседес» — мы посторонились, давая дорогу новым хозяевам. Налево и направо от ворот, которые тут же захлопнулись, тянется над забором колючая проволока.

— И в ваше время отгораживались колючкой?

— Что вы?! Алексея Николаевича как члена Политбюро, конечно, охраняли. Но здесь, у въезда на дачу, дежурили бабули.

Деревянные ворота с облупившейся краской и форточкой-«глазком» еще не сменили. Постучали, представились. Крепкий охранник калитку открыл, но попросил «не углубляться на территорию». Что ж, спасибо и на этом…

В самом «Архангельском», в окрестностях Косыгин знал все тропы. Даже в последние годы не изменял своей привычке отмерять километры пешком. Легко спускался-поднимался по лестнице к реке — почти четыреста ступенек. Рыбачил. Летом по воскресеньям переплывал на лодке на тот берег за грибами, ягодами. Зимой опять туда же — с лыжами.

В памяти Татьяны Джерменовны — множество милых деталей, которые позволяют увидеть живого Косыгина с его повседневными привычками, любимыми словечками, увлечениями.

Садом-огородом на даче занималась Клавдия Андреевна. Ей помогал садовник Семен Филиппович; Тане он запомнился глубоким стариком. О цветах, кажется, он знал все. Посадили жасмин, сирень — ее очень любила Людмила Алексеевна. Для внуков разводили клубнику, малину. В большой семье не лишней была и своя картошка. Когда наставала пора ее копать, с корзиной над рядком склонялся и Алексей Николаевич. Ему это было в охотку. Еще он любил собирать яблоки. Клавдия Андреевна колдовала над тазом с вареньем, а Таня с Алешей подбирались к сладкой пенке и спорили, кому больше досталось.

— Деда Леша всегда очень рано вставал, — вспоминает Татьяна Джерменовна. — И по субботам, и по воскресеньям. Мы, бывает, только проснемся, а он уже вернулся с рыбалки. Рыбак он был отменный, гордился уловом. А когда случалось вырваться на охоту, любил попугать нас, малышей: «Я сегодня кабана видел во-от с такими клыками!» — И показывал, какие огромные клыки пронеслись рядом с ним.

Уху Алексей Николаевич всегда варил сам. Никому другому не доверял. Помощники могли только подбросить щепочек в костер. А потом наставала сладостная минута первой пробы, что-то еще в точно отмеренной доле сыпалось в кастрюлю и, наконец, команда: «Готовь тарелки, Татьяна!»

Алексей Николаевич любил называть ее полным именем. Душевно улыбался, когда Алеша, он старше на шесть лет, играл с сестренкой. Вот они все вместе на снимках из семейного альбома — Таня и Алеша, с родными, дедом и бабушкой… По любительским карточкам (чаще всего снимал Джермен Михайлович, но брал аппарат и Алексей Николаевич) видно: это хорошая, дружная семья. «Все мы любим нашу Танечку», — подписывает один из снимков баба Клава и тут же добавляет: «Деда Леша любит по-своему. Он берет ее с собой на рыбалку».

На другом снимке они вдвоем, дед и внучка. Алексей Николаевич держит удочку, Таня — ведерце, наверное, с окуньками.

Рыбалка была страстью Косыгина. Об этом напоминают многие семейные фотографии, об этом рассказывают домашние и знакомые. Он рыбачил там, где отдыхал: в Юрмале и Пицунде, на Волге и Ставрополье, выходил в море в Албании и Финляндии… И, конечно, в Архангельском. Здесь у него были любимые места. Правда, не такие волшебные, как у прежних хозяев знаменитой усадьбы, у которых в пруду, как писал архитектор Сергей Васильевич Безсонов, «водилась прирученная рыба, имевшая у жабр позолоченные сережки и поднимавшаяся по звонку наверх для получения корма».

Золотую голицынскую рыбку, конечно, видал Пушкин. А когда он написал свою «Сказку о рыбаке и рыбке»? 14 октября 1833 года. По утверждениям пушкинистов, поэт взял сюжет из сборника сказок братьев Гримм, из померанской сказки «О рыбаке и его жене». Не спорю со знатоками, а только замечу: раньше Александр Сергеевич не раз бывал у Николая Борисовича Юсупова. Наследник казанских ханов, один из самых богатых людей в России, умерший в долгах, наверное, показывал гостю своих золотых рыбок.

Как-то на совещании в Совмине один из хозяйственников горячо доказывал, как эффективно действуют очистительные системы на Байкале, где построили целлюлозно-бумажный комбинат:

— Вода чистая — я сам пил!

— А рыба как? — спросил Косыгин.

— А рыба дохнет, — под общий хохот зала признался «защитник» Байкала.

Алексею Николаевичу очень хотелось порыбачить на донской зорьке с Шолоховым: для них леска, как заметил один мыслитель, была ниточкой, связывающей человека с природой. Но побывать в Вешенской ему не довелось. Зато приезжала, и не раз, Людмила Алексеевна, однажды судьба забросила на Дон и Татьяну.

Я написал в Вешенскую, Александру Михайловичу Шолохову, сыну писателя, попросил рассказать о встречах его отца с Косыгиным. Таилась надежда: вдруг в дневниках, блокнотах Михаила Александровича сохранились какие-то записи? Через несколько дней пришел ответ, я приведу его полностью — настолько он интересен, дополняя наши представления и о Шолохове, и о Косыгине.

> «Уважаемый Виктор Иванович!
>
> Александр Михайлович поручил мне ответить вам, так как я была близким другом семьи Людмилы Алексеевны, часто встречались семьями с ними, и, естественно, с Алексеем Николаевичем Косыгиным.
>
> Если Таня передала вам фотографии, то, очевидно, это те же, что есть у меня. Что касается блокнотов и дневников М. А. Шолохова, то могу, к сожалению, сообщить, что он не вел никаких дневников после войны, тем более записей бесед с Алексеем Николаевичем, своим другом и близким по духу человеком. Алексей Николаевич всегда открытками поздравлял Михаила Александровича со всеми праздниками. Он

присутствовал на «золотой свадьбе» Михаила Александровича и Марии Петровны Шолоховых в 1974 году, в Москве, в этом же году Михаил Александрович с семьей были гостями на юбилее (70-летии) Алексея Николаевича. Это был очень теплый и дружеский круг людей. Приезжали бывшие сослуживцы Алексея Николаевича из Ленинграда и из Сибири. Встреча их была очень трогательной.

Михаил Александрович иногда обращался за помощью к Алексею Николаевичу по депутатским делам, в частности, не без помощи А. Н. Косыгина был построен в Вешенской красавец-мост через Дон. А вот о чем они беседовали вдвоем — этого никто не знает. У них было много общего в оценке событий, в вопросах государственных, они могли беседовать часами.

Извините, что мало чем могу помочь вам.

P.S. Кстати, Людмила Алексеевна с Джерменом Михайловичем и Таней гостили у отца в Вешенской летом 1973 года.

Людмила Алексеевна не один раз приезжала к дню рождения Михаила Александровича уже после его смерти, на праздники «Шолоховская весна».

С уважением С. М. Шолохова».

Ту поездку очень хорошо помнит Татьяна.

— Мы выехали из Москвы на двух машинах — Светлана Михайловна с мужем на одной, я с родителями на другой. Думали успеть к вечеру, но дорога оказалась труднее, чем мы рассчитали. Добрались только к четырем утра, уже светло, солнышко поднимается. И представьте, нас ждали — никто не расходился, с дороги — сразу за большой стол.

После такой ночи клонило в сон, но так не хотелось вставать из-за этого дружного стола. Михаил Александрович потягивал подаренный «Галуаз», крепчайшие французские сигареты, расспрашивал гостей, сам что-то рассказывал…

Листаешь страницы альбома и видишь, как растет малышка. Вот она уже школьница, вот помогает деду варить уху. А это что? «Дю-баба — лучший друг Танечки, ведь она всегда сыграет в карты». Но к приходу Алексея Николаевича карты убирались — не любил он карточных игр. Домино — другое дело, любил постучать костяшками.

Дом, семья — все это было на Клавдии Андреевне. Она любила хлопотать о всех родных, опекала Марусю, сестру Алексея Николаевича, приглашала в гости его племянницу Лялю — дочь

Павла, рано ушедшего из жизни. Болезнь сестры, конечно, сказалась на семейных планах Косыгиных. Они ограничились одним ребенком. («Одна, но какая!» — с гордостью говорила Клавдия Андреевна, когда возникал разговор на эту тему.)

Бабушка запомнилась Татьяне очень общительной, раскованной. Мама была куда сдержаннее. Она больше походила на отца.

— Честно говоря, и нас с братом воспитывали жестковато, — говорит Татьяна Джерменовна. — По большому счету, это даже мешало в жизни. А тогда, наверное, так было надо. Мне с детства вбивали: ты не лучше других. А действительно, чем я лучше?

Теплый ветер несет над склоном белесые пушинки. Динамик приглашает гостей на экскурсию. По музею их проведут. А за колючую проволоку не пустят. Таня смотрит на едва видную из-за деревьев крышу дачи — мысленно она сейчас там.

— Клавдия Андреевна очень любила семечки, просто обожала, покупала кульками на рынке, жарила и ела. И я в детстве любила, и мама. А Алексей Николаевич их не выносил. Говорил: «Клавдия, перестань есть семечки, что ты здоровье себе портишь?!» Она могла днем грызть семечки, но когда ждали его возвращения, тут же все убиралось…

Без Клавдии Андреевны он за стол не садился. Приходим утром на завтрак, а она задерживается. «Татьяна, сбегай к бабе Клаве, мы ждем ее завтракать». Я бегу, она отвечает: «Скажи: пусть садятся, я сейчас иду». Нет, он все равно ждал, пока она придет.

«Дю-баба» — мать Клавдии Андреевны — любила смотреть телевизор. Ее привычку уважали, да и часто выходить в ее годы было тяжеловато. А вот всех остальных Косыгин тормошил:

— Что торчать у телевизора? Пойдемте на каток, погуляем.

На каток они ходили вдвоем.

— Я училась в школе фигурного катания, а он катался с детства. У него были старые коньки, «гаги», с допотопными, черными ботинками. Я их очень хорошо помню. Когда мы приходили на каток военного санатория, шли в вагончик, он обязательно надевал портянки, только портянки, не носки, иначе, говорил, натрешь ногу. То же самое, когда ходил на лыжах. Причем эту портяночку он так виртуозно заворачивал, а носки на лыжах или на коньках не признавал.

После обеда Алексей Николаевич иногда шел отдыхать, а чаще сидел с бумагами, их привозили даже по субботам и воскресеньям. Но, когда он освобождался, опять шли гулять. Он очень любил это время, расспрашивал нас с Алешей о наших делах, что читаем, с кем дружим.

Смерть Клавдии Андреевны многое в доме изменила. Понимаю сейчас, каким тяжелым для Алексея Николаевича был праздник Первого мая. Кругом музыка, флаги, песни, военный парад и демонстрация, Председателю Совмина, члену Политбюро надо быть на трибуне мавзолея, потом на государственном приеме. И только после этого он мог заехать на Новодевичье, постоять у могилы жены, оставить цветы… А вечер провести в кругу семьи, самых близких друзей…

Алексей Николаевич любил, когда его близкие хорошо выглядят, нарядно, красиво одеты. Вот он собирается с внучкой в театр.

— Татьяна, ты готова?

— Готова! — отвечает Татьяна, надевая подаренное дедом японское ожерелье.

— Ну, у тебя сегодня жиганский вид! — не скрывает восхищения Алексей Николаевич.

Откуда у него это словечко? То ли что-то запомнилось из Клавочкиных уроков французского, то ли это было какое-то диалектное словцо: жигачихой, например, называли резвую девушку в тверских краях.

Алексей Николаевич гордился своей внучкой: красавицей, комсомолкой, спортсменкой. А сегодня — хранительницей большого семейного архива Косыгиных. Милые семейные безделушки и редкостные фотографии, подлинные документы, рабочие блокноты и записные книжки деда — все это бережно хранит Татьяна Джерменовна. Каждый ее звонок добавлял в нашем общем поиске какую-то новую деталь.

— Виктор Иванович, нашла трудовую книжку Алексея Николаевича, по-моему, очень интересный документ.

В самом деле интересный. Это трудовая книжка, которую выписали Косыгину — наркому текстильной промышленности 25 января 1939 года. К тому времени его «стаж работы по найму» уже составлял 14 лет. На полях пометка: «Подтверждено документами». Следующая запись: «Служба в РККА — два года». И опять пометка: «Подтверждено документами».

Записи ведутся до июля 1948 года… И продолжаются уже во вкладыше, который заполнял некий кадровик после отставки Косыгина.

«23.10.1980. Освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров СССР по его просьбе».

Странички, где делаются записи о награждениях, остались чистыми. Лень было вписать его боевые и трудовые награды!

…В Архангельском, по соседству с дворцами, которыми

гордится мировая культура, прозябала разваливающаяся школа, больше похожая на сарай. Алексей Николаевич, проходя к машине, не раз критически поглядывал на очаг просвещения: «Как же можно здесь учить детей?» И однажды принял решение: построить в поселке Архангельское новую школу. Сейчас эта трехэтажная красавица носит имя Косыгина.

Такие «записи» остаются в памяти людей навсегда.

Сколько их в трудовой книжке Алексея Николаевича Косыгина? На этот вопрос не ответят и самые дотошные эксперты. Потому что с его именем связано не только строительство новых школ и вузов, заводов и фабрик, но и становление крупнейших энергетических и транспортных систем, научно-производственных комплексов, определявших будущее экономики страны, которая называлась Союзом Советских Социалистических Республик.

ЭПИЛОГ

В анкете «Биографической энциклопедии мира», которую ее редактор г-н Николс прислал Косыгину из Нью- Йорка в 1943 году, был вопрос о карьере. Требовалось перечислить «все занимаемые должности с указанием дат». И получилась бы этакая прямая успешного служебного роста. Но на жизненном поприще (французское слово «карьера» переводится и так) гладко не бывает. К тому же карьерная гонка никогда не занимала Косыгина. Повторюсь: всю жизнь для него главным было Дело, за которое он отвечал. В последние два десятка лет — это экономика всей страны, огромное хозяйство Советского Союза, в котором он по праву считал себя главным инженером.

Случалось, и самые светлые головы в правительстве не могли найти решения какой-нибудь проблемы. И тогда раздавался сдержанный голос Косыгина: «А что, неужели нам сообразиловки не хватит?» Это было его любимое словечко.

Косыгин и его поколение оставили богатейшее наследство, которое досталось России, всем странам Содружества: экономическую и оборонную мощь, современную науку, образованный народ, кадровый запас. В наших домах, в заводских цехах — свет и энергия тех электростанций, которые воздвигались при Косыгине. При нем, кстати, начиналось строительство и Бурейской ГЭС, которая вошла в строй действующих летом 2003 года, первая за последние пятнадцать лет.

Вот с того косыгинского загляда в завтра, в будущее нашей Родины есть у нынешней России индустриальный фундамент, в том числе топливно-энергетический комплекс, опора страны и надежда на ее возрождение. Там истоки Канско-Ачинского комплекса с его уникальными угольными пластами, Уренгойского газонефтеконденсатного месторождения, Богучанской ГЭС на Ангаре, еще до сих пор не достроенной… В том наследстве — богатства Ямала, к которым газовики подступаются только сейчас, кладовые Сахалина, шельфа Баренцева моря, алмазы Якутии, жизнь которым дал Алексей Николаевич.

Похоже, страна уже поняла, что бес оголтелой коммерции (выражение Солженицына) способен только разрушать и набивать карманы. А Россия заждалась строителей. Настоящих прорабов, а не говорунов, не дельцов, которые реформировали экономику с абсолютным презрением к народу, его потребностям. Они столкнули в нищету миллионы людей. Отбросили многие отрасли промышленности на 30–40, а то и на сотню лет назад.

Новым реформаторам были не нужны косыгинские преобразования, направленные на предоставление прав и свободы предприятиям в условиях плановой системы. Они отвергали предложения Н. И. Рыжкова о постепенном переходе на рыночные отношения с государственным регулированием и максимальной социальной защитой народа, потому что при этом не изменялись основы общественного строя. Проводить реформы взялись люди, не имевшие опыта руководства страной, конкретной экономикой, производством, практики управления предприятиями или регионами. Опыт советской, отечественной экономики сознательно отвергался. А. Н. Косыгин, а затем и другой глава советского правительства Н. И. Рыжков полагали, что экономика, как любой организм, требует с учетом времени совершенствования и определенного реформирования. Но они категорически были против глобального разрушения того, что создавалось многими поколениями людей. Надо было совершенствовать хозяйство, а не разрушать.

Всем известно, что произошло в стране в последние 10 лет. Быстро и бездумно разрушена сложившаяся экономическая модель. Созданы все условия, чтобы делать состояния на общенародном достоянии. Именно это и дало импульс многим негативным явлениям, с которыми теперь пытается справиться власть.

У России есть все, чтобы дальше не отступать и пойти вперед. За десять лет, как намечено, удвоить внутренний валовой продукт страны. Производственники, политики, ученые, каждый человек, которому небезразлична судьба страны, думают, спорят о том, как скоро сможет Россия стать экономически сильным государством. Уверен, в этих поисках нужно обратиться и к опыту советской экономики, а не только западной или восточной, взять на вооружение все, что прошло испытание временем. Прислушайтесь к Алексею Николаевичу Косыгину:

— А что, неужели у нас сообразиловки не хватит, чтобы навести порядок в нашем доме, в России?

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. КОСЫГИНА

1904, 21 февраля — в Санкт-Петербурге родился А. Н. Косыгин.

1919, конец — март 1921 — служба в Красной Армии. 7-я армия, 16-е и 61-е военно-полевое строительство, г. Петроград — г. Мурманск.

1921–1924 — слушатель Всероссийских продовольственных курсов Наркомпрода, учащийся кооперативного техникума.

1924–1926 — инструктор Новосибирского областного союза потребительской кооперации.

1926–1928 — член правления, зав. орготделом Ленского союза потребительской кооперации, г. Киренск, Иркутская обл.

1927 — женитьба А. Н. Косыгина на Клавдии Андреевне Кривошеиной.

1927 — Киренским окружкомом принят в члены ВКП(б).

1928, 4 ноября — рождение дочери Людмилы.

1928–1930 — зав. плановым отделом Сибирского краевого союза потребкооперации, г. Новосибирск.

1930–1936 — учеба в Ленинградском текстильном институте им. Кирова.

1936–1937 — мастер, начальник смены фабрики им. Желябова, г. Ленинград.

1937–1938 — директор фабрики «Октябрьская», г. Ленинград.

1938 — заведующий промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б).

1938–1939 — председатель Ленинградского горисполкома.

1939–1940 — народный комиссар текстильной промышленности СССР.

1939, 21 марта — на XVIII съезде избран членом ЦК ВКП(б).

1940, 16–17 апреля — назначен заместителем председателя Совнаркома СССР и председателем Совета по товарам широкого потребления при СНК СССР.

1941, 24 июня — назначен заместителем председателя Совета по эвакуации при СНК СССР.

1941, 19 января — июль 1942 — уполномоченный Государственного Комитета Обороны в блокадном Ленинграде.

1942, 23 августа — назначен уполномоченным ЦК ВКП(б) и СНК СССР по обеспечению заготовок местных видов топлива.

1943, 23 июня — назначен председателем СНК РСФСР.

1945–1946 — председатель Оперативного бюро СНК РСФСР.

1946, 19 марта — утвержден заместителем Председателя Совета Министров СССР.

1946–1947 — зам. председателя Бюро СМ СССР.

1946, март — избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

1946, 27 марта — освобожден от обязанностей Председателя СНК РСФСР.

1947, 8 февраля — утвержден Председателем Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете Министров СССР.

1948–1953 — член Бюро СМ СССР.

1948, февраль — избран членом Политбюро ЦК ВКП(б).

1948, 16 февраля — назначен министром финансов СССР.

1948, 9 июля — освобожден от обязанностей Председателя Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете Министров СССР.

1948, 28 декабря — утвержден министром легкой промышленности СССР с освобождением от обязанностей министра финансов СССР.

1949, 7 февраля — назначен Председателем Бюро по торговле при Совете Министров СССР.

1952, 16 октября — избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

1953, 15 марта — утвержден министром легкой и пищевой промышленности СССР.

1953, 24 августа — назначен министром промышленности товаров широкого потребления СССР.

1953, 7 декабря — назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР.

1953, 22 декабря — утвержден Председателем Бюро по промышленности продовольственных и промышленных товаров широкого потребления при СМ СССР.

1955, 23 февраля — освобожден от обязанностей министра промышленности товаров широкого потребления СССР.

1955, 26 февраля — утвержден членом Президиума Совета Министров СССР.

1955, 22 марта — утвержден членом комиссии Президиума Совета Министров СССР по текущим делам.

1955, 26 августа — утвержден заместителем председателя комиссии Президиума Совета Министров СССР по вопросам производства товаров широкого потребления.

1956, 25 декабря — назначен первым заместителем Председателя Госэкономкомиссии Совета Министров СССР по текущему планированию народного хозяйства — министром СССР с освобождением от обязанностей заместителя

Председателя Совета Министров СССР.

1957, 23 мая — назначен первым заместителем Председателя Госплана СССР, министром СССР.

1957, июнь — избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

1957, 4 июля — назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР.

1957 — утвержден членом Главного Военного Совета при Совете Обороны СССР.

1958, 31 марта — утвержден заместителем Председателя Президиума Совета Министров СССР.

1958, 13 октября — назначен председателем комиссии Президиума Совета Министров СССР по вопросам цен.

1959, 20 марта — назначен Председателем Госплана СССР.

1959, 24 марта — утвержден представителем СССР в Совете Экономической Взаимопомощи.

1959 — утвержден членом Совета Обороны СССР.

1959, 13 августа — освобожден от обязанностей председателя комиссии Президиума Совета Министров СССР по вопросам цен.

1960, май — избран членом Президиума ЦК КПСС. На последующих съездах и пленумах ЦК избирался членом ЦК и членом Политбюро ЦК КПСС.

1960, 4 мая — назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР с освобождением от обязанностей Председателя Госплана СССР.

1962, 28 апреля — утвержден членом Президиума Совета Министров СССР.

1964 — присвоено звание Героя Социалистического Труда.

1964, 15 октября — назначен Председателем Совета Министров СССР.

1966, 10 ноября — назначен Председателем Президиума Совета Министров СССР.

1967, 1 мая — смерть Клавдии Андреевны Косыгиной.

1974 — вторично присвоено звание Героя Социалистического Труда.

1980, октябрь — освобожден от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС.

1980, 23 октября — освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров СССР по его просьбе.

1980, 18 декабря — смерть А. Н. Косыгина.

1980, 24 декабря — в Москве, на Красной площади, у Кремлевской стены состоялись похороны Алексея Николаевича Косыгина.

А. Н. Косыгин — дважды Герой Социалистического Труда. Награжден шестью орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, восемью медалями.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Косыгин А. Н. Избранные речи и статьи. М., 1974.

Косыгин А. Н. К великой цели. Избранные речи и статьи. Т. 1–2. М., 1979.

Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А. Н. Косыгине. М., 1997.

* * *

Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М., 1998.

Баталин Ю.П. Ю. П. // Россияне. 1996, № 5–6.

Берия С.Л. Мой отец — Берия. М., 2002.

Блок А. Собрание соч. Т. 8. М., 1963.

Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995.

Воротников В.И. А было так… М., 1995.

Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. М., 1996.

Гусев В.К. Жизнь ради созидания. М., 1999.

Гусев В.К. Эпоха реформ. М., 2001.

Емельянов Ю.В. Сталин на вершине власти. М., 2002. Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. М., 1961.

Киренский округ Иркутской губернии. СПб., 1856.

Козловский Е.А. Россия: минерально-сырьевая политика и национальная безопасность. М., 2002.

Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Т. 1–2. М., 2002.

Ляшко А. П. Путь в номенклатуру. Киев, 1997.

Мухитдинов Н.А. Река времени. От Сталина до Горбачева. М., 1995.

Меньшиков М.О. Материалы к биографии // Российский архив. Т. 14. М., 1993.

Рыжков Н.И. Возвращение в политику. М., 1998.

Советский тыл в Великой Отечественной войне. Т. 1–2. М., 1974. Список населенных мест Киренского округа. По материалам переписи 1926 г. Киренск, 1927.

Фалин В. Без скидок на обстоятельства. М., 1999.

Федин К. Горький среди нас. М., 1967.

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто помогал в работе над книгой об А. Н. Косыгине. В первую очередь это:

Гвишиани-Косыгина Татьяна Джерменовна, кандидат юридических наук, внучка Косыгина, хранительница его архива;

Рыжков Николай Иванович, президент Российского союза товаропроизводителей (РСТ), депутат Госдумы, Председатель Совета Министров СССР (1985–1991).

А также:

Байбаков Николай Константинович, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР (1965–1985).

Баталин Юрий Петрович, президент Российского союза нефтегазостроителей, заместитель Председателя Совета Министров СССР (1985–1990);

Братченко Борис Федорович, министр угольной промышленности СССР (1965–1985);

Горжени Зденек, журналист (Чехия);

Гусев Владимир Кузьмич, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности, зам. Председателя Совета Министров СССР (1986–1991);

Дергачев Николай Андреевич, многолетний сотрудник Управления делами СМ СССР;

Казанец Иван Павлович, министр черной металлургии СССР (1965–1985);

Козловский Евгений Александрович, академик, вице-президент РАЕН, министр геологии СССР (1975–1989);

Колпаков Серафим Васильевич, министр черной металлургии СССР (1985–1989); министр металлургии СССР (1989–1991);

Колякин Александр Николаевич, руководитель Постоянного представительства Москвы в Санкт-Петербурге;

Куранов Петр Леонидович, многолетний сотрудник Управления делами СМ СССР;

Лукьянов Анатолий Иванович, депутат Государственной Думы, Председатель Верховного Совета СССР (1988–1991);

Медведев Владимир Нотович, журналист (Иркутск);

Мещерякова Галина Ивановна, зав. библиотекой редакции газеты «Трибуна»;

Нечипуренко Вячеслав Васильевич, журналист (Новосибирск);

Осипов Валентин Осипович, писатель;

Простяков Игорь Игнатьевич, первый заместитель полпреда Президента РФ в Сибирском федеральном округе, помощник А. Н.

Косыгина (1978–1980);

Патон Борис Евгеньевич, академик РАН, президент Национальной академии наук Украины;

Романов Виктор Евгеньевич, ректор Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна;

Томилина Наталья Георгиевна, директор Российского государственного архива новейшей истории;

Уваров Александр Тимофеевич, вице-президент РСТ;

Харченко Григорий Петрович, вице-президент РСТ;

Штроугал Лубомир, председатель правительства ЧССР (1969–1989);

Щадов Михаил Иванович, министр угольной промышленности СССР (1985–1991).

Благодарю за помощь сотрудников Государственного архива РФ, Российского государственного архива новейшей истории, отдела газет Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального исторического архива Москвы, филиала Центрального государственного архива Московской области, жилищного агентства Петроградского района Санкт-Петербурга.

Признателен всем, кто добрым словом, советом помогал мне в этой работе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Матрона Александровна и Николай Ильич Косыгины — родители Алексея Николаевича.

В этом доме на Петроградской стороне (улица Котовского, 1/3; раньше Малая Вульфова, 1/20) Косыгины снимали комнату с 1910 года. Николай Ильич отсюда уезжал в эвакуацию, сюда вернулся… *Фото 2003 г.*

Мамы уже нет.

Отец старался заменить ее Павлику, Марусе и Алеше (слева направо).

Алексей Косыгин, красноармеец 7-й армии. *Петроград, 1918 г.*

Клава Кривошеина. *Новосибирск. 1925 г.*

Алексей и Клава Косыгины. Первый совместный снимок. *Восточная Сибирь. Киренск, 1927 г.*

Молодые кооператоры Алексей Косыгин и Федор Новиков в командировке. На обороте снимка надпись: «Привет из Алтая. Дорогому отцу. Леша. 10.III.25 г.».

Поход с друзьями по берегам Лены. На переднем плане Алексей и Клава Косыгины. *Киренск, 1927 г.*

Алексей Косыгин — студент Ленинградского текстильного института. *1935 г.*

Клавдия Андреевна, Алексей Николаевич, их дочь Людмила (слева во втором ряду) в кругу родных. *Ленинград. 23 мая 1936 г.*

Трудовая книжка

Фамилия Косыгин

Имя Алексей

Отчество Николаевич

Год рождения 1904

Образование: начальное, среднее, высшее
(подчеркнуть)

Профессия инженер-технолог

Подпись владельца Трудовой книжки

Косыгин

Дата заполнения Трудовой книжки

25 января 1939 г.

Страничка трудовой книжки А. Н. Косыгина.

А. Н. КОСЫГИН — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВЕТА РК и КД

Так «Ленинградская правда» представила нового председателя Ленсовета. *1938 г.*

«Здравствуйте, товарищ нарком!»

Первый снимок в Москве.

Клавдия Андреевна и Алексей Николаевич с дочерью Людмилой. *1939 г.*

Этот снимок со своим автографом Уполномоченный ГКО в блокадном Ленинграде Косыгин подарил родному институту в 1942 году.

После вручения орденов участникам обороны Москвы. В центре в третьем ряду Косыгин и Калинин, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. *Кремль. Декабрь 1941 г.*

Ленинград. «Дорога жизни», 1942 год. В этой дороге — воля, труд и мужество тысяч ленинградцев. И — Алексея Николаевича Косыгина.

Косыгин не часто стоял рядом со Сталиным.

Дед и внучка после удачной рыбалки Архангельское, *1956 г.*

Отец и сын. Это их последний совместный снимок. *Архангельское, 1955 г.*

Алексей Николаевич и Клавдия Андреевна Косыгины в Риме. Вилла посольства СССР. *Май 1960 г.*

Людмила Алексеевна Гвишиани-Косыгина с детьми — Алексеем и Таней.

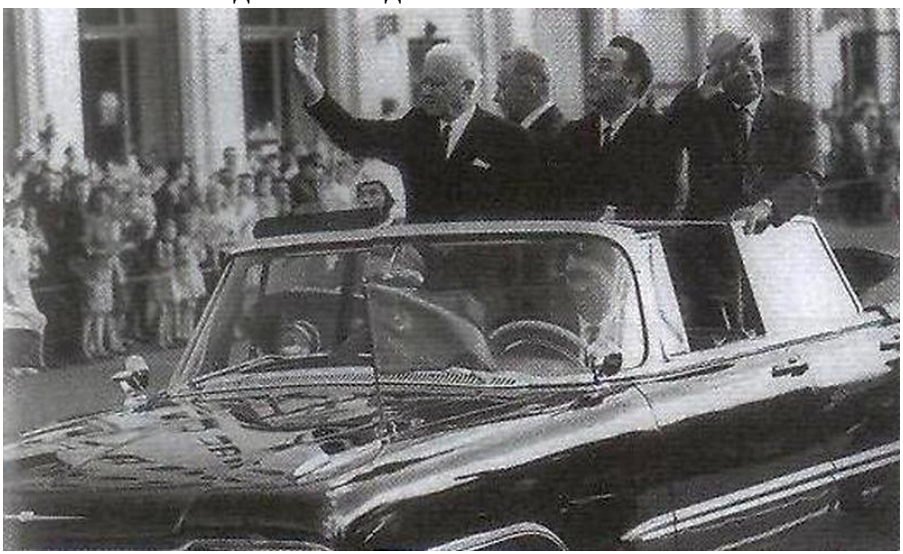
Только что Алексей Николаевич представил свою внучку Татьяну Гвишиани-Косыгину президенту Финляндии Урхо Кекконену.

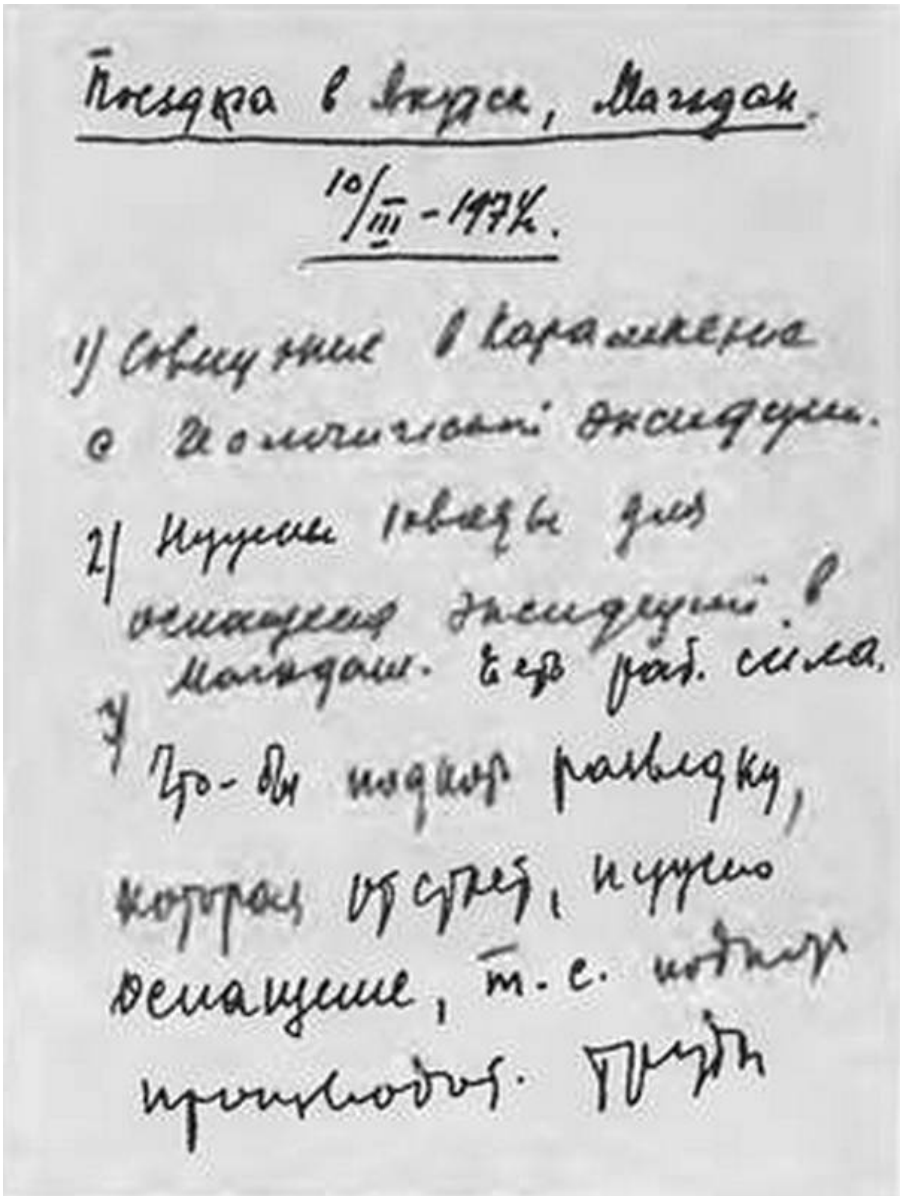
Алексей Николаевич и Татьяна в Югославии. *1973 г.*

Триумвират: Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Викторович Подгорный, Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин.

Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин на открытии юбилейной выставки Болгарии. Сзади Т. Живков и Н. В. Подгорный. *Москва. ВДНХ. 1969 г.*

В первые годы правящая тройка держалась вместе. Встречали космонавтов — *слева* Георгий Тимофеевич Береговой, государственных деятелей — *рядом* с Брежневым президент Чехословакии Людвиг Свобода.




Поездка в Якутск, Магадан.

10/III - 77г.

1) Совещание в Госкомцене с политическим докладом.

2) Нужно новость для освещения заседаний в Магадане. Его раб. стиль.

3) Что-бы подыскать разведку, которая бы сразу, нужно делающие, т.е. подыскать производство.

Страничка из записной книжки Косыгина. Все, что помечалось здесь, становилось реальностью, как это новое производство шин.

Председатель Совета Министров СССР бывал на заводах и шахтах не от случая к случаю. Этот снимок сделан на металлургическом комбинате в Череповце. Слева от Косыгина министр черной металлургии СССР Иван Павлович Казанец.

Косыгин подобрал великолепную команду управленцев.

Слева министр геологии СССР Евгений Александрович Козловский.

Председатель Совета Министров СССР интересовался всеми новинками производства. И своего родного текстильного, и других отраслей.

На снимке справа внизу министр электронной промышленности СССР А. И. Шокин.

Добро пожаловать в Финляндию.

Алексей Николаевич находил общий язык и с производственниками, и с государственными деятелями. Встречи в Канаде (*вверху*) и в Каире (*внизу*).

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин выступает в Вестминстерском дворце — парламенте Великобритании во время официального визита. Лондон. *1967 г.*

… но неофициальная программа ему больше по душе.
С Урхо Кекконеном на Кавказе и на рыбалке в Финляндии.

Трудный диалог с Чжоу Эньлаем в Пекине…

…и с президентом США Джонсоном в Гласборо.

«Мы комсомольцы!» — любил говорить на встречах с Косыгиным Урхо Кекконен.

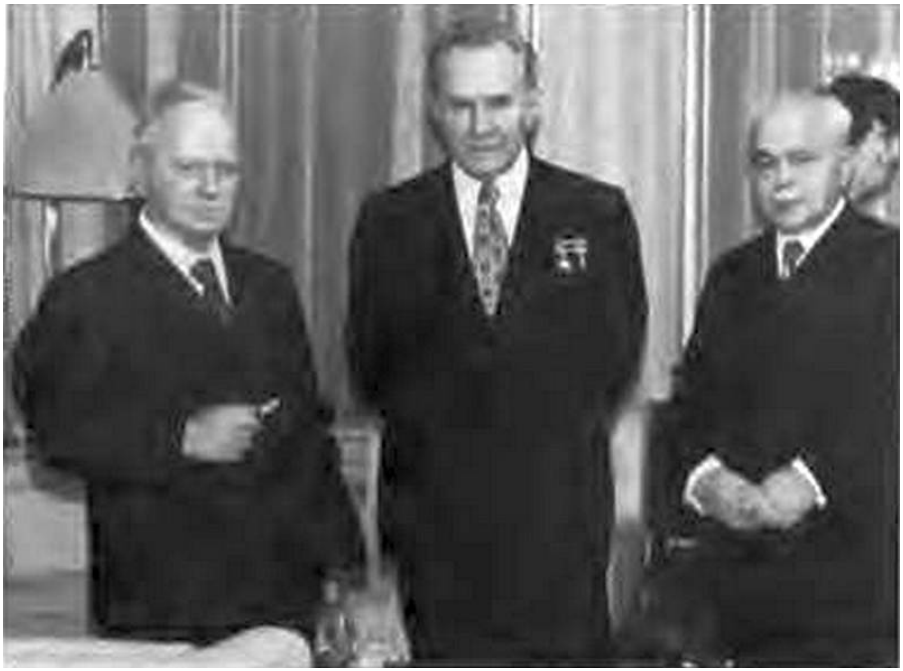
Председатели правительств социалистических стран перед заседанием Совета Экономической Взаимопомощи в Варшаве. *1978 г.*

Смотрите, кто идет за Косыгиным! Узнали Горбачева?

Косыгин и в отпуске не оставался один.

Любимая внучка выходит замуж.
Слева от Татьяны ее отец, Джермен Михайлович Гвишиани.

Когда Косыгин вышел из больницы, он пригласил к себе на обед телохранителей, спасших его из перевернувшейся байдарки.



«Они были родными по духу» — так написала Светлана Михайловна Шолохова о своем отце и Косыгине. Справа Федор Федорович Новиков, друг сибирской молодости Косыгина. *21 февраля 1974 г.*

Премьер внимательно прислушивался к ученым — *слева* от Косыгина академик Челомей.

В гостях у Мартироса Сарьяна.

— До свидания!

С Косыгиным страна прощалась не по разнарядке.